

БРЕНДОН САНДЕРСОН

СЛОВА СИЯНИЯ

АРХИВ БУРЕСВЕТА
+————— КНИГА 2 —————+

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Слова сияния

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Сандерсон Б.

Слова сияния / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-13562-8

Вопреки ожиданиям врагов Каладин Благословенный Бурей не умер рабом, но возглавил личную гвардию великого князя, и теперь на его плечах лежит обязанность защищать самого короля. Убийца в Белом вновь сеет смерть по всему Рошару, шаг за шагом приближаясь к главной цели – Далинару Холину. Шаллан Давар ставит перед собой самую амбициозную цель из всех возможных: предотвратить возвращение Приносящих пустоту, за которым должна последовать гибель всего мира. А в это время в сердце Расколотых равнин паршенди, уставшие от многолетней войны, делают роковой выбор и обращаются за помощью к той самой силе, от которой некогда бежали их предки. Выдержат ли герои новые испытания? Станут ли новыми Сияющими рыцарями? Над Рошаром сгущаются тени: до конца света осталось всего-навсего шестьдесят два дня.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-13562-8

© Сандерсон Б., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Пролог	8
Часть первая	18
1	19
2	34
3	45
4	51
5	60
6	76
7	85
8	90
9	96
10	103
11	106
12	115
Интерлюдии	124
И-1	125
И-2	132
И-3	138
И-4	153
Часть вторая	161
13	162
14	169
15	176
16	181
17	191
18	201
19	209
20	213
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Брендон Сандерсон

Слова сияния

Архив Буресвета

Книга 2

Brandon Sanderson
THE WORDS OF RADIANCE.
BOOK TWO OF THE STORMLIGHT ARCHIVE

Серия «Звезды новой фэнтези»

Copyright © 2014 by Dragonsteel Entertainment, LLC
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Н. Осояну, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

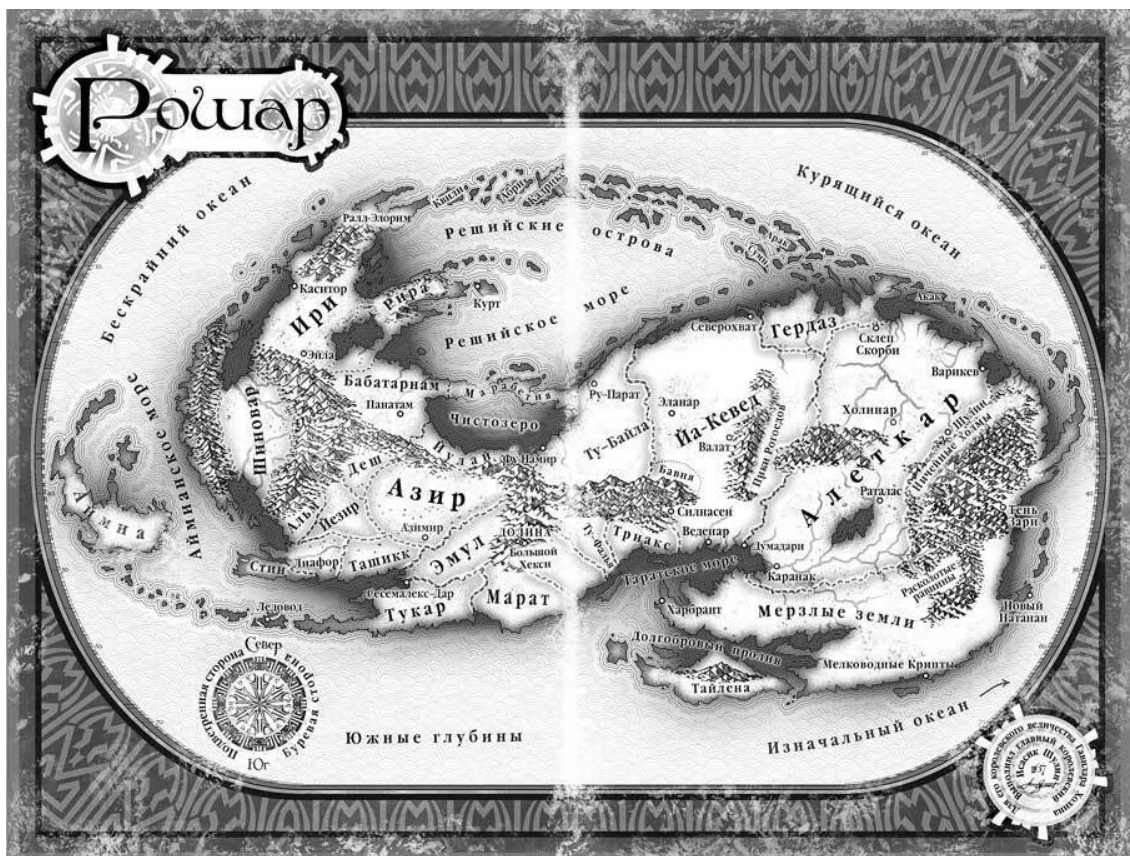
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Оливеру Сандерсону, который родился в середине работы над этой книгой и научился ходить к тому моменту, когда она была завершена

Пролог Задавать вопросы

Шесть лет назад

Ясна Холин притворялась, будто наслаждается празднеством, ничем не выказывая своего намерения подстроить убийство одного из гостей.

Она неспешно шла по переполненному пиршественному залу, наблюдая, как вино развязывает языки и туманит разум. Ее дядя Далинар совершенно опьянел и, поднявшись из-за главного стола, крикнул паршенди, чтобы те привели своих барабанщиков. Брат Ясны, Элокар, поспешил утихомирить дядю, но остальные алетички вежливо проигнорировали выходку Далинара. Только жена Элокара, Эсудан, спрятала неодобрительную усмешку за носовым платком.

Ясна отвернулась от главного стола и продолжила путь через зал. У нее была назначена встреча с убийцей, и она без сожалений покинет душную комнату, где ароматы разнообразных духов перемешались и превратились в вонь. На возвышении, по другую сторону от камина, в котором весело плясал огонь, четыре женщины играли на флейтах, однако их музыка уже давно всем наскучила.

На Ясну, в отличие от Далинара, откровенно пялились. Взгляды постоянно следовали за нею, точно мухи за тухлым мясом. Шепотки походили на жужжание крыльев. Если при дворе алетийского короля что-то и любили больше вина, то это сплетни. Все ожидали, что Далинар на пиру напьется и потеряет голову... но чтобы королевская дочь призналась в ереси? Такого еще не бывало.

Ясна заговорила о своих чувствах именно по этой причине.

Она прошла мимо делегации паршенди возле главного стола. Посланники о чем-то беседовали на своем ритмичном языке. Хотя пир устроили в их честь и ради договора, подписанного с отцом Ясны, паршенди не выглядели счастливыми или хотя бы веселыми. На их лицах читалась тревога. Разумеется, они не были людьми и иногда вели себя странно.

Ясна хотела с ними поговорить, но встреча не терпела отлагательств. Принцесса специально назначила ее на середину пира, поскольку к этому моменту большинство успевало

напиться и ни на что не обращало внимания. Ясна направилась к двери, а потом резко остановилась.

Ее тень падала не в ту сторону, куда должна была падать.

Душный зал, в котором люди неспешно бродили, предаваясь светской болтовне, как будто отдалился. Великий князь Садеас прошел напрямик через тень, которая довольно заметно указывала на сферную лампу на ближайшей стене. Садеас, увлеченный беседой со спутником, ничего не видел. Ясна уставилась на свою тень – кожа принцессы покрылась липким потом, желудок скрутило, как будто ее должно было вот-вот вырвать. «Опять?!» Она огляделась в поисках другого источника света. Причина. Сумеет ли она отыскать причину? Увы...

Тень расплылась, перетекла к ногам Ясны и вытянулась в противоположном направлении. Напряжение схлынуло. Неужели никто так ничего и не заметил?

Девушка окинула взглядом пиршественный зал и, к счастью, не увидела изумленно распахнутых глаз. Всеобщее внимание привлекали барабанщики-паршенди, которые с грохотом заносили свои инструменты, направляясь к отведенному месту. Ясна нахмурилась, заметив, что им помогает человек в просторных белых одеждах. Шинец? Это необычно.

Принцесса взяла себя в руки. Что же с ней происходит? Из прочитанных сказок она знала о суеверии, согласно которому своенравная тень отмечала проклятого человека. Обычно Ясна отвергала подобную чепуху, но кое-какие суеверия и впрямь основывались на фактах. Ее собственный опыт доказывал это. Надо будет продолжить изыскания.

Научные умозаключения казались лживыми по сравнению с истиной – ее холодной, липкой кожей и каплями пота, стекавшими по спине. Но ведь важно сохранять ясность мысли все время, а не только в периоды спокойствия. Принцесса, сделав над собой усилие, вышла из душевой комнаты и очутилась в тихом коридоре. Этим путем обычно пользовались слуги, поскольку он был самым коротким.

Здесь то и дело пробегали старшие слуги в черно-белых одеждах, выполнявшие поручения своих светлордов или светледи. Она была к этому готова, но никак не ожидала увидеть неподалеку своего отца, который о чем-то негромко беседовал со светлордом Меридасом Амарамом. Что король забыл в этом коридоре?

Гавилар Холин был ниже Амарамы, но тот в присутствии короля чуть-чуть ссутулился. Обычное дело рядом с Гавиларом, в чьем голосе звучала такая тихая мощь, что собеседнику хотелось податься ближе и слушать, ловя каждое слово или даже намек. Он был красивым мужчиной, в отличие от брата, и борода подчеркивала его волевою челюсть, а не скрывала. Ясне казалось, что никому из биографов еще не удалось передать свойственные ему обаяние и силу.

Позади Гавилара и Амарамы возвышался Тирим, капитан королевской гвардии. Он был в осколочном доспехе Гавилара; король в последнее время перестал его носить и предпочел доверить Тириму, который славился как один из величайших в мире мастеров дуэльного дела. Сам Гавилар облачился в роскошное одеяние классического стиля.

Ясна глянула в сторону пиршественного зала. Когда же ее отец оттуда ускользнул? «Ну что за неосмотрительность! – отругала она саму себя. – Надо было сначала проверить, на месте ли он, а потом уйти».

Гавилар положил Амараму руку на плечо и, вскинув палец, что-то сказал сурово и тихо, но Ясна не расслышала ни слова.

– Отец? – позвала она.

Король перевел взгляд на дочь:

– А, Ясна. Уходишь так рано?

– Не так уж и рано, – сказала Ясна, неспешно приближаясь. Она поняла, что Гавилар и Амарам выбрались из пиршественного зала, чтобы поговорить наедине. – Это утомительная часть праздника, когда разговоры становятся громче, но не разумнее, а все вокруг уже пьяны.

– Многие люди считают подобные вещи приятными.

– Многие люди, к сожалению, глупы.

Ее отец улыбнулся и негромко спросил:

– Наверное, тебе ужасно трудно жить рядом с нами, терпеть отсутствие сообразительности и наши простые мысли? Ясна, ты наделена блестящим умом, но одинока – верно?

Упрек попал в цель – принцесса покраснела. Даже ее мать, Навани, не сумела бы этого добиться.

– Возможно, в приятной компании, – продолжил Гавилар, – ты наслаждалась бы пирами. – Его взгляд скользнул к Амараму, которого король давно прочил в мужа дочери.

«Никогда!» Амарам посмотрел ей в глаза, что-то пробормотал Гавилару на прощание и поспешил дальше по коридору.

– Что ты ему поручил? – спросила Ясна. – Отец, что занимает твои мысли этой ночью?

– Договор, конечно.

Договор. Почему король так сильно из-за него переживал? Другие советовали ему пренебречь паршенди или завоевать их. Гавилар настоял на соглашении.

– Мне надо вернуться в зал. – Он махнул Тириму.

Вдвоем они направились по коридору к той двери, откуда вышла Ясна.

– Отец? – окликнула она. – Ты что-то от меня скрываешь?

Тот задержал на ней взгляд, о чем-то размышляя. Бледно-зеленые глаза, доказательство чистоты крови. Когда он сделался таким пронизательным? Вот же буря!.. Ясне вдруг показалось, что она совсем не знает этого человека. До чего потрясающее преобразование за столь короткое время.

Гавилар смотрел на дочь, словно не вполне ей доверял. Неужели он проведал о встрече с Лисс?

Так ничего и не сказав, король повернулся и вошел в пиршественный зал в сопровождении своего охранника.

«Да что творится в этом дворце?» – подумала Ясна и тяжело вздохнула. Придется продолжить осторожную разведку. Оставалось лишь надеяться, что король ничего не знает о ее встречах с убийцами, – впрочем, если окажется, что знает, она что-нибудь придумает. Отец обязательно поймет, что кто-то должен следить за делами семьи, пока он сам увлекается паршенди. Ясна повернулась и направилась своей дорогой мимо старшего слуги. Тот поклонился ей.

Через некоторое время принцесса заметила, что тень опять ведет себя необычно. Она раздраженно вздохнула, ощущая странную тягу к трем буресветным лампам на стенах. К счастью, принцесса миновала оживленные коридоры и рядом не было слуг, которые могли бы что-то увидеть.

– Ну все! – рявкнула она. – Хватит!

Ясна не собиралась говорить вслух. Однако стоило словам прозвучать, как на расположенном далеко впереди перекрестке зашевелились и ожили несколько теней. У нее перехватило дыхание. Тени удлиннились, потемнели – и превратились в фигуры, которые поднялись и стали расти.

«Буреотец! Я схожу с ума».

Одна из фигур обрела форму мужчины из полуночной тьмы – его тело поблескивало, словно сделанное из черного масла. Нет... из какой-то другой жидкости, на поверхности которой плавал слой масла, из-за чего существо и выглядело таким темным и блестящим.

Оно направилось напрямиком к Ясне, на ходу обнажив меч.

Действиями принцессы руководил разум, холодный и решительный. Если закричать, помощь не придет достаточно быстро, а пугающая гибкость этого существа намекала на скорость, которая превышала ее собственную.

Ясна не двинулась с места и решительно встретила взгляд твари, отчего та замешкалась. Позади из тьмы возникло еще несколько существ. Принцесса вот уже пару месяцев чувствовала на себе их взгляды.

К этому моменту весь коридор потемнел, словно опустился под воду и продолжал медленно погружаться в глубины, лишённые света. Ясна с колотящимся сердцем и участившимся дыханием уперлась рукой в гранитную стену возле себя в поисках чего-то твердого. Ее пальцы слегка погрузились в камень, как если бы стена обратилась в грязь.

Ох, буря! Ей надо было что-то сделать. Но что? Разве она могла что-то предпринять?!

Фигура перед ней бросила взгляд на стену. Ближайшая к Ясне лампа погасла. А потом...

Потом дворец рассыпался.

Все здание разбилось на тысячи тысяч маленьких стеклянных сфер, похожих на бусины. Ясна закричала, опрокидываясь спиной в темноту. Это уже не дворец; она куда-то переместилась – в другое место, другое время, другое... пространство.

Напоследок она разглядела зависшую над собой темную, блестящую фигуру, которая с удовлетворенным видом вложила меч в ножны.

Ясна упала в океан из стеклянных сфер. Бесчисленное множество таких же бусин со стуком сыпалось вокруг нее в странную «воду», точно град. Она никогда не видела этого места; не могла объяснить, что произошло и что все это значило. Принцесса билась, погружаясь в невозможные глубины. Вокруг ничего, кроме стеклянных бусин, не было, и она чувствовала, как тонет в этой клубящейся, удушливой, постукивающей массе.

Она умрет. Не закончив работу, не защитив семью!

Не отыскав ответы на вопросы.

«Нет!»

Ясна попыталась вынырнуть, во тьме бусины скользили по ее коже, забирались под одежду, проникали в нос. Бесполезно. В этом хаосе принцесса не могла плыть. Она подняла руку ко рту, попыталась создать карман воздуха, чтобы дышать, и сумела сделать неглубокий вдох. Но бусины забрались под ее ладонь, протиснулись между пальцами. Ясна тонула, хоть и медленнее, чем раньше, словно погружаясь в вязкую жидкость.

Каждая бусина, касаясь ее, вызвала смутный образ чего-то. Дверь. Стол. Туфля.

Бусины пробрались ей в рот. Они как будто двигались по своей воле. Они задушат ее, уничтожат. Нет... нет, их просто к ней влечет. Принцесса ощутила нечто – скорее чувство, нежели отчетливую мысль. Им что-то было от нее нужно.

Она сжала в руке одну бусину; та наводила на мысли о чашке. Ясна что-то... отдала ей? Окружающие бусины прижались друг к другу и соединились, словно камни, которые склеили известковым раствором. Спустя миг принцесса падала уже не между разрозненными бусинами, но сквозь их большие скопления, склеенные в форме...

Чашки.

Каждая бусина была узором, которым руководствовались остальные.

Ясна выпустила ту, что сжимала в руке, и узор из склеенных бусин рассыпался. Принцесса продолжала погружаться, отчаянно ища выход из положения, в то время как воздух заканчивался. Ей нужно было что-то полезное, какой-то способ выжить! В отчаянии она широко раскинула руки, пытаясь коснуться как можно большего числа бусин.

Серебряное блюдо.

Плащ.

Статуя.

Фонарь.

И что-то древнее.

Что-то громоздкое, неповоротливое, но при этом очень мощное. Сам дворец. Ясна вцепилась в эту сферу как безумная и передала ей свою силу. В голове помутилось, когда она отдала бусине все, что имела, а потом приказала подняться.

Бусины задвигались.

Они сталкивались друг с другом, звеня, треща и дребезжа, и все звуки слились в грохот, похожий на тот, с которым волна обрушивается на скалистый берег. Ясна начала подниматься из глубин, и под ней двигалось что-то твердое, покорное ее воле. Бусины секли ее по голове, плечам, рукам, пока она наконец не вырвалась на поверхность стеклянного моря, взметнув в темное небо тучу брызг.

Стоя на коленях на платформе из сцепленных между собой маленьких бусин, она отвела в сторону поднятую руку, в которой была зажата сфера-прообраз. Остальные бусины перекатывались вокруг нее, создавая коридор с лампами на стенах, с перекрестком впереди. Он выглядел не очень-то правильным, конечно, поскольку был целиком сделан из бусин. Но все оказалось вполне похожим и узнаваемым.

Ей не хватило сил сотворить весь дворец. Принцесса создала только этот коридор, и даже без крыши, – но зато с полом, который поддерживал и не давал утонуть. Со стоном Ясна выдавила изо рта бусины, и они со звоном посыпались на пол. Откашлявшись, она наконец-то вдохнула вожделенный воздух; по ее лицу тек пот, собираясь на подбородке.

На платформу перед девушкой ступил темный воин и снова обнажил меч.

Ясна подняла вторую руку с бусиной – статуей, которую ощутила раньше. Передала ей силу, и другие бусины начали собираться впереди, принимая форму одного из изваяний, что стояли у входа в пиршественный зал. Это был Таленелат’Элин, Вестник войны, высокий и мускулистый мужчина с большим осколочным клинком.

Статуя не была живой, но Ясна заставила ее двигаться, опустить меч. Она сомневалась, что изваяние сможет сражаться. Из круглых бусин невозможно создать острое лезвие. Но угроза привела темную фигуру в легкое замешательство.

Стиснув зубы, Ясна вынудила себя подняться, и бусины посыпались с ее платья. Она не будет стоять на коленях перед этой тварью, чем бы та ни была. Девушка шагнула к статуе из бусин и впервые заметила странные облака в небе. Они как будто образовывали узкую ленту дороги – прямой и длинной, ведущей к горизонту.

Она посмотрела черной поблескивающей фигуре в глаза. Та, помедлив самую малость, вскинула два пальца ко лбу и поклонилась, словно в знак уважения; за спиной темного воина взметнулся плащ. Остальные фигуры собрались позади и, переглянувшись, обменялись неразборчивыми фразами.

Строение из бусин растаяло, и Ясна снова оказалась в дворцовом коридоре. Настоящем, из прочного камня, только вокруг было темно – в настенных лампах иссяк буресвет. Лишь в отдалении что-то мерцало.

Ясна прислонилась к стене, тяжело дыша. «Мне, – подумала принцесса, – нужно все записать».

Это она и сделает, а потом все обдумает и осмыслит. Позже. Сейчас ей хотелось оказаться подальше отсюда. Принцесса поспешила прочь, не заботясь о направлении, пытаясь скрыться от глаз, которые по-прежнему наблюдали.

Не вышло.

В конце концов взяла себя в руки и платком вытерла пот с лица. «Шейдсмар, – подумала Ясна. – Вот как это место называется в сказках». Шейдсмар, мифическое царство спренов. Она раньше не верила в эти мифы. Несомненно, если как следует покопаться в хрониках, можно что-нибудь разыскать. Почти все, что происходило сейчас, уже случалось когда-то. Великий урок истории и...

Вот буря! Ее встреча.

Тихонько ругаясь, она ускорила шаг. Мысли о случившемся продолжали отвлекать, но ей нужно было успеть на встречу. И потому спустилась на два этажа, удаляясь от звуков, которые издавали барабаны паршенди, пока не перестала их слышать, не считая самых резких ударов.

Сложный рисунок этих мелодий всегда ее удивлял, намекая, что паршенди отнюдь не бескультурные дикари, какими их считали многие. С такого расстояния музыка тревожно напоминала о постукивании бусин из того темного места.

Она намеренно выбрала для встречи с Лисс удаленную часть дворца. В эти гостевые комнаты никто никогда не заходил. У нужной двери скучал незнакомый мужчина. Ясна вздохнула с облегчением. Это был, видимо, новый слуга Лисс, и его присутствие означало, что она не ушла, несмотря на опоздание принцессы. Взяв себя в руки, девушка кивнула стражу – верзиле-веденцу с красными прядями в бороде – и распахнула дверь в маленькую комнату.

Лисс поднялась из-за стола. Она была в платье горничной – с низким вырезом, разумеется, – и выглядела похожей на алети. Или на веденку. Или бавийку. Все зависело от того, с каким акцентом она желала говорить. Распушенные длинные темные волосы и фигура с привлекательными округлостями делали ее заметной во всех смыслах.

– Светлость, вы опоздали, – сказала Лисс.

Ясна не ответила. Она была нанимательницей, ей не нужно оправдываться. Принцесса положила кое-что на стол перед Лисс. Небольшой конверт, запечатанный воском зерновки.

И в задумчивости коснулась его двумя пальцами.

Нет. Это чересчур поспешно. Ясна не знала, понял ли отец, чем она занимается, но, даже если не понял, во дворце происходило слишком много всего. Она не хотела прибегать к убийству, пока не разберется во всем как следует.

К счастью, имелся запасной план. Ясна вытряхнула из потайного кошелька в рукаве второй конверт и положила вместо первого. Убрала пальцы, обошла стол и села.

Лисс тоже села, и конверт исчез в вырезе ее платья.

– Светлость, не подходящая ночь, – усмехнулась женщина, – чтобы оказаться замешанной в измене.

– Я нанимаю тебя всего лишь для разведки.

– Светлость, прошу прощения, но обычно убийц не нанимают для простой разведки.

– Инструкции в конверте, – сказала Ясна. – Вместе с первоначальной оплатой. Я выбрала тебя, потому что ты мастер долгих наблюдений. Это мне и нужно. На данный момент.

Лисс улыбнулась, но кивнула:

– Шпионить за женой наследника престола? Такое будет намного дороже. Уверены, что не хотите попросту с ней покончить?

Ясна вдруг поняла, что стучит пальцами по столу в ритме барабанов, играющих наверху. Музыка была удивительно сложной – в точности как сами паршенди.

«Происходит много непонятного, – подумала она. – Мне надо быть крайне осторожной».

– Я согласна с ценой, – ответила Ясна. – Через неделю устрою так, что одну из горничных моей невестки уволят. Ты попросишься на освободившееся место, предъявив фальшивые рекомендации, соорудить которые, не сомневаюсь, тебе по силам. Тебя наймут. После этого ты будешь наблюдать и докладывать. Я сообщу, если понадобятся другие твои услуги. Действуй только по моему приказу. Понятно?

– Любой каприз за ваши деньги, – сказала Лисс с легким бавским акцентом.

Акцент пробился лишь потому, что она этого пожелала. Лисс была самой искусной наемной убийцей из всех, о ком знала Ясна. Люди называли ее Плаксой, потому что она выдавливала глаза своим жертвам. Прозвище, хоть Лисс и не придумала его сама, пришлось весьма кстати, ведь ей приходилось кое-что скрывать. К примеру, никто не знал, что Плакса – женщина.

Говорили, Плакса выдавливает глаза, чтобы таким образом продемонстрировать безразличие к тому, светлоглазые или темноглазые становятся ее жертвами. На самом деле это было

связано со вторым секретом: Лисс не хотела, чтобы кто-то узнал, что ее способ убивать оставляет трупы с выжженными глазницами.

– Что ж, это, видимо, все. – Лисс встала.

Ясна рассеянно кивнула, мыслями вновь обратившись к странному происшествию со спренами, приключившемуся ранее. Эта блестящая кожа, эти разноцветные переливы на черной как смоль поверхности...

Она вынудила себя отвлечься от воспоминаний. Надо было сосредоточиться на текущем моменте. На Лисс.

Та ненадолго замерла у двери, прежде чем уйти.

– Светлость, знаете, почему вы мне нравитесь?

– Подозреваю, это как-то связано с моими карманами и их общеизвестной глубиной.

Лисс улыбнулась:

– Врать не стану – не без этого, но еще вы отличаетесь от других светлоглазых. Нанимая меня, они все время воротят нос. Жаждают воспользоваться моими услугами, но сыпят колкостями и заламывают руки, как будто их кто-то вынуждает заниматься весьма неприятным делом.

– Лисс, убийство по найму и впрямь неприятное дело. Как и мытье ночных горшков. Я могу уважать тех, кто занят подобной работой, не испытывая восторга по поводу работы как таковой.

Лисс ухмыльнулась и приоткрыла дверь.

– Твой новый слуга в коридоре, – заметила Ясна. – Разве ты не говорила, что хочешь им похвастать?

– Талак? – спросила Лисс, глянув на веденца. – А-а, вы про того, другого. Нет, светлость, я продала его работорговцу несколько недель назад. – Лисс скривилась.

– Правда? Мне показалось, ты назвала его лучшим слугой из всех, что у тебя когда-либо были.

– Он был слишком хорошим слугой. В этом-то все и дело. Буря бы побрала этого странного шинца, у меня от него мороз по коже. – Лисс заметно вздрогнула и выскользнула в коридор.

– Помни о нашем первом уговоре, – бросила Ясна ей вслед.

– Светлость, он все время вертится у меня в голове, – отозвалась Лисс и закрыла дверь.

Ясна устроилась поудобнее, сплела пальцы. Их «первый уговор» заключался в том, что если кто-нибудь заявится к Лисс и предложит контракт на одного из членов королевской семьи, то Лисс сможет получить такую же сумму за имя заказчика от принцессы.

Лисс сдержит слово. Скорее всего. Как и дюжина других убийц, с которыми у Ясны были связи. Постоянный клиент выгоднее одноразового контракта, и в интересах такой женщины, как Лисс, иметь знакомую среди власть имущих. Семья Ясны в безопасности от охотников на людей. Если, конечно, принцесса сама не наймет убийц.

Девушка тяжело вздохнула и встала, словно пытаясь стряхнуть со своих плеч тяжкий груз.

«Погоди-ка. Лисс говорила, ее старый слуга был шинцем?»

Скорее всего, совпадение. Шинцы были редкостью на востоке, но время от времени встречались. И все-таки то, что Лисс упомянула о шинце, а Ясна увидела одного среди паршенди... Пожалуй, вреда от проверки не будет, даже если придется вернуться на пир. Этой ночью что-то пошло не так, и дело было не только в ее тени и спренах.

Ясна покинула маленькую комнату в недрах дворца и, выйдя в коридор, направилась к лестнице. Барабаны наверху умолкли с внезапностью лопнувшей струны. Не рановато ли для завершения праздника? Неужто Далинар что-нибудь учудил и обидел гостей? Ох уж этот дядюшка со своей любовью к вину...

Впрочем, паршенди не обращали внимания на его оскорбления в прошлом и, скорее всего, не обратят и сейчас. По правде говоря, Ясна радовалась тому, что ее отец внезапно захотел заключить этот договор. Ведь теперь она сможет в свое удовольствие изучать традиции и историю паршенди.

«А вдруг, – подумала она, – ученые все эти годы исследовали не те руины?»

Сверху послышался чей-то разговор.

– Меня беспокоит Аша.

– Ты вечно беспокоишься.

Ясна остановилась посреди коридора.

– С ней все стало хуже, – продолжил первый голос. – Мы такого не ожидали. А со мной все тоже стало хуже? Чувствую себя так, словно стало.

– Заткнись.

– Мне это не нравится. Мы поступили неправильно. У этой твари клинок моего господина! Не стоило позволять ему оставить оружие. Он...

Впереди двое миновали перекресток. Это оказались послы с Запада, включая азирица с белым родимым пятном на щеке. Или это был шрам? Тот, что пониже ростом, – возможно, алетти – осекся, увидев Ясну. Что-то пискнул и поспешил прочь.

Азирец в черной с серебром одежде замер, окинул ее взглядом с головы до ног. Нахмурился.

– Празднество уже закончилось? – спросила Ясна, не приближаясь.

Ее брат пригласил этих двоих на пир вместе с остальными иностранцами, занимающими в Холинаре важные посты.

– Да, – сказал мужчина.

От его взгляда принцессе стало неудобно. И все-таки она двинулась вперед. «Надо еще раз проверить эту парочку», – промелькнула настороженная мысль. Ясна уже изучила их прошлое, разумеется, и не обнаружила ничего примечательного. Не об осколочном ли клинке шла речь?

– Идем же! – потребовал, вернувшись, низкорослый мужчина и схватил высокого товарища за руку.

Тот позволил себя увести. Ясна подошла к пересечению коридоров и проследила взглядом за тем, как они удалялись.

Там, где недавно звучали барабаны, внезапно раздались крики.

«О нет!..»

Ясна встревоженно повернулась, подхватила юбку и побежала со всех ног.

В ее голове пронеслась дюжина вероятных катастроф. Что же еще могло случиться в эту неправильную ночь, когда тени ожили, а отец взглянул на нее с подозрением? Дрожа от волнения, она достигла лестницы и пошла наверх.

Ей потребовалось слишком много времени. Еще на ступеньках она слышала крики, а потом перед нею распростерся хаос. По одну сторону лежали трупы, по другую – развалины стены. Как же такое...

Следы разрушения вели в покои ее отца.

Весь дворец содрогнулся, и с той же стороны раздался треск.

«Нет, нет, нет!»

На бегу она замечала на каменных стенах шрамы от ударов осколочным клинком.

«Умоляю!»

Мертвецы с выжженными глазами. Трупы повсюду, словно обглоданные кости на обеденном столе.

«Только не это!»

Сломанный дверной проем. Покои ее отца. Ясна замерла в коридоре, еле дыша.

«Держи себя в руках...»

Она не могла. Не сейчас. Принцесса метнулась в комнату как безумная, хотя осколочник легко бы с ней расправился. Ее мысли путались. Надо было позвать кого-то на помощь. Далинара? Он напился. Значит, Садеаса.

Комната выглядела так, словно по ней прошла великая буря. Мебель разбита, всюду щепки. Балконные двери выбиты. Кто-то ринулся к ним – человек в осколочном доспехе ее отца. Тирим, телохранитель?

Нет. Шлем был разбит. Это не Тирим, но сам Гавилар. На балконе раздался крик.

– Отец! – воскликнула Ясна.

Король замешкался, бросил на нее быстрый взгляд и прыгнул на балкон.

Тот обрушился.

Ясна завопила, кинулась через всю комнату к балконному проему и рухнула на колени на краю. Ветер трепал пряди, выбившиеся из прически, а она смотрела, как падают двое мужчин.

Ее отец и шинец в белом, что был на пиру.

Шинец излучал белый свет. Он отлетел... к стене. Ударился, перекатился, потом замер. Встал, каким-то образом держась на внешней стене дворца, перпендикулярно ей и не падая. Это противоречило здравому смыслу.

Повернувшись, он побрел к ее отцу.

Ясна, холодея от беспомощности, смотрела на то, как убийца подошел к королю и присел рядом с ним.

Слезы капали с ее подбородка, и ветер уносил их. Что шинец делал там, внизу? Она не могла разглядеть.

Убийца ушел, оставив тело ее отца, пронзенное куском дерева. Гавилар был мертв – и осколочный клинок появился рядом с ним, как происходило всякий раз, когда умирал осколочник.

– Я так старалась... – оцепенев, прошептала Ясна. – Я столько сделала, чтобы защитить семью...

Как? Лисс. Это все Лисс!

Нет. Мысли путались. Этот шинец... Будь Лисс причастна, она бы не призналась, что он ей принадлежал. Наемница его продала.

– Мы сожалеем о твоей потере.

Ясна повернулась, смагивая слезы с глаз. Трое паршенди, включая Клейда, стояли в дверном проеме, одетые в свои необычные наряды. Аккуратно сшитые накидки, одинаковые для мужчин и женщин, подпоясанные кушаками просторные рубашки без рукавов. Свободные жилеты, открытые по бокам, сотканые из ниток ярких цветов. Ясна считала, что существовало разделение по кастам, и...

«Прекрати, – велела она себе. – Прекрати думать как ученая хоть на день, буря бы тебя побрала!»

– Мы принимаем на себя ответственность за его смерть, – добавила паршенди, возглавлявшая группу.

Гангна была женщиной, хотя у паршенди различия между полами минимальны. Одежда скрывала груди и бедра, и ни те ни другие не были явно выраженными. К счастью, отсутствие бороды – прямое указание на пол. Все мужчины-паршенди, которых ей доводилось видеть, носили бороды, и в них вплетались кусочки самосветов, и...

«ПРЕКРАТИ».

– Что ты сказала? – спросила Ясна, вынудив себя встать. – Гангна, почему вы считаете себя виновными?

– Потому что мы наняли убийцу, – пояснила женщина-паршенди своим певучим голосом с сильным акцентом. – Ясна Холин, мы убили твоего отца.

– Вы...

Внутри у Ясны все замерзло, как замерзает река в горах. Она перевела взгляд с Гангны на Клейда и Варнали. Старейшины, все трое. Члены правящего совета паршенди.

– Почему? – прошептала принцесса.

– Потому что это нужно было сделать, – ответила Гангна.

– Почему?! – повторила Ясна, шагнув вперед. – Он сражался за вас! Он уберет вас от хищников! Мой отец желал мира, вы, чудовища! Почему вы предали нас именно сейчас?

Гангна поджала губы. Мелодия ее голоса изменилась. Она казалась чуть ли не матерью, которая объясняет малышу что-то весьма сложное.

– Твой отец собирался сделать очень опасную вещь.

– Пошлите за светлордом Далинаром! – раздалось в коридоре снаружи. – Клянусь бурей! Мои приказы дошли до Элокара? Наследника престола необходимо отвести в безопасное место! – Великий князь Садеас ворвался в комнату вместе с отрядом солдат. Его щекастое лицо покраснело и покрылось потом; он был в королевском наряде Гавилара. – Что тут делают дикари? Вот буря! Защищайте принцессу Ясну. Тот, кто это совершил... он же из их свиты!

Солдаты двинулись вперед, окружая паршенди. Ясна, не обращая ни на кого внимания, повернулась и подошла к сломанной балконной двери. Держась рукой за стену, посмотрела на распростертого на камнях отца, рядом с которым лежал клинок.

– Будет война, – прошептала она. – И я не стану ей мешать.

– Мы понимаем, – откликнулась Гангна.

– Убийца, – произнесла Ясна. – Он ходил по стенам.

Гангна промолчала.

Мир Ясны разваливался на части, но принцесса ухватилась за этот факт. Она кое-что видела этой ночью. То, чего не могло быть. Было ли оно связано со странными спренами? С ее приключением в мире стеклянных бусин и темного неба?

Эти вопросы стали для нее спасительной соломинкой. Садеас требовал у вождей паршенди ответов. Ничего не вышло. Приблизившись к ней и увидев внизу обломки и тело, он понесся со всех ног к лестнице, на ходу призывая своих гвардейцев и направляясь к поверженному королю.

Много часов спустя выяснилось, что во время убийства и признания вины тремя вождями паршенди, большая часть дикарей исчезла. Они быстро покинули город и расправились с кавалерией Далинара, посланной вдогонку. Сотня лошадей, каждая почти бесценна, была утрачена вместе с седоками.

Вожди паршенди больше ничего не сказали и не объяснили, даже когда их повели на виселицу.

Ясну это не волновало. Она допрашивала выживших солдат, допытываясь, что они видели. Принцесса проверяла версии относительно сущности теперь уже знаменитого убийцы, вытаскивая сведения из Лисс. Ей мало что удалось добыть. Лисс владела им совсем недолго и заявляла, что не знала о его странных способностях. Разыскать предыдущего хозяина так и не смогла.

Потом она взялась за книги. Взялась с отчаянием, неистово, желая отвлечься от мыслей о своей потере.

Той ночью Ясна видела невозможное.

Она обязательно узнает, что это значило.

Часть первая

Сполохи

Шаллан * Каладин * Далинар

1 Сантид

Если говорить со всей откровенностью, случившееся в последние два месяца лежит на моей совести. Смерть, разрушения, утраты и боль – моя ноша. Я должна была это предвидеть. И я должна была это остановить. Из личного дневника Навани Холин, йесесес, 1174

Шаллан, сжимая в пальцах тонкий угольный карандаш, нарисовала несколько прямых линий, расходящихся от сферы на горизонте. Эта сфера не очень-то походила на солнце, но одной из лун также не была. Облака, набросанные угольными штрихами, как будто стремились к ней. А море под ними... Рисунок не мог передать странную природу того океана, не из воды, но из полупрозрачных стеклянных бусинок.

Вспоминая о том месте, девушка содрогнулась. Ясна знала о нем куда больше, чем говорила ученице, и Шаллан не могла придумать нужные вопросы. Да и после совершенного ею предательства разве имела она право требовать честных ответов? Прошло всего несколько дней, и она все еще не совсем понимала, как будут развиваться их с принцессой отношения.

Корабль изменил курс, и палуба качнулась, а над головой затрепетали огромные паруса. Шаллан пришлось схватиться защищенной рукой за поручень, чтобы не упасть. Капитан Тозбек сказал, что пока море довольно спокойное для этой части Долгобрового пролива. Однако ей придется уйти вниз, если качка усилится.

Судно выровнялось, и Шаллан, выдохнув, попыталась расслабиться. Дул прохладный ветер, и мимо на невидимых потоках воздуха проносились спрены. Каждый раз, когда море начинало волноваться, Шаллан вспоминала тот день и тот чуждый океан из стеклянных бусин...

Она снова посмотрела на свой рисунок. Ей удалось лишь мельком увидеть то место, и набросок был несовершенен. Он...

Девушка нахмурилась. На листе проступил выпуклый узор, похожий на тиснение. Что она натворила? Узор был почти такой же ширины, как страница и представлял собой последовательность сложных линий, пересекавшихся под острыми углами и образовывавших повторяющиеся фигуры в виде клиньев. Это результат попытки нарисовать таинственное место,

названное принцессой Шейдсмар? Шаллан нерешительно протянула свободную руку, чтобы потрогать странные выступы на бумаге.

Узор задвигался, скользнул по странице, как щенок рубигончей под простыней.

Шаллан взвизгнула и вскочила, уронив альбом на палубу. Страницы рассыпались, затрепетали и разлетелись, подхваченные ветром. Оказавшиеся поблизости моряки – тайленцы с длинными белыми бровями, которые они заправляли за уши, – бросились на помощь, хватая листы в воздухе, чтобы их не сдуло за борт.

– Все в порядке, юная госпожа? – спросил Тозбек, отвлекшись от разговора с одним из своих помощников.

Низкорослый полноватый капитан носил красно-золотую куртку, перехваченную широким кушаком, и завершала костюм шляпа. Его брови были зачесаны наверх и туго натянуты, точно два веера над глазами.

– Капитан, со мной все хорошо, – сказала Шаллан. – Просто испугалась.

Ялб шагнул к ней, протягивая рисунки.

– Ваши атрибуты, моя госпожа. – Он сделал ударение на «и».

Шаллан вскинула бровь.

– Мои... атрибуты?

– Именно, – ответил моряк с ухмылкой. – Заучиваю причудливые словечки. Они помогают парням обзаводиться сносными спутницами. Ну, знаете – такими молодыми дамами, которые не слишком уж плохо пахнут и сохранили хоть парочку зубов.

– Как мило, – сказала Шаллан, забирая листы. – Впрочем, конечно, все зависит от того, что ты считаешь милым.

Она хотела добавить еще что-нибудь остроумное, но вместо этого с подозрением уставилась на пачку рисунков в своих руках. набросок Шейдсмара оказался сверху, однако на нем больше не было странного выпуклого узора.

– Что случилось? – спросил Ялб. – Кремлец выполз из-под скамьи или как?

Он был одет, как обычно, в жилет без пуговиц и просторные штаны.

– Все в порядке, – тихонько ответила Шаллан, засовывая листы в сумку.

Ялб коротко отсалютовал ей – она понятия не имела, с чего вдруг он завел такую привычку, – и вернулся к другим матросам, занятым такелажными работами. Скоро девушка услышала взрывы смеха с той стороны и, глянув на Ялба, увидела вокруг его головы танцующих спренов славы – они приняли вид небольших светящихся сфер. Он явно гордился тем, что сумел подшутить над ней.

Шаллан улыбнулась. До чего удачно вышло, что Тозбек задержался в Харбранте. Ей нравилась его команда, и она была счастлива, что Ясна выбрала «Усладу ветра» для путешествия. Девушка снова села на ящик, привязанный по приказу капитана Тозбека возле борта, чтобы она могла любоваться морем во время путешествия. Приходилось остерегаться брызг, которые не шли во благо ее рисункам, но, если волнение на море ослабевало, возможность смотреть на волны стоила неудобств.

Вахтенный на вантах что-то прокричал. Шаллан прищурилась, глядя в ту сторону, куда он указывал. Они шли в виду далекого берега, параллельно ему. Прошлой ночью им даже пришлось зайти в порт, чтобы укрыться от налетевшей великой бури. Моряки всегда старались держаться поближе к портам – дерзко удаляться в открытое море, когда в любой момент может начаться великая буря, равносильно самоубийству.

Пятно тьмы на северном горизонте – Мерзлые земли. Это по большей части необитаемая полоса вдоль края материка. Время от времени ей удавалось разглядеть на юге еще более высокие скалы. Там располагалась Тайлена, великое островное королевство. Пролив проходил между Тайленой и материковым Рошаром.

Впередсмотрящий заметил на севере, неподалеку от корабля, покачивающийся на волнах объект, похожий на большое бревно. Нет – намного больше и шире. Шаллан поднялась и, прищурившись, стала наблюдать за тем, как штуковина приближалась. Оказалось, это куполообразный коричнево-зеленый панцирь размером примерно как три гребные шлюпки, связанные вместе. Когда они сблизилась, панцирь поравнялся с кораблем и каким-то образом последовал за ним, возвышаясь над водой футов на шесть-восемь.

Сантид! Шаллан перегнулась через борт и посмотрела вниз, в то время как моряки возбужденно переговаривались. Несколько присоединились к ней, вытягивая шеи в попытках разглядеть существо. Сантиды сторонились людей до такой степени, что в некоторых книгах утверждалось, будто они вовсе вымерли и всем современным сообщениям о них нельзя верить.

– Вы и впрямь приносите удачу, юная госпожа! – сказал Ялб, проходя мимо нее с веревкой. – Мы сантидов не видали уже несколько лет.

– Вы и сейчас его не видите, – бросила Шаллан. – Только верхнюю часть его панциря.

К ее разочарованию, вода скрывала все остальное, не считая смутных очертаний в глубине, которые могли оказаться длинными конечностями, тянущимися вниз. Если верить молве, эти существа иной раз следовали за кораблями на протяжении многих дней, выжидая в открытом море, пока судно выйдет из порта, чтобы снова к нему присоединиться.

– Как раз панцирь обычно и видно, – сказал Ялб. – Клянусь Стремлениями, это добрый знак!

Шаллан схватила сумку. Сняла Образ животного рядом с кораблем – закрыла глаза, запечатлела увиденное в памяти, – чтобы потом с точностью воспроизвести его на бумаге.

«Но что же я нарисую? – вдруг подумала она. – Холмик посреди волн?»

У нее зародилась идея, и веденка, повернувшись к Ялбу, заговорила, опережая собственные мысли:

– Дай мне эту веревку.

– Светлость? – переспросил он, замерев на месте.

– Завяжи на одном конце петлю, – объяснила Шаллан, бросая сумку на скамью. – Мне нужно поглядеть на сантида. Я никогда раньше не опускала голову под воду, в океан. Из-за соли будет трудно видеть?

– Под водой? – От волнения голос Ялба превратился в писк.

– Ты не завязываешь веревку.

– Потому что я не дурак, буря бы меня побрала! Капитан мне башку оторвет, если...

– Позови кого-нибудь, – распорядилась Шаллан, не обращая на него внимания и беря веревку, чтобы самой завязать на ее конце небольшую петлю. – Вы опустите меня за борт, и я погляжу на то, что под панцирем. Ты хоть понимаешь, что еще никому не удалось нарисовать живого сантида? Те, которых волнами выносило на берег, были уже сильно разложившимися. И поскольку моряки считают, что охота на этих животных приносит несчастье...

– Так и есть! – воскликнул Ялб, и его голос сделался еще выше. – Никто не посмеет убить такого зверя.

Шаллан закончила петлю и бросилась к борту; рыжие волосы взметнулись вокруг ее лица, когда она перегнулась через ограждение. Сантид был по-прежнему там. Как же он поспевал за кораблем? Она не разглядела ни одного плавника.

Веденка оглянулась на Ялба, который держал веревку и ухмылялся.

– Ох, светлость! Это расплата за то, что я сказал про вашу задницу Безнку? Я же просто пошутил, но вы меня уделали на славу! Я... – Он встретился с нею взглядом и замолчал. – Вот ведь буря! Вы это всерьез?

– Другой такой возможности у меня не будет. Наладан преследовала этих существ почти всю жизнь, но так и не смогла хорошенько разглядеть.

– Это безумие!

– Нет, это наука! Не знаю, что я разгляжу сквозь воду, но должна попытаться.

Ялб вздохнул:

– У нас есть маски. Они из черепашьего панциря – спереди дырки, в которые вставлены стекла, а вдоль краев прослойка, которая не дает воде просачиваться внутрь. Можно надеть одну и опустить голову в воду. Мы их используем, чтобы осматривать корпус в доке.

– Чудесно!

– Конечно, мне придется пойти к капитану, чтобы он разрешил взять одну...

Она скрестила руки на груди:

– Какой ты коварный. Ну хорошо, займись этим.

Ей бы все равно не удалось все устроить так, чтобы капитан ни о чем не узнал.

Ялб ухмыльнулся:

– Что с вами случилось в Харбранте? Во время первого путешествия с нами вы были такой робкой и едва не падали в обморок при мысли о том, что уплываете из родных краев!

Шаллан не нашлась с ответом, а потом поняла, что краснеет.

– Это безрассудный поступок, верно?

– Свеситься с корабля, который движется, и сунуть голову под воду? – уточнил Ялб. –

Ну да, есть немножко.

– Как по-твоему, нельзя ли... остановить корабль?

Ялб рассмеялся, но потрусил к капитану, приняв ее вопрос за знак того, что она по-прежнему настроена воплотить свою идею в жизнь. Так оно и было на самом деле.

«И действительно, что со мной случилось?» – спросила себя Шаллан.

Но ответ был простым. Она все потеряла. Обокрала Ясну Холин, одну из самых могущественных женщин мира, – и не только утратила шанс продолжить учебу, о которой всегда мечтала, но также обрекла братьев и свой Дом. Она потерпела сокрушительное поражение по всем фронтам.

И справилась с этим.

Ей не удалось сохранить достоинство. Доверие Ясны к ней подорвано, и она чувствовала, что почти бросила семью. Шаллан украла духозаклинатель принцессы – он все равно оказался подделкой, – а потом едва не погибла от рук человека, который, как ей думалось, влюблен в нее...

По крайней мере, она стала гораздо лучше понимать, как плохо все может обернуться. Как будто... раньше боялась темноты, а затем вошла в нее, встретилась с некоторыми ужасами, которые там обитали. И теперь девушка хотя бы знала, насколько они кошмарны.

«Ты всегда знала, – прошептал голос где-то глубоко внутри нее. – Ты выросла бок о бок с ужасами, Шаллан. Ты просто не разрешаешь себе вспоминать о них».

– В чем дело? – спросил Тозбек, приближаясь.

Капитана сопровождала жена, Эшлв. Миниатюрная женщина была неразговорчива; она носила юбку и блузу ярко-желтого цвета, шаль прикрывала ее волосы, не считая белых завитых бровей, которые ниспадали вдоль щек.

– Юная госпожа, – проговорил Тозбек, – вы желаете поплавать? Может, лучше подождать, пока мы зайдем в порт? Я знаю несколько милых местечек, где вода совсем не такая холодная.

– Я не собираюсь плавать, – сказала Шаллан и покраснела еще сильнее. Что она могла бы надеть, собравшись поплавать, когда вокруг мужчины? Неужели кто-то и впрямь так делал? – Я хочу рассмотреть нашего спутника получше. – Она взмахом руки указала на морское существо.

– Юная госпожа, вы же понимаете, что я не могу позволить нечто столь опасное. Даже если мы остановимся – вдруг тварь вас поранит?

– Их считают безобидными.

– Как мы можем быть в этом уверены, раз они такие редкие? Кроме того, в этих морях водятся другие животные, которые могут причинить вам вред. Красноводники тут точно охотятся, и, вероятно, глубина не слишком большая, чтобы побеспокоиться из-за хорнаков. – Тозбек покачал головой. – Простите, я просто не могу такое разрешить.

Шаллан прикусила губу и почувствовала, как ее сердцебиение предательски ускорилося. Она хотела надавить, но от решительности в его взгляде это желание увяло.

– Ну ладно.

Тозбек широко улыбнулся.

– Я поведу вас поглядеть на панцири, когда мы пришвартуемся в Амидлатне, юная госпожа. У них огромная коллекция!

Она не знала, где расположен этот порт, но, судя по нагромождению согласных, речь шла о тайленском берегу. Большинство далеких южных городов находились именно там. Хотя в Тайлене почти так же холодно, как в Мерзлых землях, местным, похоже, это не причиняло никаких неудобств.

Разумеется, все тайленцы слегка чокнутые. Чем же еще объяснить то, что Ялб и прочие щеголяют без рубашек, хотя вокруг весьма прохладно?

«Не им пришлось в голову окунуться в океан...» – напомнила себе Шаллан. Она снова бросила взгляд за борт – туда, где волны разбивались о панцирь спокойного сантида. Что же он такое? Большепанцирник, как грозные ущельные демоны Расколотых равнин? Может, он больше похож на рыбу или черепаху? Сантиды были такими редкими, а увидеть их воочию ученым удавалось так нечасто, что все теории противоречили друг другу.

Вздыхнув, она открыла сумку и принялась раскладывать бумаги, которые в большинстве своем были набросками моряков в разных позах, – мужчины трудились, поворачивая вздымавшиеся над головой массивные паруса, лавируя против ветра. Отец ни за что бы не позволил ей целый день сидеть и наблюдать за бандой полураздетых темноглазых. Как же сильно изменилась ее жизнь за столь короткое время...

Она трудилась над наброском панциря сантида, когда на палубу вышла Ясна.

Как и Шаллан, принцесса носила хаву – воринское платье особого покроя. Подол доходил до пола, а воротник – почти до подбородка. Некоторые тайленцы, думая, что она не слышит, называли такую одежду ханжеской. Шаллан была с этим не согласна; хава выглядела не ханжески, а элегантно. Ведь шелк облегал тело, особенно бюст – и то, как моряки пялились на Ясну, доказывало, что они не считают, будто платье ей не идет.

Принцесса и впрямь хорошенькая. С роскошной фигурой, смуглая. Безукоризненные брови, ярко-красная помада на губах, волосы заплетены в изящную косу и забраны наверх. Хотя Ясна была в два раза старше Шаллан, ее зрелая красота заслуживала восхищения и даже зависти. Ну почему эта женщина выглядит такой безупречной?

Наставница не обратила внимания на взгляды моряков. Дело было не в том, что она не замечала мужчин. Ясна замечала все и всех. Просто ее никоим образом не заботило то, как ее воспринимают представители противоположного пола.

«Нет, не так, – возразила сама себе Шаллан, пока Ясна шла в ее сторону. – Она бы не тратила время на прическу и макияж, если бы ей было все равно, что о ней думают». В этом отношении Ясна оставалась загадкой. С одной стороны, она производила впечатление ученой, которую заботили только собственные изыскания. С другой – время от времени использовала отточенные манеры и умение вести себя с королевским достоинством вместо дубины.

– Вот ты где, – заговорила Ясна, подходя к Шаллан. За бортом взметнулась волна, будто умышленно подгадав момент, и обдала принцессу веером брызг. Женщина, нахмурившись, взглянула на капли воды, осевшие на шелковом платье, а потом снова посмотрела на Шаллан и вскинула бровь. – Полагаю, ты заметила, что на этом корабле есть две весьма приличные каюты, которые я арендовала для нас, заплатив немалые деньги.

- Да, но они внутри.
- С комнатами такое бывает.
- Я почти всю жизнь провела в помещении.
- Если хочешь быть ученой, придется и впредь проводить большую часть своего времени

так.

Шаллан прикусила губу в ожидании приказа идти вниз. Странное дело, но его не последовало. Ясна взмахом руки велела капитану Тозбеку приблизиться, и он подчинился, сняв шапку и напустив на себя смиренный вид.

- Да, светлость?
- Я желаю такую же... скамейку, – сказала принцесса, глядя на ящик Шаллан.

Тозбек приказал одному из матросов быстренько привязать второй ящик рядом с первым. Ожидая, пока скамья будет готова, Ясна жестом велела Шаллан, чтобы та передала ей свои рисунки. Изучив набросок сантита, принцесса посмотрела за борт.

- Неудивительно, что моряки так всполошились.
- Светлость, это удача! – воскликнул один из матросов. – Это добрый знак для вашего путешествия, разве нет?

– Нанхель Элторв, удача мне отнюдь не помешает, – ответила она. – Благодарю за скамейку.

Матрос неуклюже поклонился и ушел.

– Вы считаете их суеверными глупцами, – негромко заметила Шаллан, наблюдая за удаляющимся моряком.

– Судя по тому, что я видела, эти моряки – люди, которые нашли свою цель в жизни и теперь просто ею наслаждаются. – Она посмотрела на следующий рисунок. – Многим удастся добиться куда меньшего. Капитан Тозбек управляет хорошей командой. Ты поступила мудро, обратив мое внимание на него.

Шаллан улыбнулась:

- Вы не ответили на мой вопрос.
- Ты не задала вопроса, – возразила Ясна. – Эти наброски искусны, как обычно, Шаллан, но разве тебе не полагалось заниматься чтением?

– Я... не смогла сосредоточиться.

– И потому поднялась на палубу, – продолжила принцесса, – чтобы порисовать молодых людей, которые трудятся, не надев рубашек. Полагаешь, это должно было наделить тебя большей... сосредоточенностью?

Когда Ясна замерла, глядя на один из рисунков в стопке, Шаллан покраснела. Она терпеливо ждала – этому ее как следует обучил отец, – пока принцесса не развернула рисунок к ней. Это был, конечно, набросок Шейдсмара.

- Ты ведь подчинилась моему приказу не соваться больше туда? – спросила Ясна.
- Да, светлость. Это я нарисовала по памяти, исходя из моего первого... промаха.

Ясна опустила листок. Шаллан показалось, что выражение лица наставницы на миг сделалось каким-то странным. Неужели принцесса спрашивала себя, может ли она верить Шаллан на слово?

– Полагаю, это источник твоего беспокойства? – уточнила Ясна.

- Да, светлость.
- Что ж, похоже, я должна тебе все объяснить.
- Правда? Вы это сделаете?
- Тебе не следует так сильно удивляться.

– По-моему, это важные сведения, – сказала Шаллан. – То, как вы мне запретили... Я предположила, что знания об этом месте хранятся в секрете – или, по крайней мере, их не следует доверять человеку моего возраста.

Принцесса фыркнула.

– Мой опыт свидетельствует, что, если молодым людям не объяснить тот или иной секрет, их склонность ввязываться в неприятности усилится, а не ослабеет. Судя по твоим экспериментам, ты уже с головой погрузилась во все это... Да будет тебе известно, со мной случилось то же самое. Я на собственной шкуре испытала, насколько опасным бывает Шейдсмар. Оставив тебя в неведении, я буду виновата, если ты там погибнешь.

– Значит, вы бы все объяснили, задай я вопрос в начале нашего путешествия?

– Скорее всего, нет, – призналась Ясна. – Нужно было проверить, насколько ты готова слушаться меня. В сравнении с прошлым разом.

Шаллан присмирела и подавила желание отметить, что раньше, когда она была прилежной и послушной ученицей, наставница и близко не делилась с ней таким количеством секретов, как сейчас.

– И что же собой представляет это... место?

– Это не совсем место, – сказала Ясна. – По крайней мере, не в обычном смысле. Шейдсмар здесь, вокруг нас, прямо сейчас. Все вещи существуют там в некоей форме, в точности как существуют и здесь.

Шаллан нахмурилась:

– Я не...

Принцесса вскинула палец, призывая ее молчать.

– У всех вещей есть три составляющие: дух, тело и разум. Шейдсмар – то место, которое ты видела, – представляет собой сферу Разума.

Вокруг нас простирается физический мир. Ты можешь его трогать, видеть, слышать. Так твое физическое тело познает окружающее пространство. Ну а Шейдсмар – то, посредством чего твое познающее «я» – твое бессознательное «я» – постигает окружающее пространство. Благодаря тайным чувствам, которые затрагивают ту реальность, ты совершаешь интуитивные прозрения, и в тебе рождаются надежды. Весьма вероятно, Шаллан, что те же самые дополнительные чувства позволяют тебе творить.

Нос корабля рассек волну, взметнув фонтан брызг. Шаллан вытерла со щеки соленые капли, пытаясь осмыслить то, что Ясна ей сказала.

– Светлость, я почти ничего не поняла.

– Не сомневаюсь. Я провела шесть лет, изучая Шейдсмар, и по-прежнему с трудом понимаю, что он такое. Мне придется несколько раз сопровождать тебя во время путешествий туда, прежде чем ты хоть самую малость осознаешь истинную важность этого места.

Эта мысль вынудила Ясну поморщиться. Шаллан всегда удивлялась, когда видела на ее лице проявления эмоций. Эмоции были чем-то, связанным с человеческой природой, а мысленный образ Ясны Холин, засевавший в голове Шаллан, был чем-то почти божественным. Если подумать, странный способ воспринимать убежденную безбожницу.

– Ты только послушай меня, – продолжила Ясна. – Собственные речи выдают мое невежество. Я сказала тебе, что Шейдсмар – не место, и тут же назвала его таковым. Я говорю о том, что его можно посетить, хотя он повсюду вокруг нас. У нас просто нет подходящей терминологии, чтобы его обсуждать. Давай-ка попробуем другую тактику.

Ясна встала, и Шаллан поспешила за ней. Они прошли вдоль борта, ощущая, как под ногами качается палуба. Матросы с быстрыми поклонами расступались перед Ясной. Они относились к ней с не меньшим почтением, чем к королю. Как она это делала? Каким образом управляла своим окружением, не совершая для этого ничего заметного?

– Посмотри в волны, – потребовала принцесса, когда они оказались на баке. – Что ты видишь?

Шаллан остановилась возле борта и устремила пристальный взгляд в синие волны, которые вспенивались, когда их рассекал нос корабля. Отсюда, с бака, она видела в них некую... глубину. Неизмеримую безграничность, что простиралась не только во все стороны, но и вниз.

– Я вижу вечность, – сказала Шаллан.

– Слова художницы. Этот корабль плывет над безднами, которые нам не дано познать. Под волнами скрывается невидимый мир – яростный, полный жизни.

Ясна подалась вперед, держась за ограждение обеими руками, свободной и той, которую защищал рукав. Она смотрела вдаль. Не в глубины и не на землю, что виднелась как с северной стороны горизонта, так и с южной. Она смотрела на восток. Туда, откуда являлись бури.

– Существует целый мир, – заговорила Ясна, – с которым наш разум способен ознакомиться лишь поверхностно. Мир глубоких, совершенных мыслей. Мир, сотворенный глубокими, совершенными мыслями. Когда ты видишь Шейдсмар, ты погружаешься в эти глубины. Это место для нас во многом смысле чужеродно, и в то же самое время мы его создали. С некоторой помощью.

– Что мы сделали?

– Что такое спрены? – спросила Ясна.

Вопрос застал Шаллан врасплох, но она успела привыкнуть к внезапным проверкам, которые устраивала наставница. Девушка не стала спешить с ответом и все обдумала.

– Никто не знает, что такое спрены, – начала Шаллан, – хотя у многих философов есть разные мнения о...

– Нет, – перебила Ясна. – Что они такое?

– Я... – Шаллан посмотрела на пару спренов ветра, которые кружились над ними. Спрены походили на ленточки, излучающие мягкий свет, танцующая друг с дружкой. – Они ожившие идеи. Ясна резко повернулась к ней.

– Что? – спросила Шаллан, вздрогнув. – Я не права?

– Нет, ты права. – Она прищурила глаза. – Моя лучшая догадка состоит в том, что спрены – элементы сферы Разума, которые... просочились в физический мир. Они – понятия, которые обрели некое подобие разумности, возможно благодаря вмешательству людей. Представь себе человека, который часто сердится. Представь себе, что его друзья и родственники начали относиться к его злобе как к чудовищу, сущности, которая овладевает им, – чему-то, существующему отдельно от него. Люди склонны к персонификации. Мы говорим о ветре, словно тот наделен собственной волей.

Спрены и есть такие идеи – идеи, возникшие благодаря коллективному опыту человечества и каким-то образом ожившие. Шейдсмар – то место, где это происходит впервые, и оно принадлежит им. Хотя мы его создали, именно они придали ему форму. Спрены там живут, они там правят, в своих собственных городах.

– Городах?!

– Да. – Ясна вновь обратила взгляд на океан. Она казалась обеспокоенной. – Существует великое множество разновидностей спренов. Некоторые умны, как люди, и строят города. Другие похожи на рыб и просто плывут по течению.

Шаллан кивнула. На самом-то деле она едва успевала улавливать смысл, но не хотела, чтобы Ясна прекратила рассказ. Именно в таких знаниях Шаллан и нуждалась, именно они были ей нужны как ничто другое в целом свете.

– Это как-то связано с вашим открытием? С паршунами, с пустоносцами?

– Я пока что в этом не разобралась. Спрены не всегда расположены к беседам. Иной раз они чего-то не знают. Время от времени не доверяют мне из-за нашего древнего предательства.

Шаллан нахмурилась, не сводя глаз с наставницы.

– Предательства?

– Они мне о нем сообщили, – проговорила Ясна, – но не растолковали, что именно произошло. Мы нарушили какую-то клятву и тем самым нанесли им тяжелейшее оскорбление. Кажется, некоторые из них умерли, хотя как может умереть идея – мне невдомек. – Ясна с мрачной торжественностью повернулась к Шаллан. – Я понимаю, что ты потрясена. Тебе придется все это изучить, все целиком, если ты собираешься мне помогать. Желание еще не пропало?

– А у меня есть выбор?

Губы принцессы тронула улыбка.

– Сомневаюсь. Ты духозаклинаешь сама, без помощи фабриала. Ты такая же, как я.

Шаллан уставилась на воду. Она как Ясна. Что бы это значило? Почему...

Она замерла, моргая. На миг показалось, что она увидела тот же узор, что и раньше, – тот, что проступил на ее наброске. На этот раз он появился на воде, на поверхности волны, хоть это и было невозможно.

– Светлость... – проговорила она, касаясь руки Ясны кончиками пальцев. – По-моему, я что-то увидела в воде, прямо сейчас. Узор из резких линий, похожий на лабиринт.

– Покажи мне где.

– Он был на одной из волн, с которой мы только что разминулись. Но вроде бы я видела его раньше среди моих рисунков. Это неспроста?

– Скорее всего. Шаллан, должна признаться – наша встреча кажется мне изумительным совпадением. В этом есть что-то подозрительное.

– Светлость?

– Они к этому причастны. Они привели тебя ко мне. И похоже, все еще следят за тобой. Поэтому, девочка, – нет, у тебя больше нет выбора. Если все пойдет по-старому, мне не кажется, что это хороший знак. Скорее, действие ради самосохранения. Спрены чувствуют приближение опасности и потому возвращаются к нам. Теперь мы должны обратить все внимание на Расколтые равнины и руины Уритиру. Пройдет много-много времени, прежде чем ты сможешь вернуться на родину.

Шаллан безмолвно кивнула.

– Это тебя беспокоит, – заметила Ясна.

– Да, светлость. Моя семья...

Шаллан почувствовала себя предательницей – она бросила братьев, чье благосостояние зависело от нее. Она им написала и объяснила, не вдаваясь в подробности, что украденный духозаклинатель пришлось вернуть и теперь Шаллан была обязана помогать Ясне в ее работе.

Ответ Балата был в некотором роде положительным. Он порадовался тому, что хоть один из них избежит судьбы, которая ожидала Дом. Балат считал, что все остальные – трое ее братьев и его невеста – обречены.

Возможно, так оно и было. Их не просто сокрушат долги отца – была еще проблема сломанного отцовского духозаклинателя. Те люди, что дали ему фабриаль, желали получить свое имущество назад.

К несчастью, Шаллан была твердо убеждена, что поиски Ясны несравнимо важнее. Скоро должны были вернуться пустоносцы – это вовсе не какая-нибудь глупая страшилка из детских сказок. Они жили среди людей много веков. Спокойные, тихие трудяги-паршуны, безупречные слуги и рабы, на самом деле являлись разрушителями.

Остановить катастрофическое возвращение пустоносцев было более важным делом, нежели защитить ее братьев. Но, признавая это, Шаллан все еще испытывала боль.

Принцесса внимательно смотрела на нее.

– Шаллан, по поводу твоей семьи я приняла некоторые меры.

– Меры? – переспросила девушка, схватив руку своей наставницы. – Вы помогли моим братьям?

– В каком-то смысле. Подозреваю, деньги не решат эту проблему по-настоящему, хотя я распорядилась, чтобы им отправили небольшой подарок. Судя по тому, что ты рассказала, неприятности твоей семьи на самом деле связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, духокровники желают, чтобы им вернули духозаклинатель, не зная, что он сломан. Во-вторых, ваш Дом лишился союзников и глубоко увяз в долгах.

Ясна протянула лист бумаги.

– Это, – продолжила она, – из беседы, которая состоялась у меня этим утром с матерью, посредством даль-пера.

Шаллан бегло прочитала написанное и добралась до места, где принцесса объяснила, откуда взялся сломанный духозаклинатель, и попросила о помощи.

«Это случается чаще, чем можно было бы предположить, – ответила Навани. – Проблема, скорее всего, связана с регулировкой оправ для самосветов. Привези мне устройство, и посмотрим, что с ним».

– Моя мать, – пояснила наставница, – прославленный артефабр. Я полагаю, она может сделать так, что ваш духозаклинатель снова начнет работать. Мы отошлем его твоим братьям, чтобы они вернули его хозяевам.

– И вы позволите мне это сделать?

Во время плавания она осторожно, по крупицам добывала новые сведения о духокровниках, надеясь понять своего отца и его мотивы. Ясна заявляла, что очень мало знает о секте, за исключением тех фактов, что они желали добратся до результатов ее изысканий и были готовы на убийство.

– Мне не очень-то хочется, чтобы они получили доступ к такому ценному устройству, – призналась Ясна. – Но у меня сейчас нет времени напрямую защищать твою семью. Это сносное решение – при условии, что твои братья смогут еще немного потянуть время. Если придется, пусть скажут правду – что ты, зная о моей учености, отправилась ко мне и попросила исправить духозаклинатель. Возможно, это их ненадолго удовлетворит.

– Спасибо, светлость.

Вот же буря! Если бы она сразу обратилась с этим к Ясне, как только стала ее ученицей, насколько легче все обернулось бы? Шаллан вернулась к листу бумаги и поняла, что беседа шла не об одном лишь сломанном приборе.

«Что касается другого вопроса, – написала Навани, – то идея мне очень нравится. Полагаю, смогу убедить мальчика по крайней мере все обдумать, поскольку его последний роман завершился весьма резко – это для него типично – в начале недели».

– О чем это она? – спросила Шаллан, поднимая взгляд от бумаги.

– Разобравшись с духокровниками, мы ваш Дом не спасем. Долги слишком велики, особенно учитывая, что твой отец поссорился со столькими людьми. По этой причине я предложила альянс, способный вас поддержать.

– Альянс? Какой?

Принцесса тяжело вздохнула. Ей, похоже, не хотелось объяснять.

– Я предприняла первые шаги в устройстве твоего обручения с одним из моих кузенов, сыном Далинара Холина. Мальчика зовут Адолин. Он красив и знает толк в любезных разговорах.

– Обручение? – переспросила Шаллан. – Вы пообещали ему мою руку?

– Я начала процесс, – уточнила Ясна с необычным для нее волнением. – Хотя временами Адолину не хватает благоразумия, у него добрая душа – как и у отца, который, возможно, лучший из всех людей, кого я когда-либо встречала. Он считается самым завидным женихом Алеткара, и моя мать уже давно хотела подыскать ему невесту.

– Обручение, – повторила Шаллан.

– Да. Это так огорчительно?

– Это восхитительно! – вскричала Шаллан, крепче сжимая руку Ясны. – И так просто. Если я выйду замуж за кого-то столь могущественного... Клянусь бурей! Никто в Йа-Кеведе и тронуть нас не посмеет. Это бы решило многие из наших проблем. Светлость Ясна, вы гений! Ясна заметно расслабилась.

– Ну да, это показалось мне подходящим решением. Однако я опасалась, что ты обидишься.

– Ради всех ветров, с чего бы мне обижаться?

– Из-за ограничений свободы, которые присущи браку. Да к тому же предложение сделано без твоего ведома. Мне нужно было сначала выяснить, существует ли вообще такая возможность. Все зашло дальше, чем я ожидала, поскольку моя мать подхватила идею. Навани склонна... во всем брать верх.

Шаллан с трудом могла представить себе, чтобы кто-то взял верх над Ясной.

– Буреотец! Вы переживали, не обижусь ли я? Светлость, я всю жизнь провела взаперти в особняке отца – я выросла, считая, что мужа мне выберет он.

– Но теперь ты свободна от власти отца.

– Да, и я проявила... потрясающую разборчивость в отношениях, – усмехнулась Шаллан. – Первый же мужчина, который мне понравился, оказался не только ревнителем, но и тайным убийцей.

– Тебя это совсем не беспокоит? – спросила Ясна. – Сама мысль о том, что ты будешь зависеть от кого-то, в особенности от мужчины?

– Меня же не в рабство продают, – ответила Шаллан со смехом.

– Ну да. Видимо, ты права. – Ясна встряхнулась, возвращая себе обычную уравновешенность. – Что ж, сообщу Навани, что ты приняла предложение, и мы за день организуем предварительную помолвку, когда будем на месте.

Предварительная помолвка была условной, согласно воринским обычаям. Шаллан будет во всех смыслах считаться нареченной, но такая помолвка не имеет правовых последствий, пока ее официально не подтвердят и не проверят ревнители.

– Отец мальчика сказал, что не будет ни к чему принуждать Адолина, – объяснила Ясна, – хотя в настоящее время он свободен, поскольку умудрился оскорбить еще одну молодую даму. Как бы там ни было, Далинар захочет, чтобы вы встретились до того, как мы перейдем к более обязывающим вещам. В политическом климате Расколотых равнин произошли... сдвиги. Армия моего дяди понесла огромные потери. Еще одна причина спешить на равнины.

– Адолин Холин, – проговорила Шаллан, слушая вполуха. – Дуэльный мастер. Потрясающе умелый. И к тому же осколочник.

– А-а, так ты все же внимательно читала о моем отце и моей семье.

– Да... но я и раньше многое знала о вашей семье. Алетти всегда были в самом центре светской жизни! Даже девочки из провинциальных Домов знают имена алетийских принцев. – И она бы соврала, сказав, будто не мечтала встретиться с одним из них. – Но, светлость, уверены ли вы, что это мудрый союз? Я хочу сказать, моя кандидатура вряд ли может кого-то заинтересовать.

– Пожалуй, дочь другого великого князя была бы предпочтительнее для Адолина. Однако он, похоже, умудрился оскорбить всех до единой женщин из этой категории, достойных выбора. Мальчик, скажем так, известен чрезмерным пылом в том, что касается отношений. Я уверена, ты с этим справишься.

– Буреотец... – пробормотала Шаллан, у которой внезапно подогнулись колени. – Он наследник княжества! Он в очереди на престол самого Алеткара!

– Третий, – уточнила Ясна, – после малолетнего сына моего брата и Далинара, моего дяди.

– Светлость, я должна спросить. Почему Адолин? Почему не младший сын? Я... я ведь ничего не могу предложить ни Адолину, ни его Дому.

– Как раз наоборот. Если ты и впрямь та, о ком я думаю, то ты можешь предложить ему то, чего не предложит никто другой. Кое-что более важное, чем богатства.

– И кто же я, по-вашему? – прошептала Шаллан, глядя принцессе в глаза и наконец-то задавая вопрос, на который ей раньше не хватало смелости.

– Прямо сейчас ты всего лишь обещание. Куколка с потенциальным величием внутри. В те времена, когда между людьми и спренами возникали узы, появлялись женщины, которые танцевали в небесах, и мужчины, которые уничтожали камни одним прикосновением.

– Сияющие отступники. Предатели человечества.

Шаллан не могла все это осознать. Помолвка, Шейдсмар и спрены, и это – ее загадочная судьба. Она догадывалась. Но говорить об этом...

Девушка села прямо на палубу, не тревожась о том, что платье промокнет, и привалилась спиной к ограждению борта. Ясна, удивительное дело, позволила ей взять себя в руки и лишь потом опустилась рядом. Она сделала это с куда большим изяществом, подобрав платье и присев боком. Матросы на них так и пялились.

– Меня на части разорвут, – сказала Шаллан. – Алетийский двор – самый кровожадный во всем мире.

Ясна фыркнула:

– Шаллан, от этой бури больше шума, чем вреда. Я тебя всему обучу.

– Светлость, я никогда не стану такой же, как вы. У вас есть власть, влияние, богатство. Только посмотрите, как моряки вам повинуются.

– Прямо сейчас я как-то использую упомянутые власть, влияние или богатство?

– Вы заплатили за это путешествие.

– Разве ты не платила за несколько путешествий на этом корабле? – спросила Ясна. – Разве они относятся к тебе не так же, как и ко мне?

– Нет. О, они меня любят. Но мне не хватает вашего... веса.

– Будем считать, что ты не намекала на мою талию. – На губах Ясны мелькнула тень улыбки. – Я понимаю твои доводы. И все же они целиком и полностью ошибочны.

Девушка повернулась к принцессе. Ясна сидела на палубе корабля, как на троне, – выпрямив спину, подняв голову, с внушительным видом. Шаллан прижимала колени к груди, обхватив их руками. Они даже сидели по-разному! У нее с этой женщиной нет ничего общего.

– Есть секрет, дитя, который ты должна узнать, – сказала Ясна. – Этот секрет даже важнее тех, что связаны с Шейдсмаром и спренами. Власть – иллюзия восприятия.

Шаллан нахмурилась.

– Не пойми меня превратно, – продолжила принцесса. – Некоторые виды власти реальны – руководство войском, возможность духозаклинать. Они вступают в игру намного реже, чем можно предположить. В большинстве случаев то, что мы именуем властью – авторитетом, – существует лишь потому, что люди в него верят.

Ты говоришь, я богата. Это правда, однако ты также видела, что я нечасто пользуюсь своим богатством. Ты говоришь, у меня есть авторитет, поскольку я сестра короля. Это верно. И все же люди на этом корабле относились бы ко мне в точности так же, будь я пройдохой, которая убедила их в том, что она сестра короля. В этом смысле мой авторитет – ненастоящая вещь. Он всего лишь флер, иллюзия. Я могу создавать для них эту иллюзию, как и ты.

– Светлость, вы меня не убедили.

– Знаю. Если бы убедила, ты бы уже вела себя по-другому. – Ясна встала, отряхнула юбку. – Скажешь, если снова увидишь тот узор, что появился на волнах?

– Да, светлость, – отрешенно проговорила Шаллан.

– Тогда остаток дня можешь посвятить искусству. Мне нужно обдумать, как наилучшим образом обучить тебя всему, что касается Шейдсмара. – Принцесса удалилась в свою каюту, кивая в ответ на поклоны встреченных по пути моряков.

Шаллан встала, потом повернулась и схватилась за ограждение по обеим сторонам от бушприта. Перед ней раскинулся океан – беспокойный, пахнущий холодной свежестью. Промышление корабля по волнам сопровождалось ритмичным треском.

Слова Ясны сражались в ее разуме, точно небесные угри за единственную крысу. Спрены строят города? Невидимый мир вокруг, Шейдсмар? Внезапная помолвка с самым завидным женихом всего мира?

Она отпустила ограждение и прошла вдоль борта, ведя свободной рукой по перилам. Как моряки к ней относились? Они улыбались, махали руками. Девушка им нравилась. Ялб, лениво повисший на вантах неподалеку, окликнул ее и сообщил, что в следующем порту есть изваяние, на которое ей стоит взглянуть.

– Это просто одна гигантская ступня, юная госпожа. Всего лишь ступня! Они так и не закончили шквальную статую...

Веденка улыбнулась ему и пошла дальше. Неужели ей и впрямь хотелось, чтобы моряки смотрели на нее так же, как на Ясну? С неизменным страхом, с беспокойством о том, что сделали что-то не так? Это и есть власть?

«Когда я впервые отплыла из Веденара, – подумала Шаллан, достигнув места, где для нее привязали ящик, – капитан уговаривал меня отправиться домой. Он считал мою миссию глупой затеей».

Тозбек всегда вел себя так, словно оказывал ей услугу, пока они догоняли на корабле Ясну. Почему у Шаллан все это время было ощущение, будто она доставляет ему и команде неудобство, даже наняв их? Да, он дал скидку, памятуя о былых сделках с ее отцом... Но ведь она платила ему за работу.

Наверное, это его отношение типично для тайленских купцов. Если капитан мог внушить клиенту, что делает ему одолжение, тот больше платил. Тозбек нравился Шаллан, но их отношения оставляли желать лучшего. Принцесса ни за что не позволила бы, чтобы с ней вели себя таким образом.

Сантид все еще плыл бок о бок с кораблем. Он походил на движущийся остров – его панцирь порос водорослями, из него торчали небольшие кристаллы.

Шаллан повернулась и прошла к корме, где капитан Тозбек разговаривал с одним из помощников, указывая на карту, покрытую глифами. Он кивнул, когда девушка приблизилась.

– Хочу предупредить, юная госпожа: порты вскоре станут менее удобными. Мы покинем Долгобровый пролив, обогнем восточный край континента и последуем к Новому Натанану. Отсюда и до Мелководных Крипт нет ничего интересного – даже посмотреть не на что. Я бы и собственного брата не послал на берег без охраны, а ведь он убил семнадцать человек голыми руками, да-да.

– Я понимаю, капитан, – сказала Шаллан. – И спасибо. Я пересмотрела свое предыдущее решение. Мне нужно, чтобы вы остановили корабль и позволили мне изучить существо, которое плывет рядом с нами.

Он вздохнул, поднял руку и пробежался пальцами по одной из своих жестких, стоящих торчком бровей – другие мужчины могли бы так потрогать усы.

– Светлость, я крайне не рекомендую подобное. Буреотец! Если я уроню вас в океан...

– Тогда я вымокну. Со мной это уже случалось пару раз.

– Нет, я просто не могу такое позволить. Как я уже сказал, мы поведем вас посмотреть на панцири в...

– Не можете позволить? – перебила Шаллан. Девушка смотрела на него с видом, который, как ей хотелось верить, выражал замешательство, и надеялась, что он не замечает, как крепко сжаты ее опущенные кулаки. Буря свидетельница, она не любила спорить. – Капитан, не знала, что у вас есть право соглашаться или не соглашаться с моими требованиями. Остановите

корабль. Опустите меня. Это приказ. – Шаллан попыталась сказать это столь же убедительно, как Ясна. Было проще выстоять перед великой бурей, чем возразить этой женщине.

Тозбек зашевелил губами, но не издал ни звука, как если бы его тело попыталось продолжить ранее начатое возражение, но разум запаздывал.

– Это мой корабль... – наконец проговорил он.

– С вашим кораблем ничего не случится. И давайте быстрее с этим разберемся, капитан. Я не хочу, чтобы из-за меня мы слишком уж опоздали в порт.

Она оставила его, вернулась к своей скамье – с колотящимся сердцем и дрожащими руками – и села, отчасти для того, чтобы успокоиться.

Тозбек начал отдавать приказы; судя по голосу, он был сильно раздражен. Паруса опустились, корабль замедлил ход. Шаллан тяжело вздохнула, чувствуя себя по-дурацки.

И все-таки совет Ясны сработал. То, как Шаллан повела себя, заставило капитана увидеть... что-то. Иллюзию? Некое подобие спрена, быть может? Оживший фрагмент чего-то воображаемого?

Сантид тоже замедлился. Подошли матросы с веревкой, и взволнованная Шаллан встала. Они с неохотой соорудили петлю на конце, куда ей следовало поместить ступню, и объяснили, что следует крепко держаться за веревку, пока ее будут опускать. Потом они привязали вторую веревку, покороче, к ее талии – это чтобы ее, мокрую и униженную, можно было поднять обратно на палубу. С их точки зрения, ей предстояло вынести именно это.

Шаллан сняла туфли и перебралась за ограждение, следуя инструкциям. Было ли раньше так ветрено? Она ощутила мгновенное головокружение, стоя на краю, цепляясь пальцами в чулках за какой-то небольшой выступ; своенравные ветра трепали ее платье. Спрен ветра подлетел и принял вид лица, проступившего сквозь тучи. Во имя бури, пусть лучше это существо не вмешивается. Неужели именно человеческое изображение придало спремам ветра их склонность к озорству?

Девушка нетвердо ступила в веревочную петлю, которую матросы опустили к ее ногам, а потом Ялб вручил ей маску.

Из трюма поднялась Ясна и озадаченно огляделась. Увидев Шаллан, стоящую за ограждением борта, она вскинула бровь.

Шаллан пожала плечами и жестом велела матросам опускать себя.

Она отказывалась считать свой поступок глупым, пока дюйм за дюймом приближалась к воде и покачивавшемуся на волнах животному, избегавшему людей. Матросы остановились, когда девушка повисла на высоте в фут или два над водой. Шаллан надела маску на ремнях, которая закрыла большую часть ее лица, включая нос.

– Ниже! – крикнула она морякам.

Ей показалось, что она чувствует их нерешительность в том, как вяло опускалась веревка. Ее ступня коснулась воды, и по ноге пробежалась волна жестокого холода. Буреотец! Но она не приказала им остановиться. Шаллан позволила опускать себя до тех пор, пока обе ноги не погрузились в ледяную воду. Ее юбка надулась самым раздражающим образом, и пришлось даже наступить на подол – внутри веревочной петли, – чтобы тот не задрался выше талии и не всплыл на поверхность воды, пока она будет погружаться.

Шаллан недолго сражалась с тканью, радуясь тому, что мужчины на палубе не видят, как она краснеет. Вскоре платье намокло, и справиться с ним оказалось легче. Она наконец-то смогла присесть, по-прежнему крепко держась за веревку, и погрузиться по пояс.

А потом опустила под воду голову.

Свет струился с поверхности яркими мерцающими колоннами. Здесь повсюду была жизнь – неистовая и удивительная. Маленькие рыбы носились туда-сюда, покусывая нижнюю часть панциря, под которым скрывалось грандиозное существо. Тело сантида было шишковатым, точно древнее дерево, со складками неровной кожи, а еще его истинный облик включал

длинные обвислые синие щупальца – как у медузы, только намного толще. Они волочились за зверем, под углом уходя куда-то в глубину.

Животное под панцирем выглядело как узловатая серо-синяя масса. Складки древней кожи окружали один большой глаз, обращенный к Шаллан – предположительно, с другой стороны находился второй такой же. Сантид казался массивным, но величественным, и его мощные плавники двигались со слаженностью гребцов. Рядом с чудищем плыла группка странных спренов, похожих на стрелы.

Повсюду сновали рыбы. Хотя глубины казались пустыми, вода вокруг сантида изобиловала жизнью, как и пространство вокруг корабля. Рыбки объедали дно судна. Они плавали между сантидом и кораблем, иногда по одиночке, иногда косяками. Может, потому зверь и пристроился к «Усладе ветра»? Из-за рыб, которые были как-то с ним связаны?

Шаллан посмотрела на существо, и глаз – размером с голову веденки – перекатился, сосредоточился, разглядел ее. В этот миг девушка не чувствовала холода. Не чувствовала досады. Она видела перед собой мир, который, насколько ей было известно, не посетил еще никто из ученых.

Она моргнула, снимая Образ существа, чтобы позже его нарисовать.

2

Четвертый мост

Нашей первой подсказкой были паршенди. За неделю до того, как они прекратили охотиться за светсердцами, их боевая тактика изменилась. Они стали задерживаться на плато после битв, словно в ожидании чего-то.
Из личного дневника Навани Холин, йесесес, 1174

Дыхание.

Дыхание человека есть жизнь. Связь с окружающим миром. Каладин дышал глубоко, закрыв глаза, и на некоторое время все прочие звуки стихли. Его собственная жизнь. Вдох-выдох, в такт ритмичному стуку в его грудной клетке.

Дыхание. Его собственная маленькая буря.

Дождь снаружи прекратился, а Каладин все сидел в темноте. Когда умирали короли и богачи-светлоглазые, их тела не сжигали, как трупы простолюдинов. Взамен их духозаклинали в статуи из камня или металла, застывшие навеки.

Тела темноглазых сжигали. Они превращались в дым и взмывали к небесам словно сожженная молитва, чтобы остаться там навсегда.

Дыхание. Дыхание светлогоглазого ничем не отличалось от дыхания темноглазого. Оно не было ни слаще, ни свободнее. Воздух, который выдыхали короли и рабы, смешивался, и люди снова и снова вдыхали его.

Каладин встал и открыл глаза. Юноша провел великую бурю в своей погруженной во тьму комнатке в новой казарме Четвертого моста. Один. Он направился к двери, но остановился. Кончиками пальцев коснулся плаща, который, как ему было известно, висел на крючке. Темнота скрывала темно-синий цвет плаща и глиф «холин» – в форме печати Далинара – на спине.

Похоже, все перемены в жизни Каладина отмечены бурями. Эта была сильной. Он распахнул дверь и вышел на свет свободным человеком.

Оставив пока плащ висеть на стене.

Четвертый мост, увидев его, разразился приветственными возгласами. Они вышли помыться и побриться во время охвостья бури, как делали всегда. Камень уже успел побрить почти всех в очереди. Громила-рогоед что-то напевал себе под нос, вода бритвой по лысеющей

голове Дрехи. Пахло дождем, и смывтое кострище неподалеку было единственным свидетельством вечерней трапезы, которую их отряд разделил накануне.

Это место почти не отличалось от лесного склада, откуда его люди недавно спаслись. Длинные прямоугольные каменные казармы – духозаклятые, а не построенные вручную – точно так же походили на громадные каменные бревна. У каждой из этих казарм, однако, имелась по бокам пара небольших комнат с отдельными выходами для сержантов. На стенах виднелись символы взводов, которые были расквартированы здесь раньше; людям Каладина предстояло нарисовать поверх них свой знак.

– Моаш, – позвал Каладин, – Шрам, Тефт.

Трое подбежали к нему, шлепая по лужам, оставшимся после дождя. Они были в одежде мостовиков: простые штаны, обрезанные у колен, и кожаные жилеты на голое тело. Шрам был снова в строю, невзирая на раненую ступню, и он явно старался не хромать. Пока что Каладин решил не отправлять его в постель. Рана была не очень тяжелая, а он нуждался в этом человеке.

– Хочу посмотреть, что нам досталось, – бросил Каладин и повел их прочь от казармы.

В ней могли поместиться пятьдесят человек и полдесятка сержантов. С каждой стороны располагались еще казармы. Каладину выделили целый квартал – двадцать зданий, – чтобы разместить новый батальон из бывших мостовиков.

Двадцать казарм. То, что Далинар с такой легкостью нашел квартал из двадцати строений для мостовиков, говорило об ужасной цене, которую пришлось заплатить за предательство Садеаса. Погибли тысячи. И действительно, письмоводительницы работали возле нескольких казарм, надзирая за паршунами, – те выносили охапки одежды и другие личные вещи. Все, что принадлежало мертвецам.

Многие письмоводительницы были с покрасневшими глазами и с трудом сохраняли самообладание. Благодаря Садеасу в лагере Далинара только что появились тысячи новых вдов и, скорее всего, столько же сирот. Если Каладину нужен был еще один повод, чтобы ненавидеть этого человека, он его получил, узрев страдания тех, чьи мужья доверились предателю на поле боя.

С точки зрения Каладина, не было греха страшней, чем предательство союзника в бою. Не считая, возможно, предательства собственных людей – и их убийства, после того как они рисковали жизнями ради твоей защиты. Подумав про Амарама и его поступок, Каладин тотчас же ощутил вспышку ярости. Как будто его лоб снова обожгло рабское клеймо.

Амарам и Садеас. Двое мужчин в жизни Каладина, которым придется заплатить за содеянное. Он предпочитал, чтобы оплата включала большие проценты.

Каладин продолжал идти вместе с Тефтом, Моашем и Шрамом. Казармы, из которых выносили личные вещи, также были полны мостовиками. Они выглядели почти как члены Четвертого моста – в таких же жилетах и штанах до колен, – но, с другой стороны, разительно отличались. Косматые, с бородами, которых бритва не касалась много месяцев, с пустыми и почти немигающими глазами. Сутулые спины. Безучастные лица.

Каждый из них как будто находится в одиночестве, хотя его окружали товарищи.

– Помню это чувство, – негромко сказал Шрам, низкорослый и жилистый, с резкими чертами лица и седыми висками, хоть ему и было едва за тридцать. – Хотел бы забыть, да не могу.

– И мы должны превратить... это в армию? – спросил Моаш.

– С Четвертым мостом у Каладина получилось, верно? – Тефт погрозил Моашу пальцем. – Получится и теперь.

– Изменить несколько десятков человек – не то же самое, что изменить сотни, – возразил Моаш и пнул ветку, принесенную великой бурей.

У Моаша, высокого и крепкого, был шрам на подбородке, но не было рабского клейма на лбу. Он шел, держа спину прямо и горделиво вскинув голову. Если бы не темно-карие глаза, бывший мостовик мог бы сойти за офицера.

Каладин вел эту троицу, минуя одну казарму за другой и делая быстрый подсчет. Получилась почти тысяча человек, и хотя он вчера сообщил, что все они теперь свободны и могут вернуться к своим прежним жизням, если захотят, большинство мостовиков просто сидели без дела. Изначально мостовых бригад было сорок, но многих перебили во время последнего штурма, а в остальных и раньше не хватало людей.

– Сделаем из них двадцать расчетов, – сказал Каладин, – в каждом примерно по пятьдесят человек.

К нему откуда-то спустилась Сил, приняла облик ленточки из света и заметалась вокруг. Никто на нее не отреагировал, а значит, она по-прежнему оставалась для всех невидима.

– Мы не можем обучать каждого из этой тысячи по отдельности – по крайней мере, не в самом начале. Придется подготовить тех, кто пошустрее, а потом организуем все так, чтобы они возглавили и обучили собственные отряды.

– К тому все идет. – Тефт поскреб бороду.

Самый старший из мостовиков, он был одним из немногих, кто предпочел сохранить бороду. Большинство же брилось с гордостью, в знак того, что Четвертый мост отличался от обычных рабов. Тефт по той же причине следил за своей бородой, подравнивал ее и укорачивал, почти как ревнитель. Она была светло-каштановой там, где еще не поседела.

Моаш скривился, глядя на мостовиков.

– Каладин, по-твоему, среди них найдутся «те, кто пошустрее»? Как по мне, они все одинаково унылые.

– Кто-то из них еще способен сражаться, – возразил Каладин, повернувшись обратно к казарме Четвертого моста. – Для начала возьмем тех, кто присоединился к нашему костру вчера ночью. Тефт, ты мне понадобишься, чтобы выбрать остальных. Собери новые расчеты и возьми из каждого по два человека, чтобы тренировать их в первую очередь. Ты будешь руководить этим обучением. Эти сорок станут семенами, которые мы посадим, чтобы помочь новеньким.

– Думаю, я справлюсь.

– Хорошо. Я дам тебе пару человек в помощь.

– Пару? – переспросил Тефт. – Мне понадобится побольше, чем «пара»...

– Придется обойтись парой. – Каладин остановился на тропе и повернулся к западу, к королевскому дворцу, видневшемуся за стеной лагеря. Он располагался на холме, возвышаясь над остальными военными лагерями. – Большинство из нас нужны для того, чтобы сохранить жизнь Далинару Холину.

Моаш и другие остановились рядом с ним. Каладин с прищуром смотрел на дворец. Здание определенно не выглядело достаточно величественным для короля – здесь, на равнинах, вокруг был камень и только камень.

– Ты готов довериться Далинару? – спросил Моаш.

– Он отдал ради нас свой осколочный клинок, – напомнил Каладин.

– Князь был у нас в долгу, – ворчливо заметил Шрам. – Мы спасли его шквальную шкуру.

– Это могло быть просто позерство, – согласился Моаш, скрестив руки на груди. – Политические игры с Садеасом, попытка подтолкнуть друг друга к нужным действиям.

Сил приземлилась на плечо Каладина и приняла облик девушки в сине-белом платье, развевающимся и тонком. Она сцепила руки, глядя на королевский дворец, куда Далинар Холин ушел продумывать план.

Он сказал Каладину, что собирается предпринять то, что вызовет гнев очень многих людей. «Я покончу с их играми...»

– Нам нужно сохранить этого человека в живых. – Каладин вновь повернулся к остальным. – Не знаю, верю ли я ему, но он единственный на равнинах, кто продемонстрировал хотя бы намек на сочувствие к мостовикам. Если он умрет, угадайте, как много времени понадобится его преемнику, чтобы снова продать нас Садеасу?

Шрам насмешливо фыркнул.

– Пусть попытаются – ведь нас возглавляет Сияющий рыцарь.

– Я не Сияющий!

– Ну хорошо-хорошо, – согласился Шрам. – Кем бы ты ни был, им придется постараться, чтобы отнять нас у тебя.

– Шрам, по-твоему, я могу сражаться со всеми сразу? – спросил Каладин, заглянув в глаза своему старшему товарищу. – С дюжинами осколочников? С десятками тысяч солдат? Думаешь, один человек на такое способен?

– Не один человек, – упрямо заявил Шрам, – а ты.

– Я не бог, – парировал Каладин. – Мне не выстоять против десяти армий. – Он повернулся к двум другим. – Мы решили, что останемся здесь, на Расколотых равнинах. Почему?

– А какой толк от бегства? – спросил Тефт, пожимая плечами. – Даже оказавшись на свободе, мы в конце концов попадем в какую-нибудь армию там, в холмах. Или попросту помрем с голоду.

Моаш кивнул:

– Это место ничем не хуже других, пока мы свободны.

– Далинар Холин – наша единственная надежда на настоящую жизнь, – сказал Каладин. – У него мы будем телохранителями, а не рабами. Свободными, невзирая на клеймо на лбу. Никто другой нам этого не даст. Если мы хотим свободы, надо сделать так, чтобы Далинар Холин остался в живых.

– А Убийца в Белом? – негромко спросил Шрам.

Они слышали о том, что творил этот человек по всему миру, убивая королей и великих князей в разных странах. С той поры, как первые сообщения стали поступать по даль-перьям, военные лагеря только об этом и говорили. Император Азира мертв. Йа-Кевед охватила смута. С полдюжины других государств остались без правителей.

– Он уже убил нашего короля, – сказал Каладин. – Старик Гавилар был первой жертвой убийцы. Будем надеяться, что здесь ему нечего делать. Как бы там ни было, мы защищаем Далинара. Любой ценой.

Товарищи Каладина кивнули один за другим, хоть и чувствовалось, что они делают это с неохотой. Он их не винил. Доверие к светлоглазым не принесло добра – даже Моаш, который раньше говорил о Далинаре хорошо, теперь как будто перестал им восхищаться. Как и любым другим светлоглазым.

На самом-то деле Каладин был немного удивлен тем, какое доверие ощущал сам. Но, буря свидетельница, Далинар нравился Сил. Это что-нибудь да значило.

– Прямо сейчас мы слабы, – проговорил Каладин, понизив голос. – Но если поиграем в эту игру какое-то время, защищая Холина, нам щедро заплатят. Я смогу вас обучать – обучать по-настоящему, как солдат и офицеров. Кроме того, мы сможем обучить всех остальных.

Сами по себе, две дюжины бывших мостовиков, мы ничего не добьемся. Но что, если станем умелым войском наемников в тысячу солдат, с лучшим снаряжением в военных лагерях? Если случится худшее и нам придется покинуть эти лагеря, я бы предпочел видеть сплоченное подразделение, закаленное и такое, с каким надо считаться. Дайте мне год с этой тысячей, и я все устрою.

– А вот этот план мне по нраву, – заявил Моаш. – Я смогу научиться владеть мечом?

– Мы все еще темноглазые.

– Не ты, – встрял стоявший с другой стороны Шрам. – Я видел твои глаза во время...

– Хватит! – рявкнул Каладин и тяжело вздохнул. – Прекрати. Не надо об этом говорить. Шрам умолк.

– Я собираюсь назначить вас офицерами, – сказал им Каладин. – Вас троих вместе с Сигзилом и Камнем. Вы будете лейтенантами.

– Темноглазыми лейтенантами? – переспросил Шрам.

Такое звание обычно использовалось как равнозначное сержантскому в ротах, что состояли только из светлоглазых.

– Далинар сделал меня капитаном, – сообщил Каладин. – Самое высокое звание, которое, по его словам, он посмел присвоить темноглазому. Что ж, мне нужно придумать полную командную структуру для тысячи человек, и нам понадобится какой-то ранг между сержантом и капитаном. Это значит, что вы пятеро станете лейтенантами. Я думаю, Далинар мне это позволит. Если понадобится еще одно звание, назначим старших сержантов.

Камень будет интендантом и ответственным за провизию для всей тысячи. Лопен – его заместителем. Тефт, ты будешь отвечать за обучение. Сигзил станет нашим секретарем: только он может читать глифы. Моаш и Шрам...

Каладин посмотрел на них. Один низкорослый, другой высокий, они двигались спокойно и плавно, излучая опасность и никогда не расставаясь с копьями. Все время держали их на плече. Из всех членов Четвертого моста, которых он обучал, только эти двое обладали чутьем. Они были убийцами.

Как и он сам.

– Мы трое, – продолжил Каладин, – сосредоточимся на охране Далинара Холина. Я хочу, чтобы, по возможности, один из нас все время охранял его лично. Другой будет при необходимости охранять его сыновей, но не ошибитесь: главная наша цель – Черный Шип. Любой ценой. Он единственная гарантия свободы для Четвертого моста.

Все кивнули.

– Хорошо, – закончил Каладин. – Пойдем к остальным. Пришла пора миру увидеть вас такими, какими вижу я.

По общему согласию Хоббер должен был первым получить татуировку. Щербатый мостовик был среди тех, кто сразу поверил в Каладина. Юноша помнил тот день: он был измотан после вылазки с мостом, хотел просто лежать и глазеть в небо. Но вместо этого решил спасти Хоббера, не дать ему умереть. Заодно спас и самого себя.

Весь Четвертый мост столпился вокруг Хоббера в палатке, молча наблюдая, как татуировщица аккуратно покрывает шрамы от рабского клейма на его лбу глифами, которые дал ей Каладин. Хоббер то и дело морщился от боли, но с его лица не сходила широкая улыбка.

Каладин прослышал, что шрам можно скрыть под татуировкой, и это действительно работало. Стоило вколоть чернила – и глифы привлекали все внимание, а шрамы под ними сделались едва заметными.

Когда все завершилось, татуировщица протянула Хобберу зеркало, чтобы он посмотрел на себя. Мостовик нерешительно коснулся лба. Кожа покраснела от иголок, но темная татуировка превосходно скрывала рабскую отметину.

– Что тут написано? – тихо спросил Хоббер со слезами на глазах.

– Свобода, – сказал Сигзил, опередив Каладина. – Этот глиф означает «свобода».

– Те, что поменьше, над ним, – прибавил Каладин, – обозначают дату, когда тебя освободили, и того, кто отдал приказ. Даже если ты потеряешь вольную, любой, кто попытается арестовать тебя за побег, легко поймет, что ты не беглец. Он сможет обратиться к письмоводительницам Далинара Холина, у которых хранится копия твоей вольной.

Хоббер кивнул:

– Хорошо, но этого недостаточно. Прибавьте к глифам «Четвертый мост». Свобода. Четвертый мост.

– В том смысле, что тебя освободили из Четвертого моста?

– Нет, сэр. Меня не освобождали из Четвертого моста. Он меня и освободил. Я ни на что не променяю то время, что провел в нем.

Безумные речи. Четвертый мост был смертью – множество людей погибли, неся на плечах эту проклятую штуковину. Даже после того как Каладин принял решение спасти свой отряд, он слишком многих потерял. Хоббер поступал глупо, не ухватившись за шанс избавиться от этого.

И все-таки бывший мостовик упрямо ждал, пока Каладин нарисует нужные глифы для татуировщицы – спокойной, крепкой, темноглазой, которая выглядела так, словно могла поднять мост без посторонней помощи. Она села на свою табуретку и принялась набивать на лбу Хоббера еще два глифа, прямо под «свободой». Во время работы она еще раз объяснила, что татуировка будет болеть много дней и Хобберу придется за ней ухаживать.

Хоббер принял новые татуировки с улыбкой до ушей. Чистая глупость – но остальные согласно кивали и хлопали его по руке. Как только с Хоббером было покончено, его место быстренько занял Шрам и нетерпеливо потребовал такой же полный набор татуировок.

Каладин отступил, скрестив руки на груди и качая головой. За стенами палатки кипел рынок. «Военный лагерь» на самом деле был городом, выстроенным внутри похожего на громадный кратер скалистого хребта. Продолжительная война на Расколотых равнинах привлекла торговцев всех мастей, вместе с ремесленниками и людьми искусства. Многие приехали целыми семьями, прихватив детей.

Стоявший поблизости Моаш с обеспокоенным лицом наблюдал за татуировщицей. Он был не единственным в мостовом расчете, у кого не имелось рабского клейма. У Тефта тоже его не было. Они стали мостовиками, не сделавшись прежде рабами. Такое в лагере Садеаса случалось часто – отправить на мосты могли в наказание за самые разные проступки.

– У кого нет рабского клейма, – громко сказал Каладин, обращаясь ко всем, – тому татуировка не нужна. Он по-прежнему один из нас.

– Нет, – возразил Камень. – Я получить эту штуку.

Он настоял на том, чтобы занять место Шрама и сделать себе такую же татуировку на лбу, хотя клейма у него не было. И в самом деле, все остальные без рабской отметины – включая Бельда и Тефта – в свой черед сели и обзавелись такими же знаками на лбу.

Только Моаш воздержался, и татуировку ему сделали на плече. Вот и хорошо. В отличие от большинства, ему не придется расхаживать со свидетельством бывшего рабства на лице.

Моаш встал, и его место занял другой. Человек с черно-красной кожей, покрытой разводами, как мрамор. В Четвертом мосту у всех были разные истории, но Шен представлял собой нечто особенное. Он был паршуном.

– Я не могу сделать ему татуировку, – сказала художница. – Он собственность.

Каладин открыл рот, чтобы возразить, но его опередили другие мостовики.

– Его освободили, как и нас, – заявил Тефт.

– Он из нашего отряда, – добавил Хоббер. – Сделай ему татуировку или не получишь ни сферы ни от одного из нас. – Сказав это, он покраснел и бросил взгляд на Каладина, которому предстояло заплатить за всех, используя сферы, полученные от Далинара Холина.

За паршуна вступились и другие – в конце концов татуировщица вздохнула и сдалась. Она подтянула ближе табурет и принялась трудиться над лбом Шена.

– Ее и видно не будет... – ворчала она, хотя кожа Сигзила была почти такой же темной, как у Шена, и на ней татуировка была вполне различима.

Наконец Шен посмотрелся в зеркало и встал. Глянул на Каладина, кивнул. Паршун мало разговаривал, и Каладин не знал, что о нем думать. Вообще-то, про него нетрудно было забыть,

поскольку он обычно молчаливо тащился где-то в задних рядах отряда мостовиков. Он был словно невидимка. Паршуны частенько становились такими.

С Шеном закончили, остался только сам Каладин. Юноша сел и закрыл глаза. Булавочные уколы оказались намного больнее, чем он предполагал.

Вскоре татуировщица начала тихонько ругаться.

Когда она вытерла лоб Каладина тряпкой, он открыл глаза и спросил:

– Что такое?

– Чернила не схватываются! – ответила женщина. – Ни разу такого не видела. Когда я вытираю тебе лоб, все чернила просто сходят! Татуировка не держится.

Каладин вздохнул, понимая, что в его жилах тихонько бурлит буресвет. Он даже не заметил, как вдохнул его, но, похоже, удерживал все лучше и лучше. В последние дни он частенько втягивал в себя немного света, пока занимался чем-то еще. Удерживать буресвет все равно что наполнять бурдюк вином, если залить его под завязку, а потом вытащить пробку, сначала выплескивалась основная часть, а остатки вытекали тонкой струйкой. С энергией света дело обстояло так же.

Каладин изгнал его, понадеявшись, что татуировщица не заметит, как из его рта вырвалось облачко светящегося дыма.

– Попробуй опять, – предложил он, и женщина достала новые чернила.

На этот раз татуировка взялась. Каладин высидел до конца, стиснув зубы от боли, потом взглянул на свое отражение в зеркале, которое протянула татуировщица. Лицо показалось чужим. Чисто выбритое, волосы убраны назад для удобства татуировщицы, рабские отметины спрятаны и на миг забыты.

«Могу ли я снова стать таким? – подумал он, касаясь щеки кончиками пальцев. – Ведь этот человек умер, верно?»

Сил приземлилась на его плечо и тоже посмотрела в зеркало.

– Каладин, жизнь прежде смерти, – прошептала она.

Он машинально втянул буресвет. Совсем чуть-чуть, малую долю от того, что помещалось в сфере. Свет потек по его жилам мощной волной, точно ветер, пойманный в маленький сосуд.

Татуировка на лбу расплавилась. Его тело отвергло чернила, которые струйками потекли по лицу. Татуировщица опять выругалась и схватила тряпку.

Исчезающие глифы – вот и все, что досталось Каладину. Свобода растворилась, из-под нее выступили жестокие шрамы его неволи. Один из выжженных глифов был заметнее остальных.

Шаш. «Опасный».

Женщина вытерла его лицо.

– Не понимаю, почему это происходит! Я думала, на этот раз получится. Я...

– Все в порядке, – успокоил ее Каладин. Он встал, взял тряпку и сам вытер остатки чернил. Повернулся к мостовикам, которые теперь стали солдатами. – Похоже, шрамы не отпускают меня. Позже попробую еще раз.

Друзья кивнули. Придется объяснить, что именно произошло; они знали о его способностях.

– Идем, – сказал им Каладин, бросил мешочек со сферами татуировщице, а потом взял свое копьё, оставленное у входа в палатку.

Остальные присоединились к нему, держа копьё на плечах. Им не было нужды носить оружие в лагере, но он хотел, чтобы они привыкли к мысли о том, что это теперь разрешено.

Снаружи бурлил переполненный рынок. Палатки, разобранные и спрятанные на время ночной великой бури, успели возвести вновь. Подумав о Шене, Каладин обратил внимание на паршунов. Беглый взгляд позволил обнаружить с десяток – они помогали ставить последние тенты, носили покупки для светлоглазых, раскладывали товары для лавочников.

«Что они думают об этой войне на Расколотых равнинах? – спросил себя Каладин. – Войне, которая нацелена на поражение и, возможно, порабощение единственного в целом мире свободного племени паршунов?»

Хотелось бы ему узнать, что по этому поводу думает Шен. Но все, чего он мог добиться от паршуна, – это пожатия плечами.

Каладин вел своих людей по рынку, который выглядел куда дружелюбнее, чем рынок в лагере Садеаса. Хотя люди пялились на мостовиков, никто не насмехался, а бурные споры у ближайших прилавков не перерастали в перепалки. Даже беспризорников и попрошаек здесь было меньше.

«Ты просто хочешь в это верить, – размышлял Каладин. – Ты хочешь верить, что Далинар и впрямь такой, как все говорят. Честный светлоглазый из легенд. Но люди твердили то же самое и про Амарама».

По дороге они встречали солдат. Их было очень мало. Те, кто остался на дежурстве в лагере, когда прочие отправились на штурм, закончившийся катастрофой из-за предательства Садеаса. Разминувшись с одним из патрулей, Каладин заметил, что двое солдат впереди небольшого отряда подняли перед собой руки, скрестив запястья.

Откуда они узнали о старом салюте Четвертого моста, и так быстро? Эти солдаты выполнили его не полностью, едва обозначив, но склонили головы перед Каладином и его людьми, когда проходили мимо. Внезапно Каладин осознал, что у царившего на рынке спокойствия имеется еще одна причина. Возможно, дело вовсе не в порядке и дисциплине в армии Далинара.

Весь лагерь был во власти молчаливого ужаса. Предательство Садеаса унесло тысячи жизней. По всей вероятности, каждый здесь знал одного из тех, кто погиб на плато. И каждый, наверное, спрашивал себя, не усугубится ли вражда между двумя великими князьями.

– Приятно, когда тебя считают героем, верно? – Сигзил проводил взглядом очередной отряд.

– На сколько, по-твоему, хватит их доброжелательности? – поинтересовался Моаш. – Когда они начнут нас снова презирать?

– Ха! – Камень, возвышавшийся позади, схватил Моаша за плечо. – Не надо сегодня жалоб! Ты слишком часто это делать. Не заставляй тебя пнуть. Не люблю пинаться. От этого пальцам больно.

– Пнуть? – фыркнул Моаш. – Камень, обзавелся бы ты копьем.

– Копья не надо, чтобы пнуть того, кто много жаловаться. Но большой ункалаки вроде меня – он для этого и создан! Ха! Это же очевидно, нет?

Каладин повел своих людей прочь с рынка, к массивному прямоугольному зданию возле казарм. Оно было построено из обработанного камня, а не духозаклято и потому выглядело намного изысканнее. Такие строения становились привычными в военных лагерях, куда прибывали все новые и новые каменщики.

Духозаклятие – более быстрый способ строительства, но также более дорогой и сложный. Он мало что об этом знал, кроме того что возможности духозаклинателей ограничены. Потому все казармы выглядели почти одинаковыми.

Каладин завел своих людей в высокое здание, к стоявшему за конторкой седому мужчине с внушительным брюшком. Тот надзирал за несколькими паршунами, складывавшими свертки синей ткани. Это был Ринд, старший интендант лагеря Далинара Холина, – Каладин послал ему инструкции накануне. Ринд был светлоглазым, но всего лишь десятинником – это был низкий ранг, только самую малость возвышавший его над темноглазыми.

– Ага! – воскликнул Ринд высоким голосом, который не соответствовал его телосложению. – Наконец-то вы здесь! Я все собрал, капитан. Все, что осталось.

– Осталось? – переспросил Моаш.

– Униформа Кобальтовой гвардии! Я заказал еще, но вот это осталось у нас на складе. – Ринд немного опечалился. – Понимаете, я не ожидал, что понадобится так много и так быстро. – Он окинул Моаша взглядом, вручил ему форменный комплект и указал на ширму для переодевания.

Моаш взял предложенную одежду:

– Мы будем носить наши кожаные жилеты поверх этого?

– Ха! Те, на которых привязано столько костей, что вы похожи на каких-нибудь западных черепноносцев в праздничный день? Я слышан. Но нет, светлорд Далинар велел каждому из вас выдать кирасы, стальные шлемы и новые копья. И кольчугу для поля боя, если надо.

– Пока что, – сказал Каладин, – хватит и формы.

– По-моему, я в этом буду выглядеть глупо, – проворчал Моаш, но пошел переодеваться.

Ринд раздал комплекты остальным. Бросил на Шена странный взгляд, но без возражений выдал форменную одежду и паршуну.

Мостовики сбились в взволнованную толпу, обмениваясь возбужденными замечаниями, пока разворачивали военную форму. Прошло много времени с той поры, как кто-то из них носил другую одежду, помимо кожаных жилетов мостовиков или рабских лохмотьев. Они замолчали, когда появился Моаш.

Эта униформа была новее, куда более современная, чем та, которую Каладин носил в годы предыдущей военной службы. Строгие синие брюки и черные ботинки, отполированные до блеска. Белая рубашка застегивалась на пуговицы, только края воротника и манжет выглядывали из-под кителя, который доходил до талии и застегивался, перехваченный поясом.

– Ну вот, теперь ты настоящий солдат! – со смехом воскликнул интендант. – Все еще думаешь, что выглядишь глупо?

Он жестом предложил Моашу полюбоваться на себя в зеркале на стене.

Тот поправил манжеты и заметно покраснел. Каладину нечасто доводилось видеть его таким растерянным.

– Нет, – пробормотал Моаш. – Не думаю.

Остальные с нетерпением начали переодеваться. Некоторые ушли за ширмы поодаль, но большинству было все равно. Они – мостовики и рабы; до недавнего времени их нередко выставляли на всеобщее обозрение в набедренных повязках.

Тефг оделся быстрее остальных, и он знал, как правильно застегивать мундир.

– Давно не виделись... – прошептал он, затягивая пояс. – Не уверен, что заслуживаю снова носить что-то вроде этого.

– В этом твоя суть, – сказал Каладин. – Не позволяй рабу взять верх.

Тефг фыркнул, закрепляя на поясе боевой нож.

– А ты, сынок? Ты-то когда признаешься, в чем твоя суть?

– Я признался.

– Нам. Не всем остальным.

– Не начинай.

– Захочу – и начну, клянусь бурей, – прорычал Тефг. Потом подался вперед и негромко проговорил: – По крайней мере, пока ты не ответишь на мой вопрос по-настоящему. Ты связыватель потоков. Ты еще не Сияющий, но станешь им в свой черед. Ребята не зря тебя подталкивают. Почему бы тебе не прогуляться наверх, к этому Далинару, не втянуть немного буре-света и не заставить его признать в тебе светлоглазого?

Каладин посмотрел на бывших мостовиков – те устроили неразбериху, пытаясь надеть военную форму, – и на сердитого Ринда, который объяснял им, как застегивается китель.

– Все, что у меня когда-то было, – прошептал Каладин, – отняли светлоглазые. Мою семью, моего брата, моих друзей. Больше. Больше, чем ты можешь себе представить. Увидев, что у меня есть, они тотчас же это забирают. – Он поднял руку и разглядел несколько мерца-

ющих струек, исходивших от кожи – с трудом, лишь потому, что знал, куда смотреть. – Они и это отнимут. Если узнают, на что я способен, то заберут это.

– И как же, клянусь дыханием Келека, они это сделают?

– Понятия не имею, Тефт, но, стоит подумать об этом, меня охватывает паника. Я не могу позволить им заполучить это, не могу допустить, чтобы тебя – или всех вас – у меня отняли. Мы будем молчать о том, что я умею. И больше ни о чем не спрашивай.

Тефт все еще ворчал, когда все остальные наконец-то привели себя в порядок. Однорукий Лопен – пустой рукав он завернул и сунул внутрь, чтобы не болтался, – продемонстрировал нашивку на плече.

– Что это?

– Эмблема Кобальтовой гвардии, – пояснил Каладин, – личных телохранителей Далинара Холина.

– Они мертвы, ганчо, – сказал Лопен. – Мы не они.

– Ага, – согласился Шрам. К ужасу Ринда, он достал нож и срезал эмблему. – Мы Четвертый мост.

– Четвертый мост был вашей тюрьмой! – запротестовал Каладин.

– Не имеет значения, – сказал Шрам. – Мы и есть Четвертый мост.

Остальные согласились и, срезав эмблемы, побросали их на пол.

Тефт кивнул и сделал то же самое.

– Мы будем защищать Черного Шипа, но не заменим тех, кто это делал раньше. Мы сами себе команда.

Каладин потер лоб – что ж, он сам этого добился, объединив их, превратив в сплоченный отряд.

– Я нарисую глифпару для эмблемы, – сказал он Ринду. – Придется вам заказать новые нашивки.

Грузный интендант вздохнул, собирая отвергнутые эмблемы.

– Похоже на то. Вон там лежит ваша форма, капитан. Темноглазый капитан! Кто мог подумать, что подобное возможно? Вы будете единственным в армии. Да и вообще единственным, насколько мне известно!

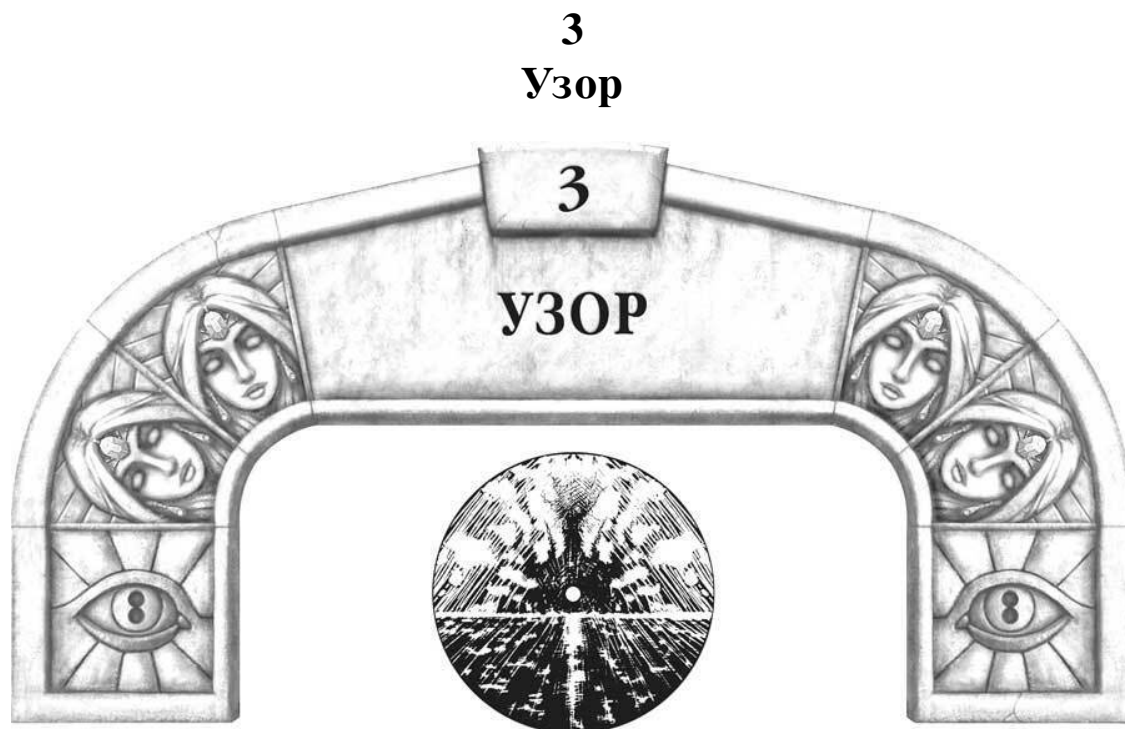
Он, похоже, не считал это оскорблением. У Каладина было мало опыта в общении со светлоглазыми нижних данов вроде Ринда, хотя в военных лагерях они встречались очень часто. В его родном городе жила только семья градоначальника – с даном выше среднего – и темноглазые. Лишь вступив в армию Амарама, он понял, что у светлоглазых существует множество рангов и многим из них приходится заниматься обычным трудом, зарабатывая каждый грош, как и простолюдинам.

Каладин подошел к последнему свертку на стойке. Его форма отличалась. Она включала синий жилет и двубортный синий мундир с белой подкладкой и серебряными пуговицами. Мундир следовало носить расстегнутым, невзирая на ряды пуговиц по обеим сторонам.

Он часто видел такую форму. На светлоглазых.

– Четвертый мост, – сказал юноша и, срезав эмблему Кобальтовой гвардии с плеча, бросил ее на стойку, где уже лежали остальные.

Солдаты сообщали о том, что издалека за ними наблюдает множество разведчиков паршенди. Потом мы заметили, что они изменили тактику ночных вылазок поближе к лагерю и последующего быстрого отступления. Я могу лишь предположить, что наши враги уже тогда готовили военные хитрости, позволяющие завершить эту войну.
Из личного дневника Навани Холин, йесесес, 1174

«Изучение эпохи, предшествовавшей Иерократии обескураживает трудностями. После воцарения Иерократии воринская церковь обрела почти абсолютную власть над восточным Рошаром. Выдумки, которые она поддержала – а позже увековечила как безусловную истину, – внедрились в общественное сознание. Что еще тревожнее, были написаны измененные копии древних текстов, посредством чего историю привели в соответствие с догмами Иерократии».

Шаллан в ночной сорочке сидела в каюте и читала книгу при свете кубка со сферами. В тесной комнате не было настоящего иллюминатора – лишь окошко в виде узкой прорези вдоль верхней части наружной стены. Единственным звуком, который доносился до нее, был плеск волн о корпус корабля. Этой ночью для «Услады ветра» не нашлось порта, чтобы в нем укрыться.

«Церковь в те времена относилась к Сияющим рыцарям с подозрением и все же полагалась на авторитет, дарованный воринизму Вестниками. Вследствие этого возникла дихотомия: с одной стороны, Отступничество – совершенное рыцарями предательство – осуждалось с чрезмерным усердием. С другой, древние рыцари – те, что сопровождали Вестников в темные дни, – превозносились».

Из-за этого весьма трудно изучать Сияющих и место под названием Шейдсмар. Что можно считать фактом? Какие хроники церковь переписала в ошибочном стремлении очистить прошлое от противоречий своим выдумкам, переделать его под собственные предпочтения? Лишь немногие из дошедших до нас документов того периода не прошли через воринские руки, будучи скопированы с изначальных пергаментов в современные манускрипты».

Шаллан отвела взгляд от книги. Этот том был из числа ранних работ, опубликованных Ясной в качестве полноправной ученой. Принцесса не вынуждала Шаллан читать его. Она

даже растерялась, когда ученица попросила экземпляр, и была вынуждена долго искать нужный фолиант в одном из многочисленных сундуков с книгами, что держала в корабельном трюме.

Почему она действовала с такой неохотой, если в этом труде говорилось именно о тех вещах, которые изучала Шаллан? Разве Ясне не следовало первым делом дать ей это? Ведь...

Узор вернулся.

У Шаллан перехватило дыхание, когда она увидела его на стене каюты рядом с койкой, слева от себя. Она осторожно посмотрела на лист перед собой. Узор выглядел так же, как и раньше, когда появился на странице ее альбома.

С того момента она замечала его краем глаза: он проступал на шершавых деревянных планках, на спине матросской рубахи, на мерцающей поверхности воды. Каждый раз, стоило ей посмотреть прямо на него, узор исчезал. Ясна ничего не сказала по этому поводу, лишь отметила, что он, похоже, безобиден.

Шаллан перевернула страницу и выровняла дыхание. Она уже испытывала подобное раньше, когда на ее рисунках появились непрошенные гости – странные существа с головами в виде символов. Девушка позволила взгляду оторваться от книги и обратиться к стене – не прямо на узор, но чуть поодаль, словно она его не заметила.

Да, он был там. Выступающий, будто тисненый, и сложный, с завораживающей симметрией. Тонкие линии перекручивались и извивались внутри его «тела», каким-то образом приподнимая поверхность дерева, словно железный орнамент из завитков под расстеленной на столе скатертью.

Он был таким же, как те... существа. Символоголовые. Этот узор был похож на их странные головы. Девушка опять посмотрела на страницу, но не стала читать. Корабль качался на волнах, и светящиеся белые сферы в ее кубке позвякивали, смещаясь. Она глубоко вздохнула.

И взглянула прямо на узор.

Он тотчас же начал бледнеть, словно уходя вглубь досок. Но прежде, чем это случилось, Шаллан успела его как следует рассмотреть и снять Образ.

– Не в этот раз, – пробормотала художница, пока он исчезал. – Ты попался.

Она отбросила книгу, схватила угольный карандаш и лист рисовальной бумаги. Придвинулась ближе к свету. Рыжие волосы в беспорядке рассыпались по ее плечам.

Девушка работала неистово, обуреваемая яростным желанием завершить этот рисунок. Пальцы двигались сами по себе, обнаженная защищенная рука держала альбом ближе к кубку, который отбрасывал на бумагу блики света.

Она отшвырнула карандаш. Требовалось что-то более четкое, пригодное для резких линий. Чернила. Карандаш прекрасно подходил для отображения мягких оттенков жизни, но то, что рисовала Шаллан, не было жизнью. Оно было чем-то иным, чем-то нереальным. Она раскопала в своих пожитках перо и чернильницу, потом опять вернулась к рисованию, перенося на бумагу тонкие, замысловатые линии.

Девушка ни о чем не думала, пока рисовала. Искусство поглотило ее, и спрены творчества один за другим начали появляться вокруг. Десятки миниатюрных существ вскоре заполнили столик возле ее кушетки и пол каюты в том месте, где художница стояла на коленях. Спрены двигались, крутились, каждый был не больше ложки без черенка; они менялись, принимая формы недавно встреченных предметов. Она, как правило, их игнорировала, хотя раньше ей не доводилось видеть так много сразу.

Они все быстрее меняли формы, пока Шаллан сосредоточенно рисовала. Казалось, что узор невозможно воспроизвести. Его замысловатые составные части повторялись и повторялись, до бесконечности. Нет, даже перо не могло в совершенстве отобразить эту штуковину, но ей удалось ухватить главное. Она нарисовала исходящую из центра спираль, потом воссоздала

каждый из сегментов, обладавший собственным водоворотом из тонких линий. Это походило на лабиринт, построенный ради того, чтобы сводить узников с ума.

Нанеся последний штрих, Шаллан поняла, что тяжело дышит, как будто пробежала большое расстояние. Девушка моргнула, снова увидев собравшихся вокруг спренов творения, – их были сотни! Они неторопливо исчезали один за другим. Шаллан положила перо рядом с сосудом с чернилами, который приклеила к столешнице воском, чтобы не скользил из-за качки. Подняла страницу, выжидая, пока высохнут последние чернильные линии, и почувствовала себя так, словно совершила великое дело – хотя понятия не имела какое.

Как только последняя линия высохла, перед Шаллан проступил узор. От бумаги донесся отчетливый звук – как будто кто-то вздохнул с облегчением.

Она вздрогнула, выронила лист и забралась с ногами на кровать. В отличие от предыдущих случаев, тисненый узор не исчез, хотя покинул бумагу, отделившись от совпадавшего с ним рисунка, и перешел на пол.

Она не могла описать это иначе. Узор каким-то образом перешел с бумаги на пол. Он подобрался к ножке ее кровати и обернулся вокруг нее, поднялся и переполз на одеяло. Это не было похоже на то, как если бы что-то двигалось под одеялом. Линии были слишком резкими, ткань не растягивалась. «Что-то под одеялом» обладало бы расплывчатыми очертаниями, но эта штука выглядела отчетливо.

Существо приближалось. Оно не выглядело опасным, но Шаллан все равно затряслась. Узор отличался от симвоологоловых на ее рисунках, и при этом каким-то образом был таким же, как они. Расплющенной версией, без торса и конечностей. Абстрактным изображением одного из них, в точности как круг с несколькими линиями внутри мог бы условно считаться изображением человеческого лица на листе бумаги.

Те создания привели ее в ужас, являлись к ней в кошмарах, заставили беспокоиться о том, не сходит ли она с ума. Поэтому, когда плоское существо приблизилось, она вскочила с кровати и отодвинулась от него так далеко, как это было возможно в небольшой каюте. Потом с колотящимся сердцем распахнула дверь, желая немедленно найти Ясну.

Принцесса обнаружилась прямо за порогом – ее правая рука тянулась к дверной ручке, а левую она держала перед собой ладонью вверх. На ладони стояла фигурка из непроницаемой тьмы – мужчина в аккуратном модном костюме с длинным сюртуком. Увидев Шаллан, он растворился, превратился в тень. Ясна посмотрела на ученицу, потом – на пол каюты, где ползал по доскам узор.

– Дитя, надень что-нибудь, – велела принцесса. – Нам надо поговорить.

– Поначалу я надеялась, что у нас будут одинаковые спрены, – сказала Ясна, сидя на табурете в каюте ученицы. Узор оставался на полу между нею и веденкой, которая лежала лицом вниз на кушетке, подобающим образом одетая – в халате поверх ночной сорочки и с тонкой белой перчаткой на левой руке. – Но разумеется, это было бы слишком легко. После отплытия из Харбранта я заподозрила, что мы из разных орденов.

– Орденов, светлость? – переспросила Шаллан, робко тыкая карандашом в узор на полу.

Тот отпрянул, как испуганный зверек. Девушка была зачарована тем, как он приподнимал поверхность пола, хотя часть ее не желала иметь ничего общего с ним и с его неестественными, головокружительными завихрениями.

– Да. – Черный спрен, который сопровождал Ясну, больше не появился. – Известно, что у каждого ордена был доступ к двум потокам и лишь один из них мог совпадать с другим орденом. Способность, о которой идет речь, именуется связыванием потоков. Духозакливание – одна из форм связывания, и она у нас общая, хотя мы относимся к разным орденам.

Шаллан кивнула. Связывание потоков. Духозакливание. Это были таланты Сияющих отступников, способности – как предполагалось, мифические, – которые сделались их благо-

словением или проклятием, в зависимости от того, какие свидетельства принимать во внимание. По крайней мере, это она усвоила из книг, которые Ясна давала ей читать во время их путешествия.

– Я не одна из Сияющих, – возразила Шалан.

– Разумеется, нет, и я тоже к ним не отношусь. Рыцарские ордены были конструктом в той же степени, в какой все общество является конструктом, который люди используют, чтобы определять и объяснять. Не каждый мужчина, взявший в руки копье, становится солдатом, и не каждая женщина, что печет хлеб, становится пекарем. И все-таки оружие или выпекание хлеба представляют собой отличительные признаки конкретных профессий.

– Вы хотите сказать, что наши умения...

– Некогда предопределяли вступление в ряды Сияющих рыцарей, – договорила Ясна.

– Но ведь мы женщины!

– Да, – весело согласилась принцесса. – Спренам не свойственны предрассудки, от которых страдает человеческое общество. Воодушевляет, верно?

Шалан перестала тыкать карандашом в спрен-узор и посмотрела на Ясну:

– Среди Сияющих рыцарей были женщины?

– Статистически приемлемое количество. Но не бойся, дитя, тебе не придется размахивать мечом. Архетип «Сияющий рыцарь на поле боя» является преувеличением. Судя по тому, что я читала, – хотя источники, увы, не могут считаться достоверными, – на каждого Сияющего, посвятившего себя битвам, приходилось трое, занимавшихся дипломатией, научными изысканиями или иной работой, способной приносить пользу обществу.

– А-а.

И почему Шалан это разочаровало?..

«Дура».

Непрощеными гостями явились воспоминания. Серебряный меч. Узор из света. Истины, от которых она пряталась. Девушка прогнала их, крепко зажмурив глаза.

Десять ударов сердца.

– Я искала сведения о спренах, про которых ты мне рассказала, – продолжила Ясна. – О существах с головами-символами.

Шалан глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Он один из них, – сказала девушка, карандашом указывая на узор, который принялся ползать с пола на ее сундук и обратно, в точности как ребенок, прыгающий на диване. Теперь он казался не грозным, а невинным, даже игривым... и, в общем-то, почти неразумным. Неужели это существо сумело ее испугать?

– Подозреваю, так и есть, – согласилась Ясна. – Большинство спренов здесь проявляют себя иначе, чем в Шейдсмаре. То, что ты рисовала раньше, было их формой оттуда.

– Эта форма не очень-то впечатляет.

– Да. Должна признаться, я разочарована. По-моему, мы упускаем что-то важное о них, и меня это раздражает. У криптиков зловещая репутация, но этот экземпляр – первый из них, кого мне довелось встретить, – выглядит...

Спрен забрался вверх по стене, потом скользнул вниз, после снова поднялся и опять съехал на пол.

– Кретином? – подсказала Шалан.

– Вероятно, ему просто нужно еще немного времени, – проговорила Ясна. – Когда наши с Айвори узы возникли... – Она осеклась.

– Что?

– Прости. Он не любит, когда я о нем рассказываю. Это его тревожит. Рыцари нарушили свои клятвы, и спренам было очень больно. Многие спрены умерли – я в этом уверена. Хотя

Айвори ничего об этом не говорил, я догадываюсь, что его поступок остальными расценивается как предательство.

– Но...

– Все, не будем об этом, – перебила Ясна. – Извини.

– Хорошо. Вы упомянули криптиков?

– Да. – Ясна вытащила из рукава, прятавшего защищенную руку, сложенный в несколько раз лист бумаги – один из набросков Шаллан, изображавший симвоологоловых. – Так они называют сами себя, хотя нам бы пристало звать их спренами лжи. Они это имя не любят. Как бы там ни было, криптики управляют одним из самых больших городов в Шейдсмаре. Можешь считать их светлоглазыми сферы Разума.

– Значит, это существо, – сказала Шаллан, кивая на узор, который носился кругами по центру каюты, – в их мире вроде как... принц?

– В каком-то смысле. Между ними и спренами чести существует некий замысловатый конфликт. Политика спренов – не то, чему я сумела уделить много времени. Этот спрен будет твоим компаньоном и, помимо всего прочего, даст тебе возможность духозаклинать.

– «Всего прочего»?

– Тут придется подождать. Это связано с природой спренов. Что тебе удалось узнать?

С Ясной все так или иначе превращалось в экзамен. Шаллан подавила вздох. По этой причине она и отправилась в путь с принцессой, а не вернулась домой. И все-таки ей хотелось, чтобы Ясна хоть иногда отвечала на вопросы, а не вынуждала мучительно искать ответы самой.

– Алай говорит, что спрены – фрагменты силы творения. Многие ученые, чьи труды я читала, с ней соглашаются.

– Это одно из мнений. Что оно означает?

Шаллан попыталась не отвлекаться на спрена на полу.

– Существует десять основных потоков – сил. Благодаря им и живет наш мир. Гравитация, давление, трансформация и так далее. Вы сказали, что спрены – фрагменты сферы Разума, которые как-то обрели способность мыслить, и это как-то связано с вниманием людей. Что ж, остается лишь заключить, что раньше они были чем-то другим. Словно... словно портрет, который был холстом, прежде чем ожил.

– Ожил? – переспросила Ясна, вскинув бровь.

– Разумеется, – сказала Шаллан. Картины жили. Не как люди или спрены, но... для нее, по крайней мере, это было очевидно. – Ну так вот, прежде чем спрены ожили, они были чем-то другим. Силой. Энергией. Дзен-дочь-Ваты нарисовала небольших спренов, которых иной раз обнаруживала возле тяжелых предметов. Спрены гравитации – фрагменты той силы, что заставляет нас падать. Таким образом, каждый спрен был силой, прежде чем стал спреном. Вообще, спренов можно разделить на две большие группы. Те, что соответствуют чувствам, и те, что соответствуют силам вроде огня или давления ветра.

– Выходит, ты согласна с классификацией спренов по Намаре?

– Да.

– Хорошо, – проговорила Ясна. – Я тоже. Лично мне кажется, что эти категории спренов – спрены эмоций против спренов природы – породили первобытных «богов» человечества. Честь, ставший в воринизме Всемогущим, был создан людьми, которым требовалось воплощение идеальных человеческих эмоций – таких, какие демонстрировали спрены эмоций. Культивация, которой поклоняются на западе, – богиня, олицетворяющая природу и спренов природы. Разнообразные спрены пустоты и их невидимый повелитель, чье имя меняется в зависимости от того, какую культуру мы принимаем во внимание, представляют врага или антагониста. Буреотец, конечно, на их фоне выглядит странно, и концепции относительно его сущности менялись по ходу развития воринизма...

Она замолчала. Шаллан покраснела, сообразив, что отвернулась и начала рисовать на одеяле охранный глиф против зла, что таилось в речах принцессы.

– Я сорвалась, – сказала Ясна. – Приношу свои извинения.

– Вы так уверены, что он не настоящий, – заметила Шаллан. – Я о Всемогущем.

– У меня не больше фактов его существования, чем доказательств тайленских Стремлений. Ну, Ралика с Чистозера или любого другого божества.

– А Вестники? По-вашему, их тоже не было?

– Я не знаю. В этом мире есть много вещей, которые мне непонятны. К примеру, есть весьма небольшая вероятность того, что как Буреотец, так и Всемогущий реальны, – они просто могущественные спрены вроде Ночехранительницы.

– В этом случае он все-таки настоящий.

– Я и не говорила, что это не так, а заявила, что не считаю его богом и не чувствую в себе ни малейшего желания ему поклоняться. Но это к нашей теме не относится. – Принцесса встала. – Я освобождаю тебя от всех занятий. На протяжении следующих нескольких дней ты будешь сосредоточенно заниматься только одним. – Она указала на пол.

– Узором? – спросила Шаллан.

– Ты первый человек за много веков, которому удалось взаимодействовать с криптиком. Изучи его и запиши все, что узнаешь. В подробностях. Это, скорее всего, будет твой первый важный труд, который вполне способен сыграть большую роль в будущем.

Веденка внимательно посмотрела на узор. Тот приблизился, ударился о ее ногу – она едва почувствовала этот удар – и теперь ударялся снова и снова.

– Великолепно, – пробормотала она.

4

Собиратель секретов

*Следующая подсказка появилась на стенах. Не могу сказать, что не уделила ей должного внимания, но подоплеку в полной мере не осознала.
Из личного дневника Навани Холин, йесесес, 1174*

Я бегу по воде, – сказал Далинар, приходя в себя.
И в самом деле, он мчался вперед.

Видение оживало вокруг него. Теплая вода плескалась у ног. По обе стороны по мелководью бежали с десятков мужчин с молотами и копьями. Они при каждом шаге высоко вскидывали ноги, отводили ступни назад, бедра держали параллельно поверхности воды, словно маршировали на параде, – только вот ни один парад еще не превращался в такую безумную неразбериху. Очевидно, подобный бег помогал им преодолевать водные преграды. Далинар попытался подражать странной походке.

– Думаю, я посреди Чистозера, – тихонько проговорил он. – Теплая вода всего лишь до колен, нигде не видно берега. Впрочем, сейчас сумерки, и я мало что могу разглядеть. Со мною бегут другие. Я не знаю, бежим ли мы куда-то или откуда-то. Оглядываясь, ничего не вижу за спиной. Эти люди явно солдаты, хотя форма у них древняя. Кожаные юбки, бронзовые шлемы и нагрудники. Ноги и руки голые. – Он окинул себя взглядом. – Я одет так же.

Некоторые великие лорды в Алеткаре и Йа-Кеведе все еще использовали такую военную форму, так что он не смог точно определить эпоху. Все вариации на тему старины были придуманы командирами – приверженцами традиций, которые надеялись, что классический стиль вдохновит их людей. Но в подобных случаях вместе с древней формой использовалось современное стальное оружие, а он его вокруг не наблюдал.

Далинар не задавал вопросов. Он обнаружил, что получал от видений больше, если включался в происходящее, а не останавливался и требовал, чтобы ему все объяснили.

Бежать по воде нелегко. Поначалу он был ближе к авангарду отряда, теперь тащился позади. Они направлялись к чему-то вроде большой скалы, окруженной сумеречными тенями. Может, это все-таки не Чистозеро. На Чистозере нет скал вроде...

Это не скала. Это крепость! Далинар резко затормозил, уставившись на островерхое, похожее на замок строение, вздымавшееся из спокойных вод озера. Он никогда раньше не видел подобного совершенно черного камня. Обсидиан? Возможно, это здание духозакляти.

– Впереди крепость, – сказал князь, продолжив бег. – Вероятно, ее больше нет – в противном случае она была бы знаменита. Выглядит так, словно ее создали целиком из обсидиана. Похожие на плавники стены вздымаются к заостренным крышам, башни напоминают наконецники стрел... Буреотец! Это потрясающе. Мы приближаемся к другой группе солдат. Они стоят в воде, выставив копыя, словно ждут нападения. Их, наверное, дюжина; со мной еще одна. И... да, они кого-то окружили. Осколочник. Светящиеся доспехи.

Не просто осколочник. Сияющий. Рыцарь в блистающем осколочном доспехе, сочленения которого светились темно-красным, как и некоторые метки. Так выглядели латы в темные дни. Видение относилось ко времени до Отступничества.

Как и все осколочные доспехи, этот был особенным. Кольчужная юбка, гладкие сочленения, наручи с умеренно выступающей задней частью... Вот же буря, доспех – как броня Адольфина, хоть и казался более узким в талии. Женщина? Далинар точно не знал, поскольку рыцарь опустил забрало.

– Построиться! – приказал Сияющий, когда новый отряд приблизился, и князь кивнул самому себе: так и есть – женщина.

Далинар и остальные солдаты построились кольцом вокруг рыцаря, взяв оружие на изготовку. Неподалеку сквозь воду шла другая группа солдат, охранявшая Сияющую.

– Почему вы призвали нас назад? – спросил один из спутников Далинара.

– Каэб что-то увидел, – объяснила женщина-рыцарь. – Будьте начеку. Вперед – и соблюдайте осторожность.

Отряд двинулся прочь от крепости в направлении, противоположном тому, откуда они прибежали. Далинар держал копьё наготове, по его вискам тек пот. Самого себя он видел таким же, как всегда. Другие, однако, принимали его за кого-то из своих.

Он по-прежнему ужасно мало знал об этих видениях. Их каким-то образом посылал Всемогущий. Но Всемогущий, по его собственным словам, был мертв. Как же это работало?

– Мы что-то ищем, – тихонько прокомментировал Далинар. – Отряды из рыцарей и солдат послали в ночь, чтобы отыскать то, что было замечено.

– Новичок, ты в порядке? – спросил один из солдат рядом.

– В полном, – заверил его Далинар. – Просто переживаю. В том смысле, что я ведь даже не знаю, что мы ищем.

– Спрена, который ведет себя не так, как положено. Будь начеку. Когда Сья-анат касается спрена, он становится странным. Увидишь что – сразу кричи.

Далинар кивнул и тихонько повторил эти слова, надеясь, что Навани его слышит. Вместе с солдатами они продолжили поиски, и рыцарь в центре их группы говорил с... пустотой? Сияющая будто с кем-то беседовала, но Далинар не видел и не слышал никого рядом с нею.

Он принялся рассматривать окрестности. Ему всегда хотелось увидеть центр Чистозера, но так и не получилось удалиться от берега. В ходе последнего визита в Азир князь не смог выделить время для того, чтобы заехать на Чистозеро. Азирцы всегда нарочито удивлялись, что ему хотелось посетить место, где, по их словам, «ничего не было».

На ногах у Далинара была какая-то тесная обувь – видимо, предохранявшая от порезов о камни, скрытые под водой. Дно местами было неровным, с ямами и выступами, которые он скорее чувствовал, чем видел. Князь невольно засмотрелся на рыбок, что метались туда-сюда, словно тени в воде, а рядом с ними было лицо.

Лицо. Далинар отпрыгнул и закричал, направив копьё вниз:

– Там лицо! В воде!

– Речной спрен? – поинтересовалась Сияющая, приближаясь.

– Похоже на тень, – описал Далинар. – Глаза красные.

– Значит, он здесь, – сказала женщина-рыцарь. – Шпион Сья-анат. Каэб, беги к сторожевому посту. Остальные, продолжайте наблюдать. Далеко без носителя не уйдет. – Она сорвала что-то с пояса – небольшой кошель.

– Вон там! – воскликнул Далинар, заметив в воде маленькую красную точку.

Она поплыла прочь от него, точно рыба. Князь бросился следом – бежал, как научился раньше. Но зачем же преследовать спрена? Их нельзя поймать. По крайней мере, ему был неизвестен способ сделать это.

Остальные бежали следом. Рыбы бросились врассыпную, испуганные плеском.

– Я преследую спрена, – негромко проговорил Далинар. – За ним мы и охотились. Он слегка напоминает лицо – тень лица, с красными глазами. В воде плавает как рыба. Постойка! Есть еще одно. Появилось рядом с ним. Нет, это целая человеческая фигура, футов шести ростом. Пловец – точнее, тень пловца. Он...

– Клянусь бурей! – внезапно воскликнула Сияющая. – Он тут не один!

Большой спрен изогнулся и нырнул в глубину, исчезнув в скалистом дне. Далинар остановился, не зная, следует ли ему продолжать преследовать маленького спрена или остаться на месте.

Его спутники повернулись и бросились бежать в другую сторону.

Ох!..

Далинар попятился, когда каменистое дно озера задрожало. Споткнулся, с плеском упал в воду. Она была такая прозрачная, что он видел, как дно озера... трескается. Словно что-то большое колотит по нему снизу.

– Давай! – крикнул один из солдат, хватая его за руку.

Когда Далинару помогли подняться, трещины на дне сделались шире. Еще недавно спокойная поверхность озера кипела и бурлила.

Земля содрогнулась, и князь чуть было опять не упал. Несколько солдат впереди него все же не удержались.

Сияющая крепко стояла на ногах, и в ее руках появился громадный осколочный клинок.

Бросив взгляд через плечо, Далинар увидел, как из воды что-то появляется. Длинная рука! Тонкая, футов пятнадцати длиной, она с шумом вырвалась из воды и, снова ринувшись вниз, уперлась в дно, как будто желая обрести надежную опору. Неподалеку появилась другая рука, направленная локтем в небо, а потом они обе напряглись, как у человека, который делает отжимания.

От скалистого дна оторвалось громадное тело: как если бы кого-то закопали в песок и вот он выбрался наружу. С гребнистой и неровной спины существа, поросшей сланцекорником и донным грибком, текли струи воды. Спрен каким-то образом оживил сам камень.

Пока тварь корчилась, вставая, Далинар разглядел ее светящиеся красные глаза – глубоко посаженные, точно два лавовых озера на злобной каменной морде. Тело было скелетообразным, с тонкими, костлявыми руками и пальцами-веточками, которые заканчивались каменными когтями. Грудь выглядела точно клетка из каменных ребер.

– Гроломом! – завопили солдаты. – Молоты! Готовьте молоты!

Женщина-рыцарь стояла перед чудовищем, в котором было тридцать футов роста. С него стекала вода. От Сияющей полился спокойный белый свет. Он напомнил Далинару свечение сфер. Буресвет! Она вскинула осколочный клинок и бросилась в атаку, двигаясь в воде с необъяснимой легкостью, словно та на нее не давила. Возможно, дело в силе, дарованной осколочным доспехом.

– Они были созданы, чтобы стеречь, – раздался голос позади.

Князь оглянулся и увидел упавшего солдата, который чуть раньше помог ему встать, – длиннолицего селайца, лысеющего и с широким носом. Далинар наклонился, чтобы помочь ему подняться.

До этого селаяец говорил по-другому, однако новый голос был Далинару знаком. Он звучал в конце почти всех видений. Это говорил Всемогущий.

– Сияющие рыцари, – пояснил Всемогущий, вставая рядом с Далинаром и наблюдая за тем, как женщина атакует оживший ночной кошмар, – должны были противостоять разрушительной силе Опустошений. Десять рыцарских орденов, основанных, чтобы помогать людям сражаться, а потом – заново строить жизнь.

Далинар повторил это – слово за словом. Он старался не пропустить ни одного, не думая об их смысле.

Всемогущий повернулся к нему:

– Я был удивлен, когда появились эти ордена. Я не учил этому своих Вестников. Это все спрены; имитируя то, что я дал людям, они сделали это возможным. Тебе придется основать их заново. Вот твое задание. Объедини их. Создай крепость, которая выдержит бурю. Пусть Вражда взбесится – убеди его, что он может проиграть, и назначь защитника. Он ухватится за этот шанс и не станет рисковать – ему слишком часто доводилось испытывать поражения. Это лучший из всех советов, какие я могу тебе дать.

Далинар все повторил. Позади него битва разгорелась всерьез: раздавался плеск воды, скрежет камней. Приближались солдаты с молотами, и внезапно оказалось, что эти люди тоже излучают буресвет, хотя и куда слабее.

– Тебя удивило появление рыцарей, – сказал Далинар Всемогущему. – И эта сила, этот враг сумел тебя убить. Ты никогда не был богом. Бог знает все. Бога нельзя убить. Так кем же ты был?

Всемогущий не ответил. Он не мог. Князь уже понял, что эти видения следовали определенному сценарию. Люди в них могли реагировать на Далинара, точно актеры, которым позволено немного импровизировать. Сам Всемогущий никогда этого не делал.

– Сделаю, что смогу, – добавил Далинар. – Я воссоздам их. Приготовлюсь. Ты рассказал мне о многом, но кое-что я понял сам. Если тебя можно было убить, то, вероятно, другого такого же – твоего врага – тоже можно.

Далинара поглотила тьма. Вопли и плеск воды затихли. Относилось ли это видение ко времени одного из Опустошений или к периоду между ними? Видения ничего не проясняли до конца. Когда тьма растаяла, он оказался лежащим в небольшой комнатке с каменными стенами внутри своего жилища в военном лагере.

Рядом сидела Навани – перо так и летало над планшетом, который та держала перед собой. Буря свидетельница, до чего эта женщина прекрасна! Ее красота была зрелой: красная помада на губах, волосы заплетены в сложную косу, уложенную вокруг головы и украшенную сверкающими рубинами. Кроваво-красное платье. Навани глянула на него, заметила, что очнулся и моргает. Улыбнулась.

– Это было... – начал он.

– Тсс. Последняя часть показалась мне важной, – сказала она, продолжая писать.

Навани писала еще минуту, потом наконец-то оторвала перо от планшета, который сжимала пальцами сквозь ткань рукава.

– Думаю, я ничего не пропустила. Тяжело, когда ты переходишь с одного языка на другой.

– Я перешел с одного языка на другой?

– В конце. Перед этим ты говорил по-селайски. На древнем селайском, безусловно, но у нас есть тексты на нем. Надеюсь, переводчицы разберутся в моей транскрипции; я этим языком владею неважно. И все-таки тебе следует говорить помедленнее, когда ты так делаешь, дорогой.

– С учетом обстоятельств, это будет непросто, – пробормотал Далинар, вставая.

По сравнению с тем, что он чувствовал во время видения, в комнате было холодно. Дождь стучал по запертым ставням, но великий князь по опыту знал: окончание видения значило, что буря почти растратила свои силы.

Чувствуя себя выжатым, он сел в кресло у стены. В комнате с ним была только Навани; ему так нравилось. Ренарин и Адолин пережидали бурю тоже в доме Далинара, но в другой комнате, под бдительным оком капитана Каладина и его мостовиков-телохранителей.

Возможно, ему следовало пригласить больше ученых, чтобы разобраться в видениях; они могли бы записать его слова, а потом, посоветовавшись, получить самую точную версию. Но – буря! – Далинару и так было не по себе даже от того, что лишь один человек видел его в таком состоянии, бредящим и бьющимся в конвульсиях на полу. Он верил в свои видения, даже зависел от них, но это не означало, что они его не смущали.

Навани села рядом и обняла его.

– Плохо было?

– На этот раз? Нет. Не плохо. Беготня, потом битва. Я не участвовал. Видение завершилось прежде, чем потребовалась моя помощь.

– Тогда почему у тебя такое лицо?

– Я должен восстановить Сияющих рыцарей.

– Восстановить Сияющих... Но почему? Что это вообще значит?

– Не знаю. Я ничего не знаю; в моем распоряжении только намеки и призрачные угрозы. Надвигается что-то опасное – тут сомнений нет. И я должен это остановить.

Она опустила голову ему на плечо. Князь смотрел на очаг, в котором тихонько потрескивал огонь, озаряя комнатку теплым светом. Это был один из немногих очагов, которые еще не переделали, используя новые фабриальные обогреватели.

Настоящий огонь нравился Далинару больше, хотя он не признался бы в этом Навани. Она так старалась, чтобы у всех появились новые фабриали.

– Почему ты? – спросила Навани. – Почему этим должен заниматься именно ты?

– Почему один человек рождается королем, а другой – нищим? Так устроен мир.

– Неужели для тебя все так просто?

– Конечно не просто. Но не вижу смысла требовать ответы.

– Особенно если Всемогущий мертв...

Возможно, ему не следовало ей об этом рассказывать. Лишь одна эта идея могла заклеить его как еретика, враждебно настроить его собственных ревнителей, предоставить Садеасу оружие против трона.

Если Всемогущий мертв, кому поклонялся Далинар? Во что он верил?

– Мы должны записать твои воспоминания о видении, – со вздохом сказала Навани, отстраняясь от него. – Пока они еще свежи.

Он кивнул. Было важно иметь описание, соответствующее зафиксированным словам. Далинар начал подробно излагать все, что видел, проговаривая фразы достаточно медленно, чтобы она успевала записывать. Он обрисовал озеро, одежду людей, странную крепость в отдалении. Вдова короля заявила, что тамошние местные жители рассказывают удивительные истории о больших строениях на Чистозере. Ученые считали, что это мифы.

Перейдя к описанию нечестивой твари, что восстала со дна озера, Далинар вскочил и начал ходить по комнате из угла в угол.

– После него на дне озера осталась дыра, – объяснил он. – Представь себе, что ты нарисовала тело на полу, а потом увидела, как оно вырвалось из земли. Представь себе, какое тактическое преимущество несет в себе такая штука. Спрены движутся быстро и легко. Один может проскользнуть в тыл, а там восстать и атаковать резервные отряды. Должно быть, каменное тело этой твари трудно сломать. Вот же буря!.. Осколочные клинки. Я спрашиваю себя, не было ли наше оружие на самом деле создано для битв с такими существами.

Навани улыбнулась, не переставая писать.

– Что? – спросил Далинар, прекращая метаться.

– Ты воин до мозга костей.

– Да. И что?

– И за это я тебя обожаю, – сказала она, дописывая фразу. – Что было дальше?

– Всемогущий говорил со мной.

Далинар вновь начал ходить по комнате, медленно и неторопливо, и пересказал ей монолог Всемогущего, стараясь ничего не упустить. «Мне нужно больше спать». Он уже не тот юноша, каким был двадцать лет назад, когда случалось всю ночь бодрствовать вместе с Гавиларом, слушая за чашей вина, как брат строит планы, а наутро – бросаться в битву полным сил и нетерпеливо искать соперника.

Когда он закончил свое повествование, Навани встала и спрятала письменные принадлежности. Она возьмет записи и велит своим ученым – точнее, его ученым, присвоенным ею, – поработать над сведением алетийского текста с тем, что она записала во время видения. Конечно, сначала удалит те строки, где он упомянул о деликатных вещах вроде смерти Всемогущего.

Она также займется поисками в исторических хрониках того, что будет соответствовать его описаниям. Навани любила раскладывать все по полочкам и уже распределила все его видения в хронологическом порядке, пытаясь собрать из них единую историю.

– Ты все еще собираешься опубликовать приказ на этой неделе? – спросила она.

Далинар кивнул. Он разослал его великим князьям на прошлой неделе и намеревался в тот же день огласить в лагерях, но Навани убедила его, что будет лучше подождать. Пусть великие князья готовятся, пока новость тайком передают из уст в уста.

– Приказ огласят через пару дней, – сообщил он. – До того, как великие князья успеют как следует надавить на Элокара, чтобы он отозвал распоряжение.

Навани поджала губы.

– Так надо, – сказал Далинар.

– Ты ведь должен их объединить.

– Великие князья словно балованные дети. Чтобы их изменить, придется прибегнуть к крайним мерам.

– Если ты расколешь королевство на части, мы никогда его не восстановим.

– Мы позаботимся о том, чтобы оно не раскололось.

Навани окинула его взглядом и улыбнулась:

– Признаюсь, таким обновленным, уверенным в себе ты мне очень нравишься. Вот если бы я могла одолжить немного этой уверенности, чтобы применить ее по отношению к нам...

– Я весьма уверен по поводу нас, – перебил он, привлекая ее ближе.

– В самом деле? Потому что эти путешествия между королевским дворцом и твоим домом пожирают уйму моего времени каждый день. Сумей я перевезти сюда свои вещи – скажем, в твои покои, – подумай, насколько удобнее все могло бы стать!

– Нет.

– Ты уверен, что они не позволят нам пожениться? Как же быть? Дело в моральной стороне вопроса? Ты сам сказал, что Всемогущий мертв.

– Есть правильные вещи и неправильные, – упрямо проговорил Далинар. – Всемогущий не имеет к этому никакого отношения.

– Бог, – ровным голосом уточнила Навани, – не имеет отношения к тому, правильны его заповеди или неправильны?

– Э-э, да.

– Осторожнее. Ты говоришь, как Ясна. В любом случае, если бог умер...

– Бог не умер. Если Всемогущий мертв, то он никогда не был богом, только и всего.

Она вздохнула, по-прежнему прижимаясь к нему. Привстала на носочки и поцеловала его – без намека на застенчивость. Навани считала, что застенчивыми бывают только жеманные и ветреные женщины. Так что это был страстный поцелуй – вдовствующая королева прижалась к его рту, запрокинула голову, желая большего. Когда же отстранилась, Далинар почувствовал, что ему нечем дышать.

Навани улыбнулась ему, повернулась, собрала свои вещи – он и не заметил, что она выронила все во время поцелуя, – и направилась к двери.

– Видишь ли, терпение мне не свойственно. Я такая же испорченная, как великие князья, и привыкла получать то, что хочу.

Князь фыркнул. И то и другое было неправдой. Навани умела терпеть, когда ее это устраивало. Она подразумевала лишь то, что сейчас такой вариант был ей не по нраву.

Навани открыла дверь, и появился капитан Каладин – заглянул внутрь, оглядел взглядом. Мостовик все делал основательно.

– Проследи за ней, когда она отправится домой, – приказал ему Далинар.

Каладин отсалютовал. Навани проскользнула мимо мостовика и ушла не прощаясь. Дверь закрылась, и Далинар снова остался в одиночестве.

Он тяжело вздохнул и прошел к креслу у камина, где устроился поразмышлять.

Князь проснулся, когда огонь в камине уже погас. Вот буря! Теперь он засыпает посреди дня? Ночью слишком много времени уходит на то, чтобы крутиться и вертеться, и голова его полна забот и тревог о вещах, которые не должны его касаться. Куда ушли простые времена? Рука на мече, незыблемая вера в то, что Гавилар разберется со всеми трудностями?

Далинар встал, потянулся. Нужно еще раз проверить порядок оглашения королевской воли, потом разобраться с новыми гвардейцами...

Он застыл. На стене комнаты виднелась сеть глубоких белых царапин, которые складывались в глифы. Их там раньше не было.

«Шестьдесят два дня, – прочитал Далинар. – Смерть последует».

Вскоре Далинар стоял, выпрямившись и сцепив руки за спиной, и слушал, как Навани совещается с Рушу, одной из холинских ученых. Неподалеку от него Адолин изучал кусок белого камня, найденный на полу. Вероятно, камень выломали из орнамента, обрамлявшего окно, а потом использовали, чтобы написать глифы.

«Спину прямо, голову выше, – приказал себе Далинар, – даже если тебе хочется взять и рухнуть в то кресло». Вождю такое непозволительно. У вождя все под контролем. И не важно, если на самом деле он ощущает, что не контролирует ничего.

Особенно – если так».

– Ах! – воскликнула Рушу, юная ревнительница с длинными ресницами и губками бантиком. – Только гляньте на эти неуклюжие линии! Симметрия ошибочна. Тот, кто это сделал, неопытен в рисовании глифов. Еще чуть-чуть – и «смерть» была бы неправильной... она слишком похожа на «сломанный». И смысл расплывчатый. «Смерть последует»? Или «следуй за смертью»? Или «шестьдесят два дня смерти» и так далее? Глифы неточны.

– Рушу, просто скопируй это, – велела Навани. – И ни с кем не обсуждай того, что видела.

– Даже с вами? – отрешенно поинтересовалась Рушу, не переставая писать.

Вздыхнув, Навани подошла к Далинару и Адолину.

– Девочка и впрямь хороша в своем деле, – негромко проговорила она, – но временами делается немного забывчивой. В любом случае она разбирается в письме лучше всех остальных. Это одна из многих областей, которые ее интересуют.

Далинар кивнул, сдерживая свои страхи.

– Зачем кому-то могло понадобиться такое? – спросил Адолин, отшвыривая камень. – Это что, скрытая угроза?

– Нет, – бросил Далинар.

Навани посмотрела ему в глаза.

– Рушу, – приказала она. – Оставь нас на минутку.

Женщина поначалу не ответила, но быстро удалилась. Когда она открыла дверь, снаружи показались члены Четвертого моста во главе с мрачным капитаном Каладином. Он сопроводил Навани домой, потом вернулся и обнаружил это – после чего немедленно послал людей проверить, что с Навани, и привести ее назад.

Он явно считал своим личным упущением то, что кто-то пробрался в комнату Далинара, пока великий князь спал. Холин взмахом руки велел капитану войти.

Каладин тотчас же подчинился – Далинар понадеялся, что бывший мостовик не заметил, как Адолин стиснул зубы при виде его. Князь сражался с осколочником-паршенди, когда Каладин и Адолин столкнулись на поле боя, но ему рассказали об их перепалке. Его сыну точно не понравилось известие о том, что этот темноглазый мостовик был поставлен во главе Кобальтовой гвардии.

– Сэр, – заговорил Каладин, приблизившись. – Мне стыдно. Неделю на посту – и уже подвел вас.

– Ты подчинился приказу, капитан, – сказал Далинар.

– Мне было приказано беречь вас, сэр, – возразил Каладин звенящим от ярости голосом. – Я должен был выставить часовых у каждой двери в ваших покоях, а не только у входа в них.

– Капитан, в будущем мы будем внимательнее, – отетил Далинар. – Твой предшественник всегда выставлял часовых так же, как и ты, и раньше этого было достаточно.

– Сэр, то были другие времена, – пробурчал Каладин, окидывая комнату взглядом прищуренных глаз. Он пригляделся к окну, слишком маленькому, чтобы кто-то мог забраться внутрь. – Я по-прежнему не понимаю, как злоумышленник мог оказаться в комнате. Стражи ничего не слышали.

Далинар изучающе взглянул на молодого солдата с покрытым шрамами мрачным лицом.

«Почему, – подумал великий князь, – я так доверяю этому человеку?»

Он понимал, что оснований для этого нет, но за многие годы научился доверять своему чутью – как солдат и как генерал. Что-то внутри его требовало довериться Каладину, и он подчинился этому требованию.

– Пустяк, – отмахнулся Далинар.

Каладин бросил на него резкий взгляд.

– Не слишком беспокойся из-за того, что кто-то сумел сюда пробраться, чтобы оставить каракули на стене, – продолжил Далинар. – Просто в будущем будь осторожнее. Свободен. – Он кивнул Каладину, который с неохотой удалился и закрыл за собой дверь.

Подошел Адолин. Юноша с копной непокорных волос был таким же высоким, как и Далинар. Иногда великий князь об этом забывал. Казалось, совсем недавно Адолин был бойким мальчишкой с деревянным мечом.

– Ты сказал, что проснулся и увидел это, – проговорила Навани. – И что не видел и не слышал, как кто-то рисовал на твоей стене.

Далинар кивнул.

– Почему же, – продолжила она, – у меня вдруг возникло отчетливое ощущение, что ты знаешь, откуда взялась эта надпись?

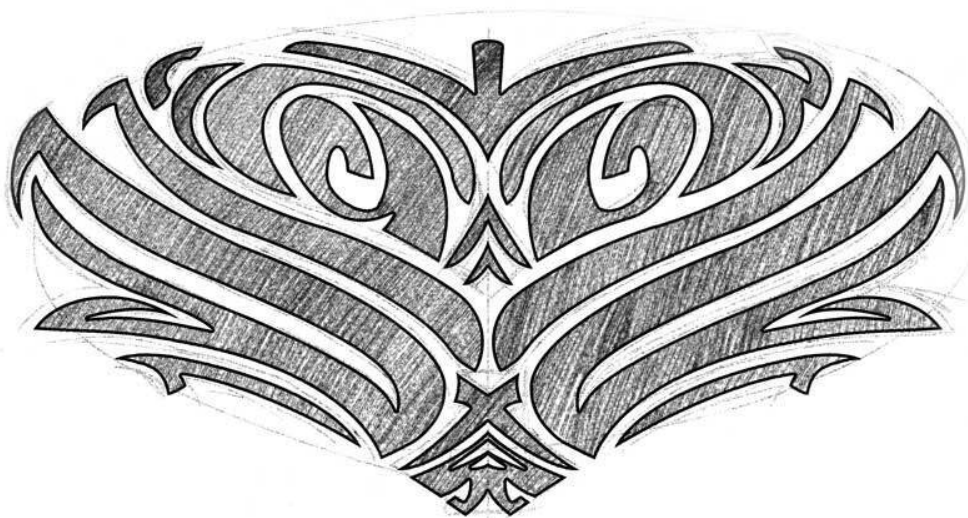
– Я точно не знаю, кто ее оставил, но знаю, что она означает.

– И что же? – требовательно спросила Навани.

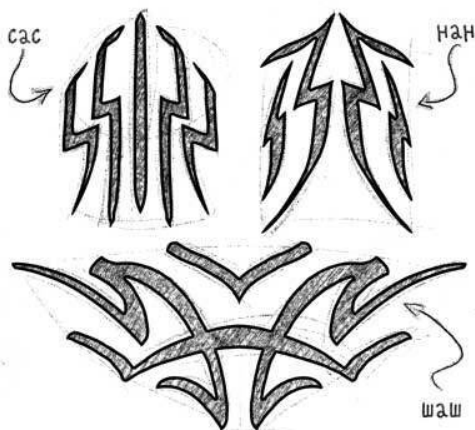
– Что у нас осталось очень мало времени. Разошли приказ, потом отправляйся к великим князьям и устрой собрание. Они захотят поговорить со мной.

«Грядет Буря бурь...»

Шестьдесят два дня. Слишком мало времени.
Но похоже, это все, что у него есть.

Мне пришлось провести много часов,
наблюдая за мостовиками, чтобы зарисовать
их дурацкие глифы на лбу для тебя,
дружище. Теперь я уверен, что правильно
разобрал все на составные части.
— Нах

Клейма на лбу Каладина

Эмблема на униформе 4-го моста

5 Идеалы

*Знак на стене сам по себе был большей опасностью, чем конечный срок, о котором он сообщал. Предвидение – то, что свойственно пустоносцам.
Из личного дневника Навани Холин, йесесес, 1174*

...Навстречу победе и долгожданному возмездию.

Глашатай несла с собой грамоту с королевским приказом, заключенную в переплет из двух покрытых тканью дощечек, хотя явно запомнила его от первого до последнего слова. Неудивительно. Один лишь Каладин заставил повторить написанное три раза.

– Еще раз, – сказал он, сидя на камне возле очага Четвертого моста.

Многие члены отряда опустили свои миски с завтраком и притихли. Неподалеку Сигзил шепотом повторял сказанное, закрепляя в памяти.

Глашатай вздохнула. Она была пухленькой, молоденькой светлоглазой, с черными волосами, в которых встречались рыжие пряди, выдававшие веденские или рогоедские корни. По лагерю должны были перемещаться десятки таких женщин. Им полагалось прочитать – и в некоторых случаях объяснить – слова Далинара.

Она снова открыла свою папку.

«В любом другом батальоне, – пришло в голову Каладину, – командующий обладал бы достаточно высоким положением в обществе, чтобы превзойти ее по рангу».

– Именем короля, – заговорила светлоглазая, – Далинар Холин, великий князь войны, настоящим приказывает внести изменения в способ добычи и распределения светсердец на Расколотых равнинах. Впредь каждое светсердце будут добывать по очереди два великих князя, действующих совместно. Трофеи становятся собственностью короля, который определит долю участников, основываясь на их вкладе в борьбу и готовности подчиняться приказам.

Предписанная очередность установит в подробностях, какие великие князья и армии будут нести ответственность за добычу светсердец и в каком порядке. Пары не всегда будут одинаковыми, и их станут оценивать с точки зрения стратегической совместимости. Ожидается, что согласно Заповедям, которых все мы придерживаемся, мужчины и женщины в наших армиях одобряют этот новый рывок навстречу победе и долгожданному возмездию.

Глашатай захлопнула папку и посмотрела на Каладина, вскинув длинную черную бровь – скорее всего, подумал он, нарисованную.

– Спасибо, – поблагодарил Каладин.

Она кивнула ему и двинулась к площадке следующего батальона.

Юноша поднялся на ноги:

– Ну что ж, вот и буря, которую мы ожидали.

Люди закивали. После случившегося накануне странного проникновения в покои Далинара пересуды в Четвертом мосту поутихли. Каладин чувствовал себя глупо. Далинар, однако, как будто и не заметил, что кто-то вломился к нему домой. Он знал намного больше, чем говорил Каладину. «Как же я должен делать свое дело, если мне не сообщают сведений, в которых я нуждаюсь?»

И двух недель не прошло, а он уже начал делать ошибки под влиянием интриг светлых глаз.

– Великие князья будут в ярости из-за этого приказа, – сказал Лейтен, сидевший у очага, где он трудился над ремнями на нагруднике Бельда, который пришел от интенданта с перепутанными пряжками. – У них чуть ли не все завязано на этих светсердцах. Сегодня ветра в избытке принесут возмущения.

– Ха! – выдохнул Камень, наполняя карри миску Лопена, который пришел за добавкой. – Недовольство? Нынче это зовется «бунт». Ты разве не слышал, что там говорилось о Заповедях? Эта вещь для остальных оскорбление быть – мы знаем, что клятвы для них пустой звук. – Он улыбался, явно считая гнев – и даже бунт – великих князей чем-то забавным.

– Моаш, Дрехи, Март и Эт – со мной, – распорядился Каладин. – Мы сменим Шрама и его отряд. Тефт, как продвигается твое задание?

– Неважно, – ответил тот. – Эти ребята из других мостовых расчетов... с ними еще работать и работать. Кэл, нам требуется что-то особенное. Мы должны их как-то вдохновить.

– Я что-нибудь придумаю. Пока что попробуем еду. Камень, сейчас у нас только пять офицеров, так что можешь забрать последнюю из наружных комнат под кладовку. Холин предоставил нам право брать у лагерного интенданта что угодно. Забей ее под завязку.

– Под завязку? – переспросил Камень, и на его лице появилась улыбка до ушей. – Под какую завязку?

– Под самую верхнюю, – ответил Каладин. – Мы месяцами ели похлебку из духозаклятого зерна. В следующем месяце Четвертый мост будет питаться на зависть королям.

– Только никаких раковин, – добавил Март, подобрав копье, застегнув мундир и ткнув в Камня пальцем. – Если тебе дали право готовить все, что захочется, это не значит, что мы должны есть какую-нибудь дрянь.

– Воздух вам в голову, низинники! – проворчал Камень. – Вы не хотите быть сильными?

– Спасибочки, я лучше сохраню зубы, – ответил Март. – Чокнутый рогоед.

– Я готовить два блюда. – Рогоед приложил руку к груди, словно салютуя. – Одно для храбрых, одно для глупых. Каждый выбрать сам.

– Камень, ты закатаешь пиры, – сказал Каладин. – Я хочу, чтобы ты обучил поваров, – они будут готовить для других казарм. Даже если у Далинара теперь есть лишние повара, поскольку стало меньше солдат, которых надо кормить, я хочу, чтобы мостовики были самодостаточны. Лопен, с этого момента Даббид и Шен будут вместе с тобой помогать Камню. Нам надо превратить эту тысячу мостовиков в солдат. Все начнется так же, как со всеми вами, – с наполнения желудков.

– Так тому и быть, – подтвердил Камень со смехом и похлопал по плечу Шена – паршун явился за добавкой. Он лишь недавно почувствовал себя свободнее и, похоже, уже не прятался от чужих глаз, как когда-то. – Я даже навоз добавлять не буду!

Остальные засмеялись. Камень потому и стал мостовиком, что добавил в еду навоз.

Когда Каладин направился к королевскому дворцу – у Далинара была назначена важная встреча с королем, – к нему присоединился Сигзил.

– Командир, удели мне минутку, – попросил он.

– Слушаю.

– Ты обещал, что я смогу измерить твои... особенные умения.

– Обещал? – удивился Каладин. – Что-то не припоминаю.

– Ты хмыкнул.

– Я... хмыкнул?

– Когда я говорил о том, что надо бы сделать пару измерений. Ты вроде счел это хорошей идеей и сказал Шраму, что мы могли бы помочь тебе разобраться с твоими способностями.

– Ну, видимо, ты прав.

– Нам надо точно определить, что ты умеешь делать – насколько твои способности сильны, как долго ты можешь удерживать бурсвет. Ты же понимаешь, насколько важно установить пределы твоих возможностей?

– Да, – согласился Каладин, поколебавшись.

– Отлично. Тогда...

– Дай мне пару дней. Подготовь место, где нас никто не увидит. Потом... да, хорошо. Я позволю тебе измерить меня.

– Замечательно. Я как раз продумываю кое-какие эксперименты.

Он остановился на тропинке, позволив Каладину и остальным идти вперед.

Каладин положил копьё на плечо и расслабил руку. Он частенько замечал, что сжимает оружие слишком крепко, до белых костяшек. Как будто часть его по-прежнему не верила, что можно носить копьё при всех, и боялась, что его снова отнимут.

Сил спорхнула вниз, вернувшись после ежедневной прогулки по лагерю верхом на утренних ветрах. Она приземлилась на его плечо и села, погруженная в размышления.

В военном лагере Далинара царил порядок. Солдаты здесь никогда не бездельничали. Они чистили оружие, носили еду, таскали грузы, патрулировали. Патрулей в этом лагере было много, даже после того, как войско уменьшилось. По пути к воротам Каладин и его люди повстречали три патруля – то есть на три больше, чем он когда-нибудь видел в лагере Садеаса.

Он вновь обратил внимание на пустоту. Мертвым не было нужды превращаться в Приносящих пустоту, чтобы поселиться в этом лагере; пустые казармы делали за них всю работу. Каладин прошел мимо женщины, которая сидела у входа в одну из опустевших казарм, глядя в небо и прижимая к груди узел с мужской одеждой. На дороге рядом с нею стояли двое малышей. Они были слишком тихи. Такие маленькие дети не должны вести себя тихо.

Казармы составляли кварталы в огромном кольце, в центре которого располагалась более густонаселенная часть лагеря – шумный район, включавший имение Далинара и дома, в которых размещались разные великие лорды и генералы. Жилище великого князя походило на каменный курган, над которым развевались знамена, а вокруг туда-сюда бегали клерки с охапками гроссбухов. Неподалеку несколько офицеров разбили вербовочные палатки. Тут же выросла длинная очередь желающих записаться в солдаты. Среди них встречались наемники, которые добрались до Расколотых равнин в поисках работы. Другие были пекарями или кем-то еще, и сюда их привело объявление о наборе, последовавшее за катастрофой.

– Почему ты не смеялся? – спросила Сил, изучающе разглядывая очередь, которую Каладин обошел, направляясь к воротам военного лагеря.

– Прошу прощения, – ответил он. – Я не заметил, как ты сделала что-то смешное?

– Я про то, что было раньше. Камень и остальные смеялись. Ты – нет. Когда ты смеялся на протяжении тех трудных недель, я знала, что на самом деле тебе вовсе не весело. Я думала, что когда все изменится к лучшему...

– Мне теперь приходится следить за целым батальоном мостовиков, – пояснил Каладин, глядя перед собой. – И оберегать жизнь великого князя. Я посреди лагеря, полного вдов. Похоже, у меня нет повода веселиться.

– Но все стало гораздо лучше, – возразила она. – Для тебя и твоих людей. Подумай о том, что ты сделал, чего добился.

Бойня на плато, продлившаяся весь день. Безупречное слияние его самого, его оружия и бури. И он убивал. Убивал, чтобы защитить светлоглазого.

«Он не такой, как другие», – подумал Каладин.

Все обычно так и говорили.

– Наверное, я просто жду, – признался он.

– Чего?

– Грома, – тихо ответил Каладин. – Он всегда следует за молнией. Иной раз приходится ждать, но он обязательно прозвучит.

– Я...

Сил вспорхнула и зависла перед его лицом, перемещаясь задом наперед вместе с ним. Она не летала – у нее не было крыльев – и не двигалась туда-сюда. Сил просто стояла, не опираясь ни на что, и перемещалась одновременно с Каладином. Обычные законы природы на нее не действовали.

Она взглянула на него, склонив голову на бок:

– Я тебя не понимаю. Проклятие! Я думала, что почти разобралась во всем. Бури? Молния?

– Помнишь, как убедила меня сразиться, чтобы спасти Далинара, хотя тебе все-таки было больно, когда я убивал?

– Да.

– Это похоже, – тихо произнес Каладин и отвел взгляд.

Его рука опять слишком крепко сжимала копьё.

Сил следила за ним, уперев руки в бока, ожидая продолжения.

– Случится что-то плохое, – сказал Каладин. – Со мной не бывает, чтобы все шло хорошо. Так устроена жизнь. Возможно, это как-то связано с теми вчерашними глифами на стене Далинара. Они похожи на обратный отсчет.

Сил кивнула.

– Ты когда-нибудь видела что-то подобное?

– Я что-то... припоминаю, – прошептала она. – Что-то плохое. Каладин, видеть грядущее... это умение даровал не Честь. Это нечто другое. Нечто опасное.

Чудесно.

Он больше ничего не сказал. Сил вздохнула и унеслась вверх, превратившись в ленточку из света. Она следовала за ним, лавируя между порывами ветра.

«Она назвала себя спреном чести, – размышлял Каладин. – Так зачем же ей продолжать эту игру с ветрами?»

Надо будет спросить, и Сил, возможно, ответит. Если знает ответ.

Тороль Садеас сплел перед собой пальцы, упираясь локтями в изысканную каменную столешницу, и уставился на осколочный клинок, который вонзил в центр стола. Лицо великого князя отражалось в лезвии.

Вот Преисподняя, когда же он успел постареть? Садеас воображал себя юношей двадцати с небольшим лет. Теперь ему было пятьдесят. Шквальные пятьдесят. Он стиснул зубы, глядя на меч.

Клятвенник. Это был осколочный клинок Далинара – изогнутый, словно сведенная судорогой спина, с чем-то вроде крючка на острие и рядом выступающих зубцов у перекрестья. Напоминает беспокойные волны на океанской глади.

Как часто он вожделел это оружие? Теперь оно у него, но обладание принесло лишь опустошенность. Далинар Холин, обезумевший от скорби, сломленный до такой степени, что битвы пугали его, все еще цеплялся за жизнь. Старый друг Садеаса был словно любимая руби-гончая, которую пришлось умертвить, но яд не подействовал как надо, и вот она снова хнычет под окном.

Даже хуже – Садеас не мог избавиться от ощущения, что Далинар каким-то образом сумел его обставить.

Дверь в гостиную отворилась, и вошла Йалай. У его жены была тощая шея и большой рот, ее никогда не называли красавицей, и с течением времени недостатки проявлялись все сильнее. Садеасу было все равно. Йалай была самой опасной женщиной из всех, кого он знал. Это привлекало больше, чем любое милое личико.

– Вижу, ты испортил мой стол, – заметила она, созерцая осколочный клинок, вонзенный в центр столешницы, а потом беспечно опустилась на небольшую кушетку рядом с супругом, обняла его одной рукой и положила ноги на стол.

С остальными Йалай была безупречной дамой-алети. Наедине предпочитала расслабиться.

– Далинар вербует всех подряд, – проговорила она. – Я воспользовалась шансом разместить еще несколько своих помощников среди тех, кто работает в его лагере.

– Они солдаты?

– За кого ты меня принимаешь? Это было бы слишком очевидно; он станет внимательно следить за новобранцами. А вот в рядах обслуги образовались дыры, поскольку многие мужчины берут копьё и идут в армию.

Садеас кивнул, не сводя внимательного взгляда с клинка. Его супруга управляла наиболее разветвленной шпионской сетью в военных лагерях. Несомненно, самой впечатляющей, поскольку о ней мало кому было известно. Она почесала ему спину, и по коже побежали мурашки.

– Он обнародовал приказ, – добавила Йалай.

– Да. Реакция?

– Как и ожидалось. Все в ярости.

Садеас кивнул:

– Далинар должен был умереть, но, поскольку этого не случилось, мы можем рассчитывать хотя бы на то, что он сам себя повесит в нужный момент. – Великий князь прищурился. – Уничтожив его, я хотел предотвратить крах королевства. Теперь я спрашиваю себя: не лучше ли будет нам всем, если оно и впрямь рухнет?

– Что?

– Любимая, я не создан для этого, – прошептал Садеас. – Для этой глупой игры на плато. Поначалу она меня удовлетворяла, но постепенно я начинаю ее презирать. Мне нужна война, Йалай! Не какие-нибудь маленькие стычки, которые иногда случаются после многочасовых маршей!

– Эти маленькие стычки приносят нам богатство.

Потому Садеас и терпел их так долго. Он встал.

– Мне нужно будет встретиться кое с кем. Аладар. Рутар. Мы должны раздуть пламя гнева прочих великих князей, усилить их возмущение выходками Далинара.

– А наша конечная цель?

– Йалай, я начну его заново. – Он сомкнул пальцы на рукояти Клятвенника. – Завоевание.

Это была единственная вещь, которая позволяла ему чувствовать себя живым. Славный, чудесный азарт, пробуждавшийся на поле боя, где все сражаются со всеми. Риск ради награды. Владычество. Победа.

Лишь так он мог снова почувствовать себя молодым.

Это была жестокая истина. Но лучшие из истин были простыми.

Князь сжал рукоять Клятвенника и выдернул клинок из столешницы.

– Далинар теперь хочет играть в политика, что неудивительно. Он всегда втайне желал быть таким, как брат. К счастью для нас, с подобными вещами у Далинара не складывается. Его требование посеет раздор. Он надавит на великих князей, и те возьмутся за оружие. Королевство распадется. И тогда, ступая по крови с собственным мечом Далинара в руке, я выкую новый Алеткар из пламени и слез.

– Что, если у него все получится?

– Тогда, моя дорогая, нам пригодятся твои убийцы. – Он отпустил осколочный клинок; тот превратился в туман и исчез. – Я заново покорю это королевство, а потом придет черед Йа-Кевода. В конце концов, цель всей нашей жизни – воспитывать солдат. В каком-то смысле я всего лишь делаю то, чего желает сам бог.

Путь от казарм до королевского дворца, который сам король начал называть Пиком, занял примерно час, и у Каладина было достаточно времени на раздумья. К несчастью, по дороге он миновал группу лекарей Далинара, которые вместе со слугами собирали на поле шишкотравник, чтобы из его сока изготовить антисептик.

При виде их Каладин вспомнил не только о том, как сам прилагал усилия, собирая сок, но и о своем отце. О Лирине.

«Окажись он здесь, – подумал Каладин, проходя мимо них, – поинтересовался бы, почему я не с ними, не с лекарями. Отец бы потребовал объяснить, почему, раз уж Далинар принял меня, я не попросился в его медицинский отряд».

Вообще-то Каладин, возможно, смог бы упрощить великого князя задействовать весь Четвертый мост в качестве помощников лекарей. Каладин смог бы обучить их медицине почти с той же легкостью, как это вышло с копьем. Далинар бы согласился. В войске не бывает слишком много хороших лекарей.

Он о таком даже не задумался. Его выбор был проще: или они станут телохранителями Далинара, или покинут лагерь. Каладин решил снова выставить своих людей на пути у бури. Почему?

В конце концов они достигли королевского дворца, воздвигнутого на большой скале и отчасти – благодаря прорубленным в камне туннелям – внутри ее. Покои короля располагались на самом верху. Это означало, что Каладину и его людям предстояло туда вскарабкаться.

Они маршировали по тропе, изобиловавшей крутыми поворотами; Каладин все еще был погружен в раздумья об отце и своем долге.

– Знаешь, а ведь это не очень-то справедливо, – сказал Моаш, когда они достигли вершины.

Каладин посмотрел на своих спутников и понял, что все они еле дышат после долгого подъема. Каладин, однако, сам того не заметив, втянул бурсвет. Он даже не запыхался.

Юноша многозначительно улыбнулся на радость Сил и обвел внимательным взглядом похожие на пещеры коридоры Пика. У парадных ворот стояли несколько часовых в синей с золотом форме королевской гвардии – отдельного и особого подразделения личной гвардии Далинара.

– Солдат, – бросил капитан, кивая одному из них, светлоглазому низкого ранга.

Каладин стоял выше этого человека согласно военной иерархии, но не общественной, и он по-прежнему не совсем понимал, как следует себя вести в таких случаях.

Гвардеец смерил его взглядом:

– Я слышал, ты удержал мост чуть ли не в одиночку, против сотен паршенди. Как же тебе удалось такое? – Он не обратился к Каладину «сэр», как сделал бы, окажись на месте бывшего мостовика любой другой капитан.

– Хочешь узнать? – рявкнул Моаш позади. – Так мы покажем. Лично.

– Тихо. – Каладин метнул на Моаша сердитый взгляд и снова повернулся к солдату. – Мне повезло, только и всего.

Он глядел человеку прямо в глаза.

– Наверное, так все и было, – сказал тот.

Каладин ждал.

– Сэр, – наконец добавил солдат.

Каладин взмахом руки велел своим людям идти вперед, и они миновали светлоглазых стражников. Внутри дворец освещали настенные лампы, в которых были перемешаны сапфировые и бриллиантовые сферы, чтобы получился синевато-белый свет. Сферы были небольшим, но действенным напоминанием о том, как все переменялось. Никто бы не позволил мостовикам находиться рядом со сферами, выставленными напоказ столь небрежно.

Пик был пока что незнаком Каладину – до сих ему приходилось охранять Далинара, большей частью в военном лагере. Однако он позаботился о том, чтобы изучить карты дворца, так что знал дорогу к вершине.

– Почему ты заткнул мне рот? – требовательно спросил Моаш, догнав Каладина.

– Ты нарывался на драку. Но ты теперь солдат. Тебе придется научиться вести себя соответственно. А это значит не провоцировать стычек.

– Расшаркиваться перед светлоглазыми не стану. Хватит с меня.

– Я и не рассчитываю, что ты примешься кланяться, но зато рассчитываю, что будешь держать язык за зубами. Четвертый мост не опустится до мелочных насмешек и угроз.

Моаш сдался, но Каладин видел, что внутри у него все продолжает бурлить.

– Странно, – заметила Сил, опять приземляясь на плечо юноши. – Он выглядит таким сердитым.

– Когда я сделался старшиной мостовиков, – негромко пояснил Каладин, – они были словно звери в клетках, которых битьем принудили к повиновению. Я научил их снова сражаться, но они оставались в неволе. Теперь двери клеток распахнулись. Моашу и другим нужно время, чтобы привыкнуть.

Они привыкнут. За последние недели в мостовом расчете мостовики научились действовать слаженно и четко, как солдаты. Стояли по стойке смирно, когда их мучители маршировали по мостам, и не позволяли себе даже насмешливого слова. Дисциплина сама по себе стала для них оружием.

Его люди сделаются настоящими солдатами. Нет, они и есть настоящие солдаты. Теперь им надо научиться действовать без притеснения со стороны Садеаса, которому приходилось сопротивляться раньше.

Моаш снова приблизился.

– Прости, – негромко сказал он. – Ты прав.

Каладин улыбнулся – на этот раз искренне.

– Не собираюсь притворяться, будто перестал их ненавидеть, – продолжил Моаш. – Но буду вести себя прилично. У нас есть долг. Мы его исполним как следует. Лучше, чем кто-нибудь ожидает. Мы – Четвертый мост.

– Молодец, – похвалил капитан.

С Моашем следовало соблюдать особую осторожность, поскольку Каладин все сильнее ему доверял. Остальные большей частью благоговели перед своим командиром. Но не Моаш,

который был чуть ли не единственным настоящим другом, появившимся у Каладина, после того как его заклеямили.

К тому моменту как они приблизились к королевской совещательной комнате, убранство коридора сделалось поразительно роскошным. На стенах даже появилась серия барельефов, изображавших Вестников и в нужных местах украшенных вмурованными в камень заряженными самосветами.

«Все больше и больше похоже на город, – подумал Каладин. – Это место может вскоре превратиться в настоящие хоромы».

У дверей совещательной комнаты он встретил Шрама и его отряд.

– Докладывай, – негромко приказал Каладин.

– Утро было тихим, – ответил Шрам. – И меня это вполне устроило.

– Значит, на сегодня ты свободен. Я останусь здесь на время совещания, потом Моаш заступит на послеполуденную вахту. Я сменю его вечером. Тебе и твоему отделению следует выспаться; вы вернетесь на дежурство ночью, и продлится оно до завтрашнего утра.

– Так точно, сэр. – Шрам отсалютовал, потом собрал своих людей и двинулся прочь.

Комната за дверьми была украшена толстым ковром и большими незапертыми окнами с подветренной стороны. Каладин никогда не бывал здесь, а дворцовые карты – ради безопасности короля – включали только основные коридоры и пути, ведущие через комнаты для прислуги. В этой комнате имелась еще одна дверь – вероятно, она вела на балкон, – но других входов, кроме того, через который зашел Каладин, не было.

По обеим сторонам от двери стояли два гвардейца в сине-золотой форме. Сам король ходил туда-сюда мимо стола. Нос у него оказался побольше, чем изображали на портретах.

Далинар разговаривал с великой леди Навани, элегантной дамой с сединой в волосах. Скандальные отношения между дядей короля и вдовствующей королевой могли бы стать главным поводом для сплетен в военных лагерях, если бы их не затмило предательство Садеаса.

– Моаш, – велел Каладин, ткнув пальцем, – проверь, куда ведет эта дверь. Март и Эт, вы будете нести вахту снаружи, в коридоре. Без спросу никого не впускать, кроме какого-нибудь великого князя.

Моаш отсалютовал королю, вместо того чтобы поклониться, и проверил дверь. Она и впрямь вела на балкон, который Каладин заметил снизу. Тот опоясывал зал по наружной стене.

Далинар наблюдал за тем, как работали Каладин и Моаш. Каладин отсалютовал ему, и их взгляды встретились. Он не подведет князя опять, как подвел накануне.

– Дядя, я не узнаю этих гвардейцев, – раздраженно бросил король.

– Они новые, – ответил Далинар. – На этот балкон другим путем не попасть, солдат. Он в сотне футов над землей.

– Рад слышать, – отозвался Каладин и приказал: – Дрехи, ступай к Моашу на балкон, закройте дверь и будьте начеку.

Дрехи кивнул и ринулся выполнять приказ.

– Я только что сказал, что на балкон невозможно попасть снаружи, – заметил Далинар.

– Сэр, значит, именно этим путем я бы попытался пробраться внутрь, – пояснил Каладин. – Если бы захотел.

Великий князь посмотрел на него с веселым изумлением.

А вот король закивал:

– Хорошо... хорошо.

– Ваше величество, есть ли другие способы попасть в эту комнату? – спросил Каладин. – Потайные двери, коридоры?

– Если бы они существовали, – проговорил король, – я бы не хотел, чтобы об этом кто-то узнал.

– Мои люди не смогут охранять эту комнату, если мы не будем знать, что именно охраняем. Если существуют потайные коридоры, они тотчас же оказываются под подозрением. Расскажите мне о них – я использую для охраны только своих офицеров.

Король на миг уставился на Каладина, потом повернулся к Далинару:

– А он мне нравится! Почему ты раньше не поставил его во главе своей гвардии?

– У меня не было такой возможности. – Далинар устремил на Каладина весьма многозначительный взгляд. Тяжелый взгляд. Он шагнул вперед, положил руку Каладину на плечо и отвел его в сторону.

– Погоди-ка, – раздался сзади голос монарха, – это капитанская нашивка?! На темноглазом? С каких пор это стало возможным?

Далинар, не отвечая, провел Каладина в другой конец комнаты.

– Король, – негромко пояснил великий князь, – весьма беспокоится из-за наемных убийц. Ты должен это знать.

– Сэр, разумная подозрительность облегчит его охранникам работу, – сказал Каладин.

– Я не говорил, что она разумная, – возразил Далинар. – Ты называешь меня «сэр». Обще-принятое обращение – «светлорд».

– Сэр, я буду использовать это обращение, если вы прикажете. – Каладин смотрел ему в глаза. – Но «сэр» – допустимое обращение, даже для светлоглазого, если он является непосредственным начальником.

– Я великий князь.

– Если позволите мне быть откровенным, – начал юноша и не стал ждать разрешения: этот человек его возвысил и, с точки зрения Каладина, должность предполагала определенные привилегии, если не было сказано иное. – Каждый из тех, к кому я когда-либо обращался «светлорд», предал меня. Нескольким из тех, кого я называл «сэр», по-прежнему доверяю и сегодня. Для меня одно обращение почтительнее другого. Сэр.

– Ты странный парень.

– Сэр, вы должны помнить, что обычные парни стали трупами в ущельях, – негромко заметил Каладин. – Садеас об этом позаботился.

– Что ж, пусть твои люди на балконе отойдут подальше, иначе они смогут подслушать нас через окно.

– Тогда я присоединюсь к часовым в коридоре, – сказал Каладин, обнаружив, что два королевских гвардейца уже вышли за порог.

– Этого я не приказывал, – возразил Далинар. – Стереги двери, но изнутри. Я хочу, чтобы ты услышал, что мы затеваем. Просто не болтай об этом за пределами совещательной комнаты.

– Да, сэр.

– На совещание придут еще четыре человека: мои сыновья, генерал Хал и светлость Тешав, его супруга. Они могут войти. Всех остальных следует держать снаружи, пока мы не закончим заседать.

Далинар возобновил беседу с матерью короля. Каладин разместил Моаша и Дрехи, потом объяснил Марту и Эту все, что касалось правил пропуска через дверь. Позже ему придется обучить своих людей кое-каким вещам. Светлоглазые на самом деле не имели в виду, что следует «никого не впускать», если было приказано «никого не впускать». Они подразумевали, что «если ты кого-нибудьпустишь, пусть лучше это будет достаточно важно, иначе тебе несдобровать».

Каладин занял свой пост у закрытой двери, встав возле стены, украшенной резными панелями из неизвестной ему редкой разновидности дерева. «Скорее всего, одна-единственная деревянная панель стоит больше, чем я заработал за всю свою жизнь», – рассеянно размышлял он.

Прибыли сыновья великого князя, Адолин и Ренарин Холины. Первого Каладин видел на поле боя, хотя без осколочного доспеха он выглядел иначе. Не таким внушительным. В большей степени похожим на избалованного юного богатея. О, он был в форме, как и все остальные, но с резными пуговицами, а ботинки... из дорогой свиной кожи без единой царапины. Новехонькие. Стоили, наверное, несусветных денег.

«Но ведь он в тот раз спас женщину на рынке. – Каладин вспомнил случившуюся несколько недель назад встречу. – Не забывай об этом».

Капитан не знал, что и думать о Ренарине. Юноша – он был, наверное, старше самого Каладина, но точно не выглядел на свой возраст – носил очки и ходил за братом словно тень. Эти тонкие руки и нежные пальцы не знали битвы или настоящего труда.

Сил металась по комнате, заглядывая во все укромные углы, щели и вазы. Она приостановилась у пресс-папье на женском письменном столе возле королевского кресла и уставилась на кусок хрусталя, в котором застыло странное существо, похожее на краба. Неужели у него были крылья?

– Разве этот не должен подождать снаружи? – спросил Адолин, кивком указывая на Каладина.

– То, что мы делаем, означает прямую угрозу для меня, – пояснил Далинар, сцепив руки за спиной. – Я хочу, чтобы он знал детали. Это может оказаться важным для его работы. – Далинар не смотрел ни на Адолина, ни на Каладина.

Адолин подошел к отцу, взял за руку и произнес тихим голосом – но недостаточно тихим, чтобы Каладин не услышал:

– Мы его едва знаем.

– Адолин, мы должны доверять хоть кому-то, – ответил великий князь обычным голосом. – Если и есть во всей армии тот, за которого я могу поручиться, что он не работает на Садеаса, то лишь этот солдат. – Он повернулся и снова устремил на Каладина внимательный, изучающий взгляд непостижимых глаз.

«Он не видел, что я делаю с бурсветом, – настойчиво внушил себе Каладин. – Адолин был почти без сознания. Он не знает.

Ведь не знает же?»

Адолин всплеснул руками, но отошел в другую часть комнаты и что-то неразборчиво проворчал брату. Каладин остался на месте, позволив себе поблажку в виде стойки вольно.

«Да, он точно избалованный».

Генерал, пришедший вскоре после этого, оказался проворным лысым мужчиной с прямой спиной и бледно-желтыми глазами. У его жены, Тешав, было узкое лицо и русые пряди в волосах. Она села за письменный стол – Навани даже не попыталась занять это место.

– Докладывайте, – велел Далинар от окна, когда за двумя новоприбывшими с щелчком закрылась дверь.

– Светлорд, подозреваю, вы уже знаете все, что я собираюсь сообщить, – сказала Тешав. – Они взбешены. Все искренне надеялись, что вы передумаете по поводу приказа, – и его обнародование их рассердило. Великий князь Хатам оказался единственным, кто сделал публичное заявление. Он планирует – я цитирую – «заботиться о том, чтобы отговорить короля от этого безрассудного пути, избранного на основании дурных советов».

Король со вздохом опустил в кресло. Ренарин тотчас же сел, как и генерал. Адолин неспешно отыскал место для себя.

Далинар продолжал стоять, глядя в окно.

– Дядя? – позвал король. – Ты слышал, какой была их реакция? Хорошо, что ты не решился на крайние меры, о которых думал, и не объявил о том, что Заповеди становятся обязательными для всех под угрозой конфискации имущества. Мы бы оказались в центре восстания.

– Дойдет и до этого, – проговорил Далинар. – Я все еще спрашиваю себя, не следовало ли объявить обо всем сразу. Когда в тебе застряла стрела, иногда лучше выдернуть ее одним рывком.

Вообще-то засевшую в теле стрелу лучше всего не трогать, пока не найдешь лекаря. Частенько благодаря этому удавалось не истечь кровью и выжить. Однако стоило помалкивать и не портить метафору великого князя.

– Клянусь бурей, что за жуткий образ. – Король вытер лицо носовым платком. – Дядя, неужели тебе и впрямь нужно о таком упоминать? Я и так уже боюсь, что мы все умрем еще до конца недели.

– Мы с твоим отцом пережили и не такое.

– Но у вас были союзники! За вас были три великих князя, против – только шестеро, и вам никогда не приходилось сражаться со всеми одновременно.

– Если великие князья объединятся против нас, – заметил генерал Хал, – мы не выстоим. Нам придется отменить этот приказ, что существенно ослабит трон.

Король откинулся на спинку кресла, прижимая руку ко лбу:

– Йезерезе, это будет катастрофа...

Каладин вскинул бровь.

– Не согласен? – спросила Сил, подлетая к нему в виде вороха трепещущих листьев. То, что листья продолжали говорить ее голосом, сбивало с толку. Остальные в комнате, конечно, не видели и не слышали ее.

– Нет, – прошептал Каладин. – Этот приказ, судя по всему, настоящий ураган. Я просто не думал, что король такой... нытик.

– Мы должны обеспечить себе союзников, – вклинился Адолин. – Создать коалицию. Садеас соберет свою, и мы сможем противопоставить ему нашу.

– Разделив королевство на две части? – уточнила Тешав, качая головой. – Не думаю, что гражданская война может как-то помочь трону. Особенно такая, которую мы вряд ли выиграем.

– Это будет конец Алеткара как королевства, – согласился генерал.

– Алеткар как королевство закончился несколько веков назад, – негромко бросил Далинар, глядя в окно. – То, что мы создали, – не Алеткар. Алеткар был царством справедливости. Мы словно дети, примерившие отцовский плащ.

– Но, дядя, – возразил король, – по крайней мере, королевство что-то собой представляет. Больше, чем на протяжении веков! Если мы потерпим неудачу и оно разделится на десять воюющих княжеств, погибнет все, ради чего трудился мой отец!

– Твой отец трудился не ради этого, – сказал Далинар. – Не ради этой игры на Расколотых равнинах, этого тошнотворного политического фарса. Гавилар грезил не об этом. Грядет Буря бурь...

– Что? – спросил король.

Далинар наконец-то отвернулся от окна, подошел к остальным и положил руку на плечо Навани:

– Мы разыщем способ добиться своего или уничтожим королевство, пытаясь это сделать. Я более не потерплю этот цирк.

Каладин, скрестив руки, постукивал кончиком пальца по локтю.

– Далинар ведет себя как король, – пробурчал он почти беззвучно, так тихо, чтобы лишь Сил услышала. – А остальные ему подыгрывают.

Тревожно. Так поступал Амарам. Хватался за власть при первой возможности, даже если она ему не принадлежала.

Навани посмотрела на Далинара и положила свою руку поверх его. Судя по выражению лица, вдовствующая королева готова была поддержать любое его начинание.

Король был не готов. Он чуть слышно вздохнул.

– Дядя, у тебя определенно есть план. Ну? Излагай. Этот театр утомителен.

– Чего я хочу на самом деле, – откровенно проговорил Далинар, – так это избить их до потери сознания. Именно так я поступил бы с новобранцами, которые не желают подчиняться приказам.

– Думаю, дядя, тебе придется постараться, чтобы... вколотить в них покорность, – сухо заметил король и почему-то рассеянно потер грудь.

– Вам надо их обезоружить, – ляпнул Каладин, сам того не ожидая.

Все взгляды обратились к нему. Светлость Тешав нахмурилась, как будто бы у Каладина не было права говорить. Скорее всего, не было.

Далинар, однако, кивнул ему:

– Солдат? У тебя есть предложение?

– Сэр, прошу простить меня. И вы, ваше величество, меня простите. Но если от отряда одни неприятности, прежде всего следует его разделить. Распределить людей подальше друг от друга, в лучшие отряды. Не думаю, что здесь получится сделать то же самое.

– Не знаю, как нам разделить великих князей, – проворчал Далинар. – Сомневаюсь, что мне по силам помешать им договариваться друг с другом. Возможно, если бы мы победили в этой войне, я бы мог дать разным великим князьям разные поручения, отослать их, а потом с каждым поработать по отдельности. Но пока что мы здесь словно в ловушке.

– Что ж, вторая вещь, которую следует сделать со смутьянами, – продолжил Каладин, – это разоружить их. Если забрать у них копья, управлять ими станет легче. Это унижительно, они словно опять становятся новобранцами. Поэтому... возможно, вы можете лишить их армий?

– Боюсь, нет. Солдаты поклялись в верности светлордам, а не короне как таковой – ей присягнули только сами великие князья. Однако твои мысли движутся в правильном направлении. – Он сжал плечи Навани, потом продолжил: – На протяжении последних двух недель я пытался отыскать решение этой проблемы. Нутром чую, что с великими князьями – со всеми светлоглазыми, что живут в Алеткаре, – следует обращаться как с новобранцами, которых надо обучить дисциплине.

– Он пришел ко мне, и мы поговорили, – подхватила Навани. – Мы никак не можем силой принудить великих князей к покорности, как бы Далинару того не хотелось. Взамен нам следует сделать так, чтобы все поверили, будто мы готовы пойти до конца, если они не образумятся.

– Князья расвирепели из-за приказа, – продолжил Далинар. – А мне это и требовалось. Я хочу, чтобы они думали о войне, о своей роли здесь и помнили об убийстве Гавилара. Если я сумею добиться, чтобы они вели себя как воины – даже если это начнется с того, что они направят свое оружие на меня, – то, возможно, получится убедить их в моей правоте. С солдатами я разговариваю на одном языке. Как бы там ни было, все это будет в значительной степени опираться на угрозу того, что я заберу у них власть и силу, раз уж они не могут ими пользоваться как следует. И начнется все, как предложил капитан Каладин, с разоружения.

– Разоружения великих князей?! – задохнулся король. – Это что еще за глупость?

– Это не глупость, – возразил Далинар с улыбкой. – Мы не можем отнять у них армии, но кое-что другое нам вполне по силам. Адолин, я намереваюсь снять замок с твоих ножен.

Адолин нахмурился, осмысливая услышанное. Потом на его лице появилась улыбка до ушей.

– Хочешь сказать, что позволишь мне снова сражаться на дуэлях? По-настоящему?

– Да, – подтвердил Далинар и повернулся к королю. – На протяжении очень долгого времени я запрещал ему участвовать в важных поединках, поскольку Заповеди ограничивают дуэли чести между офицерами во время войны. Однако сейчас все больше понимаю: остальные

не считают, что находятся на войне. Они играют в игры. Пришла пора позволить Адолину сражаться с другими осколочниками на официальных дуэльных поединках.

– Чтобы он смог их унижить? – спросил король.

– Дело не в унижении, а в том, чтобы забрать у них осколки. – Далинар вышел туда, где его могли видеть все сидящие в креслах. – Великим князьям было бы нелегко сражаться с нами, владей мы всеми осколочными клинками и доспехами в армии. Адолин, я хочу, чтобы ты вызывал осколочников других великих князей на дуэли чести и чтобы призами становились сами осколки.

– Они на это не согласятся, – возразил генерал Хал. – Все откажутся от поединков.

– Придется позаботиться о том, чтобы согласились, – сказал Далинар. – Отыскать способ принудить их к битвам или сыграть на тщеславии. Я подумал, это может оказаться проще, если мы сумеем выследить, куда сбежал Шут.

– А если парень проиграет? – уточнил генерал Хал. – Этот план кажется слишком непредсказуемым.

– Поглядим. Это лишь часть того, что мы сделаем, меньшая часть, но зато самая заметная. Адолин, все говорят мне о том, до чего ты хорош в дуэльном деле, и ты неустанно донимал меня просьбами ослабить запрет. В армии тридцать осколочников, не считая наших. Ты сумеешь победить их?

– Сумею ли я? – с ухмылкой переспросил Адолин. – Я это сделаю и даже не вспотею, если мне удастся начать с самого Садеаса.

«Так он не только балованный, но и самоуверенный», – подумал Каладин.

– Нет, – возразил Далинар. – Садеас не примет вызова, хотя наша цель и заключается в том, чтобы победить его. Начнем с кого-то из менее значимых и постепенно подберемся к нему.

Остальные в комнате выглядели обеспокоенными – в том числе и светлость Навани, которая сжала губы в ниточку и внимательно посмотрела на Адолина. Она, возможно, и поддерживала план Далинара, но ей явно не нравилась мысль о том, что племяннику предстоит сражаться на дуэлях.

Но вслух Навани сказала другое:

– Как отметил Далинар, это не весь наш план. Будем надеяться, Адолину не придется слишком много сражаться на дуэлях. Они предназначены в основном для того, чтобы внушить тревогу и страх, чтобы надавить на фракции, которые работают против нас. Большая часть того, что нам предстоит сделать, связана с всеобъемлющим и целенаправленным политическим усилием, которое позволит объединиться с теми, кого можно склонить на нашу сторону.

– Мы с Навани будем работать над тем, как убедить великих князей в преимуществах по-настоящему единого Алеткара, – продолжил Далинар, кивая. – Хотя, Буреотец свидетель, я куда слабее убежден в собственной политической смекалке, чем Адолин – в своем мастерстве дуэлянта. Чему быть, того не миновать. Если Адолин станет кнутом, моя работа – быть пряником.

– Дядя, они подошлют убийц, – устало проговорил Элокар. – Не думаю, что Хал прав; Алеткар вряд ли немедленно распадется на части. Великим князьям пришлось по нраву идея единого королевства. Но они также любят отдыхать, веселиться, добывать светсердца. Поэтому наймут убийц. Поначалу тихонько и, возможно, не напрямую к тебе или ко мне. К нашим родным. Садеас и остальные попытаются причинить нам боль, вынудить нас отступить. Ты хочешь рискнуть сыновьями ради этого? А как насчет моей матери?

– Да, ты прав, – согласился Далинар. – Я не... да. Они так и думают. – Каладин расслышал в его голосе сожаление.

– И ты по-прежнему настроен следовать плану? – спросил король.

– У меня нет выбора. – Далинар отвернулся и прошел обратно к окну.

Там он устремил взгляд на запад, в сторону континента.

– Тогда, по крайней мере, скажи мне вот что, – проговорил Элокар. – Чего ты добиваешься? Ради чего ты затеял все это? Кем мы должны, по-твоему, стать через год, если переживем это фиаско?

Далинар положил руки на толстый каменный подоконник. Он так пристально смотрел вдаль, как будто видел там то, чего все они увидеть не могли.

– Мы станем теми, кем были когда-то. Королевством, которое может выдержать бури, королевством света, а не тьмы. Я хочу увидеть по-настоящему единый Алеткар, с верными и справедливыми великими князьями. И более того. – Он пробарабанил по подоконнику кончиками пальцев. – Я собираюсь возродить Сияющих рыцарей.

От потрясения Каладин едва не уронил копьё. К счастью, никто на него не смотрел – они вскочили, уставившись на Далинара.

– Сияющих? – резким тоном переспросила светлость Тешав. – Вы сошли с ума? Вы собираетесь воссоздать секту предателей, которые отдали нас пустоносцам?

– Отец, все остальное мне нравится, – сказал Адолин, шагнув вперед. – Знаю, что ты много думаешь о Сияющих, но ты их видишь... иначе, нежели все остальные. Если ты объявишь, что задумал им подражать, ничем хорошим это не закончится.

Король просто застонал, спрятав лицо в ладонях.

– Люди ошибаются на их счет, – пояснил Далинар. – А если и нет, изначальные Сияющие – те, что появились благодаря Вестникам, – в свое время были добродетельны и справедливы, это даже воринская церковь признает. Надо напомнить людям, что ордена Сияющих рыцарей символизировали нечто великое. Будь это не так, тогда они бы не сумели «пасть», как твердят легенды.

– Но почему?! – взмолился Элокар. – В чем смысл?

– Я должен это сделать. – Далинар поколебался. – Я пока что не совсем понимаю зачем. Я лишь знаю, что мне предписано это совершить. Ради защиты и ради приготовления к тому, что грядет. Некое подобие бури. Возможно, все дело лишь в том, что великие князья объединятся против нас. Я в этом сомневаюсь, но кто знает.

– Отец, – взмолился Адолин, положив руку Далинару на плечо, – это все просто прекрасно, и, возможно, ты сумеешь изменить представление людей о Сияющих, но... Душа Ишара, отец! Они могли делать то, чего мы не можем. Если просто назвать кого-нибудь Сияющим, это не наделит его теми невообразимыми силами, о которых говорится в легендах.

– Дело не только в том, какими способностями обладали Сияющие. Дело в том, что они собой олицетворяли. Они были тем идеалом, которого нам сегодня не хватает. Может, мы и не в состоянии освоить древнее связывание потоков – тот дар, которым они обладали, – но нам по силам подражать Сияющим в другом смысле. Я в этом уверен. Не пытайся меня отговорить.

Остальных, похоже, это не убедило.

Каладин прищурился. Так знает Далинар о его способностях или не знает? Обсуждение перешло к более приземленным темам вроде того, как добиться от осколочников согласия на поединки с Адолином и как усилить патрули на прилегающих территориях. Далинар считал безопасность военных лагерей необходимым предварительным условием для того, что он пытался совершить.

Когда встреча наконец-то завершилась и большинство ее участников отправились приводить в исполнение приказы, Каладин все еще размышлял о том, что Далинар сказал о Сияющих. Великий князь, сам того не зная, сформулировал все очень точно. У Сияющих рыцарей и впрямь были идеалы – они именно так и назывались. Пять Идеалов, Бессмертные слова.

«Жизнь прежде смерти, – подумал Каладин, поигрывая сферой, которую вытащил из кармана, – сила прежде слабости, путь прежде цели». Эти слова составляли Первый идеал. Юноша лишь догадывался об их истинном значении, но невежество не помешало ему постичь Второй идеал ветробегунов – клятву защищать тех, кто не может защитить себя самостоятельно.

Сил не рассказала ему, в чем заключаются оставшиеся три. Она заявила, что он сам все поймет, когда придет время. Или не поймет – и не сможет продвинуться дальше.

А желал ли он двигаться дальше? Чтобы стать... кем? Одним из Сияющих рыцарей? Каладин не просил подчинять свою жизнь чьим-то чужим идеалам. Он просто хотел выжить – и каким-то образом очутился на пути, которым ни один человек не следовал веками. Он мог стать тем, кого во всем Рошаре ненавидели или боготворили. Так много внимания...

– Солдат? – окликнул Далинар, подходя к дверям.

– Сэр. – Каладин выпрямился и отдал честь.

Ему было приятно это делать – стоять по стойке смирно, чувствовать себя нужным. Он точно не знал, в чем дело: в приятных чувствах, связанных с воспоминаниями о жизни, которую он когда-то любил, или в жалких ощущениях рубигончей, которая снова отыскивала свой поводок.

– Мой племянник прав, – сказал Далинар, наблюдая за тем, как король уходит по коридору. – Враги могут попытаться причинить боль моей семье. Таков ход их мыслей. Навани и мои сыновья нуждаются в постоянной охране. Назначь своих лучших людей.

– Сэр, у меня их всего-то около двух дюжин. Этого недостаточно для полной ежедневной охраны вас четверых. Мне придется в кратчайшие сроки обучить больше людей, но, если просто дать мостовику копьё, он от этого не станет солдатом, не говоря уже о хорошем телохранителе.

Далинар кивнул с обеспокоенным видом и потер подбородок.

– Сэр?

– Солдат, не тебе одному не хватает людей. Я потерял многих из-за предательства Садеаса. Это были очень хорошие воины. Теперь у меня совсем мало времени. Всего лишь чуть больше шестидесяти дней...

Каладина пробрал озноб. Великий князь отнесся к числу, нацарапанному неизвестно кем на стене, очень серьезно.

– Капитан, – негромко проговорил Далинар, – мне нужен каждый, кто способен держать в руках оружие. Их надо обучить, восстановить войско и приготовиться к буре. Они должны отправляться на штурм плато, сражаться с паршенди, набираться боевого опыта.

И как это связано с Каладином?

– Вы обещали, что мои люди не будут участвовать в боях на плато.

– Я сдержу слово, – сказал Далинар. – Но в королевской гвардии двести пятьдесят солдат. Среди них последние из оставшихся у меня боеспособных офицеров, которым я намереваюсь поручить подготовку новых рекрутов.

– Я ведь не просто буду охранять вашу семью, верно? – Каладин почувствовал, как груз на его плечах тяжелеет. – Вы имеете в виду, что собираетесь поручить мне также и охрану... короля.

– Да. Не сразу, но да. Мне нужны эти солдаты. Кроме того, содержать две отдельные гвардии – это неправильно. У меня есть ощущение, что твои люди, учитывая ваше прошлое, наименее склонны к тому, чтобы шпионить для моих врагов. Тебе следует знать, что некоторое время назад, возможно, состоялось покушение на жизнь короля. Я все еще не выяснил, кто за ним стоял, но опасаясь, что в это были вовлечены некоторые из его гвардейцев.

Каладин тяжело вздохнул:

– Что произошло?

– Элокар и я охотились на ущельного демона. Во время охоты, в самый напряженный момент, королевский осколочный доспех едва не подвел его. Мы обнаружили, что многие из питавших его самосветов, по всей видимости, заменили на испорченные, которые и треснули от большой нагрузки.

– Сэр, я мало что знаю о доспехах. Они могли сломаться сами по себе, без чьего-то вредительства?

– Это возможно, но маловероятно. Я хочу, чтобы твои люди посменно охраняли дворец и короля, чередуясь с кем-то из королевских гвардейцев, чтобы вы как следует познакомились с ним и с дворцом. Твоим людям, скорее всего, не помешает поучиться у опытных стражников. Одновременно я начну переводить офицеров из его гвардии в мое войско, чтобы они занялись обучением солдат. За пару недель мы объединим твой отряд и королевскую гвардию. Ты будешь ею командовать. Как только обучишь мостовиков из других расчетов в достаточной степени, мы заменим твоими людьми гвардейцев, которых переведем в мое войско. – Он посмотрел Каладину в глаза. – Ты справишься, солдат?

– Да, сэр, – ответил Каладин, хотя часть его запаниковала. – Справлюсь.

– Хорошо.

– Сэр, есть предложение. Вы сказали, что собираетесь усилить патрулирование территорий за военными лагерями и хотите охватить и холмы вокруг Расколотых равнин?

– Да. Там развелось удручающе много бандитов. Это теперь владения алети. Они обязаны подчиняться законам алети.

– Есть тысяча человек, которых я должен обучить. Если бы я мог отправить их в патрулирование, это бы помогло им ощутить себя солдатами. Я бы использовал достаточно большое количество людей, чтобы это само по себе было сообщением для бандитов, которые, быть может, и ушли бы из тех краев, – но при этом моим людям не пришлось бы слишком много сражаться.

– Хорошо. Патрулями занимался генерал Хал, но он теперь мой старший военачальник и понадобится для других вещей. Натаскай своих людей. Твоя тысяча должна заниматься настоящим патрулированием дорог, объединяющих Расколотые равнины, Алеткар и порты на юге и востоке. Понадобятся разведывательные отряды, которые будут выслеживать признаки бандитских лагерей и выискивать караваны, которые подверглись атаке. Мне нужны точно знать, что там происходит и насколько ситуация опасна.

– Сэр, я займусь этим лично.

Вот ведь буря! Как он собирается все успеть?

– Хорошо, – бросил Далинар и вышел из комнаты, сцепив руки за спиной, как будто погрузившись в размышления.

Моаш, Эт и Март последовали за ним, как и приказал им Каладин. Придется постоянно держать возле князя двоих людей, а если получится – троих. Раньше он надеялся на четверых или пятерых, но – шквал! – раз теперь придется охранять столько, такое становилось невозможным.

«Кто же он такой?» – подумал Каладин, провожая Далинара взглядом.

Он управлял хорошим лагерем. О человеке можно было судить – Каладин обычно так и делал – по людям, которые следовали за ним.

Но и у тирана может быть хороший лагерь с дисциплинированными солдатами. Великий князь Далинар Холин помог объединить Алеткар, и путь к объединению преодолел по колено в крови. А теперь... теперь он вел королевские речи, хотя сам король присутствовал в той же комнате.

«Он хочет воссоздать Сияющих рыцарей», – подумал Каладин. Силой или волей Далинару Холину этого не добиться.

Если только ему не помогут.

6 Ужасное разрушение

*Мы даже не думали, что шпионы паршенди прячутся среди наших рабов.
Вот еще одна вещь, о которой мне следовало бы подумать заранее.
Из личного дневника Навани Холин, йесесан, 1174*

Шаллан опять сидела на своем ящике на палубе, но теперь у нее на голове была шапка, поверх платья – теплая накидка, а на свободной руке – перчатка. Защищенную руку, разумеется, укрывал рукав.

В открытом океане царил невообразимый холод. Капитан сказал, что еще дальше к югу сами волны замерзают. Это казалось немыслимым; она бы хотела такое увидеть. Девушка время от времени видела снег и лед в Йа-Кеведе, когда зимы выдавались необычными. Но целый океан льда? Потрясающе.

Она наблюдала за спреном, получившим имя Узор, а наблюдения записывала. Вот спрен поднялся над поверхностью палубы, превратившись в сгусток клубящейся темноты – клубок бесконечных линий, что изгибались таким образом, который ей никак не удавалось передать на плоской бумаге. Поэтому она писала заметки и сопровождала их набросками.

– Пища... – сказал Узор.

Голос спрена походил на жужжание, а еще он вибрировал, когда издавал звуки.

– Да, – ответила Шаллан. – Ее нужно есть.

Она взяла из стоявшей рядом миски маленький лимафрукт, положила в рот, прожевала и проглотила.

– Есть, – бормотал Узор. – Превращать... ее... в себя.

– Да! Именно.

Он опустился, вошел в доски палубы, и чернота растворилась. Спрен снова стал частью материала – древесина из-за него пошла волнами, словно вода. Он скользнул по палубе, потом по ящику рядом с Шаллан забрался в миску с маленькими зелеными фруктами. В миске Узор расположился на всех фруктах сразу, и кожура каждого покрылась складками и выступами, вторя его форме.

– Ужасно! – донесся из миски вибрирующий голос.

– Ужасно?

– Разрушение!

– Что? Нет, мы так выживаем. Все существа нуждаются в еде.

– Ужасное разрушение – есть! – ошеломленно заявил спрен и перебрался обратно на палубу.

«Узор излагает все более сложные мысли, – записала Шаллан. – Отвлеченные понятия даются ему легко. Ранее он задавал мне вопросы: „Почему? Почему ты? Почему быть?“ Я истолковала это как вопрос о моей цели и ответила: „Чтобы искать истину“. Он, похоже, легко понял, что я имела в виду. И все же некоторые приземленные вещи – вроде того, зачем людям нужно есть, – целиком ускользают от его понимания. Это...»

Она перестала писать – бумага пошла складками, и на странице проявился Узор, чьи тонкие грани приподняли только что написанные ею буквы.

– Почему это? – спросил он.

– Чтобы помнить.

– Помнить, – повторил спрен, пробуя новое слово.

– Это значит... – Буреотец! Как же ей объяснить, что такое память? – Это значит осознавать, что ты делал в прошлом. В другие моменты, которые случились много дней назад.

– Помнить. Я... не могу... помнить...

– Какое твое самое раннее воспоминание? – спросила Шаллан. – Где ты был вначале?

– Вначале, – проговорил Узор. – С тобой.

– На корабле? – Девушка начала записывать.

– Нет. Зеленое. Пища. Пища не чтобы есть.

– Растения?

– Да. Много растений.

Он завибрировал, и Шаллан подумалось, что вибрация подражает шуму ветра в ветвях. Она сделала глубокий вдох. Казалось, еще чуть-чуть – и палуба превратится в тропинку, ящик станет каменной скамейкой. Все выглядело зыбким, ненастоящим, но таким похожим на настоящее. Отцовский сад. Узор на земле, нарисованный в пыли...

– Помнить, – шепотом проговорил спрен.

«Нет, – в ужасе подумала Шаллан. – НЕТ!»

Видение растаяло. Ей ведь просто померещилось, так? Веденка прижала к груди защищенную руку, ее дыхание сделалось прерывистым. Нет.

– Эй, барышня! – раздался позади голос. – Расскажите-ка этому новичку, что приключилось в Харбранте!

Шаллан, все еще с колотящимся сердцем, повернулась и увидела Ялба. Тот направлялся к ней с «новичком» – шестифутовым громилой, который был по меньшей мере на пять лет старше самого Ялба. Они подобрали его в Амидлатне, последнем порту. Тозбек хотел быть уверенным, что во время перехода к Новому Натанану на борту хватит рабочих рук.

Ялб присел возле ее скамейки. По причине холода он соблаговолил надеть рубашку с истрепанными рукавами и нечто вроде головной повязки, прикрывавшей уши.

– Светлость? – спросил он. – Вы в порядке? Выглядите так, словно проглотили черепаху. И не только голову, а целиком.

– Со мной все хорошо. Что... что ты у меня спросил?

– В Харбранте, – сказал Ялб, большим пальцем указывая себе за спину, – мы повстречали короля или не повстречали?

– Мы? – повторила Шаллан. – Я его встречала.

– А я был вашим спутником.

– Ты ждал снаружи.

– Да какая разница! Я был вашим лакеем на той встрече, ага?

Лакеем? Он оказал ей услугу и проводил до дворца.

– Ну... вроде того, – подтвердила Шаллан. – Припоминаю, ты и впрямь красиво кланялся. Ялб встал и повернулся к громиле:

– Вот видишь? Я же упоминал про поклон, верно?

«Новенький» что-то проворчал в знак согласия.

– Так что давай иди мыть посуду, – продолжил Ялб и получил в ответ сердитый взгляд. – Ну вот только не начинай! Я же предупреждал, что к дежурству на кухне капитан относится с особым вниманием. Если хочешь стать одним из нас, хорошенько потрудись и не чурайся лишней работы. Капитан будет к тебе лучше относиться, как и все остальные. Я же ради твоего блага стараюсь, еще спасибо мне скажешь.

Здоровяк как будто успокоился и потопал на нижнюю палубу.

– Клянусь Стремлениями! – воскликнул Ялб, глядя ему вслед. – У парня столько же смекалки, сколько света в двух сферах из грязи. Я за него переживаю. Кто-то обязательно этим воспользуется, светлость.

– Ялб, ты опять хвастался?

– Если добавить чуток правды, то не считается.

– Вообще-то, в этом и заключается суть хвастовства.

– Эй, – воскликнул Ялб, повернувшись к ней. – А что вы тут делали? Ну, знаете – с цветами?

– С цветами? – переспросила Шаллан, похолодев.

– Ну да – палуба стала зеленой, ага? Клянусь, я видел. Все из-за того странного спрена, верно?

– Я... я пытаюсь определить, что же это за спрен, – пояснила Шаллан, следя, чтобы голос не дрогнул. – Провожу научное исследование.

– Так я и думал, – сказал Ялб, хотя ее ответ на самом деле ничего не прояснил.

Он приветливо махнул ей рукой и убежал.

Девушка переживала из-за того, что Узора не удалось спрятать от моряков. Она пыталась сидеть в своей каюте, чтобы сохранить его в тайне от всех, но замкнутое пространство действовало угнетающе, а спрен не реагировал на предложения держаться от людей подальше. И поэтому на протяжении последних четырех дней ей пришлось позволить им наблюдать за Узором.

Он вызывал у моряков понятное беспокойство, но они предпочитали помалкивать. Сегодня матросы были заняты подготовкой корабля к ночному переходу. Мысли об открытом море ночью тревожили Шаллан, но такова была плата за путешествие в такой дали от цивилизации. Два дня назад им даже пришлось пережить бурю в прибрежной бухте. Ясна и Шаллан высадились на берег и отправились в построенную специально для таких целей крепость, заплатив за возможность укрыться немалую цену, а моряки остались на борту.

В бухте, хоть она и не была настоящим портом, имелся хотя бы бурелом, за которым корабль и укрылся. Во время следующей великой бури у них и этого не будет. Они разыщут бухту и попытаются перенести шторм, хотя Тозбек заранее решил, что пошлет Шаллан и Ясну на берег, чтобы они спрятались в пещере.

Она снова повернулась к Узору, который теперь парил над палубой. Он чем-то напоминал порожденную хрустальной люстрой игру световых бликов на стене – только вот был трехмерным и состоял из чего-то черного, а не из света. Пожалуй... нет, не очень-то похоже.

– Обманы, – сказал Узор. – Обманы от Ялба.

– Да, – со вздохом согласилась Шаллан. – Ялб временами просто идеален в искусстве убеждения ради собственного блага.

Узор тихонько загудел. Он казался довольным.

– Тебе нравятся обманы? – спросила Шаллан.

– Хорошие обманы. Этот обман. Хороший обман.

– Что делает обман хорошим? – поинтересовалась Шаллан, аккуратно записывая каждое слово Узора.

– Хороший обман – правдивый обман.

– Узор, эти вещи противоположны друг другу.

– Ммм... Свет делает тень. Правда делает обманы. Ммм...

«Ясна назвала их „спренами лжи“, – записала Шаллан. – Им, похоже, это прозвище не нравится. Когда я духозаклинала в первый раз, чей-то голос просил у меня правду. Я по-прежнему не знаю, что это значит, и Ясна ничего не объясняет. Она, похоже, знает о случившемся не больше меня. Не думаю, что голос принадлежал Узору, но не могу утверждать наверняка, поскольку он, видимо, многое о себе забыл».

Она вернулась к рисованию и сделала пару набросков Узора в парящей и плоской формах. Это занятие позволило ее мыслям успокоиться. К тому моменту, когда наброски были закончены, в памяти Шаллан всплыло несколько смутных отрывков из прочитанных книг, которые она захотела процитировать в заметках.

Девушка отправилась вниз, Узор двинулся следом. Он притягивал к себе взгляды матросов. Моряки – народ суеверный, и кое-кто считал спрена дурным знаменем.

В каюте Узор забрался на стену и оттуда наблюдал, как Шаллан ищет пришедший на ум абзац, в котором упоминались спрены, наделенные даром речи. Не просто спрены ветра или спрены реки, которые подражали людям и отпускали шуточки. Эти были на ступень выше обычных спренов, но существовали и более развитые, очень редкие. Спрены вроде Узора, способные по-настоящему беседовать с людьми.

«Ночехранительница определенно из их числа, – гласила цитата из Алай, переписанная Шаллан. – Записи разговоров с нею – а она, несомненно, женского пола, что бы ни говорилось в деревенских сказках алети, – многочисленны и достоверны. Сама Шубалай, собравшись написать основанный на личном опыте научный отчет, посетила Ночехранительницу и дословно записала ее историю...»

Шаллан перешла к следующему выписанному отрывку и вскоре увлеклась работой. Через несколько часов она закрыла книгу и положила на столик возле кровати. Ее сферы тускнели; скоро они погаснут, и придется их снова заряжать бурсветом. Шаллан удовлетворенно вздохнула и прилегла на кровать. На полу ее маленькой каюты были разложены заметки, содержавшие цитаты из дюжины разных источников.

Она была... довольна. Ее братьям понравилась идея отремонтировать духозаклинатель и вернуть его прежним хозяевам, и они воодушевились, услышав от нее, что не все еще потеряно. Теперь, когда появился новый план, они решили, что смогут продержаться еще какое-то время.

Жизнь Шаллан налаживалась. Сколько времени прошло с тех пор, когда у нее была возможность просто так сидеть и читать? Не тревожась за родных, не дрожа от ужаса перед необходимостью как-то обокрасть Ясну? Даже до жуткой цепи событий, в результате которых ее отец погиб, Шаллан всегда чувствовала беспокойство. Оно составляло суть ее жизни. Девушка считала, что никогда не сумеет сделаться ученой. Буреотец! Она и в ближайший к имению город попасть не мечтала.

Шаллан встала, взяла альбом и пролистала наброски сантида, включая те, что были нарисованы по памяти после погружения в океан. Усмехнулась, вспомнив о том, как выбралась на палубу, промокая насквозь и с улыбкой до ушей. Все матросы точно решили, что пассажирка сошла с ума.

Теперь она плыла к городу на краю мира, обрученная с могущественным принцем-алети, и могла учиться в свое удовольствие. Шаллан видела изумительные новые места, зарисовывала их дни напролет, а ночами читала книгу за книгой.

Ее угораздило добыть себе безупречную жизнь, в которой было все, что душе угодно.

Шаллан выудила из потайного кошелька внутри защищенного рукава несколько сфер, чтобы заменить потускневшие из кубка. Но сферы, которые она достала, оказались погасшими. В них не было ни единой искорки буресвета.

Веденка нахмурилась. Эти сферы зарядили во время предыдущей Великой бури, поместив в корзину, привязанную к мачте корабля. Те, что в кубке, зарядили две бури назад, потому они и угасли. Как же вышло, что сферы в ее кармане разрядились быстрее? Это противоречило здравому смыслу.

– Ммм... – сказал Узор, расположившийся на стене на уровне ее головы. – Обманы.

Шаллан положила сферы обратно в карман, открыла дверь и по узкому сходному трапу направилась к каюте Ясны. Ее обычно занимали Тозбек с женой, но они переселились в третью, самую маленькую из кают, чтобы предоставить Ясне лучшее жилье. Люди постоянно так делали, даже если принцесса ни о чем не просила.

У Ясны Шаллан могла взять несколько сфер. Действительно, дверь в каюту была приоткрыта и едва заметно двигалась туда-сюда в такт качке, пока корабль, скрипя, следовал своим вечерним курсом. Шаллан несмело заглянула в щель, вдруг засомневавшись, стоит ли беспокоить принцессу, которая сидела за столом.

Она видела лицо наставницы: рука у виска, взгляд устремлен на разбросанные по столу бумаги. В глазах Ясны был страх, и выглядела она измученной.

Это была совсем не та принцесса, которую Шаллан привыкла видеть. Утомление взяло верх над уверенностью, самообладание сдалось под натиском тревоги. Ясна начала что-то писать, но перестала после всего-то пары слов. Отложила перо, закрыла глаза и потерла виски. Несколько спренов – растерянно кружащиеся в воздухе сгустки пыли – появились вокруг ее головы. Спрены изнеможения.

Девушка отпрянула, – похоже, она невольно оказалась свидетельницей чего-то сокровенного. Ясна отбросила маску. Шаллан осторожно шагнула назад, но с пола вдруг раздался голос: – Правда!

Ясна вздрогнула от неожиданности и, подняв глаза, увидела Шаллан – которая, конечно, залилась краской.

Принцесса перевела взгляд на пол, на Узора, а потом надела маску и выпрямила спину:

– Да, дитя?

– Я... мне нужны сферы... – пробормотала Шаллан. – Те, что в моем кошельке, погасли.

– Ты духозаклинала? – резко спросила Ясна.

– Что? Нет, светлость. Я же обещала, что не буду.

– Значит, дело во второй способности, – сказала Ясна. – Зайди и закрой дверь. Надо поговорить с Тозбеком – она не запирается как следует.

Шаллан вошла, закрыла дверь, хотя защелка и впрямь не держала. Она шагнула вперед, сцепив руки и ощущая растерянность.

– Что ты сделала? – спросила наставница. – Это было как-то связано со светом, я предполагаю?

– Я как будто создала растения, – ответила Шаллан. – Ну, точнее, только цвет. Один из моряков видел, как палуба позеленела, хотя все исчезло, едва я перестала думать о растениях.

– Да... – проговорила Ясна.

Она пролистала одну из своих книг и нашла иллюстрацию. Шаллан уже видела этот рисунок; он был древним, как сам воринизм. Десять сфер, соединенных линиями в рисунок, напоминающий лежащие на боку песочные часы. Две сферы в центре выглядели почти как зрачки. Двойной глаз Всемогущего.

– Десять Сущностей, – пробормотала Ясна и провела пальцами по странице. – Десять потоков. Десять орденов. Но почему спрены наконец-то решили вернуть нам наши клятвы? И сколько времени у меня осталось? Не много. Не много...

– Светлость? – спросила Шаллан.

– До твоего появления я считала себя отклонением от нормы, – ответила Ясна. – Мне оставалось лишь надеяться, что связыватели потоков не возвращаются в больших количествах. Теперь этой надежды уже нет. Криптики послали тебя ко мне, в этом нет никаких сомнений, потому что они знали: тебе понадобится учитель. Это дает надежду, что я была по крайней мере одной из первых.

– Я не понимаю.

Ясна повернулась к ученице и устремила на нее пристальный взгляд. Глаза принцессы покраснели от усталости. Как долго она работала? Каждую ночь, когда Шаллан ложилась спать, из-под двери Ясны все еще пробивался свет.

– По правде говоря, – призналась Ясна, – я тоже не понимаю.

– С вами все в порядке? – заволновалась Шаллан. – Перед тем как я зашла, вы выглядели... расстроенной.

Ясна промедлила лишь мгновение.

– Я просто слишком много времени трачу на свои изыскания. – Она повернулась к одному из сундуков и вытащила темный кошель, полный сфер. – Возьми это. Я бы посоветовала тебе постоянно носить с собой сферы, чтобы твои способности к связыванию потоков могли проявляться.

– Вы меня научите? – Шаллан взяла кошель.

– Не знаю. Попытаюсь. На этой схеме есть поток под названием Иллюминация, мастерство света. Пока что я бы предпочла, чтобы ты с усердием изучала этот поток, а не духозаклинание. Это искусство теперь стало еще опаснее, чем было когда-то.

Шаллан кивнула и поднялась. Перед тем как уйти, на миг задержалась.

– Уверены, что с вами все в порядке?

– Конечно. – Ясна ответила слишком быстро. Она хорошо владела собой, но явно была утомлена сверх всякой меры. Маска треснула, и Шаллан увидела правду.

«Она пытается меня успокоить, – поняла Шаллан. – Погладить по головке и послать в кровать, словно ребенка, который проснулся, увидев ночной кошмар».

– Вы обеспокоены. – Девушка встретила Ясную взглядом.

Принцесса отвернулась. Она придавила книгой что-то, шевельнувшееся на столе... небольшого пурпурного спрена. Спрена страха. Всего лишь одного – да, но все-таки.

– Нет... – прошептала Шаллан. – Вы не обеспокоены. Вы в ужасе!

Буреотец!

– Все в порядке, – произнесла Ясна. – Мне просто надо выспаться. Возвращайся к своей работе.

Шаллан села на табурет рядом со столом Ясны. Наставница посмотрела на свою ученицу, и та увидела, как на маске появились новые трещины. Раздражение – принцесса поджала губы. Напряжение – пальцы, державшие перо, сжались в кулак.

– Вы сказали, что я могу стать частью всего этого. Ясна, если вас что-то тревожит...

– Меня тревожит то же самое, что и всегда, – прервала ее та, откинувшись на спинку кресла. – Что я не успею. Что я не способна сделать хоть что-то важное, пытаюсь остановить грядущее... Что я пытаюсь остановить Великую бурю, изо всех сил дуя в ее сторону.

– Приносящие пустоту. Паршуны.

– В прошлом, – проговорила Ясна, – Опустошению – появлению Приносящих пустоту – всегда, как полагается, предшествовало возвращение Вестников, которые должны были подготовить человечество. Они обучали Сияющих рыцарей, число которых стремительно возрастало.

– Но мы победили Приносящих пустоту, – возразила веденка. – И поработили их. – К такому выводу пришла Ясна, и Шаллан согласилась с ней, изучив ее труд. – Так вы считаете, будет что-то вроде восстания? Паршуны обратятся против нас, как уже делали в прошлом?

– Да, – подтвердила Ясна, разыскивая что-то в своих записях. – И скоро. То, что ты оказалась связывателем потоков, меня не успокаивает, потому что слишком напоминает случившееся раньше. Но в те времена у новых рыцарей были наставники и накопленные за поколения традиции. У нас нет ничего.

– Пустоносцы в плену, – напомнила Шаллан, глянув на Узора. Он расположился на полу, почти невидимый, и молчал. – Паршуны даже общаются с трудом. Как они могут затеять восстание?

Ясна разыскала нужный лист и вручила его Шаллан. Это был записанный рукой принцессы рассказ жены какого-то капитана о штурме плато на Расколотых равнинах.

– Паршенди, – пояснила Ясна, – могут петь в унисон друг с другом, независимо от разделяющего их расстояния. У них есть некая способность общаться, которую мы не понимаем. Я могу лишь предположить, что их родственники-паршуны тоже ею обладают. Им не понадобится услышать призыв к действию, чтобы восстать.

Шаллан прочитала донесение, медленно кивая.

– Ясна, нужно предупредить остальных.

– Думаешь, я не пыталась? Я писала ученым и королям со всего света. Большинство сочли меня одержимой. Доказательства, которые ты с готовностью приняла, другие называют шаткими. Ревнителю были моей главной надеждой, но их взгляд затуманивает то, что к делу причастна Иерократия. Кроме того, мои личные убеждения заставляют ревнителю скептически относиться к любому моему слову. Мать хочет ознакомиться с моими изысканиями – это уже кое-что. Мои брат и дядя могут поверить, и потому мы направляемся к ним. – Принцесса поколебалась. – Есть еще одна причина, по которой нам нужны Расколотые равнины. Способ отыскать доказательства, которые могли бы убедить всех.

– Уритиру, – выдохнула Шаллан. – Тот город, который вы ищете?

Ясна снова бросила на нее резкий взгляд. Древний город был первым, о чем Шаллан узнала, когда втайне от наставницы прочитала ее записи.

– Ты по-прежнему слишком легко краснеешь, когда споришь с кем-то, – заметила принцесса.

– Прошу прощения.

– И еще ты слишком легко просишь прощения.

– Я... э-э, мне следует негодовать?

Ясна улыбнулась и подняла схематическое изображение Двойного глаза. Изучила его.

– Где-то на Расколотых равнинах спрятана тайна. Тайна, связанная с Уритиру.

– Вы же сказали, что город не там!

– Так и есть. Но тропа к нему – возможно, там. – Принцесса поджала губы. – Если верить легендам, только Сияющие рыцари могли открыть этот путь.

– К счастью, мы знаем двоих.

– И опять повторяю: ни ты, ни я – не Сияющие. То, что мы способны им кое в чем подражать, может и не иметь значения. У нас нет их традиций и их знаний.

– Мы ведь говорим о вероятном конце цивилизации, верно? – тихо спросила Шаллан.

Ясна медлила с ответом.

– Опустошения, – продолжила Шаллан. – Я мало что знаю, но легенды...

– После каждого Опустошения человечество оказывалось среди руин. Великие города превращались в пепел, жизнь замирала. Каждый раз знания и развитие падали чуть ли не до доисторического уровня – требовались целые века, чтобы восстановить цивилизацию, сделать ее такой же, как прежде. – Принцесса поколебалась. – Я все еще надеюсь, что ошиблась.

– Уритиру, – повторила Шаллан. Она пыталась не просто задавать вопросы, а додумываться до ответов самостоятельно. – Вы сказали, город был чем-то вроде базы или дома для Сияющих рыцарей. Я не слышала о нем до того, как встретила вас, и потому могу предположить, что упоминания о нем в литературе встречаются нечасто. Возможно, это одна из вещей, которые Иерократия пыталась стереть из истории?

– Молодец, – похвалила Ясна. – Хоть я и думаю, что он начал превращаться в легенду еще раньше, а действия Иерократии завершили дело.

– Если он существовал до Иерократии и путь к нему был заперт после падения Сияющих... то, возможно, там сохранились записи, не тронутые современными учеными. Неискаженные, неизменные знания о пустоносах и связывании потоков. – Шаллан вздрогнула. – Так вот зачем мы на самом деле направляемся на Расколотые равнины!

Ясна улыбнулась, превозмогая усталость:

– Ты и впрямь молодец. Я с пользой провела время в Паланеуме, но вместе с тем разочаровалась. Мои подозрения по поводу паршунов подтвердились, но я также обнаружила, что многие из хранящихся в великой библиотеке трудов обладают такими же признаками фальсификации, как и те, которые я уже читала. Это «очищение» истории, устранение прямых упоминаний об Уритиру или Сияющих, потому что они опозорили воринизм... просто возмутительно. И люди еще спрашивают, отчего я враждебно настроена по отношению к церкви! Мне нужны первоисточники. И ведь есть истории – те, которым я смею верить, – где говорится, что Уритиру был священным и защищенным от пустоносцев. Может, это всего лишь попытка выдать желаемое за действительное, но я не настолько рациональна, чтобы не надеяться – вдруг и впрямь такое возможно.

– А паршуны?

– Постараемся убедить алету избавиться от них.

– Нелегкое дело.

– Почти невозможное, – согласилась Ясна, вставая. Она начала собирать книги на ночь, складывая их в свой водонепроницаемый сундук. – Ведь паршуны такие безупречные слуги. Покорные, послушные. Наше общество стало слишком сильно от них зависеть. Паршунам даже не нужно прибегать к насилию, чтобы ввергнуть нас в хаос – хотя я уверена, что именно это и случится, – они могут просто уйти. За этим последовал бы экономический кризис.

Она вытащила из сундука одну книгу, закрыла его и повернулась к Шаллан:

– Без новых доказательств мы не сможем убедить всех в моей правоте. Даже если брат прислушается к моим словам, он не обладает властью, позволяющей вынудить великих князей избавиться от паршунов. И если честно, я боюсь, что королю не хватит смелости рискнуть и столкнуться с катастрофическими последствиями изгнания паршунов.

– Но если они обратятся против нас, катастрофа все равно случится.

– Да. Ты это знаешь, и я знаю. Мать, возможно, поверит. Но риск ошибки настолько громадный, что... в общем, нам нужны доказательства – многочисленные и неоспоримые доказательства. Поэтому мы разыщем Уритиру. Чего бы это ни стоило, мы его разыщем.

Шаллан кивнула.

– Дитя, я не хотела возлагать этот груз на твои плечи, – произнесла Ясна, опять усаживаясь за стол. – Однако вынуждена признаться, что для меня было большим облегчением все открыть человеку, который не спорит с каждым словом.

– Мы это сделаем, – сказала Шаллан. – Мы отправимся на Расколотые равнины и найдем Уритиру. Мы добудем доказательства и убедим всех прислушаться к нам.

– Ах, юные всегда надеются на лучшее... – пробормотала Ясна. – Что ж, такое приятно слышать время от времени. – Она вручила Шаллан книгу. – Одним из орденов Сияющих рыцарей были так называемые Светоплеты. Я собрала лишь крупницы сведений о них, но из всех источников, какие мне доводилось читать, этот самый полезный.

Девушка нетерпеливо схватила книгу. Надпись на обложке гласила: «Слова сияния».
– Иди, – велела Ясна. – Читай.

Шаллан посмотрела на нее.

– Я буду спать, – пообещала принцесса, улыбнувшись краем рта. – И прекрати изображать мою мать. Я даже Навани такого не позволяю.

Веденка со вздохом кивнула и покинула каюту Ясны. Узор потащился следом; за всю беседу он не издал ни звука. Обрато в свою каюту девушка вошла с куда более тяжелым сердцем, чем вышла. Она не могла забыть ужас в глазах наставницы. Ясна Холин ничего не боялась, ведь так?

Шаллан забралась в койку с книгой, которую ей дали, и кошельем сфер. Часть ее желала приступить, но от сильной усталости закрывались глаза. Было уже совсем поздно. Если она начнет читать сейчас...

Лучше как следует выспаться, а наутро со свежей головой погрузиться в учебу. Шаллан положила книгу на столик возле кровати, свернулась клубочком и позволила качке убаюкать себя.

Разбудили ее крики, громкие возгласы и дым.

7

Открытый огонь

*Я была не готова к скорби, что пришла вместе с этой потерей – обрушилась на меня точно гром среди ясного неба. Смерть Гавилара несколько лет назад ошеломила меня, но это... это едва не уничтожило.
Из личного дневника Навани Холин, йесесач, 1174*

Все еще в полусне, Шаллан запаниковала. Веденка кубарем свалилась с кушетки, случайно задев кубок с почти разряженными сферами. Хотя она прикрепила его к столику воском, от удара кубок перевернулся, и сферы рассыпались по полу каюты.

Сильно воняло дымом. Девушка метнулась к двери – растрепанная, с колотящимся сердцем. По крайней мере, она заснула в одежде. Шаллан распахнула дверь.

На узком сходном трапе стояли трое мужчин с факелами, спиной к ней. Факелы! Над пламенем танцевали искрящиеся спрены. Кто принес на корабль открытый огонь? Шаллан оцепенела от растерянности.

С палубы наверху доносились крики, и было похоже, что корабль не горит. Но что же это за люди? Они вооружились топорами и все внимание сосредоточили на каюте Ясны.

Сквозь открытую дверь в каюте принцессы были видны какие-то люди. Время застыло от ужаса, когда один из них бросил что-то на пол перед остальными, которые расступились, освобождая место.

Тело в тонкой ночной сорочке – невидящий взгляд, расплывающееся на груди кровавое пятно. Ясна.

– Удостоверьтесь, – велел один из мужчин.

Другой присел и вонзил длинный тонкий нож прямо в грудь Ясны. Шаллан услышала, как он ударился в дерево под телом.

И закричала.

Один из мужчин резко повернулся к ней:

– Эй!

Это был тот высоченный громила с туповатым лицом, которого Ялб называл «новеньким». Прочих она не узнала.

Каким-то образом поборов ужас и неверие, Шаллан захлопнула дверь и дрожащими пальцами задвинула засов.

Буреотец! Буреотец! Она попятилась от двери, в которую с другой стороны ударило что-то тяжелое. Им не понадобятся топоры. В эту дверь достаточно несколько раз ударить крепким плечом, и она не выдержит.

Шаллан наткнулась на свою койку, чуть не поскользнувшись на сферах, которые катались туда-сюда по полу из-за качки. Узкое окно под потолком – слишком маленькое, чтобы протиснуться, – открывало лишь ночную тьму, что была снаружи. Наверху продолжали кричать, чьи-то ноги топали по доскам.

Шаллан дрожала, все еще онемевшая внутри. Ясна...

– Меч, – сказал кто-то. Узор, повисший на стене возле нее. – Ммм... Меч...

– Нет! – закричала Шаллан, обхватив голову руками, запустив пальцы в волосы.

Буреотец! Она вся тряслась.

Ночной кошмар. Это ночной кошмар! Это не может происходить на самом деле...

– Ммм... Сражаться...

– Нет!!!

Мужчины снаружи продолжали бросаться плечом на дверь, и дыхание Шаллан участилось. Она была к такому не готова. Совершенно не готова.

– Ммм... – сказал Узор, явно раздосадованный. – Обманы.

– Я не умею использовать обманы! Я не практиковалась.

– Да. Да... помнить... прошлый раз...

Дверь затрещала. Посмеет ли она вспомнить? Сумеет ли вспомнить? Дитя, играющее с мерцающим узором из света...

– Что мне делать? – спросила Шаллан.

– Тебе нужен буресвет, – подсказал Узор.

Что-то сверкнуло на дне ее памяти, что-то покрытое колючими шипами, к которым она не смела прикасаться. Ей требовался буресвет для связывания потоков.

Шаллан рухнула на колени рядом с койкой и, сама толком не понимая, что делает, резко вдохнула. Буресвет покинул сферы вокруг нее, перетек в ее тело, превратился в бурю, которая ярилась в жилах. В каюте стало темно, словно в пещере глубоко под землей.

Потом буресвет начал подниматься от ее кожи, как пар от кипятка. По стенам каюты поплыли тени.

– Что теперь? – нетерпеливо спросила она.

– Создай обман.

Что это значило? В дверь вновь ударили, и по центру возникла большая трещина.

Шаллан в панике выдохнула. Буресвет вышел из нее облаком, – казалось, она может его коснуться. Она чувствовала, какая в нем скрывалась мощь.

– Как?! – резко спросила она.

– Сделай правду.

– Это бессмыслица!

Дверь распахнулась, и Шаллан закричала. В каюте появился новый свет – свет факелов, красно-желтый, враждебный.

Облако света отпрыгнуло от Шаллан, и еще больше буресвета заструилось от ее тела, присоединяясь к нему. Свет превратился в смутную вертикальную фигуру. Светящееся размытое пятно. Оно ринулось мимо мужчин к двери, размахивая отростками, которые могли бы быть руками. Сама Шаллан, скорчившаяся у койки, оказалась в тени.

Взгляды убийц притянула светящаяся фигура. Потом – о чудо! – они развернулись и бросились вдогонку.

Девушка, дрожа, прижалась к стене. В каюте царил мрак. Наверху кричали люди.

– Шаллан... – прогудел Узор где-то во мгле.

– Ступай и посмотри, – велела она. – Скажи мне, что происходит на палубе.

Веденка не знала, подчинился ли спрен, потому как двигался он бесшумно. Несколько раз глубоко вдохнув, Шаллан встала. У нее подгибались колени, но она поднялась.

Девушка как-то собралась. Происходящее было ужасным, жутким, но ничто – ничто! – не могло сравниться с тем, что ей пришлось сделать той ночью, когда умер отец. Она пережила ту ночь. Переживет и эту.

Эти люди, вероятно, были из той же компании, что и Кабзал, – убийцы, которых опасалась Ясна. Они наконец-то ее достали.

Ох, Ясна...

Принцесса мертва.

Скорбь подождет. Как быть с вооруженными людьми, захватившими корабль? Как отсюда выбраться?

Девушка пробралась к сходному трапу. Там было немного света – от факелов наверху, на палубе. Теперь она слышала крики, в которых было больше паники.

– Убивают, – вдруг пробормотал кто-то.

Она вздрогнула – но это был, конечно, всего лишь Узор.

– Что? – прошипела Шаллан.

– Темные люди убивают, – повторил Узор. – Моряки связаны веревками. Один мертвый, из него течет красная кровь. Я... я не понимаю...

«Ох, Буреотец!..»

Вопли наверху сделались громче, но не было слышно ни топота ног по палубе, ни звона оружия. Моряки в плену. По меньшей мере один из них убит.

Во тьме Шаллан видела, как из досок вокруг нее выбираются, извиваясь, трясущиеся спрены страха.

– Что с мужчинами, которые погнались за моим образом?

– Смотрят в воду.

Значит, убийцы решили, что она выпрыгнула за борт. Шаллан на ощупь, с колотящимся сердцем пробралась в каюту Ясны, ожидая, что в любой момент споткнется о лежащее на полу тело принцессы. Не споткнулась. Неужели его утащили наверх?

Шаллан закрыла дверь. Защелка не держала, так что она подтащила к двери ящик.

Надо было что-то сделать. Руки нащупали один из сундуков Ясны, чье содержимое – одежду – разбросали бандиты. На дне Шаллан нашла тайное отделение и открыла его. Каяту озарил свет. Сферы были такими яркими, что на миг девушка ослепла, и ей пришлось отвернуться.

Узор вибрировал рядом на полу, весь содрогался от беспокойства. Шаллан огляделась. Маленькая каюта была разгромлена: одежда на полу, повсюду разбросаны бумаги. Сундук с книгами Ясны исчез. На кровати была лужа крови, которая еще не успела впитаться. Шаллан быстро отвела взгляд.

Внезапно наверху раздался крик, за которым последовал глухой удар. Вопли сделались громче. Она услышала, как Тозбек во все горло орет, чтобы пощадили его жену.

Всемогущий Всевышний... Убийцы казнили моряков одного за другим. Шаллан должна была что-то сделать. Что угодно.

Шаллан опять посмотрела на сферы, спрятанные в фальшивом дне, переложенные слоями черной ткани.

– Узор, мы духозаклянем дно корабля и утопим его.

– Что?! – Он завибрировал громче, зажужжал. – Человеки... человеки... едят воду?

– Мы ее пьем, – сказала Шаллан, – но не можем ею дышать.

– Ммм... Смущен.

– Капитан и остальные в плену, их казнят одного за другим. Лучший шанс, который я могу им дать, – это хаос. – Шаллан положила ладони на сферы и втянула свет, резко вдохнув. Внутри ее вспыхнул пожар, она как будто должна была вот-вот взорваться. Свет был чем-то живым, и он пытался выбраться наружу сквозь поры ее кожи.

– Покажи мне! – закричала она намного громче, чем намеревалась. Это все буресвет, он пробудил в ней нетерпение. – Я уже духозаклинала. Нужно просто это повторить! – С каждым словом буресвет вырывался из ее рта облачками, будто дыхание в холодный день.

– Ммм... – обеспокоенно проговорил Узор. – Я буду посредничать. Увидь.

– Что увидеть?

– Увидь!

Шейдсмар. В предыдущий раз, очутившись в этом месте, она едва не погибла. Только вот он не был «местом». Или был? Имело ли это значение?

Шаллан обратилась мыслями к недавним событиям – к тому, как она в последний раз духозаклинала и случайно превратила кубок в кровь.

– Мне нужна правда.

– Ты отдала достаточно, – сказал Узор. – Теперь увидь.

Корабль исчез.

Все... лопнуло. Стены, мебель – все рассыпалось на небольшие сферы из черного стекла. Шаллан подготовилась к тому, что упадет в океан из этих стеклянных бусин, но взамен рухнула на твердую почву.

Девушка стояла под черным небом с маленьким далеким солнцем. Земля под нею отражала свет. Обсидиан? Куда бы она ни повернулась, земля была сделана из той же черноты. Неподалеку несколько сфер – вроде тех, в которых хранился буресвет, но темнее и меньше – катились по земле и замирали.

Тут и там виднелись густые заросли деревьев, похожих на растущие кристаллы. У них были тонкие стеклянные ветви без листьев. Поблизости в воздухе дрожали огоньки, точно пламя свечей. «Люди, – поняла Шаллан. – Каждый из них – разум человека, отображенный здесь, в сфере Разума». Огоньки поменьше были разбросаны у ее ног – дюжины и дюжины огоньков, но таких маленьких, что она с трудом могла их разглядеть. «Разумы рыб?»

Она повернулась и оказалась лицом к лицу с существом, у которого вместо головы был символ. От испуга Шаллан вскрикнула и отпрыгнула. Эти твари... они преследовали ее... они...

Перед ней стоял Узор – высокий, грациозный, но слегка нечеткий и полупрозрачный. У сложного рисунка его головы, с изгибающимися под немислимыми углами резкими линиями, как будто не было глаз. Он стоял, сцепив руки за спиной; на нем было одеяние, по виду слишком жесткое для ткани.

– Иди, – велел он. – Выбирай.

– Что выбирать? – спросила Шаллан, и облачко буресвета вырвалось из ее рта.

– Твой корабль.

У спрена не было глаз, но девушке показалось, что она видит его взгляд, направленный на одну из маленьких сфер на стекловидной земле. Она схватила эту сферу и ощутила внезапный образ корабля.

«Услада ветра». Корабль, о котором заботились, который любили. Он год за годом исправно возил пассажиров, служил Тозбеку, а до того – его отцу. Старый корабль, но не древний, все еще надежный. Горделивое судно. Здесь оно обрело вид сферы.

А еще, как ни удивительно, оно могло думать. Корабль мог думать. Или... отражать мысли людей, которые служили на нем, знали его, размышляли о нем.

– Мне нужно, чтобы ты изменился, – прошептала ему Шаллан, держа бусину в сложенных ковшиком ладонях. Она была слишком тяжелой для своего размера, как если бы весь вес корабля сжался в эту единственную бусину.

– Нет, – пришел ответ, хотя заговорил Узор. – Нет, я не могу. Я должен служить. Я счастлив.

Шаллан посмотрела на спрена.

– Я буду посредничать, – повторил Узор. – Пере... переводить. Ты не готова.

Шаллан снова посмотрела на бусину в своих ладонях.

– У меня есть буресвет. Очень много света. Я отдам его тебе.

– Нет! – Ответ показался рассерженным. – Я служу.

Он действительно желал остаться кораблем. Шаллан это чувствовала – годы службы надели его гордостью и крепостью.

– Они умирают, – прошептала она.

– Нет!

– Ты чувствуешь, как они умирают. Их кровь на твоей палубе. Людей, которым ты служишь, убьют одного за другим.

Она сама это чувствовала, видела в корабле. Их убивали. Одна из паривших поблизости свечей исчезла. Трое из восьми пленников мертвы, хотя она не знала, кто именно.

– Есть лишь один шанс спасти их, – убеждала Шаллан. – Для этого нужно измениться.

– Измениться, – прошептал Узор вместо корабля.

– Если ты изменишься, они, возможно, спасутся от злых людей, которые убивают. Я не уверена, но у них будет шанс уплыть. Что-то сделать. «Услада ветра», ты можешь оказать им последнюю услугу. Изменись ради них.

Тишина.

– Я...

Погас еще один огонек.

– Я изменюсь.

За долю секунды что-то *выдернуло* буресвет из Шаллан. Она услышала далекий треск в физическом мире, как если бы ближайшие самосветы треснули, разом лишившись такого большого количества света.

Шейдсмар исчез.

Она снова была в каюте Ясны.

Пол, стены и потолок таяли, превращаясь в воду.

Шаллан погрузилась в ледяные черные глубины. Она забилась в воде, платье мешало ее движениям. Вокруг тонули вещи, вся ее привычная жизнь.

Веденка неистово рванулась к поверхности. Изначально у нее была смутная идея выплыть и помочь морякам освободиться, если те связаны веревками. Теперь, однако, она поняла, что едва ли сумеет отыскать путь вверх.

Что-то окутало ее, как если бы сама тьма вдруг ожила.

И потянуло еще глубже.

8

Нож убивает, солдат воюет

Я не пытаюсь использовать свою скорбь как оправдание, лишь как объяснение. Люди ведут себя странно, после того как столкнутся с неожиданной потерей. Хотя Ясна была вдали от меня некоторое время, ее потеря стала неожиданной. Я, как и многие, считала ее бессмертной.
Из личного дневника Навани Холин, йесесач, 1174

Знакомый скрежет деревянного моста, который становится, куда нужно. Солдаты сначала идут по камням, и звук их мерных шагов звучит глухо, а потом они переходят на дощатый мост, и топот делается гулким. Где-то далеко кричат разведчики, возвещая о том, что путь свободен.

Далинар хорошо знал звуки, сопровождавшие вылазку на плато. Когда-то он жаждал их услышать. От вылазки до вылазки испытывал нетерпение, всей душой стремясь разить паршенди своим клинком, добывать богатство и признание.

Тот Далинар желал искупить свой позор – то, как он лежал в пьяном забытьи, пока его брат сражался с убийцей.

Во время вылазки на плато вокруг простирался однообразный пейзаж: голые, зубчатые скалы, большей частью того же тусклого цвета, что и каменная равнина, на которой они располагались, и лишь время от времени тут и там попадались кучки камнепочек с закрытыми панцирями. Эти растения не зря так назывались – их часто путали с камнями. Ничего другого нельзя было увидеть от того места, где ты стоял, до самого горизонта; и все, что можно было принести с собой, все, имевшее отношение к людям, казалось пустячным по сравнению с необъятностью этих бесприютных плато и смертоносных ущелий.

За много лет эта работа превратилась в рутину. Маршировать под белым, точно расплавленная сталь, солнцем. Пересекать одну расщелину за другой. В конце концов вылазки на плато превратились из ожидаемых вещей в те, которые делались по долгу службы. Ради Гавилара и славы – да, но, по большей части потому, что алету – и их враги – были здесь. С этим надо что-то делать.

Запахи во время вылазки на плато были запахами великого спокойствия: раскаленный камень, пересохший крем, прилетевшие издали ветра.

С недавних пор эти вылазки вызывали у Далинара отвращение. Они были легкомысленным растрачиванием жизней. Их порождала жадность, а не желание исполнить Договор Отмщения. Многие светсердца появлялись на ближайших плато, достичь которых было нетрудно. Но алету этого было мало. Они стремились дальше, устраивая штурмы, и платили за это высокую цену.

Впереди на плато сражались люди великого князя Аладара. Они прибыли раньше армии Далинара, и все развивалось знакомым образом. Люди против паршенди, извилистым строем, каждая армия пытается отбросить противника. Люди могли отправить на поле боя намного больше солдат, но паршенди добирались до плато куда быстрее и без проволочек захватывали их.

Тела мостовиков, разбросанные в той части плато, что прилегала к ущелью, свидетельствовали о том, как опасно атаковать врага, занявшего укрепленную позицию. От внимания Далинара не ускользнуло, как помрачнели лица его телохранителей, когда они увидели мертвецов. Аладар, как и большинство великих князей, разделял подход Садеаса к мостовым расчетам. Быстрые, жестокие штурмы подразумевали, что к людским ресурсам относились как к расходному материалу. Так было не всегда. В прошлом мосты носили солдаты в латах, но успех Садеаса породил подражателей.

Военные лагеря нуждались в постоянном притоке дешевых рабов, чтобы прокормить монстра. Из-за этого в Ничейных холмах плодились как чума работоторговцы и бандиты, промышленяющие торговлей живым товаром. «Вот и еще одна вещь, которую я должен изменить», – подумал Далинар.

Сам Аладар не сражался, но устроил командный штаб на прилегающем плато. Великий князь указал на трепещущее на ветру знамя, и один из его больших механических мостов покатился в нужную сторону. Мост тянули чуллы; он был полон шестерней, рычагов и валов, а главное – защищал людей, которые им управляли. Но также был очень медленным. Далинар терпеливо ждал, пока рабочие постепенно опускали мост поперек расщелины между плато, на котором они находились, и плато, где реяло знамя Аладара.

Когда мост был наведен, его телохранители, возглавляемые одним из темноглазых офицеров капитана Каладина, рысью взбежали на него, держа копья на плечах. Далинар пообещал Каладину, что его люди не будут сражаться, не считая защиты его самого. Когда они пересекли ущелье, Далинар пришпорил Храбреца, чтобы перейти на штабное плато Аладара. Он ощущал себя слишком легким на спине жеребца – все из-за отсутствия осколочного доспеха. С той поры как Далинар получил эти латы, прошло много лет, и он ни разу не отправлялся на поле боя без них.

Сегодня, однако, он приехал сюда не сражаться – не по-настоящему. Позади него реяло личное знамя Адолина, который вел основную часть армии Далинара на штурм плато, где уже сражались люди Аладара. Далинар не дал никаких особых указаний о том, как именно следовало проводить штурм. Его сын хорошо обучен и готов к командованию. Впрочем, на всякий случай рядом с ним был генерал Хал.

Да, отныне и впредь во главе войска будет Адолин.

А Далинар станет менять мир.

Он направил коня к штабной палатке Аладара. Это была первая вылазка на плато, после его приказа, требовавшего от армий совместных действий. Тот факт, что Аладар выполнил приказ, а Ройон нет – хотя плато-цель располагалось ближе всего к лагерю Ройона, – был сам по себе победой. Небольшое достижение, но Далинар брал то, что мог взять.

Он нашел великого князя Аладара, который наблюдал за полем битвы из маленького шатра, стоявшего на безопасной возвышенности. Безупречное место для командного пункта.

Аладар был осколочником, но на время сражений обычно передавал доспех и клинок одному из офицеров, а сам предпочитал осуществлять тактическое руководство из тыла. Опытный осколочник способен мысленно приказать клинку не растворяться, когда его выпустит из рук хозяин, хотя при крайней необходимости Аладар мог призвать оружие, – в этом случае оно в мгновение ока исчезло бы из рук его офицера и появилось в руках великого князя через десять ударов сердца. Чтобы дать клинок взаймы, обе стороны должны были безоговорочно доверять друг другу.

Далинар спешил. Его конь, Храбрец, сердито посмотрел на конюха, который попытался взять поводья, и князь похлопал жеребца по шее.

– Храбрец сам о себе позаботится, – сказал он конюху.

Обычные конюхи все равно понятия не имели, что делать с ришадидумами.

Далинар в сопровождении телохранителей-мостовиков присоединился к Аладару. Тот стоял на краю плато, обзревая поле битвы, что раскинулось внизу, перед ним. Великий князь был стройным и совершенно лысым; кожа у него была на тон темнее, чем у большинства алети. Он стоял, сцепив руки за спиной, одетый в простую традиционную форму: такаму, похожая на юбку, и китель, сшитый в том же стиле, но выглядевший более современно.

Далинар еще не видел, чтобы кто-то так одевался. Аладар также носил усики и пучок волос под нижней губой – еще один необычный выбор. Этот великий князь был достаточно могущественным и прославленным, чтобы сделаться законодателем моды, – и он этой возможностью нередко пользовался.

– Далинар. – Аладар кивнул в знак приветствия. – Я думал, ты больше не будешь участвовать в вылазках на плато.

– Я и не участвую, – ответил тот, кивком указывая на знамя Адолина.

По мостам Далинара ринулись солдаты, чтобы присоединиться к битве. Плато было достаточно маленьким – некоторым воинам Аладара пришлось отступить, давая им место, и они это сделали чересчур охотно.

– Ты сегодня едва не проиграл, – заметил Далинар. – Хорошо, что пришла подмога. – На поле боя внизу его войско построилось и ринулось на паршенди.

– Возможно, – согласился Аладар. – Но в прошлом я побеждал в одном штурме из трех. Поддержка означает, что я, разумеется, одержу еще парочку побед, но она также будет стоить мне половины трофеев. Если король вообще присудит мне что-то. Не уверен, что в долгосрочной перспективе это будет для меня выгоднее.

– Но так ты потеряешь меньше людей. Армия в целом от этого только выиграет. И честь...

– Не говори мне о чести. Я не могу платить солдатам жалованье честью и не могу использовать ее, чтобы не дать другим великим князьям вцепиться мне в горло. Твой план благоприятствует слабейшим из нас и подсекает тех, кто успешен.

– Отлично, – рявкнул Далинар. – Честь ты не ценишь, Аладар, но все равно подчинишься, ибо этого требует король. Других причин тебе не нужно. Ты будешь делать то, что приказано.

– Или?

– Спроси Йенева.

Аладар вздрогнул, будто от удара. Десять лет назад великий князь Йенев отказался признать объединение Алеткара. По приказу Гавилара Садеас вызвал его на дуэль. И убил.

– Угрожаешь?

– Да. – Далинар повернулся и посмотрел великому князю, который был ниже ростом, в глаза. – Аладар, я больше никого не буду умашивать. Я больше не буду просить. Не подчиняясь Элокару, ты противишься воле моего брата и тому, за что он боролся. Я заставлю это королевство прийти к единству.

– Забавно, – сказал Аладар. – Хорошо, что ты упомянул Гавилара, – он-то объединил королевство не при помощи чести. Он это сделал при помощи ножей, которые убивали, и сол-

дат, которые воевали. Любой, кто сопротивлялся, лишался головы. Так мы опять пришли к тому же? Что-то не очень такие вещи похожи на изысканные слова из твоей драгоценной книги.

Далинар стиснул зубы и повернулся лицом к полю битвы. Первым побуждением было напомнить Аладару, что он офицер под командованием великого князя Холина, и призвать его к ответу за разговор в таком тоне. Обойтись с ним как с новобранцем, которому требуется порка.

Но что, если Аладар просто проигнорирует угрозу? Далинар силой принудит великого князя к повиновению? У него для этого даже солдат не хватит.

Он вдруг понял, что сердится в большей степени на самого себя, чем на Аладара. Далинар отправился в эту вылазку на плато не сражаться, а говорить. Убедить. Навани была права. Далинар нуждался в большем, чем бестактные слова и военные приказы, чтобы спасти королевство. Он нуждался в верности, а не в страхе.

Но, буря свидетельница, как?! Если ему и случилось в прошлом кого-то в чем-то убедить, то при помощи меча в руке и кулака в физиономию. Гавилар всегда был тем, кто говорил правильные слова, тем, кто мог заставить людей прислушиваться к себе.

Далинар и не пытался сделаться политиком.

«Половина парней на том поле боя, наверное, поначалу и не думали, что станут солдатами, – прошептал его внутренний голос. – Сплоховать в этом деле – непозволительная роскошь для тебя. Не жалуйся. Меняйся».

– Паршенди слишком напирают, – указал Аладар своим генералам. – Хотят спихнуть нас с плато. Передайте людям – пусть немного поддадутся, тогда паршенди потеряют свою удачную позицию и мы сможем их окружить.

Генералы закивали, один начал отдавать указания.

Далинар, прищурившись, обозревал поле боя.

– Нет, – сказал он негромко.

Генералы замолчали. Аладар сердито посмотрел на Далинара.

– Паршенди готовятся отступить, – пояснил Далинар.

– Происходит, определенно, что-то иное.

– Им нужно пространство для маневра. – Светлорд Холин словно читал по клубящейся внизу битве. – Они почти достали светсердце. Паршенди будут и дальше напирать, но потом быстро отойдут к куколке, чтобы выиграть время и наконец-то вскрыть ее. Это тебе и следует предотвратить.

Паршенди хлынули вперед.

– Эта вылазка – моя по праву очереди. Согласно твоим же правилам, последнее слово по поводу нашей тактики – мое.

– Это всего лишь наблюдения, – бросил Далинар. – Я сегодня даже собственной армией не руковожу. Ты можешь сам выбирать тактику, и я не стану вмешиваться.

Аладар поразмыслил, потом негромко выругался.

– Предположим, что князь Холин прав. Подготовьте людей к отступлению паршенди. Пошлите ударный отряд занять позиции возле куколки, которая должна быть уже почти вскрыта.

Генералы обсудили новые детали, и гонцы понеслись прочь с тактическими указаниями. Аладар и Далинар наблюдали, бок о бок, как паршенди продолжают теснить войска. Их пение звенело над полем боя.

Потом они отступили, с обычной осторожностью и почтением обходя тела мертвецов. Войска людей, готовые к этому, ринулись следом. Ударный отряд из новых сил, возглавляемый Адолином в блистающем доспехе, прорвался сквозь строй паршенди и достиг куколки. Другие отряды хлынули через открывшийся просвет, оттеснив врага к флангам, обратив их отступление в тактическую катастрофу.

Прошло несколько минут, и паршенди покинули плато, перепрыгнули через расщелины и скрылись.

– Преисподняя!.. – негромко проворчал Аладар. – Ненавижу тебя за то, что ты в этом так хорош.

Далинар прищурился, заметив, что некоторые из убегающих паршенди остановились на плато неподалеку от того, на котором случилась битва. Они задержались там, хотя ббольшая часть их войска продолжила отход.

Великий князь взмахом руки велел одному из слуг Аладара передать ему подзорную трубу, поднял ее и направил на этот отряд. На краю плато стоял воин в блестящей броне.

«Осколочник-паршенди. Тот, что был в битве на Башне. Он едва меня не убил».

Далинар мало что помнил о той встрече. Ему так досталось, что к концу он почти потерял сознание. В сегодняшней битве этот осколочник не участвовал. Почему? Несомненно, заручившись его помощью, паршенди вскрыли бы куколку быстрее.

Холина как будто что-то царапнуло внутри. Один лишь этот факт – осколочник, наблюдающий за битвой, – целиком и полностью изменил суть происходящего. Князь думал, что все понимает. Теперь до него дошло, что тактика противника была куда более изощренной, чем он предполагал.

– Кто-то из них все еще там? – спросил Аладар. – Наблюдают?

Далинар кивнул, опуская подзорную трубу.

– Они так делали хоть в одной из тех битв, в которых ты сражался?

Великий князь покачал головой.

Поразмыслив мгновение, Аладар отдал своим людям на плато приказ сохранять бдительность и выставить дозорных на случай внезапного возвращения паршенди.

– Спасибо, – прибавил он неохотно, поворачиваясь к Далинару. – Твой совет оказался полезным.

– Ты доверился мне, когда речь зашла о тактике, – сказал Далинар, тоже поворачиваясь к нему. – Почему бы не довериться и в том, что касается блага королевства?

Аладар устремил на него изучающий взгляд. Позади солдаты разразились победными возгласами, а Адолин вырвал светсердце из куколки. Остальные рассеялись в ожидании внезапной атаки, но противник не вернулся.

– Далинар, я бы хотел этого, – наконец проговорил Аладар. – Дело не в тебе. Дело в других великих князьях. Может, я бы смог довериться тебе, но никогда не доверюсь им. Ты просишь, чтобы я рискнул слишком многим. Остальные поступят со мною так же, как Садеас поступил с тобой на Башне.

– А если я заставлю остальных изменить мнение? Если я докажу тебе, что они достойны доверия? Если я изменю участь этого королевства и ход этой войны? Тогда ты последуешь за мной?

– Нет, – сказал Аладар. – Прости.

Он отвернулся, призывая коня.

Обратный путь был отвратительным. Они победили, но Аладар держался особняком. Как же вышло так, что Далинар преуспел в столь многих вещах, но ему не удавалось убеждать людей вроде Аладара? И как следовало понимать то, что паршенди изменили тактику и не выпустили на поле боя осколочника? Неужели они так боялись потерять свои осколки?

Далинар навел порядок в лагере, позаботился о своих людях и отослал донесение королю. По возвращении в свой бункер он обнаружил неожиданное послание.

Князь отправил за Навани, чтобы она прочитала письмо, а сам, застыв посреди кабинета, уставился на стену, на которой были написаны странные глифы. Их стерли, царапин не было видно, однако бледное пятно на камне как будто шептало:

«Шестьдесят два дня».

Шестьдесят два дня, чтобы разыскать ответ. Точнее, уже шестьдесят. Не много, чтобы спасти королевство и подготовиться к худшему. Ревнителю в лучшем случае сочли бы пророчество чьей-то шалостью, а в худшем – богохульством. Предсказывать будущее запрещено. Такое делали пустиносцы. Даже азартные игры вызвали подозрение, потому что побуждали людей искать ключи к тайнам грядущего.

Он все равно верил, поскольку подозревал, что те слова написал собственной рукой.

Явилась Навани, просмотрела письмо и начала читать его вслух. Оказалось, оно от старого друга, который вскоре намеревался прибыть на Расколоте равнины... и с его приходом у проблем Далинара могло появиться решение.

9

Гуляя среди могил

Хотелось бы верить, что, если бы меня не придавил груз печали, я бы раньше заметила грядущие беды. Но по правде говоря, не уверена, что можно было что-то предпринять.

Из личного дневника Навани Холин, йесесач, 1174

Каладин вел свой отряд на дно ущелья, потому что решил, что так нужно.

Они спускались по веревочной лестнице, как делали и в армии Садеаса. Эти штуковины были ненадежными: веревки перетирались, обрастали мхом, перекладины ветшали за множество великих бурь. В прошлом Каладин не потерял ни одного человека из-за шквальных лестниц, но постоянно об этом беспокоился.

Эта была совсем новая. Он точно знал, потому что интендант Ринд почесал голову, услышав запрос, а после велел соорудить именно такую лестницу, какая требовалась Каладину. Она была крепкой и ладной, как и вся армия Далинара.

Каладин достиг последней ступеньки и спрыгнул на дно. Сил спустилась и заняла место на его плече, а он поднял сферу, чтобы осмотреться. Единственный сапфировый броум – больше, чем он заработал за все время, пока был мостовиком.

В армии Садеаса мостовики часто отправлялись на дно ущелий. Каладин по-прежнему не знал, делалось ли это по причине скудности ресурсов на Расколотых равнинах или попросту ради того, чтобы дать мостовикам какую-нибудь черную работу, которая ломала бы их волю в перерывах между вылазками с мостом.

В этом ущелье явно никто не успел побывать. Ни тропинок, протоптанных сквозь беспорядочные завалы натасканного бурей мусора, ни посланий или инструкций, нацарапанных на поросших лишайником стенах. Как и прочие, оно напоминало вазу: нижняя часть шире потрескавшейся верхней, потому что по ней во время великих бурь неслись потоки воды. Дно относительно плоское – все неровности сглаживали окаменевшие отложения крема.

Продвигаясь вперед, Каладин был вынужден выбирать дорогу среди разнообразного мусора. Сломанные ветки и целые стволы деревьев, вырванных бурей где-то на другом конце

равнин. Треснувшие панцири камнепочек. Бесчисленные спутанные клубки высохших лоз, похожих на негодную шерсть.

И конечно трупы.

В ущелья попадало множество мертвецов. Каждый раз, когда люди проигрывали в битве за плато, им приходилось отступать, бросая павших. Садеас, буря бы его побрала, оставлял трупы, даже если побеждал, – а мостовиков бросал и раненых, беспомощных, хотя их можно было спасти.

После великой бури мертвецы оказывались здесь, в ущельях. И поскольку бури неслись на запад, к военным лагерям, вода тащила трупы в этом направлении. Каладин обнаружил, что почти на каждом шагу наступает на кости, запутавшиеся в листве, скопившейся на дне ущелья.

Пока он выбирал дорогу со всей возможной почтительностью, спустился Камень и что-то негромко произнес на своем родном языке. Каладин не знал, проклятие это или молитва. Сил покинула плечо Каладина, взмыла в воздух, потом по дуге направилась к земле. Там она обрела форму, которую он считал ее настоящим обликом: превратилась в девушку в простом платье. Ниже колен оно клубилось туманом. Она присела на ветку и уставилась на бедренную кость, что выглядывала из-под мха.

Ей не нравилось насилие. Он даже сейчас не был уверен, понимает ли спрен смерть. Она говорила о смерти как ребенок, который пытается осознать нечто, превосходящее его разум.

– Что за бардак! – пробормотал Тефт, спустившись. – Фу! Да тут вообще ни разу никто не прибирался.

– Это могила, – сказал Камень. – Мы внутри могилы.

– Все ущелья – могилы. – Голос Тефта разбудил эхо во тьме. – А это просто неряшливая могила.

– Смерть почти всегда выглядит неряшливо, – ответил Каладин.

Пожилый мостовик фыркнул, потом занялся встречей новых рекрутов, которые спускались следом. Моаш и Шрам охраняли Далинара и его сыновей. Те отправились на какой-то пир светлоглазых, и Каладин был рад, что удалось избежать такого задания. Взамен он явился сюда, вниз, вместе с Тефтом.

К ним присоединились сорок мостовиков – по двое из каждого вновь сформированного расчета, – которых Тефт обучал в надежде, что из них получатся хорошие сержанты, способные возглавить собственные отряды.

– Внимательно оглядитесь по сторонам, парни, – приказал им Тефт. – Вот откуда мы все родом. Вот почему некоторые зовут нас костяной командой. Мы не заставим вас пройти через все то, что пришлось делать нам, и вам же лучше! Нас в любой момент могло смыть великой бурей. Теперь нам помогают бурестражи Далинара Холина, и риска почти нет – но на всякий случай будем держаться поближе к выходу...

Каладин скрестил руки на груди, наблюдая, как Тефт инструктирует новобранцев, пока Камень раздает им тренировочные копья. Сам Тефт остался без копья, и, хотя он был ниже ростом, чем большинство собравшихся вокруг мужчин в простой солдатской форме, они все же глядели на него со страхом.

«А чего ты ждал? – подумал Каладин. – Они мостовики. Даже вялого ветерка боятся».

Тефт, судя по всему, полностью владел ситуацией. И ему это нравилось. Что-то было в этом... правильное.

Рой из небольших светящихся шаров возник вокруг головы Каладина – это были спрены в виде золотых сфер, которые лихорадочно метались. Он вздрогнул от неожиданности и уставился на них. Спрены славы. Вот буря! Ему показалось, что подобного не случалось уже много-много лет.

Сил шмыгнула к нему и присоединилась к спренам славы, со смехом вертясь вокруг головы Каладина.

– Гордишься собой?

– Тефтом, – пояснил Каладин. – Он тут главный.

– Ну разумеется. Ты ведь назначил его главным, верно?

– Верно. Однако дело не в том, что я его назначил, а в том, что он это заслужил. Идем-ка. Давай пройдемся.

Она кивнула, взмыла в воздух и села, закинув ногу на ногу, как если бы чинно разместилась в невидимом кресле. В такой позе она продолжала парить, неотступно следуя за ним.

– Вижу, ты опять перестала притворяться, будто следуешь законам природы, – заметил он.

– Законам природы? – с явным изумлением переспросила девушка-спрен. – Законы придумывают люди. У природы их нет!

– Если я брошу что-то вверх, оно упадет.

– Может и не упасть.

– Это закон.

– Нет, – ответила Сил, задрав голову. – Это больше похоже на... дружеский уговор.

Он посмотрел на нее, вскинув бровь.

– Спренам приходится сдерживать свои порывы, – сказала она, подавшись вперед с видом заговорщицы. – Иначе у вас поломаются мозги.

Каладин хмыкнул и обошел кучу костей и веток, пронзенную копьем. Изъеденное ржавчиной, оно напоминало памятник.

– Ох, да ладно тебе. – Сил тряхнула волосами. – Мог бы хоть усмехнуться.

Каладин продолжал идти вперед.

– Ухмылка и усмешка – разные вещи, – донимала его Сил. – Я это знаю, потому что я умная и красноречивая. Сейчас ты должен мною восхититься.

– Далинар Холин хочет возродить Сияющих рыцарей.

– Да, – надменно проговорила Сил, паря где-то на краю его поля зрения. – Блестящая идея. Хотела бы я додуматься до нее. – Она торжествующе усмехнулась, потом нахмурилась.

– Что? – Каладин повернулся к ней.

– Тебе никогда не казалось несправедливым, что спрены не могут привлекать спренов? У меня сейчас точно должны были появиться мои собственные спрены славы.

– Я обязан защищать Далинара. – Каладин пропустил ее жалобу мимо ушей. – Не только его, но и его семью, а может, и самого короля. И при этом умудрился упустить того, кто забрался в комнаты Далинара. – Он так и не понял, каким образом кто-то сумел такое устроить. Разве что это был не человек. – А спрен мог написать те глифы на стене?

Сил однажды принесла ему лист. У нее была и физическая форма, просто едва ощутимая.

– Не знаю. – Она отвела взгляд. – Я видела...

– Что?

– Спрена, похожего на красную молнию, – тихонько проговорила Сил. – Опасного спрена. Из тех, кого я раньше не встречала. Теперь время от времени я замечаю их вдалеке. Спрены бури? Приближается что-то опасное. В этом глифы не ошибаются.

Он поразмыслил какое-то время, потом наконец остановился и посмотрел на нее:

– Сил, а есть еще люди, как я?

Ее лицо помрачнело.

– Ой.

– Ой?

– Ой, ты задал тот самый вопрос.

– Так ты его ждала?

– Ага. Вроде того.

– Значит, у тебя было много времени, чтобы подумать над хорошим ответом. – Каладин скрестил руки и прислонился к относительно сухой части стены. – Остается лишь догадываться, услышу ли я от тебя достойное объяснение или достойную ложь.

– Ложь? – в ужасе переспросила она. – Каладин! Ты за кого меня принимаешь? За криптика?

– А кто такие криптики?

Сил, все еще сидя в «кресле», выпрямилась и опустила голову набок:

– Вообще-то... вообще-то, я понятия не имею. Ух!..

– Сил...

– Серьезно, Каладин! Я не знаю. Не помню. – Она схватила себя обеими руками за белые полупрозрачные волосы и потянула в разные стороны.

Он нахмурился, потом ткнул в нее пальцем:

– Это...

– Я видела на рынке женщину, которая так делала, – пояснила Сил, опять дергая себя за волосы. – Означает, что я удручена. Наверное, больно. Как же это... ой-ой? В общем, дело не в том, что я не хочу тебе рассказывать то, что знаю. Я хочу! Просто... просто не знаю, что я на самом деле знаю.

– Бессмыслица какая-то.

– Только представь себе, как это меня бесит!

Каладин вздохнул и продолжил путь, минуя озерца стоячей воды, заполненные мусором. Вдоль одной из стен ущелья расположилась поросль чахлах, но упорных камнепочек. Наверное, здесь им доставалось мало света.

Он глубоко вдохнул тяжелые запахи жизни. Мох и плесень. Полуразложившихся трупов было мало – чаще попадались уже скелеты. Кладина держался подальше от той части дна, где ползали спрены гниения, похожие на красные точки. Прямо рядом с ними заросли обороцветов колыхали в воздухе нежными веерообразными листьями, над которыми танцевали зеленые искры – спрены жизни. Жизнь и смерть в этих ущельях шли рука об руку.

Он изучил несколько ответвлений от главного ущелья. Было странно не знать округу; Каладин освоил ближайšie к лагерю Садеаса ущелья лучше, чем сам лагерь. Пока шел, ущелье делалось глубже и шире. Юноша нанес несколько отметин на стены.

У одной из развилок Каладин нашел круглое открытое пространство, где было мало мусора. Отметил его и пошел назад, снова поставив знак на стене, перед тем как свернуть в другую сторону. В конце концов, они с Сил обнаружили еще одно место, где стены ущелья расступались, создавая нечто вроде зала.

– Приходить сюда было опасно, – проговорила она.

– В ущелья? Так близко к военным лагерям ущельных демонов быть не может.

– Нет. Я имела в виду, что для меня было опасно приходить в ваш мир, когда я еще не нашла тебя.

– Где ты была до того?

– В другом месте. Там много спренов. Я плохо помню... там были парящие в воздухе огни. Живые огни.

– Вроде спренов жизни.

– Да. И нет. Явившись сюда, я могла умереть. Без тебя, без разума, рожденного в этом мире. Я не умела мыслить. Сама по себе была просто еще одним спреном ветра.

– Но ты не спрен ветра. – Каладин присел возле большого озерца. – Ты спрен чести.

– Да.

Каладин сжал сферу в ладони, и похожее на пещеру пространство погрузилось в густые сумерки. Наверху был день, но трещина небесного цвета казалась далекой, недосягаемой.

Груды нанесенного потопом мусора окутались тенями и как будто вновь обрели плоть. Кучи костей теперь походили на безвольные руки, на трупы, сваленные друг на друга. Миг спустя на Каладина нахлынули воспоминания. Вот он с воплем несется на строй лучников-паршенди. Его друзья умирают на пустынных плато, захлебываясь собственной кровью.

Грохот копыт по камню. Неуместное пение на чужеродном языке. Крики людей – темноглазых и светлоглазых. Мир, которому было наплевать на мостовиков. Они были мусором. Жертвой, которую следовало бросить в ущелья, чтобы очистительные воды потопа унесли ее прочь.

Это и был их истинный дом – эти дыры в земле, эти места, расположенные ниже всех прочих. Когда его глаза привыкли к полумраку, воспоминания о смерти схлынули, хотя ему не суждено было когда-нибудь от них избавиться. Он всегда будет носить эти шрамы в памяти, как и множество шрамов на теле. Как и те, что на его лбу.

Озерцо перед ним излучало темно-фиолетовый свет. Каладин заметил это раньше, но при свете его сферы разглядеть такое было непросто. Теперь, в сумерках, проявилось жутковатое свечение поверхности воды.

Сил приземлилась возле озерца – она выглядела как женщина, стоящая на океанском берегу. Каладин нахмурился и подался вперед, чтобы лучше ее разглядеть. Она казалась... другой. Может, ее лицо изменило форму?

– Подобные тебе и впрямь существуют, – прошептала Сил. – Я их не знаю, но слышала, что другие спрены пытаются по-своему вернуть то, что было потеряно.

Спрен посмотрела на него, и ее лицо вновь обрело знакомые очертания. Мимолетная перемена была едва различимой, и Каладин сомневался, что она ему не померещилась.

– Я единственный спрен чести, явившийся сюда. Я... – Она как будто напрягала память. – Мне запретили. Я все равно пришла. Чтобы разыскать тебя.

– Ты знала обо мне?

– Нет. Но я знала, что найду тебя. – Она улыбнулась. – Я летала вместе с кузенами и искала.

– Со спренами ветра.

– Без нашей связи я, в общем-то, одна из них. Хотя они и не умеют делать то, что делаем мы. А то, что мы делаем, важно. Так важно, что я все бросила и пришла, против воли Буреотца. Ты его видел. Во время бури.

Волоски на руках Каладина встали дыбом. Он и впрямь видел во время бури какое-то существо. Лицо, огромное, как само небо. Кем бы оно ни было – спреном, Вестником или богом, – Каладин не удостоился пощады от его ветров в тот день, когда висел вниз головой.

– Каладин, мы нужны, – негромко проговорила Сил.

Она махнула ему, и он опустил руку к берегу маленького фиолетового океана, который слабо светился во тьме ущелья. Спрен взошла на его ладонь, и он встал, поднимая ее.

Она прошагала по его пальцам, и Каладин ощутил легкое давление ее веса, что было непривычно. Он повернул руку, когда спрен дошла до края ладони, и наконец Сил оказалась стоящей на кончике его пальца, сцепив руки за спиной. Он поднял этот палец к лицу, и их взгляды встретились.

– Ты, – сказала Сил, – должен стать тем, кого ищет Далинар Холин. Нельзя допустить, чтобы его поиски оказались напрасными.

– Сил, они заберут это у меня, – прошептал Каладин. – Придумают, как отнять тебя у меня.

– Глупости. Сам знаешь.

– Знаю, но чувствую, что все наоборот. Они сломали меня. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я не Сияющий.

– Я не это видела. На поле боя, после предательства Садеаса, когда люди попали в ловушку и им не от кого было ждать помощи. В тот день я видела героя.

Он посмотрел ей в глаза. У нее были зрачки – хоть и созданные из разных оттенков белого и синего, как и все остальное в ней. Спрен светила слабее самых тусклых сфер, но этого хватало, чтобы озарить его палец. Она улыбнулась, явно не испытывая ни малейших сомнений в нем.

Хоть кто-то из них не сомневался в нем.

– Я попытаюсь, – прошептал юноша.

Он пообещал.

– Каладин?

Это был голос Камня, с его отчетливым рогаедским акцентом. Он произносил «Каладин», с ударением на последний слог, вместо обычного «Каладин», с ударением на первую «а».

Сил взмыла с пальца юноши, превратилась в светящуюся ленту и упорхнула к Камню. Он выразил ей уважение по-рогаедски, коснувшись рукой плеч, а потом подняв ко лбу. Сил хихикнула, ее глубокомысленная серьезность мигом превратилась в девчачий восторг. Сил, быть может, состояла лишь в дальнем родстве со спренами ветра, но проказливая натура их явно объединяла.

– Эй! – Каладин кивнул Камню и опустил руку в озерцо. Он выловил аметистовый броум и поднял его. Где-то на равнинах светлоглазый умер с этой сферой в кармане. – Будь мы все еще мостовиками, это было бы сокровище.

– Мы по-прежнему мостовики. – Камень приблизился и взял сферу у Каладина. – И это по-прежнему сокровище. Ха! Пряности, которые мне выдал интендант, тума'алки! Я обещал, что не стану готовить еду из навоза, но это трудно, потому что солдаты привыкли к пище, которая не слишком от него отличается. – Он поднял сферу. – Я использовать это, чтобы купить лучшее, да?

– Конечно.

Сил приземлилась на плечо Камня, превратилась в девушку и села.

Камень покосился на нее и попытался поклониться собственному плечу.

– Сил, прекрати издеваться над ним, – попросил Каладин.

– Это же весело!

– Будь благословенна за помощь для нас, мафах'лики, – сказал ей Камень. – Я стерплю все, что только пожелаешь от меня. И раз я теперь свободный, то могу построить святилище, которое будет достойно тебя.

– Святилище? – переспросила Сил, распахнув глаза. – О-о-о!..

– Сил! – воскликнул Каладин. – Перестань. Камень, я нашел хорошее место, где парни смогут тренироваться. Оно отсюда в паре ответвлений. Я сделал отметки на стенах.

– Да, мы эту вещь увидать. Тефт повел туда людей. Странно. Это место пугает; сюда никто не приходит, и все-таки новые рекруты...

– Они раскрываются, – предположил Каладин.

– Да. Как ты узнал, что это случится?

– Они там были, – пояснил капитан. – В лагере Садеаса, когда нам предписали проводить все дежурства без исключения в ущельях. Они видели, что мы сделали, и слышали истории о том, как мы учились. Приведя их сюда, мы пригласили их в свой круг; это что-то вроде обряда посвящения.

У Тефта были проблемы с тем, чтобы пробудить в бывших мостовиках интерес к его тренировкам. Старый солдат все время раздраженно орал на них. Они же сами решили остаться с Каладином, а не воспользоваться свободой, так отчего же не хотят учиться?

Их нужно было пригласить. И не только словами.

– Ну ладно, – сказал Камень. – Меня послал Сигзил. Он хочет знать, готов ли ты поупражняться, применяя свои способности.

Каладин глубоко вздохнул и посмотрел на Сил, потом кивнул:

– Да. Приведи его. Можем заняться этим здесь.

– Ха! Наконец-то. Сейчас я за ним сбегаю.

10

Красный ковер, что когда-то был белым

Шесть лет назад

Наступил конец света, и виновата была Шаллан.

– Притворись, что ничего не случилось, – прошептал отец. Он вытер что-то влажное с ее щеки. Его палец сделался красным. – Я буду тебя защищать.

Комната трясется? Нет, это Шаллан. Она дрожит. И чувствует себя такой маленькой. Когда-то ей казалось, что одиннадцать – это почтенный возраст. Но она ребенок, все еще ребенок. Она малышка.

Содрогнувшись, Шаллан посмотрела на отца. Девочка не моргала; ее веки словно окаменели.

Отец начал шептать, смаргивая слезы:

– Ступай-ка спать в глухую падь, где тьма вокруг густая...

Знакомая колыбельная – та, которую он раньше все время ей пел. Позади него на полу вытянулись темные трупы. На красном ковре, что когда-то был белым.

– Среди камней, что всех страшней, сомкни глаза свои.

Отец взял ее на руки, и у Шаллан по спине побежали мурашки. Нет. Нет, это неправильная нежность. К монстрам не прижимаются с любовью. К монстрам, которые убивают, отнимают жизни. Нет!

Девочка не могла пошевелиться.

– Пусть бури грядут, но уютно тут, ветра колыбель качают...

Отец пронес Шаллан над телом женщины в сине-золотом платье. Тут было мало крови. Кровью истек мужчина. Мать лежала лицом вниз, и девочка не видела ее глаз. Этих ужасных глаз.

Шаллан почти поверила, что колыбельная станет концом кошмара. Что она проснулась посреди ночи с криком и отец поет ей, убаюкивая...

– Кристаллов сияет изысканный лес – усни, крошка моя.

Они прошли мимо отцовского сейфа, вделанного в стену. Он ярко светился – сияние лилось из щелей вокруг запертой двери. Внутри был монстр.
– Ты с песней моей усни поскорей – спи, крошка моя.
Держа дочь на руках, отец покинул комнату с трупами и запер дверь.

11

Иллюзия восприятия

Но, понятное дело, мы думали только о Садеасе. Предательство было еще свежо, и я видела его следы каждый день, когда проходила мимо пустых казарм и скорбящих вдов. Мы знали, что Садеас не станет просто поживать на лаврах, устроив кровопролитие. Он должен был предпринять что-то еще. Из личного дневника Навани Холин, йесесач, 1174

Шаллан очнулась почти сухой, лежа на неровном каменном осколке, который вздымался над поверхностью океана. Волны плескались у ее ног, но пальцы так онемели, что она почти ничего не чувствовала. Девушка застонала, оторвав щеку от влажного гранита. Суша был недалеко, и волны бились о берег с низким рычанием. В другой стороне простиралось лишь бесконечное синее море.

Девушка замерзла, и голова у нее гудела, как будто она несколько раз ударилась ею о стену. Но она была жива. Почему-то. Веденка подняла руку, потерла зудевшее пятно засохшей соли на лбу и мучительно закашлялась. Волосы прилипли к щекам, а платье было в пятнах от воды и водорослей, покрывавших скалу.

«Как?..»

Потом она увидела его – большой коричневый панцирь в воде, почти невидимый, направлявшийся к горизонту. Сантид.

С трудом встала на ноги, цепляясь за острую верхушку скалы. Чувствуя головокружение, проследила взглядом за существом, пока оно не исчезло.

Что-то загудело рядом. На беспокойной поверхности моря возник Узор в своем привычном облике, прозрачный, словно маленькая волна.

– Кто-нибудь... – Шаллан закашлялась, прочищая горло, потом застонала и села на камень. – Кто-нибудь еще сумел выбраться?

– Выбраться? – переспросил Узор.

– Другие люди. Моряки. Они спаслись?

– Не уверен, – прогудел Узор. – Корабль... исчез. Плеск. Ничего не видно.

– Сантид. Он меня спас. – Откуда вообще это существо знало, что делать? Неужели они разумны? Может, она как-то с ним общалась? А вдруг упустила возможность, чтобы...

Шаллан чуть не рассмеялась, осознав, в каком направлении двинулись ее мысли. Она едва не утонула, Ясна мертва, команда «Услады ветра» не то перебита убийцами, не то канула в морскую пучину! Вместо того чтобы оплакивать их или радоваться своему спасению, она предалась размышлениям научного свойства!

«Ты этим все время занимаешься, – осуждающе заявила та ее часть, что была запрятана очень глубоко. – Отвлекаешься. Отказываешься думать о вещах, которые тебя беспокоят».

Но только так ей удавалось выжить.

Шаллан обхватила себя руками, чтобы согреться на этом высоком каменном сиденье, и усталилась на океан. Нельзя отворачиваться от правды. Ясна мертва.

Ясна мертва.

Шаллан едва не расплакалась. Эта женщина, такая блестящая, такая потрясающая... исчезла. Принцесса пыталась всех спасти, защитить целый мир. А ее убили. Внезапность случившегося обескураживала, и Шаллан просто сидела на скале, дрожа от холода и глядя на океан. Ее тело и разум охватило одинаковое оцепенение.

Убежище. Ей нужно где-то... спрятаться. Мысли о моряках, об исследовании Ясны могли подождать. Шаллан очутилась в одиночестве на почти необитаемом побережье, а ночами здесь довольно холодно. Пока она сидела, начался отлив. Девушка поняла, что может попытаться дойти до берега. Удачное стечение обстоятельств – ведь она плохо плавала.

Веденка вынудила себя зашевелиться, хотя руки и ноги казались тяжелыми, точно бревна. Она стиснула зубы и соскользнула в воду. Холод по-прежнему пробирал до костей. Значит, она все-таки не совсем оцепенела.

– Шаллан? – окликнул Узор.

– Мы не можем тут сидеть вечно, – отозвалась девушка, сползая по скале все глубже в воду. Ноги коснулись дна, и тогда она осмелилась отпустить камень, а потом кое-как направила к берегу, то барахтаясь, то шагая в воде.

Наверное, сражаясь с ледяными волнами она проглотила половину воды в заливе, пока наконец-то не выбралась на твердую землю. Кашляя и спотыкаясь, вышла на песчаный берег и упала на колени; с ее платья и волос текли потоки воды. Пляж вокруг усеивали водоросли дюжины разновидностей – извивались под ногами, отползая, липкие и скользкие. Повсюду суетились кремлецы и крабы побольше, некоторые поблизости даже щелкали клешнями в ее сторону, словно пытаясь отпугнуть.

В голове Шаллан мелькнула смутная мысль: она и впрямь до смерти устала, раз не подумала, перед тем как покинуть скалу, о дюжине разных видов морских панцирных хищников, любой из которых с радостью отщипнул бы кусочек от ее ноги или вцепился бы в тело. Тут же из песка начали выбираться спрены страха, похожие на пурпурных слизней.

Какая глупость! Бояться сейчас? После заплыва? Вскоре спрены исчезли.

Шаллан посмотрела на скалу, куда ее забросило. Похоже, сантид просто не смог доставить ее поближе к берегу – здесь слишком мелко. Буреотец! Повезло, что она выжила.

Несмотря на растущее беспокойство, Шаллан опустилась на колени и нарисовала на песке молитвенную глифпару. Не было возможности ее возжечь. Пришлось предположить, что Всемогущий примет молитву и так. Она склонила голову и почтительно застыла на десять ударов сердца.

Потом встала и, цепляясь за ускользающую надежду, начала искать других выживших. В этой части залива песчаный берег был испещрен многочисленными бухточками. Забросив мысли об убежище, веденка долго шла вдоль береговой линии. Песок на пляже был грубее, чем она ожидала, да и весь пейзаж выглядел далеко не так идиллически, как описывался в книгах. Песок к тому же неприятно скрежетал под ее босыми ногами. Рядом с ней двигался рисунок – Узор не отставал ни на шаг, издавая обеспокоенное гудение.

Шаллан шла мимо веток и кусков древесины, которые могли быть частями кораблей. Она не видела ни людей, ни чьих-то следов. Когда день начал клониться к вечеру, девушка сдалась и села на обточенный ветром камень. Она и не заметила, как до крови изрезала ноги, ступая по камням. Ее волосы пребывали в полном беспорядке. В потайном кошельке осталось несколько сфер, но все были разряжены. От них не будет никакого толку, если не найти хоть какое-то подобие цивилизации.

«Хворост», – подумала Шаллан.

Надо его собрать и разжечь костер. В ночи он может привлечь других выживших.

А также пиратов, бандитов или убийц с корабля, если те выжили.

Шаллан скривилась. Что же ей делать?

«Надо соорудить небольшой костер, чтобы согреться, – решила она. – Прикрыть его, а потом поглядеть, не зажгутся ли в ночи другие огни. Если увижу какой-нибудь, постараюсь его изучить издалека».

Отличный план, если не считать того, что девушка всю жизнь прожила в роскошном особняке и огонь для нее разжигали слуги. Она ни разу не разжигала очаг, что уж говорить про костер в дикой глуши.

Вот буря!.. Ей повезет, если она не замерзнет здесь до смерти. И не умрет от голода. А что делать, когда нагрянет Великая буря? Когда должна быть следующая? Завтра ночью? Или послезавтра...

– Пойдем! – позвал Узор.

Он вибрировал в песке. Песчинки прыгали и тряслись, когда он говорил, песок поднимался и опадая вокруг него. «Я это помню... – подумала Шаллан, нахмурившись. – Песок на пластине. Кабзал...»

– Пойдем! – с нетерпением повторил Узор.

– Что? – Шаллан поднялась. Буря свидетельница, до чего же она устала. Почти обессиленна. – Ты кого-то нашел?

– Да!

Это сразу же привлекло ее внимание. Она больше не задавала вопросов, но последовала за Узором, который шустро побежал вдоль берега. Знает ли он разницу между опасными и дружелюбными людьми? Веденка так замерзла и устала, что почти не задумалась об этом.

Он остановился возле чего-то, наполовину погруженного в воду и скопившиеся в полосе прибоа водоросли. Шаллан нахмурилась.

Сундук. Не человек, но большой деревянный сундук. У Шаллан перехватило дыхание, и она, упав на колени, открыла замки и откинула крышку.

Внутри, точно сияющее сокровище, лежали книги и блокноты принцессы, аккуратно сложенные, под защитой водонепроницаемого корпуса.

Пусть Ясна погибла, дело ее жизни уцелело.

Шаллан опустилась на колени возле импровизированного очага. Круг из камней, заполненный ветками, которые она собрала в маленькой роще. Приближалась ночь.

С ночной тьмой явился ужасающий холод – почти такой же, как в самые жестокие зимы, которые она пережила дома. Здесь, в Мерзлых землях, это обычное дело. Ее одежда, во влажном воздухе так и не высохшая до конца, несмотря на часы ходьбы, казалась ледяной.

Девушка не умела разводить костер, но, возможно, могла получить огонь иным способом. Веденка прогнала усталость – буря, сил почти не осталось – и вытащила светящуюся сферу, одну из многих, которые нашла в сундуке Ясны.

– Ну ладно, – прошептала Шаллан. – Давай сделаем это.

Шейдсмар.

– Ммм... – сказал Узор. Она училась истолковывать его гудение. Это было встревоженным. – Опасно.

– Почему?

– Что здесь земля, там море.

Шаллан машинально кивнула.

«Не спеши. Думай».

Это становилось все сложнее, но она вынудила себя снова обдумать слова Узора. Когда они плыли по океану и Шаллан посетила Шейдсмар, под ней оказалась обсидиановая почва. Но в Харбранте она упала в океан из сфер.

– И что же нам делать?

– Идти медленно.

Девушка полной грудью вдохнула холодный воздух и кивнула. Она попыталась, как уже пыталась раньше. Медленно, осторожно. Как будто... как будто открывала глаза по утру.

Иное место поглотило ее. Ближайшие деревья лопнули, как пузыри, превратились в бусины и обрушились в беспокойное стеклянное море внизу. Шаллан почувствовала, что падает.

Она ахнула и прогнала неприятное ощущение, закрыв глаза в этом чужом мире. Шейдсмар исчез, и миг спустя девушка опять оказалась в рошице.

Узор нервно гудел.

Шаллан стиснула зубы и попыталась опять. На этот раз медленнее, погружаясь в тот мир с его странным небом и не-солнцем. На миг зависла между двумя пространствами. Шейдсмар совместился с окружающим миром, точно темный послеобраз. Было трудно удерживаться между ними.

«Используй свет, – посоветовал Узор. – Соедини их».

Шаллан нерешительно вдохнула бурсвет. Сферы в океане внизу задвигались, точно косяк рыб, хлынули к ней, постукивая. Изможденная Шаллан с трудом могла поддерживать свое двойственное состояние, и, когда девушка смотрела вниз, у нее кружилась голова.

Но как-то она держалась.

Рядом повис в воздухе Узор – в жесткой одежде и с головой из невозможных линий, со сцепленными за спиной руками. В Шейдсмаре он был высоким и внушительным, и Шаллан машинально отметила, что его тень ложится в неправильную сторону – к далекому и ощутимо холодному солнцу, а не прочь от него.

– Хорошо, – сказал спрен низким и гулким голосом. – Хорошо. – Он склонил голову набок и, хотя у него не было глаз, повернулся, словно окидывая пространство взглядом. – Я пришел отсюда, но помню так мало...

Шаллан ощутила, что ее время ограничено. Она опустила на колени и ощупала ветки, которые собрала, чтобы сделать костер. Веденка чувствовала ветки – но, пока она глядела на раскинувшийся вокруг странный мир, ее пальцы также нащупали одну из стеклянных бусин, что волной поднялись к ней.

Прикоснувшись к бусине, почувствовала, как что-то пролетело над нею. Сжалась от испуга и, подняв глаза, увидела больших птицеподобных существ. Они были темно-серыми и расплывались, как будто не имея определенной формы.

– Что...

– Спрены, – пояснил Узор. – Ты их притянула. Своей... усталостью?

– Спрены изнеможения? – уточнила она, потрясенная их размерами в Шейдсмаре.

– Да.

Шаллан содрогнулась, потом посмотрела вниз, на сферу под своей рукой. Веденка была в опасной близости от того, чтобы полностью провалиться в Шейдсмар, и едва видела вокруг

себя отпечатки физической реальности. Только бусины. Она чувствовала, что в любой момент может рухнуть в стеклянное море.

– Пожалуйста, – сказала Шаллан, обращаясь к сфере. – Мне нужно, чтобы ты стала огнем.

Узор зажужжал – его голос изменился, когда он заговорил за сферу.

– Я ветка, – сказал он с явным удовлетворением.

– Ты можешь стать огнем.

– Я ветка.

Ветка не блистала красноречием. Шаллан решила, что это неудивительно.

– Почему бы тебе не стать огнем?

– Я ветка.

– Как мне заставить ее измениться? – спросила девушка у Узора.

– Ммм... Не знаю. Ты должна ее убедить. Предложить ей правду, может быть? – Он был взволнован. – Это место опасно для тебя. Для нас. Пожалуйста. Быстрее.

Она перевела взгляд на ветку:

– Ты хочешь гореть.

– Я ветка.

– Только подумай, как это будет весело!

– Я ветка.

– Буресвет! – воскликнула веденка. – Он может стать твоим! Весь, что у меня есть.

Пауза. И потом:

– Я ветка.

– Веткам нужен буресвет. Для... разных вещей. – Шаллан сморгнула слезы усталости.

– Я...

– ...ветка, – договорила девушка.

Она сжала в руке сферу, ощущая одновременно ее и ветку в физическом мире, пытаясь придумать еще какой-нибудь довод. На миг усталость отступила, но потом вернулась и обрушилась на нее. Почему...

Буресвет заканчивался.

Он иссяк через миг, вышел до последней капли, и веденка провалилась в Шейдсмар с тяжелым вздохом, чувствуя себя опустошенной и измотанной.

Шаллан упала в море сфер, погрузилась в жуткую черноту из миллионов подвижных частей.

А потом вырвалась из Шейдсмара.

Сферы вытянулись, превращаясь в палки, камни и деревья, восстанавливая знакомый мир. Она с колотящимся сердцем рухнула обратно в маленькую рошу.

Все вокруг сделалось обычным. Ни далекого солнца, ни стеклянного моря. Просто ледяной холод, ночное небо и кусачий ветер, который дул среди деревьев. Единственная сфера, которую Шаллан осушила, выскользнула из ее пальцев и со стуком упала на землю. Она оперлась о сундук Ясны. Его пришлось волочить от берега к деревьям, и руки все еще болели.

Испуганная веденка сжалась в комок.

– Узор, ты умеешь разводить огонь?

У нее стучали зубы. Буреотец! Она уже не чувствовала холода, но у нее стучали зубы, и дыхание превращалось в пар, видимый в звездном свете.

Накатила сонливость. Может, стоит и впрямь поспать, а утром попробовать со всем разобраться?

– Перемена? – спросил Узор. – Предложи перемену.

– Я пыталась.

– Знаю.

Он удрученно завибрировал.

Шаллан уставилась на кучку веток, ощущая себя совершенно бесполезной. Как там говорила Ясна? В основе истинной власти лежит контроль? Авторитет и сила – проблемы восприятия? Да уж, происходящее было прямым опровержением этого. Шаллан могла вообразить себя великой, могла действовать как королева, но это никак бы не изменило происходящего здесь, в дикой глуши.

«Что ж, – подумала Шаллан, – я не замерзну до смерти, сидя тут. Лучше замерзну до смерти, пытаясь разыскать помощь».

Но она не пошевелилась. Каждое движение давалось с трудом. По крайней мере, здесь, под прикрытием сундука, она не так сильно чувствовала ветер. Вот бы просто полежать до утра...

Она свернулась клубочком.

Нет. Это неправильно. Девушка закашлялась, потом как-то сумела встать. Шатаясь, отошла от костра, который так и не сумела разжечь, выудила сферу из потайного кошелька и двинулась прочь.

Узор держался у ее ног. Они были теперь еще сильнее изранены. Ступни оставляли на камнях красные следы, но Шаллан даже не чувствовала боли.

Просто шла и шла.

И шла.

И...

Свет.

Шаллан не ускорила шаг. Она не могла. Но продолжила идти, ковыляя напрямик к искорке во тьме. Оцепенелая часть ее тревожилась, что свет – это Номон, вторая луна. Что она идет к луне и свалится с края самого Рошара.

Поэтому, к собственному удивлению, очутилась посреди небольшой группы людей, что сидели вокруг походного костра. Моргнула, переводя взгляд с одного лица на другое, а после – не обращая внимания на звуки, которые они издавали, потому что в ее состоянии слова были лишены смысла, – подошла к костру, легла, свернулась клубочком и заснула.

– Светлость?

Шаллан заворчала и перевернулась на другой бок. У нее болело лицо. Нет, у нее болели ноги! То, как болело лицо, не шло ни в какое сравнение.

Если бы она проспала еще немного, может, ей бы полегчало. Хоть на время сна...

– С-светлость? – спросил тот же голос. – С вами, э-э, все в порядке?

Это был тайленский акцент. Где-то на самом дне ее сознания пробудился свет, приносящий воспоминания. Корабль. Тайленцы. Моряки?

Шаллан вынудила себя открыть глаза. В воздухе легко пахло дымом от все еще теплых угольков костра. Небо приобрело темно-фиолетовый цвет и на горизонте светлело, предвещая восход. Она спала на голых камнях, и у нее болело все тело.

Девушка не узнала говорившего – грузного тайленца с белой бородой, в вязаной шапочке, старом костюме и жилетке с парой неприметных заплаток. Он заправлял свои белые тайленские брови за уши. Не моряк. Торговец.

Шаллан сдержала стон и села. Поддавшись мгновенной панике, проверила защищенную руку. Один палец выглядывал из рукава, и она втянула его назад. Взгляд тайленца метнулся к пальцу, но он ничего не сказал.

– Так вы в порядке? – спросил он по-алетийски. – Понимаете, мы собираемся ехать дальше. Ваше появление прошлой ночью было... неожиданным. Мы не хотели вас беспокоить, но подумали, что вы, возможно, пожелаете проснуться, прежде чем мы уедем.

Шаллан провела рукой по волосам – спутанной рыжей копне, в которой застряли веточки. Еще двое мужчин – высоких громил воринских кровей – сворачивали одеяла и походные тюфяки. Накануне веденка убила бы за такой: все тело ныло после ночи на кочках и камнях.

Заглушив зов природы, она повернулась и с изумлением увидела три больших запряженных чуллами фургона с клетками сзади. В клетках сидели грязные полуголые мужчины. Миг спустя все встало на свои места.

Работорговцы.

Шаллан справилась с изначальной вспышкой паники. Работорговля была совершенно законной профессией. Почти всегда. Только вот сейчас они находились в Мерзлых землях, далеко от тех мест, где правили племена или государства. Кто мог утверждать, что тут законно, а что – нет?

«Успокойся, – приказала она самой себе. – Они бы не стали вежливо будить тебя, если бы замыслили что-то подобное».

Продать аристократку высокого дана, о коем свидетельствовало ее платье, было бы рискованным предприятием для работорговца. Большинство хозяев в цивилизованных землях потребовали бы документы относительно прошлого рабыни, а светлоглазых и впрямь редко обращали в рабов, если не считать ревнителеев. Обычно высокородных просто казнили. Рабская участь была милостью для бедняков.

– Светлость? – нервно окликнул ее работорговец.

Чтобы отвлечься, она опять начала думать как ученая. Надо избавиться от этой привычки.

– Как тебя зовут? – спросила Шаллан.

Она не собиралась говорить таким бесстрастным голосом, но шок от увиденного привел ее в смятение.

От ее тона мужчина подался назад.

– Я Твлакв, скромный купец.

– Работорговец, – уточнила Шаллан, вставая и отбрасывая волосы с лица.

– Как я и сказал. Купец.

Два его охранника наблюдали за ней, загружая снаряжение в главный фургон. Девушка не упустила из виду дубины, которые они носили напоказ на поясе. А ведь накануне, когда ноги вывели ее к костру, у нее же была сфера?

От воспоминаний ступни снова вспыхнули. Ей пришлось стиснуть зубы от муки, а рядом из земли начали выбираться спрены боли, похожие на оранжевые руки из сухожилий. Она должна очистить раны; с ногами в порезах и синяках новая прогулка случится не скоро. А в этих фургонах имелись сиденья...

«Скорее всего, они украли у меня сферу».

Шаллан прощупала свой потайной кошель. Другие сферы были на месте, но рукав оказался расстегнутым. Это она сделала? Они заглянули внутрь? От этой мысли она, не сдержавшись, покраснела.

Два охранника глядели на нее с жадностью. Твлакв изображал смирение, но взгляд у него был такой же плотоядный и нетерпеливый. Эти мужчины были в шаге от того, чтобы ограбить ее.

Но если она покинет их, то, скорее всего, умрет здесь в одиночестве. Буреотец! Что же ей делать? Она почувствовала, что вот-вот сядет и разрыдается. После всего, что случилось, – еще и это?

«Контроль – основа всей власти».

Как бы Ясна себя повела в такой ситуации?

Ответ был прост. Она станет Ясной.

– Я позволю вам оказать мне содействие, – сказала Шаллан.

Каким-то образом удалось произнести это ровным голосом, хоть внутри у нее все переворачивалось от ужаса.

– Светлость?.. – спросил Твлакв.

– Как вы уже заметили, – продолжила Шаллан, – я стала жертвой кораблекрушения и потеряла всех слуг. Ты и твои люди будете годной заменой. У меня есть сундук. Нам надо будет его забрать.

Она почувствовала себя одним из десяти дурней. Разумеется, он распознает правду за этим неуклюжим представлением. Что бы там ни говорила Ясна, притворяться, что у тебя есть власть, и обладать властью на самом деле – разные вещи.

– Мы... конечно, мы будем рады помочь, – сказал Твлакв. – Светлость?..

– Давар. – Шаллан позаботилась о том, чтобы смягчить тон.

Ясна не была снисходительной. Там, где другие светлоглазые вроде отца Шаллан действовали самодовольно, принцесса просто ожидала, что люди будут выполнять ее желания. И они выполняли.

Она сделает то же самое. Она должна.

– Купец Твлакв, – проговорила Шаллан, – мне нужно попасть на Расколотые равнины. Ты знаешь дорогу?

– Расколотые равнины? – переспросил тайленец и посмотрел на своих охранников, один из которых приблизился. – Мы там были несколько месяцев назад, но теперь собираемся подыскать баржу, чтобы отправиться в Тайлену. Мы завершили свои дела в этих краях, и возвращаться на север нам нет нужды.

– Как это – нет нужды? – Шаллан направилась к одному из фургонов. Каждый шаг был агонией. – Вы отвезете меня туда.

Она огляделась и с удовольствием заметила Узора – тот наблюдал, устроившись на боку фургона. Веденка подошла к передней части этого фургона и протянула руку другому стражнику, который стоял поблизости.

Он безмолвно посмотрел на руку, поскреб в затылке. Потом глянул на фургон и, забравшись на него, наклонился и помог Шаллан подняться.

Подошел Твлакв:

– Для нас будет дороговато вернуться назад без товара! У меня есть только эти рабы, купленные в Мелководных Криптах. Их недостаточно, чтобы оправдать обратную дорогу, совсем недостаточно.

– Дороговато? – переспросила Шаллан, усаживаясь и старательно изображая изумление. – Уверю тебя, купец Твлакв, расходы для меня незначительны. Ты получишь щедрое вознаграждение. А теперь в путь. На Расколотых равнинах меня ждут важные люди.

– Но, светлость, – возразил Твлакв, – я же вижу, что вы недавно перенесли тяжелые испытания. Давайте я отвезу вас в Мелководные Крипты. Это гораздо ближе. Вы там сможете отдохнуть и послать весточку тем, кто вас ждет.

– Я просила, чтобы меня отвезли в Мелководные Крипты?

– Но... – начал Твлакв и умолк, когда она вперила в него пристальный взгляд.

Шаллан смягчила выражение лица.

– Я знаю, что делаю, и спасибо за совет. Нам пора отправляться в путь.

Трое мужчин обменялись растерянными взглядами, и работорговец, стянув с головы вязаную шапочку, начал теревить ее в руках. Неподалеку в лагерь вошли два паршуна с мраморной кожей. Шаллан чуть не подпрыгнула, когда они протащились мимо, неся высохшие панцири камнепочек, которые, видимо, собирали для походных костров. Твлакв не обратил на них внимания.

Паршуны. Пустоносцы. У Шаллан по коже побежали мурашки, но прямо сейчас нет времени из-за них беспокоиться. Девушка снова посмотрела на работорговца, ожидая, что он про-

игнорирует ее приказы. Но Твлакв кивнул. А потом он и его люди просто... сделали, как она велела. Запрягли чулл; работорговец узнал, в какой стороне ее сундук, и караван двинулся в путь без дальнейших возражений.

«Наверное, они просто подыграли мне, – подумала Шаллан, – потому что хотят выяснить содержимое моего сундука. Чтобы украсть побольше».

Но когда они достигли нужного места, то лишь погрузили сундук в фургон и привязали, а потом развернулись и поехали на север.

К Расколотым равнинам.

12 Герой

К несчастью, мы так сосредоточились на интригах Садеаса, что не заметили, как наши истинные и опасные враги, убийцы моего мужа, стали вести себя по-другому. Хотела бы я знать, какой ветер принес эту их внезапную и необъяснимую перемену.

Из личного дневника Навани Холин, йесесач, 1174

Каладин прижал осколок скалы к стене ущелья, и тот прилип.

– Давай, – скомандовал он, шагнув назад.

Рогоед подпрыгнул, ухватился за камень и повис на стене, согнув ноги в коленях. Его глубокий, рокошущий смех разбудил в ущелье эхо.

– На этот раз он меня держать!

Сигзил сделал отметку в своем журнале:

– Хорошо. Камень, продолжай висеть.

– Как долго?

– Пока не упадешь.

– Пока не... – Громила-рогоед нахмурился, держась за камень обеими руками. – Мне эксперимент уже не нравится.

– О, только не хнычь. – Каладин скрестил руки и прислонился к стене возле Камня. Сферы озаряли дно ущелья вокруг них, бросали отблески на лозы, мусор и цветущие растения. – Падать-то невысоко.

– Дело не в падении, – пожаловался Камень. – Дело в руках. Я ведь, понимаешь, большой.

– Так это же хорошо – у тебя большие руки, чтобы ими держаться.

– По-моему, тут главное в другом, – проворчал Камень. – И держаться неудобно. И я...

Булыжник с щелчком отклеился от стены ущелья, и рогоед рухнул вниз. Каладин схватил его за руку, помогая приятелю устоять.

– Двадцать секунд, – подвел итог Сигзил. – Не очень-то долго.

– Я предупреждал. – Каладин поднял упавший каменный осколок. – Он держится дольше, если я использую больше бурсвета.

– По-моему, нам нужна отправная точка. – Сигзил пошарил в кармане и вытащил светящийся бриллиантовый светосколок – самую малоценную из всех сфер. – Забери из нее весь свет, перелей в булыжник, а потом мы подвесим Камня и посмотрим, как долго тот продержится.

Рогоед застонал:

– Мои бедные руки...

– Эй, манча, – окликнул его Лопен из глубины ущелья, – по крайней мере, у тебя их две, ага?

Гердазиец следил, чтобы ни один из новых рекрутов не забрел к ним и не увидел, что делает капитан. Это было маловероятно – они упражнялись на расстоянии нескольких ущелий от основной команды, – но Каладин потребовал, чтобы кто-то стоял на страже.

«В конце концов все узнают, – подумал Каладин, беря светосколок у Сигзила. – Ты ведь именно это пообещал Сил? Что позволишь себе стать Сияющим?»

Юноша резко вдохнул содержащийся в сфере бурсвет, потом перенаправил его в булыжник. У него получалось все лучше: бурсвет перетекал в руку – и после его можно использовать как светящуюся краску, чтобы мысленно покрыть нижнюю часть камня. Бурсвет впитался в камень, и, когда Каладин прижал его к скале, он там и остался.

Над камнем вились язычки светящегося дыма.

– Пожалуй, не нужно заставлять рогоеда висеть на скале, – заметил Каладин. – Если тебе требуется отправная точка, почему бы просто не посчитать, как долго булыжник продержится там сам по себе?

– Это будет не так весело, – возразил Сигзил. – Ну хорошо, уговорил.

Он продолжил записывать цифры в своем журнале. Большинству прочих мостовиков от этого сделалось бы не по себе. Письмо воспринималось как занятие, неподобающее мужчине и даже богохульное, хотя Сигзил просто зарисовывал глифы.

Сегодня, к счастью, с Каладином были Сигзил, Камень и Лопен – все чужеземцы из краев с другими правилами. Гердаз формально был воринским, но у них был собственный воринизм, и Лопен, похоже, не имел ничего против мужчин, знакомых с письмом.

– Итак, – сказал Камень, пока они ждали, – наш Благословенный Бурей вождь, ты говорить, что можешь делать кое-что еще, верно?

– Летать! – воскликнул Лопен с другой стороны ущелья.

– Я не умею летать, – буркнул Каладин.

– Ходить по стенам!

– Я пытался. Чуть голову не разбил, когда упал.

– Ах, ганчо, – проворчал Лопен. – Ни полетов, ни прогулок по стенам? Я должен как-то впечатлить дам. Не думаю, что камней, приклеенных к стенам, им хватит.

– А по-моему, такое впечатлило бы кого угодно, – заметил Сигзил. – Это противоречит законам природы.

– Плохо же ты знаешь гердазийских женщин... – со вздохом сказал Лопен. – Как по мне, нам стоит опять попытаться счастья с полетами. Это было бы лучше всего.

– Кое-что еще и впрямь есть, – сообщил Каладин. – Не полеты, но все равно полезно. Не уверен, что смогу это повторить. Я никогда не делал это осознанно.

– Щит, – вспомнил Камень, который стоял у стены и неотрывно глядел на приклеенный к ней булыжник. – На поле боя, когда паршенди в нас стрелять. Стрелы ударить в твой щит. Все сразу.

– Да, – подтвердил Каладин.

– Надо это проверить, – заявил Сигзил. – Нам потребуется лук.

– Спрены! – воскликнул Камень, тыкая пальцем. – Они прижимают этот булыжник к скале.

– Что? – Сигзил подобрался ближе и, прищурившись, стал разглядывать кусок скалы, который Каладин прижал к стене ущелья. – Я их не вижу.

– А-а, – протянул Камень, – они не хотят быть замеченными. – Он склонил голову перед ними. – Прошу прощения, мафах'лики.

Сигзил нахмурился, пригляделся, приблизив сферу, чтобы осветить пространство. Каладин подошел поближе и присоединился к ним. Он мог разглядеть маленьких пурпурных спренов, если смотрел очень внимательно.

– Сиг, они там, – согласился Каладин.

– Тогда почему я их не вижу?

– Это как-то связано с моими способностями. – Юноша посмотрел на Сил, которая сидела поблизости на краю трещины в скале, закинув ногу на ногу и покачивая ею.

– Но Камень...

– Я алайи'ику, – произнес Камень, подняв руку к груди.

– И что это значит? – нетерпеливо спросил Сигзил.

– Что я видеть этих спренов, а ты нет. – Рогоед положил руку на плечо Сигзила, который был меньше ростом. – Порядок, друг. Я не виню тебя в том, что ты слепой. Большинство низинников таковы. Это все воздух. От него у вас все в мозгах работает неправильно.

Сигзил нахмурился, но сделал пару заметок, не переставая машинально шевелить пальцами. Считал секунды? Булыжник наконец-то с щелчком отклеился от стены и упал, напоследок выпустив несколько струек бурсвета.

– Намного больше минуты, – сообщил Сигзил. – Я насчитал восемьдесят семь секунд. – Он посмотрел на остальных.

– Мы должны были считать? – спросил Каладин, глянув на Камня, который пожал плечами.

Сигзил вздохнул.

– Девяносто одна секунда! – крикнул Лопен. – Можешь не благодарить.

Сигзил опустил на валун, не обращая внимания на кости, которые высовывались из мха поблизости, и с хмурым видом сделал несколько пометок в журнале.

– Ха! – Камень присел на корточки рядом с ним. – У тебя такой вид, словно ты съел плохие яйца. Что случилось?

– Я не понимаю, что делаю. Мой учитель советовал задавать вопросы и искать точные ответы. Но как же я могу быть точным? Мне нужны часы, чтобы замерять время, но они стоят слишком дорого. Даже если бы они у нас были, я не знаю, как измерять бурсвет!

– В светосколках, – предложил Каладин. – Самосветы взвешивают на точных весах, прежде чем заключить в стекло.

– И все они способны удерживать одинаковое количество? – спросил Сигзил. – Мы знаем, что необработанные драгоценные камни держатся меньше ограненных. Значит, если огранка лучше, света поместится больше? Кроме того, бурсвет вытекает из сферы с течением времени. Сколько дней прошло после того, как светосколок зарядили, и сколько света он с той поры утратил? Все ли светосколки теряют одинаковое количество света с одинаковой скоростью? Мы слишком мало знаем. Командир, боюсь, я зря трачу твоё время.

– Не зря, – возразил Лопен, приближаясь к ним. Однорукий гердазиец зевнул и сел на тот же валун, что и Сигзил, вынудив того чуть потесниться. – Просто надо проверять другие вещи, ага?

– Например? – спросил Каладин.

– Ну, ганчо... Ты можешь приклеить к стене меня?

– Я... я не знаю.

– Похоже, неплохо бы узнать, ага? – Лопен встал. – Попробуем?

Каладин посмотрел на Сигзила; тот пожал плечами.

Юноша втянул больше буресвета. Его заполнила неистовая буря – она словно была пленницей и пыталась вырваться на свободу, колотясь изнутри о его кожу. Он направил буресвет к ладони и приложил ее к стене, окрашивая камни свечением.

Сделав глубокий вдох, поднял Лопена – худой гердазиец оказался поразительно легким, особенно с учетом того, что в жилах Каладина еще оставалась доля буресвета. Он прижал Лопена к стене.

Когда капитан, поколебавшись, шагнул назад, гердазиец остался висеть на стене – его форма приклеилась к камню и собралась в складки под мышками.

Лопен ухмыльнулся:

– Сработало!

– Это быть полезно, – согласился Камень, потирая подбородок, выбритый в причудливой рогоедской манере. – Да, именно это нам и надо проверять. Каладин, ты солдат. Ты мочь делать такое в битве?

Тот медленно кивнул; в голове у него вихрем пронеслась дюжина разных вариантов. Что, если его противники наткнутся на полосу буресвета, которую он оставит на полу? А можно ли остановить катящийся фургон? Приклеить свое копьё к щиту противника и вырвать тот из рук?

– Лопен, что чувствовать? – спросил Камень. – Больно?

– Не-а, – ответил Лопен, ерзя. – Я переживаю, чтобы куртка не порвалась и пуговицы выдержали. Ох! Ох! У меня вопрос! Что сделал однорукий гердазиец с тем, кто приклеил его к стене?

Каладин нахмурился:

– Я... я не знаю.

– Ничего – у гердазийца рука не поднялась, – выдал Лопен и расхохотался.

Сигзил застонал, но Камень рассмеялся. Сил склонила голову набок, шмыгнула к Каладину и негромко спросила:

– Это была шутка?

– Да, – сказал он. – Безобразно плохая.

– О, не говори так! – Лопен продолжал хихикать. – Это лучшая из известных мне – и поверь, я настоящий мастер шуток про одноруких гердазийцев. «Лопен, – все время говорит моя матушка, – ты должен их выучить, чтобы посмеяться до того, как это сделают другие. Тогда ты украдешь их смех – и он будет весь твой». Она мудрая женщина. Я как-то принес ей голову чулла.

Каладин моргнул:

– Что ты принес?

– Голову чулла. Это очень вкусно.

– Странный ты человек, – сказал Каладин.

– Нет, – возразил Камень. – Они и впрямь вкусные. Голова – лучшая часть чулла.

– Поверю вам двоим на слово. В самой малой степени.

Он потянулся к Лопену и взял его за руку, поскольку буресвет, удерживавший гердазийца, начал иссякать. Камень схватил Лопена за талию, и вдвоем они помогли ему спуститься.

– Ну ладно, – сказал Каладин, машинально проверяя время по солнцу, хотя его не было видно сквозь узкую расщелину над головой. – Давайте экспериментировать.

Ощущая внутри беснующийся ураган, Каладин несся по дну ущелья. Он напугал группу оборочетов, которые поспешно сложились, точно сжали руки в кулачки. Лозы на стенах задрожали и начали сворачиваться, поднимаясь.

Каладин с плеском пробежал по лужам стоячей воды, перепрыгнул через гору мусора. За ним оставался шлейф буресвета. Он был переполнен светом, свет колотился внутри его. Так было проще им пользоваться; он хотел течь. Каладин направил свет в свое копьё.

Впереди поджидали Лопен, Камень и Сигзил с тренировочными копьями. Хотя Лопен был не очень-то хорош – отсутствующая рука создавала огромное неудобство, – Камень дополнял его. Громила-рогоед не желал сражаться с паршенди и убивать, но на этот раз согласился поучаствовать в тренировочном бою во имя «эксперимента».

Он сражался очень хорошо. Кроме того, Сигзил с копьем был тоже довольно неплох. Когда-то три мостовика могли бы устроить Каладину взбучку на поле боя.

Все изменилось.

Каладин швырнул копьё в Камня, застав того врасплох. Рогоед поднял оружие, чтобы парировать обычный удар. Буресвет приклеил копьё капитана к копыю Камня, и получился крест. Рогоед выругался и попытался повернуть свое копьё, чтобы нанести удар, но лишь ударил сам себя в бок копьем Каладина.

Когда ударило копьё Лопена, Каладин легко отбил его одной рукой, наполнив наконечник буресветом. Копьё врезалось в кучу мусора и прилипло к палкам и костям.

Сигзил ударил, целясь в грудь Каладина, но сильно промахнулся, когда тот шагнул в сторону. Юноша коснулся древка ладонью и толкнул его к копыю Лопена, которое тот как раз вытащил из отбросов, облепленное мхом и костями. Два копья слиплись.

Каладин проскользнул между Камнем и Сигзилом, и три мостовика чуть не сбили друг друга с ног, пытаясь высвободить свое оружие. Парень с мрачной ухмылкой пробежался до другого конца ущелья, подобрал копьё и повернулся, приплясывая. Буресвет вынуждал его двигаться. Впитав в себя такое большое количество, он почти не мог стоять спокойно.

«Ну давайте, давайте», – подумал он. Его товарищи наконец-то разобрали свои копья, поскольку в тех иссяк буресвет. Бывшие мостовики снова построились, ожидая его нападения.

Каладин рванулся вперед. В тусклом свете ущелья поднимающийся от него дым был достаточно ярким, чтобы порождать тени, которые прыгали и вертелись. Он несся через лужи, ощущая холодную воду босыми ногами. Даже снял ботинки; хотел чувствовать камень под собой.

На этот раз три мостовика уперли копья тупыми концами в землю, словно ожидая атаки. Каладин улыбнулся, потом схватил свое копьё за верхушку – как и три других, это было тренировочное копьё, без настоящего наконечника – и зарядил его буресветом.

Он ударил им по копыю Камня, намереваясь выбить у того оружие из рук. Но у рогоеда были другие планы – тот потащил свое копьё назад с силой, которая застала Каладина врасплох. Юноша чуть не разжал пальцы.

Лопен и Сигзил быстро двинулись на него с разных сторон. «Мило», – подумал Каладин с гордостью. Он обучил их этому построению, показал, как действовать на поле боя сообща.

Когда они приблизились, капитан выпустил копьё и выставил ногу. Буресвет вытекал из его босой ступни так же легко, как из ладоней, и он смог нарисовать большую светящуюся дугу на земле. Сигзил наступил на нее и споткнулся, его нога прилипла к свету. Он попытался ударить, когда падал, но не смог вложить в удар достаточно силы.

Каладин всем телом бросился на Лопена, чей удар прошел мимо цели. Он толкнул гердазийца к стене и отпрянул, оставив его приклеенным к камню, который зарядил в то мгновение, когда они еще прижимались друг к другу.

– Ой, только не это!.. – простонал Лопен.

Сигзил упал лицом в лужу. Каладин едва успел улынуться, как вдруг заметил, что Камень замахивается на него бревном.

Целым бревном. Как рогоед вообще поднял эту штуку?! Каладин ушел из-под удара, перекатился и оцарапал руку, а дубина обрушилась на каменистое дно ущелья.

Каладин зарычал, буресвет вырвался сквозь его сжатые зубы и окутал голову. Он прыгнул на бревно, когда Камень попытался снова его поднять.

От его приземления ствол рухнул обратно на землю. Юноша прыгнул на Камня, и часть его изумилась: о чем он только думает, затеявая рукопашную с человеком в два раза тяжелее себя? Он врезался в рогоеда – оба упали. Они катались по мху, и Камень вертелся, пытаясь схватить Каладина за руки. Рогоед явно умел драться.

Каладин перелил буресвет в землю. Ему это не навредит и не помешает, это он точно знал. Пока они катались, сначала к земле прилипла рука Камня, а потом – весь бок.

Рогоед продолжал бороться, пытаясь взять капитана в захват. Ему это почти удалось, но Каладин с силой оттолкнулся, и они перекатились так, что другой локоть Камня коснулся земли – и прилип.

Каладин оторвался от противника, пытаясь отдышаться. Закашлявшись, потерял почти весь оставшийся буресвет. Он прислонился к стене ущелья и вытер пот со лба.

– Ха! – воскликнул Камень, распростертый на земле с раскинутыми в стороны руками. – Еще чуть-чуть – и я бы тебя сделать. Ты скользкий быть, как пятый сын!

– Камень, клянусь бурей, я бы все отдал, чтобы затащить тебя на поле боя. Как повар ты только губишь свой талант.

– Тебе не нравится моя еда? – Камень рассмеялся. – Придется придумать что-то, где будет больше жира. Это тебе быть в самый раз! Тебя схватить – все равно что пытаться удержать в руках живую речную рыбу! Смазанную маслом! Ха!

Каладин подошел к нему и присел:

– Камень, ты воин. Я увидел это в Тефте, и – говори, что хочешь, но я вижу то же самое в тебе.

– Я неправильный сын, чтобы солдатом быть, – упрямо проворчал Камень. – Это для туналикина, четвертого сына или дальше. Третий сын не мочь тратить себя на битвы.

– Это не помешало тебе швырнуть мне в голову дерево.

– Дерево маленькое быть. А голова – твердая очень.

Каладин улыбнулся и, протянув руку, коснулся буресвета, помещенного в скалу, на которой лежал рогоед. Он еще не пытался снова забрать буресвет, использованный таким образом. Получится ли? Он закрыл глаза и осторожно вдохнул... Да.

Внутри опять поднялся ураган, хоть и слабее, чем раньше. А когда открыл глаза, рогоед уже освободился. Каладин не смог забрать все – только часть. Остальное испарилось.

Он протянул Камню руку, помог громиле встать. Рогоед отряхнул себя от пыли.

– Безобразие, – проворчал Сигзил, когда Каладин подошел, чтобы освободить и его. – Сделал нас, как детей. Изначальный и то не видел такого позорного зрелища.

– У меня было очень несправедливое преимущество. – Каладин помог Сигзилу встать. – Годы солдатской учебы, да к тому же я крупнее тебя. А еще умею испускать из пальцев буресвет. – Он похлопал Сигзила по плечу. – Ты справился. Это же просто проверка, какой ты и хотел.

«Куда более полезная проверка», – прибавил он про себя.

– Ну да, ну да, – раздался позади голос Лопена. – Просто ступайте прочь и оставьте гердазийца висющим на стене. Отсюда открывается прекрасный вид. Ах, неужели это слюнь течет по моей щеке? Лопен теперь нарядный, прямо франт, потому что он – я уже говорил? – не может ее стереть, ведь у него рука к стене прилипла!

Каладин с улыбкой подошел к нему:

– Ты же сам попросил приклеить тебя к стене.

– А где моя вторая рука? Та, которую давным-давно оторвала и сожрала жуткая тварь? Она прямо сейчас показывает тебе неприличный жест. Я подумал, ты захочешь это знать, чтобы приготовиться к оскорблению. – Он сказал это с той же беспечностью, с какой относился ко всему. Лопен даже в мостовой расчет вступил с неким безумным пылом.

Юноша освободил его.

– Эта вещь, – сказал Камень, – сработала.

Каладин согласился.

По правде говоря, ему было бы проще, наверное, расправиться с тремя противниками при помощи одного копья и силы и скорости, дарованных буресветом, чем применять все эти фокусы. Он еще не знал, в том ли дело, что новые силы были ему незнакомы, но не сомневался, что, принуждая себя воспользоваться ими, несколько раз оказался в неудобном положении.

«Все дело в опыте, – внушал он себе. – Я должен изучить эти способности так же хорошо, как изучил копьё».

Это означало тренировки. Неустанные тренировки. Лучше бы, конечно, отыскать кого-то равного или превосходящего по навыкам, силе и способностям. Учитывая, что он теперь умел делать, задача не из легких.

Друзья отправились к своим походным мешкам, чтобы достать бурдюки с водой, и Каладин заметил, что в тени в отдаленной части ущелья кто-то стоит. Он вскочил, настороженный, и успокоился только после того, как в свете их сфер показался Тефт.

– Я думал, ты на страже, – проворчал Тефт, обращаясь к Лопену.

– Слишком занят был – висел на скале, – отозвался гердазиец, приподняв свой бурдюк с водой. – А ты вроде должен сейчас обучать банду зеленых новобранцев?

– Дрехи взял их в оборот. – Тефт обогнул кучу мусора, подошел к стоявшему у стены ущелья Каладину. – Не знаю, но, похоже, приведя эту компанию сюда, мы как-то вытащили их из раковин.

Каладин кивнул.

– Как ты научился так хорошо разбираться в людях? – спросил Тефт.

– Слишком часто смотрел на то, что у них внутри. – Каладин глянул на свою руку, которую оцарапал, когда дрался с Камнем. Царапины не было – буресвет залечил порезы на коже.

Тефт фыркнул и бросил взгляд на рогоеда и остальных, которые собрались перекусить.

– Тебе бы стоило поставить Камня во главе новобранцев.

– Он не станет драться.

– Но с тобой-то сражался, – возразил Тефт. – Может, и с ними будет. Он больше нравится людям, чем я. Я только все испорчу.

– Тефт, у тебя все получится и даже не смей говорить об ином. Мы теперь не ограничены в средствах. Больше не нужно скупердяйничать. Ты обучишь этих ребят и сделаешь это правильно.

Мужчина вздохнул, но ничего не сказал.

– Ты видел, что я сделал.

– Ага, – подтвердил Тефт. – Придется привести сюда человек двадцать, если мы захотим устроить тебе настоящую взбучку.

– Или отыскать другого, как я, – добавил Каладин. – Чтобы с ним тренироваться.

– Ага, – согласился Тефт, кивая, словно ему такое в голову не пришло.

– Было ведь десять рыцарских орденов, так? Что ты знаешь о других? – Тефт был первым из тех, кто понял, что умеет Каладин. В этом он опередил самого капитана.

– Немного, – признался Тефт, морщась. – Я знаю, что ордена не очень-то ладили друг с другом, что бы там ни говорилось в официальных хрониках. Придется подумать над тем, как отыскать того, кто знает больше. Я... не особо вникал. А людей, которые учили меня и которые могли бы нам все рассказать, уже нет.

Если до сих пор Тефт выглядел суровым, теперь его настроение окончательно испортилось. Он уставился в землю. Тефт нечасто говорил о своем прошлом, но Каладин все сильнее и сильнее убеждался, что, кем бы ни были эти люди, они погибли по его вине.

– Что бы ты сказал, услышав, что кто-то собирается возродить Сияющих рыцарей? – негромко спросил Каладин.

Тефт резко вскинул голову:

– Ты?

– Не я, – осторожно проговорил Каладин. Далинар Холин позволил ему присутствовать на совещании, и, хотя капитан доверял Тефту, офицер обязан был молчать о том, что ему довелось услышать.

«Далинар – светлоглазый, – прошептала часть его. – Он бы выдал твой секрет не задумываясь».

– Не я, – повторил Каладин. – Что, если бы какой-нибудь король решил, что ему следует собрать группу людей и назвать их Сияющими рыцарями?

– Я бы назвал его дурнем, – проворчал Тефт. – Нет, Сияющие не были такими, какими их люди считают. Они не были предателями. Вот не были, и все тут! Но все уверены, что они предали человечество, а с молвой не поспоришь. Если только ты не связыватель потоков и не можешь заставить всех молчать. – Тефт окинул Каладина взглядом. – Ты собираешься такое устроить, парень?

– Меня бы возненавидели, верно? – спросил Каладин. Он заметил Сил, которая прошла по воздуху, не сводя с него внимательных глаз. – За то, что сделали прежние Сияющие. – Он вскинул руку, предупреждая возражения Тефта. – За то, что они сделали, по мнению людей.

– Ага.

Сил скрестила ручки на груди, уставившись на Каладина. «Ты обещал», – говорил ее взгляд.

– Тогда придется нам быть повнимательнее, – заключил тот. – Иди собери новичков. Хватит с них тренировок на сегодня.

Тефт кивнул и побежал выполнять приказ. Каладин взял свое копье, собрал сферы, которые разложил, чтобы осветить тренировочную площадку, и махнул товарищам. Они взяли вещи и пустились в обратный путь.

– Так ты это сделаешь? – Сил приземлилась ему на плечо.

– Сначала я хочу как следует попрактиковаться.

«И свыкнуться с идеей».

– Каладин, все будет хорошо.

– Нет. Будет трудно. Люди возненавидят меня, а даже если нет – я окажусь в одиночестве. Стану изгоем. Но я уже смирился. Справлюсь как-нибудь. – Даже в Четвертом мосту только Моаш не относился к Каладину как к какому-нибудь мифическому спасителю-Вестнику. Он и, может быть, Камень.

Самое же главное, что другие мостовики не боялись его. Они, возможно, боготворили его, но не обходили стороной. Что ж, и так сойдет.

Группа Каладина достигла веревочной лестницы прежде Тефта и новичков, но тех можно было не ждать. Капитан выбрался из сырого ущелья на плато к востоку от военного лагеря. Было так странно без опаски вынести из ущелья копье и деньги. И дозорные на границе лагеря Далинара не начали сыпать насмешками, а отдали честь и выпрямили спины. Его приветствовали, как никогда раньше – не хуже, чем какого-нибудь генерала.

– Похоже, они гордятся тобой, – заметила Сил. – Солдаты с тобой незнакомы, но гордятся тобой.

– Они темноглазые, – пояснил Каладин, салютуя в ответ. – Возможно, сражались на Башне, когда Садеас их предал.

– Благословенный Бурей, – позвал один солдат. – Ты слышал новость?

«Будь проклят тот, кто рассказал им об этом прозвище», – подумал Каладин, пока Камень и двое других догоняли его.

– Нет! – крикнул он. – Что за новость?

– На Расколотые равнины явился герой! – радостно заорал солдат. – Он встретится со светлордом Холином и, скорее всего, окажет ему поддержку! Это добрый знак. Может, теперь тут станет поспокойнее.

– Это кто еще такой? – крикнул в ответ ему Камень. – Как звать?

Солдат назвал имя.

Сердце Каладина обратилось в лед.

Копье чуть не выпало из его онемевших пальцев. А потом он побежал. Даже не обратил внимания на крик Камня, не остановился, чтобы остальные его догнали. Он мчался через весь лагерь к штабному комплексу Далинара, располагавшемуся в центре.

Он все еще не хотел верить, когда увидел знамя, реявшее в воздухе над отрядом солдат, – за пределами лагеря, скорее всего, расположилась куда большая армия. Каладин миновал их, вызвав крики, удивленные взгляды и тревожные вопросы.

В конце концов резко остановился перед короткой лестницей, ведущей в полуподземный комплекс каменных строений, принадлежавший Далинару. Там, у самого входа, Черный Шип как раз пожимал руку высокому мужчине.

На вновь прибывшем – человеке с квадратным лицом и горделивой осанкой – был безупречный мундир. Гость рассмеялся, обнял Далинара и сказал:

– Давненько мы не виделись, старый друг.

– Слишком давно, – согласился Далинар. – Я рад, что ты наконец-то прибыл сюда, после стольких лет обещаний. Я слышал, ты даже добыл себе осколочный клинок!

– Да, – подтвердил тот, шагнув назад и отведя руку в сторону. – Я забрал его у убийцы, который попытался прикончить меня на поле боя.

Появился клинок. Каладин уставился на серебристое оружие. Лезвие с гравировкой по всей длине напоминало танцующее пламя, и юноше казалось, что оно в красных пятнах. Его разум заполнили имена: Даллет, Короб, Риш... Отделение из прошлого, из другой жизни. Люди, которых Каладин любил.

Он поднял голову и вынудил себя посмотреть прибывшему в лицо. Этого человека Каладин ненавидел, ненавидел больше всех на свете. А когда-то боготворил.

Великий лорд Амарам. Тот, кто украл осколочный клинок Каладина, заклеил его и продал в рабство.

Интерлюдии

Эшой * Им * Рисн

И-1 Нарак

Когда Эшоной достигла плато в центре Расколотых равнин, ее переполняла решимость. Центральное плато. Нарак. Место их ссылки.

Их дом.

Она сорвала с головы осколочный шлем и полной грудью вдохнула прохладный воздух. Доспех чудесно проветривался, но даже в нем становилось душно после продолжительных физических усилий. Рядом с ней приземлялись другие солдаты – на эту вылазку Эшоной взяла с собой примерно пятнадцать сотен. К счастью, они прибыли задолго до людей и добыли светсердце с минимумом усилий. Трофей нес Деви: он заслужил эту привилегию, поскольку заметил куколку издалека.

Ах, она почти жалела, что эта вылазка оказалась такой легкой...

«Где же ты, Черный Шип? – подумала Эшоной, глядя на запад. – Почему ты не пришел, чтобы снова со мною сразиться?»

Ей показалось, что она видела его во время той вылазки примерно неделю назад, когда им пришлось покинуть плато под натиском его сына. Эшоной не участвовала в битве; раненая нога болела, и прыжки с одного плато на другое разбередили рану, невзирая на осколочный доспех. Возможно, ей не стоило покидать Нарак.

Она хотела быть рядом с битвой, на случай если ударный отряд попадет в окружение и им понадобится осколочник – пусть и раненый, – чтобы вырваться. Ее нога все еще болела, но вскоре ей придется вновь сражаться. Возможно, если Эшоной примет участие в сражении, Черный Шип опять появится.

Ей очень нужно было с ним поговорить. Настойчивое желание сделать это как будто навеяли сами ветра.

Солдаты помахали друг другу, и каждый отправился своей дорогой. Многие негромко пели в ритме скорби, иной раз без слов. В эти дни мало кто пел в ритме волнения или даже решимости. Шаг за шагом, буря за бурей ее соплеменники поддавались унынию. Ее народ – слушатели, как они сами себя называли. Слово «паршенди» придумали человеки.

Эшонай уверенным шагом направилась к руинам посреди Нарака. После стольких лет мало что уцелело. В каком-то смысле это руины руин. Как сотворенное человеками, так и сотворенное слушателями недолго продержалось перед мощью Великих бурь.

Каменный шпиль впереди, наверное, был когда-то башней. За века она покрылась толстым слоем крема, который нанесли неистовые бури. Мягкий крем просочился в щели и забил окна, а потом медленно затвердел. Теперь башня казалась громадным сталагмитом, обращенным к небу, с округлой вершиной и каменными, будто оплавленными выпуклостями по бокам.

У шпиля, наверное, сильный стержень, раз он так долго противостоял ветрам. Другим образцам древнего инженерного мастерства не так повезло. Эшонай шла мимо бесформенных холмов и курганов, оставшихся от разрушенных зданий, которые медленно поглощали Расколотые равнины. Бури были непредсказуемы. Иногда огромные куски камня откалывались от скал, оставляя глубокие выбоины с неровными краями. В другой раз шпили держались веками и росли, а не уменьшались, по мере того как ветра одновременно истощали и укрепляли их.

Эшонай довелось открыть похожие руины во время разведывательных экспедиций – вроде той, в ходе которой ее соплеменники впервые повстречали людей. Всего лишь семь лет прошло, а казалось – целая вечность. Она любила те дни, когда можно было открывать для себя огромный мир, казавшийся бесконечным. А теперь...

Теперь вся ее жизнь проходит на этом плато, словно в ловушке. Неосвоенные просторы звали ее, пели о том, что она должна собрать все, что можно унести с собой, и отправиться в поход. К несчастью, у нее теперь другая судьба.

Эшонай вошла в тень большой бесформенной скалы, которая, как ей казалось, могла быть в прошлом городскими воротами. Те крупницы сведений, что они раздобыли за годы благодаря шпионам, свидетельствовали, что аэти ничего не понимали. Враги маршировали по неровной поверхности плато и видели только природный камень, даже не догадываясь, что пересекают костяк давно умершего города.

Воительница вздрогнула и настроилась на ритм потери. Он был медленный, но все-таки интенсивный, с резкими, четкими нотами. Она настроилась на него ненадолго. Было важно помнить о павших, но трудиться ради защиты живых – важней.

Потом снова настроилась на решимость и вошла в Нарак. Здесь слушатели обустроили лучшее жилище, на какое могли рассчитывать во время войны. На скалистых склонах соорудили казармы со стенами и крышами из брони большепанцирников. На подветренной стороне холмов, в которые превратились древние здания, теперь выращивали камнепочки для пропитания. Большая часть Расколотых равнин когда-то была обитаемой, но самый значительный город располагался здесь, в центре. И теперь остатки ее народа сделали своим домом руины мертвого города.

Они называли его Нарак – «изгнание», – ибо пришли сюда для того, чтобы отделиться от своих богов.

Слушатели, муже- и женоподобные, приветственно подымали руки, когда Эшонай проходила мимо. Их осталось так мало. Люди были безжалостны в своем стремлении к возмездью.

Она их не винила.

Эшонай повернула к Залу искусств. Он был поблизости, а воительница не появлялась там уже много дней. Внутри солдаты занимались нелепым делом – рисованием.

Она шла среди них, по-прежнему одетая в осколочный доспех и со шлемом под мышкой. У длинного здания не было крыши – так внутрь поступало достаточно света, чтобы рисовать, – а стены покрывал толстый слой давно затвердевшего крема. Сжимая в пальцах кисти с толстой щетиной, солдаты изо всех сил пытались изобразить цветущую камнепочку, что располагалась на пьедестале в центре. Эшонай обошла художников, разглядывая их работы. Бумага была драгоценной, а холстов вовсе не осталось, так что они рисовали на панцирях.

Рисунки были ужасны. Кричаще яркие мазки, аляповатые лепестки... Эшоной задержалась возле Вараниса, одного из своих лейтенантов. Громила стоял перед мольбертом, деликатно удерживая кисть бронированными пальцами. Пластины хитиновой брони росли из его рук, плеч, груди и даже головы. Под осколочным доспехом у нее были такие же.

– У тебя получается все лучше, – сказала ему Эшоной в ритме восхваления.

Он посмотрел на нее и негромко прогудел в ритме скепсиса.

Эшоной рассмеялась, положила руку ему на плечо:

– Цветы и впрямь вышли похожими на самих себя. Я серьезно.

– Они похожи на грязную лужу на коричневом плато, – сказал он. – Может, в луже плавают несколько коричневых листьев. Почему цвета делаются коричневыми, когда смешиваются? Если взять три красивых цвета и соединить, они станут самым некрасивым цветом. Генерал, в этом нет никакого смысла.

Генерал. Время от времени она испытывала на своем посту такую же неловкость, как и те, кто пытался рисовать картины. Эшоной была в боеформе, поскольку ей требовалась броня для битвы, но предпочитала трудовую форму. Та была гибче, проще. Не то чтобы ей не нравилось командовать этими слушателями, но каждый день повторялось одно и то же – тренировки, вылазки на плато, – и ее разум от этого словно цепенел. Она хотела видеть новые вещи, новые места. А вместо этого принимала участие в затянувшейся погребальной церемонии, хороня соплеменников, которые умирали один за другим.

«Нет. Мы разыщем выход».

Она надеялась, что искусство поможет. По ее приказу все мужчины и женщины по очереди в назначенный час занимали места в Зале искусств. И они старались, отчаянно старались. Пока что успехи были такие же, как при попытке перепрыгнуть расщелину, другого края которой не видно.

– Спренов нет? – спросила она.

– Ни единого. – Он проговорил это в ритме скорби. В последнее время Эшоной слышала этот ритм слишком часто.

– Продолжайте. Мы не проиграем эту битву из-за недостатка усердия.

– Но, генерал, – взмолился Варанис, – зачем все это?! Если среди нас появятся художники, человеческих мечей это не остановит.

Стоявшие поблизости солдаты повернулись в ожидании ее ответа.

– Художники нам не помогут, – пояснила Эшоной в ритме умиротворения. – Но моя сестра уверена, что вот-вот откроет новые формы. Если мы пойдем, как создавать художников, то она сможет больше узнать о том, как происходит изменение, – и это станет подспорьем для ее изысканий. Позволит ей открыть что-то сильнее боеформы. Художники не выведут нас отсюда, но у какой-нибудь другой формы это может получиться.

Варанис кивнул. Он был хорошим солдатом. Не все были такими – боеформа, по сути, не делала слушателя более дисциплинированным. И к несчастью, подавляла творческие способности.

Эшоной пыталась рисовать. Она не могла мыслить правильно, отвлеченно, как того требовало искусство. Боеформа была хорошей, разносторонней формой. Не мешала думать, как бракоформа. Как и в трудовой форме, в боеформе слушатель оставался самим собой. Но у каждой из них были особенности. Трудяга едва ли смог бы прибегнуть к насилию – некий заслон в сознании мешал этому. Такова была одна из причин, по которым трудовая форма нравилась Эшоной. Она вынуждала решать проблемы нестандартно.

И ни одна из форм не позволяла творить. По крайней мере, развивать хорошее искусство. Бракоформа лучше остальных, но у нее имелась уйма недостатков. Заставить таких слушателей сосредоточиться на процессе творения было почти невозможно. Были еще две формы, хотя

первую – тупоформу – использовали редко. Она была пережитком прошлого и применялась до того, как они открыли кое-что получше.

Оставалась лишь шустроформа – общая форма, гибкая и осмотрительная. Они использовали ее для воспитания малышей и той работы, где требовалось больше проворства, чем силы мышц. Лишь немногим разрешили принять такую форму, хотя для искусства она подходила наилучшим образом.

В старых песнях говорилось о сотнях форм. Теперь они знали только пять. Ну, шесть, если считать рабоформу – ту, у которой не было ни спренов, ни души, ни песен. К этой форме и привыкли люди, они называли ее «паршун». На самом-то деле она была не формой, а полным ее отсутствием.

Эшонай покинула Зал искусств, держа шлем под мышкой, и нога у нее болела. Она прошла через площадь водосбора, где шустрики вылепили из крема большой бассейн. Во время охвостья бури в нем собиралось много питательной дождевой воды. Отсюда трудяги разносили ее в ведрах. Их формы были сильны, почти как боеформы, но с более тонкими пальцами и без брони. Многие ей кивали, хотя она была генералом и не обладала властью над ними. Эшонай была их последним осколочником.

Трое в бракоформе – две женщины, один мужчина – весело плескались. Едва одетые, они играли в воде, которую другим предстояло пить.

– Вы трое! – рявкнула Эшонай. – Отчего не займетесь делом?

Пухлые и пустоголовые, они уставились на нее с ухмылками.

– Иди к нам! – позвал один. – Тут здорово!

– Вон отсюда! – рявкнула она, махнув рукой.

Троица забормотала в ритме раздражения, выбираясь из бассейна. Несколько рабочих поблизости покачали головами, когда те прошли мимо; один запел в ритме восхваления, благодаря Эшонай. Трудяги не любили ссориться.

Отговорка. Такая же, какие приводили те, кто принял бракоформу, чтобы оправдать свои бестолковые занятия. Будучи трудягой, Эшонай приучила себя вступать при необходимости в споры. Она даже была один раз брачницей и доказала самой себе, что от нее есть толк и в такой форме, несмотря на... желание развлечься.

Конечно, остальной ее опыт в качестве брачницы был полной катастрофой.

Она говорила с брачниками в ритме порицания и с такой страстью, что даже привлекла спренов гнева. Эшонай предположила, что спрены явились издалека, примчались с невероятной скоростью, притянутые ее эмоциями – точно молнии, стрельнувшие от далеких скал. У ее ног молнии собрались, и камень сделался красным.

От этого на брачников снизошел божественный ужас, и они бросились со всех ног в Зал искусства. Оставалось надеяться, что в итоге они не окажутся в какой-нибудь укромной нише, совокупляясь. От одной лишь мысли об этом у нее внутри все скрутилось. Она никогда не могла понять соплеменников, которые оставались брачниками. Большинство пар, желая завести ребенка, входили в бракоформу, отделялись от всех на год – и, как только рождался ребенок, меняли форму на что-то другое. Ну кто, в конце концов, мог захотеть разгуливать перед всеми в таком виде?

Человеки так и делали. Это сбивало Эшонай с толку в те давно минувшие дни, когда она проводила время, изучая их язык, торгуя с ними. Люди не просто не меняли формы, они были всегда готовы спариваться, и их вечно отвлекали сексуальные потребности.

Она что угодно отдала бы за возможность побыть среди них незамеченной, на год принять их одноцветную кожу и бродить по их широким дорогам, глядеть на их великие города. Но Эшонай и остальные приказали убить короля аleti в отчаянной попытке предотвратить возвращение слушательских богов.

Что ж, у них получилось – король алетии не смог воплотить свой план в жизнь. Но в результате ее народ теперь медленно погибал.

Эшоной наконец-то достигла места, которое звала своим домом, – маленького обвалившегося купола. Вообще-то, он напоминал ей те, что располагались на краю Расколотых равнин – громадные, которые люди называли «военными лагерями». Ее народ тоже жил там, но им пришлось отправиться вглубь равнин, где было относительно безопасно, потому что люди не могли прыгать через ущелья.

Ее жилище, конечно, было намного, намного меньше. Когда они только поселились здесь, Венли соорудила крышу из брони большепанцирника и построила стены, чтобы разделить пространство на комнаты. Она покрыла все кремом, который затвердел со временем, и получилось что-то похожее на дом, а не на лачугу.

Эшоной положила шлем на стол у входа, но остальной доспех не сняла. Ей нравилось ощущать его на себе, нравилась сила, которую он даровал. В этом мире еще оставалось что-то надежное. И потом, благодаря мощи осколочного доспеха она могла почти не обращать внимания на раненую ногу.

Генерал прошла, пригнувшись, через несколько комнат, кивая людям, которые встречались по пути. Помощники Венли были учеными, хотя никто не знал, какой должна быть форма, подходящая для научных изысканий. Шустроформа служила временной заменой. Эшоной нашла сестру у окна в дальней комнате. Демид, бывший брачник Венли, сидел рядом с ней. Венли три года держалась шустроформы – столько лет они про эту форму знали, – но в памяти Эшоной сестра всегда оставалась трудягой с толстыми руками и крепким торсом.

Это в прошлом. Теперь Венли была стройной женщиной с узким лицом, покрытым изящными спиралевидными узорами из красного и белого цветов. В шустроформе у слушателей отрасли длинные волосы, которым не мешал шлем-панцирь. Темно-красная шевелюра Венли опускалась до талии, где была перевязана в трех местах. Она носила платье с тугим поясом, облегающее грудь – небольшую, поскольку сестра была не в бракоформе.

Венли и ее бывший брачник были близки, хотя в бракоформе так и не завели детей. На поле сражения они стали бы боевой парой. Взамен же сделались научной парой... или чем-то вроде этого. То, чем они занимались дни напролет, противоречило природе слушателей. В том-то и дело. Народ Эшоной не мог себе позволить быть таким же, как в прошлом. Прошли те дни, когда они предавались безделью на этих уединенных плато, пели друг другу песни и лишь время от времени сражались.

– Ну что? – спросила Венли в ритме любопытства.

– Мы победили. – Эшоной прислонилась к стене и сложила руки на груди. Пластины доспеха звякнули. – Светсердце наше. У нас будет еда.

– Это хорошо, – сказала Венли. – А твой человек?

– Далинар Холин. Он не пришел на эту битву.

– Он не выйдет против тебя опять. Ты едва не убила его в прошлый раз. – Венли проговорила это в ритме забавы.

Сестра встала, выбрала лист бумаги – они делали ее из высушенной мякоти камнепочек, оставшейся после сбора урожая, – и вручила его партнеру. Проглядев написанное, он кивнул и начал делать заметки на собственном листе.

Изготовление бумаги отнимало много драгоценного времени и сил, но Венли настаивала, что они будут вознаграждены. Лучше бы она оказалась права.

Сестра внимательно посмотрела на Эшоной. Проницательный взгляд блестящих, темных, как у всех слушателей, глаз. Казалось, что взгляд Венли прячет какие-то секреты, неизвестные другим. В правильном свете ее глаза обретали фиолетовый оттенок.

– Сестра, что бы ты сделала, если бы вы с этим Холином смогли по-настоящему сдержаться и не убивать друг друга достаточно долго для разговора?

– Попросила бы о мире.

– Его брат умер из-за нас, – сказала Венли. – Мы зверски убили короля Гавилара в ночь, когда он пригласил нас в свой дом. Такое алету не забудут и не простят.

Эшонай опустила руки, и ее рука в латной перчатке сжалась в кулак. Та ночь. Отчаянный план, который она придумала вместе с пятью другими. Эшонай была частью этого, несмотря на молодость, поскольку хорошо знала людей. Решение приняли единогласно.

Убить человека. Убить его, рискуя существованием. Потому что, если бы он выжил и сделал то, о чем рассказал им той ночью, все было бы потеряно. Те, кто был той ночью с ней, теперь мертвы.

– Я открыла секрет буререформы, – сообщила Венли.

– Что?! – встрепелась Эшонай. – Ты же должна была искать форму, которая поможет нам! Форму для дипломатов или для ученых.

– Они нас не спасут, – возразила Венли в ритме веселья. – Если мы хотим разобраться с людьми, нам понадобятся древние силы.

– Венли... – Эшонай схватила сестру за руку. – Наши боги!

Сестра не дрогнула.

– У людей есть заклинатели потоков.

– Может быть, и нет. Может, это был клинок чести.

– Ты сражалась с ним. Разве это клинок чести ударил тебя, пронзил твою ногу так, что ты теперь хромаешь?

– Я... – Ее нога болела.

– Мы не знаем, какие из песен правильные, – сказала Венли в ритме решимости, но слова прозвучали устало, и она привлекла спренов изнеможения. Они явились с таким звуком, словно ветер подул сквозь открытые окна и двери, и были похожи на струи полупрозрачного дыма, которые стали плотнее и заметнее, а потом принялись кружиться вокруг ее головы.

«Бедная моя сестра. Не жалеет себя, как любой солдат».

– Если заклинатели потоков вернулись, – продолжила Венли, – нам требуется что-то важное, способное обеспечить нашу свободу. Эшонай, нужны мощные формы... – Она бросила взгляд на руку сестры, которая все еще сжимала ее собственную. – Ты хоть сядь и послушай, а то возвышаешься надо мною, точно гора.

Эшонай убрала пальцы, но не села. Вес ее осколочного доспеха сломал бы стул. Она наклонилась, изучая разбросанные на столе бумаги.

Способ записи Венли изобрела сама. Этому они научились у людей – запоминание песен было хорошим способом, но не совершенным, хоть ритмы и могли направить любого. Сохранять сведения на бумаге было удобнее, особенно для изысканий.

Эшонай выучила алфавит, но читала все-таки с трудом. У нее было мало времени, чтобы совершенствоваться.

– Итак... буререформа?

– Достаточное количество слушателей в этой форме, – объяснила Венли, – смогут управлять Великой бурей или даже призвать ее.

– Я помню песню, в которой говорится об этой форме. Такие дела вершили боги.

– Большинство форм так или иначе с ними связаны, – заметила Венли. – Можем ли мы и впрямь верить в правильность слов, что были спеты впервые так давно? Когда эти песни запоминали, наш народ был большей частью в тупоформе.

Эта форма не могла похвастать ни умом, ни способностями. Они теперь использовали ее, чтобы шпионить за людьми. Когда-то ее народ знал лишь ее и бракоформу.

Демид прошуршал бумагами, перемещая стопку.

– Венли права. Мы должны пойти на риск.

– Мы могли бы переговорить с алету, – упорствовала Эшонай.

– И к чему это приведет? – спросила Венли, снова в ритме скепсиса, и спрены изнеможения наконец-то исчезли – унеслись прочь в поисках более свежих источников эмоций. – Эшонай, ты только о переговорах и твердишь. Думаю, это потому, что люди тебя очаровали. Ты думаешь, они позволят тебе свободно разгуливать среди них? Тебе, в ком они видят взбунтовавшуюся рабыню?

– Много веков назад, – проговорил Демид, – мы сбежали и от наших богов, и от людей. Наши предки отказались от цивилизации, власти и мощи, чтобы сохранить свободу. Я бы не стал ее отдавать. Буреформа. С ней мы разгромим армию аleti.

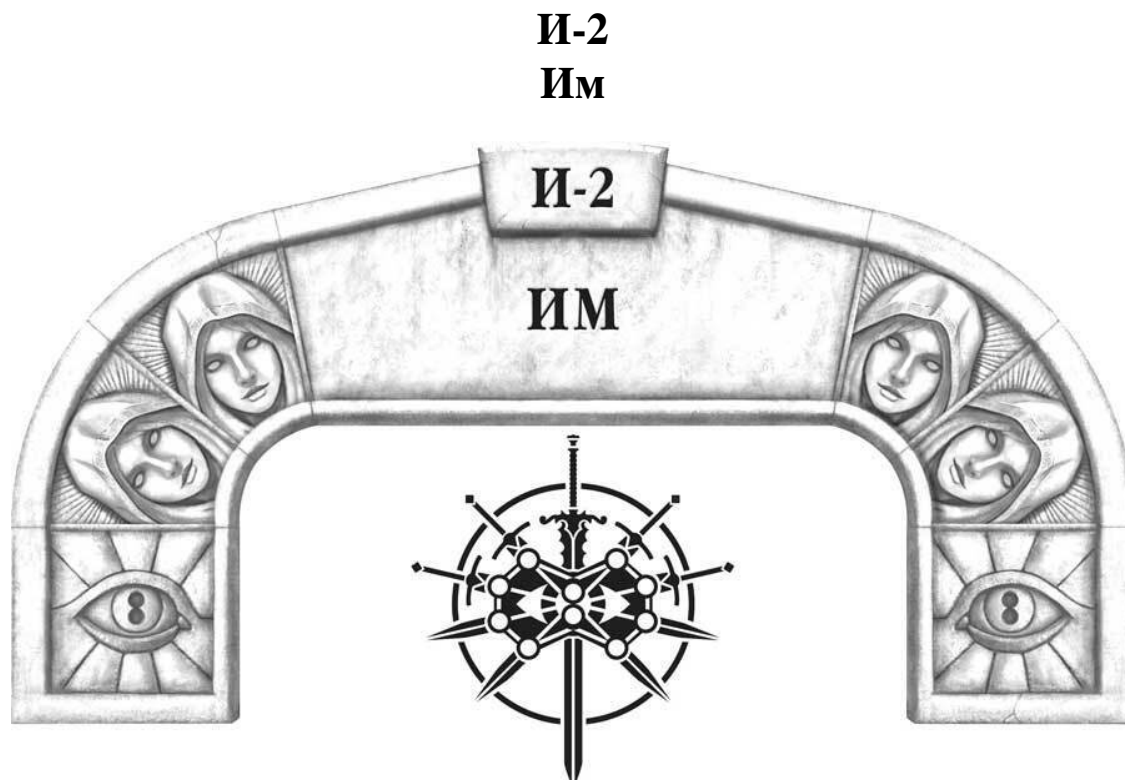
– После нашей победы, – добавила Венли, – ты вернешься к путешествиям. Никакой ответственности – будешь странствовать, рисовать свои карты и открывать места, которые еще никто не видел.

– То, что я желаю для себя, бессмысленно, – произнесла Эшонай в ритме упрека, – до тех пор, пока всем нам грозит уничтожение. – Она просмотрела знаки на странице – записанные песни. Песни без музыки, отображенные как есть. Их обнаженные души.

Неужели спасение слушателей и впрямь заключается в чем-то столь ужасном? Венли и ее подручные потратили пять лет, чтобы записать все песни, расспросить старейшин о всех деталях и запечатлеть их на этих страницах. Посредством сотрудничества, изысканий и глубоких размышлений они открыли шустроформу.

– Это единственный путь, – сказала Венли в ритме умиротворения. – Мы покажем это Пятерке. Ты должна нас поддержать.

– Я... я подумаю над этим.

Им аккуратно обстругал боковину маленькой деревяшки, потом поднес ее к сферному фонарю возле верстака, другой рукой сжав очки и держа их поближе к глазам.

До чего восхитительное изобретение эти очки. Жить – означало быть фрагментом космера, который познает самого себя. Как можно предаваться познанию, если не видишь как следует? Азирец, создатель этой штуки, давно умер, и Им выдвинул предложение признать его одним из Почтенных мертвецов.

Он опустил деревяшку и продолжил ее обстругивать, аккуратно срезая переднюю часть, чтобы получился изгиб. Некоторые его соратники по ремеслу покупали деревянные колодки, нужные башмачнику для изготовления обуви, у плотников, но Има научили делать их самостоятельно. Так работали раньше, на протяжении веков. Он рассуждал следующим образом: если что-то делали столь долгое время, тому должна быть веская причина.

Позади него располагалась уютная мастерская башмачника, где мыски десятков ботинок выглядывали из теней, словно носы угрей из норок. Это были примерочные башмаки, нужные для того, чтобы подобрать размер, материалы и определить стиль, а уже потом он мог соорудить безупречные ботинки, подходящие ногам и характеру заказчика. Примерка занимала довольно много времени, если ее проводили как положено.

Справа что-то шевельнулось среди теней. Им покосился в том направлении, не меняя позы. Спрен в последнее время являлся чаще – рой световых пятен вроде тех, что порождала хрустальная подвеска, на которую упал солнечный луч. Им не знал, к какому виду относится этот спрен, потому что раньше не видел подобных.

Спрен двигался по поверхности верстака, подбираясь ближе. Когда он остановился, окружавший его свет продолжил движение – словно маленькие растения выпустили побеги. Когда спрен снова начал двигаться, они ретировались.

Им опять принялся за резьбу.

– Это нужно для того, чтобы сделать башмак.

В вечерней мастерской было тихо, если не считать царапание его ножа по дереву.

– Баш-шмак?.. – спросил голос, нежный и певучий, почти девичий.

– Да, друг мой. Башмак для малыша. В последнее время мне приходится их делать все чаще и чаще.

– Башмак, – повторил спрен. – Для малыш-ша. Маленького человека.

Им смел стружки с верстака на пол, чтобы прибраться позже, а потом положил колодку на верстак рядом со спреном. Тот отпрянул, как полупрозрачный мерцающий блик на поверхности зеркала.

Им убрал руку и стал ждать. Спрен пополз вперед – несмело, точно кремлец, выглянувший из своей щели после бури. Остановился и отрастил несколько маленьких побегов из света. До чего странное зрелище.

– Ты представляешь собой весьма интересное явление, друг мой, – сказал Им, когда блик переполз на саму колодку. – И для меня большая честь в нем участвовать.

– Я... – начал спрен. – Я... – Внезапно он вздрогнул всем телом и стал ярче, как сфокусированный свет. – Он идет!

Им в тревоге поднялся. На улице что-то двигалось. Тот самый человек в мундире, что следил за ним?

Но нет, это оказался просто ребенок, который заглядывал в открытую дверь. Им улыбнулся, отпер ящик со сферами, и в комнате стало светлее. Ребенок отпрянул, в точности как спрен до него.

Сам спрен исчез. Он всегда так делал, стоило появиться чужакам.

– Не надо бояться, – сказал Им, снова усаживаясь на табурет. – Входи. Дай-ка я на тебя посмотрю.

Грязный мальчишка-беспризорник заглянул через порог. На нем были только рваные штаны, никакой рубахи, хотя здесь, в Ири, где дни и ночи, как правило, теплые, такое в порядке вещей.

Ноги у бедняги были грязные и поцарапанные.

– Ну нет, – возмутился Им. – Так не пойдет. Иди сюда, малыш, присядь. Давай что-то примерим на твои ноги. – Он подвинул один из табуретов поменьше.

– Болтают, ты ничегошеньки не берешь за работу, – сказал мальчик, не шелохнувшись.

– Тот, кто это говорит, весьма ошибается. Но думаю, моя цена тебя устроит.

– Сфер нету.

– Они и не нужны. Оплатой будет твоя история. Твой жизненный опыт. Я хотел бы о нем послушать.

– Говорят, ты чудной. – Мальчик наконец-то вошел в лавку.

– А вот это правда. – Им похлопал по табурету.

Беспризорник робко подошел к нему, тщетно стараясь не хромать при ходьбе. Он был ириали; толстый слой грязи покрывал его кожу и волосы, но на самом деле и то и другое было золотым. Кожа в меньшей степени – чтобы ее рассмотреть, требовался свет, – но с волосами не было никаких сомнений. Такая была у его народа особенность.

Им жестом велел мальчишке поднять здоровую ногу, потом достал полотенце, намочил и вытер грязь. Он не собирался делать примерку на такой грязной ноге. Было заметно, как оборванец прячет больную ногу, словно и впрямь можно было как-то скрыть, что она обвязана какой-то тряпкой.

– Итак, – сказал Им, – твоя история?

– Ты старый, – пробормотал беспризорник. – Старше всех, кого я знаю. Старый, как дедушка. Ты должен уже все знать. Зачем тебе моя история?

– Это одна из моих причуд. Ну давай выкладывай ее.

Мальчик сердито фыркнул, но начал рассказ. Тот оказался коротким. Ничего удивительного. Он хотел придержать свою историю для себя. Не спеша, задавая осторожные вопросы, Им вызволил историю на свободу. Мальчик был сыном шлюхи, и его вышвырнули на улицу,

как только тот смог заботиться о себе сам. Это случилось, как он думал, три года назад. Сейчас ему было лет восемь.

Слушая, Им вымыл ногу беспризорника, потом подрезал и подпилит ногти. Закончив, он жестом велел дать другую ногу.

Мальчик неохотно поднял ее. Им развязал тряпку и обнаружил неприятного вида рану на стопе. Она была уже заражена – вокруг ползали спрены гниения, мельчайшие красные пылинки.

Им поколебался.

– Мне башмаки ой как нужны, – тихонько сказал беспризорник, не глядя на него. – Без них хоть помирай.

Рана была рваная. «Через забор, наверное, перелезал?» – подумал Им.

Мальчик посмотрел на него с деланным безразличием. Такая рана, вне всяких сомнений, ужасно замедлила беспризорника, что с легкостью может привести к смерти. Им это очень хорошо знал.

Он посмотрел на мальчика, заметив тень тревоги в юных глазах. Инфекция уже распространялась вверх по ноге.

– Друг мой, – прошептал Им, – кажется, мне понадобится твоя помощь.

– Что? – спросил беспризорник.

– Ничего, – ответил Им и потянулся к ящику стола.

Свет, изливавшийся оттуда, давали всего-то пять бриллиантовых светосколков. Каждый уличный мальчишка, что приходил к нему, видел только их. Пока что Има обворовывали лишь дважды.

Он запустил руку подальше, открыл тайное отделение в ящике и достал оттуда более мощную сферу – броум, – быстро прикрыл ее свет ладонью, в то время как другая его рука искала антисептик.

Теперь, когда мальчик не мог опираться на ногу при ходьбе, одного лекарства не хватило бы. Нежиться в постели неделями, постоянно применяя дорогостоящие снадобья? Невозможно для беспризорника, который каждый день сражается ради пропитания.

Им вытащил из ящика руки, пряча в одной сфере. Бедный ребенок. Наверное, боль просто ужасная. Ему и впрямь полагалось лежать в постели, но каждый уличный мальчишка знал, что можно пожевать гребнекорник и тогда останешься внимательным и бодрым дольше.

Поблизости из-под стопки кожаных квадратов выглянул блестящий спрен. Им смазал ногу лекарством, потом отложил его и, обхватив ладонью ступню мальчика, тихонько запел, не открывая рта.

Сияние в его другой руке исчезло.

Спрены гниения покинули рану.

Когда Им убрал руку, порез зарубцевался, кожа сделалась обычного цвета и все признаки инфекции исчезли. До сих пор Им использовал свой дар лишь несколько раз, прикрываясь обычными лекарствами. Ему ни разу не доводилось слышать о чем-то похожем. Возможно, потому он и получил этот дар, чтобы космер смог испытать что-то новое.

– Ого, – воскликнул мальчик, – так гораздо лучше!

– Я рад. – Им вернул сферу и лекарство в ящик стола. Спрен спрятался. – Давай посмотрим, найдется ли у меня подходящая обувь.

Началась примерка. Обычно после нее Им отсылал клиента и принимался за работу над безупречными башмаками для заказчика. К несчастью, этому ребенку придется сделать и вручить башмаки сразу. Слишком часто беспризорники не возвращались к Иму за обувью, и ему оставалось лишь теряться в догадках. Что-то случилось? Или они просто забыли? Или же природная подозрительность взяла верх?

Хорошо, что у него было в запасе несколько готовых крепких пар, которые должны подойти этому мальчику. «Надо заказать больше обработанной свиной кожи», – подумал он, давая себе наказ. Дети не будут надлежащим образом ухаживать за башмаками. Ему нужна кожа, которая не испортится со временем, даже если за ней не присматривать.

– Ты и впрямь дашь мне пару башмаков? – изумился беспризорник. – Просто так?!

– Я обменяю их на твою историю, – напомнил Им, примеряя еще один башмак на ногу мальчишки. Он уже не пытался приучить беспризорников носить носки.

– Почему?

– Потому что, ты и я – одно.

– Одно что?

– Одно существо, – пояснил Им, откладывая башмак и беря другой. – Давным-давно жило только Одно. Одно знало все, но ничего не испытывало. И потому Одно стало многими – нами, людьми. Одно, которое одновременно мужского и женского пола, поступило так, чтобы испытать все возможное.

– Одно существо... Ты говоришь о боге?

– Можно сказать и так, – согласился Им. – Но это не совсем правильно. Я не признаю никакого бога, и ты не должен признавать. Мы ириали, мы часть Долгого пути, на котором эта земля – Четвертая.

– Ты говоришь как священник.

– Священников тоже признавать не следует. Они из других краев и пришли к нам, чтобы проповедовать. Но ириали не нужны проповеди, только опыт. А каждый опыт – особенный, и он несет с собой завершенность. В конце концов, достигнув Седьмой земли, мы соберем все заново – и снова превратимся в Одно.

– Так мы с тобой, – уточнил беспризорник, – одинаковые?

– Да. Два разума единого существа, которое проживает разные жизни.

– Глупость.

– Это лишь вопрос точки зрения. – Им посыпал ноги мальчишки тальком и надел очередную пару примерочных башмаков. – Пожалуйста, походи в них немного.

Мальчик бросил на него странный взгляд, но послушался и сделал несколько шагов. Он больше не хромал.

– Точка зрения, – сказал Им, подняв руку и шевельнув пальцами. – С очень близкого расстояния пальцы на руке могут показаться отдельными и одинокими. В самом деле, большой палец вполне мог бы считать, что у него мало общего с мизинцем. Но с нужной точки зрения понимаешь, что пальцы – часть чего-то куда большего. И они действительно Одно.

Беспризорник нахмурился. Наверное, кое-что из сказанного было выше его понимания.

«Мне надо говорить проще...»

– Почему ты палец с дорогим перстнем, – произнес мальчик, шагнув прочь от Има, – а вот я мизинец со сломанным ногтем?

Башмачник улыбнулся:

– Знаю, это звучит несправедливо, но несправедливости не существует, потому что в конечном счете мы все одинаковые. Кроме того, я не всегда владел этой лавкой.

– Правда?

– Правда. Думаю, ты удивился бы, узнав, откуда я пришел. Пожалуйста, сядь обратно.

Мальчик послушался.

– Это лекарство очень сильное. Очень-очень сильное.

Им снял с него башмаки и, разглядывая тальк, который местами стерся, оценил, насколько хорошо они сели. Разыскал готовую пару и немного поработал над ней, сгибая и разгибая башмаки в руках. Надо бы сделать подушечку для раненой ступни, но такую, чтобы можно было оторвать через несколько недель, когда рана заживет окончательно...

– То, о чем ты говоришь, – нарушил молчание мальчик, – кажется мне глупым. Ну, если мы все на самом деле один и тот же человек, мы ведь должны об этом знать?

– Когда мы были Одно, мы знали правду. Но будучи множеством, мы нуждаемся в невежестве. Мы такие разные, потому что должны познать все образы мыслей. Это значит, что кто-то из нас должен знать, а кто-то – нет, так же как кто-то должен быть богатым, а кто-то – бедным. – Он еще немного размял ботинок. – Когда-то большинство людей и впрямь все знало. Теперь об этом говорят куда реже, чем следовало бы. Давай-ка посмотрим, подойдет ли тебе эта пара.

Он вручил мальчику башмаки; тот надел их и завязал шнурки.

– Может, у тебя неприятная жизнь... – начал Им.

– Неприятная?

– Ну ладно. Просто ужасная. Но все станет лучше, малыш. Я обещаю.

– Я думал, – сказал мальчик, топая здоровой ногой, чтобы проверить башмаки, – ты сейчас начнешь мне триндеть о том, что жизнь ужасная, но в конечном счете это не имеет значения, потому что все мы окажемся в одном и том же месте.

– Правда, но сейчас от этого не слишком-то легче, верно?

– Ага.

Им снова повернулся к своему рабочему столу.

– Постарайся не очень наступать на раненую ногу, если сможешь.

Беспризорник направился к двери с внезапной поспешностью, словно намереваясь скрыться из вида до того, как Им передумает и заберет у него башмаки. Но все-таки у порога задержался и сказал:

– Если мы все Одно существо, которое пытается прожить разные жизни, тебе не надо раздавать башмаки. Потому что это ведь не имеет значения.

– Ты ведь сам себя по лицу не ударишь, верно? Сделав твою жизнь лучше, я делаю собственную жизнь лучше.

– Чувь какая-то. Как по мне, ты просто хороший человек.

И, не сказав больше ни слова, мальчик исчез за дверью.

Им улыбнулся, качая головой. В конце концов он вернулся к работе над колодкой. Спрен опять выглянул наружу.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Им.

Мастер не знал, почему может делать то, что делает, но понимал, что к этому причастен спрен.

– Он все еще здесь, – встревоженно прошептал спрен.

Им посмотрел на дверной проем, за которым простиралась ночная улица. Так беспризорник не ушел?

Позади Има что-то зашуршало.

Обувщик вздрогнул и повернулся. Мастерская состояла из темных углов и закутков. Может, он услышал крысу?

Почему дверь в заднюю комнату, где Им спал, открыта? Он обычно ее закрывал.

Там, во тьме, шевельнулась тень.

– Если ты пришел за сферами, – сказал Им, дрожа, – у меня только эти пять светосколков.

Опять что-то зашуршало. Тень отделилась от тьмы и превратилась в мужчину с темной кожей макабаки, не считая бледного полумесяца на щеке. Он был в черной с серебром военной форме, но Им не знал, в какой армии такие носят. На руках у него были плотные перчатки с жесткими раструбами.

– Мне пришлось проявить усердие в поисках, – проговорил незнакомец, – чтобы обнаружить твою неосторожность.

– Я... – Им запнулся. – Только... пять светосколков...

– Ты праведник, который в юности был кутилой, – продолжил тот ровным голосом. – Человеком со средствами, который пропил и растранижил все, что ему оставили родители. Это не противозаконно. А вот убийство – совсем другое дело.

Им рухнул на свой табурет.

– Я не знал. Я не знал, что это ее убьет!

– Ты дал ей яд, – напомнил мужчина, входя в комнату, – в бутылке с вином.

– Мне сказали – год урожая сам по себе был знаком! – воскликнул Им. – Что она поймет, от кого это послание, и вспомнит, что должна платить! Мне так нужны были деньги. Я голодал, понимаешь. Обитатели улиц жестоки...

– Ты был соучастником убийства, – прервал его незнакомец, туже натягивая перчатки – сначала одну, потом другую. Его тон был удивительно спокойным, словно они вели беседу о погоде.

– Я не знал... – взмолился Им.

– Тем не менее ты виновен. – Мужчина отвел руку в сторону, и вокруг нее возникло облако тумана, превратившееся в оружие, упавшее в подставленную ладонь.

Осколочный клинок? Что же это за блюститель закона? Им уставился на удивительное серебристое лезвие.

А потом побежал.

Похоже, он еще не растерял полезных привычек, приобретенных во время жизни на улицах. Он сумел швырнуть в незнакомца стопку кож и ушел из-под удара клинком, потом выбрался на темную улицу и бросился бежать, крича. Может, кто-то услышит. Может, кто-то придет на помощь.

Никто не услышал.

Никто не пришел.

Им теперь был стариком. Достигнув первого перекрестка, он уже задыхался. Остановился возле старой цирюльни: внутри темно, дверь заперта. Маленький спрен неотступно следовал за ним, окруженный мерцающим кругом света. Красиво.

– Кажется, – выговорил Им, еле дыша, – настал... мой час. Пусть Одно... найдет это воспоминание... приятным.

На улице позади раздались шаги. Они приближались.

– Нет, – прошептал спрен. – Свет!

Им сунул руку в карман и вытащил сферу. Может, он с ее помощью...

Ударом плеча блюститель закона отбросил Има к стене цирюльни. Он застонал и выронил сферу.

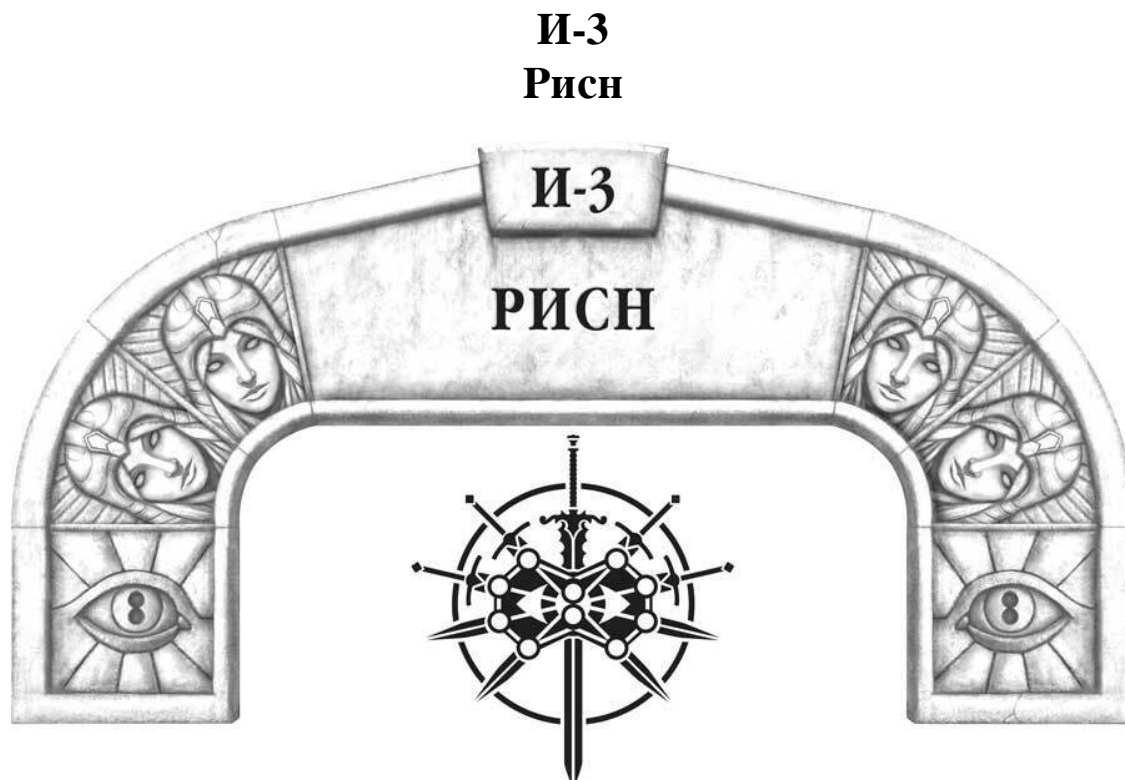
Человек в черной с серебром одежде схватил его и встряхнул. Он был тенью в ночи, силуэтом на фоне черного неба.

– Это было сорок лет назад, – прошептал Им.

– У правосудия нет срока давности.

Блюститель закона вонзил осколочный клинок в грудь Има.

Познание завершилось.

Рисн предпочитала притворяться, что шинская трава в ее горшке не тупая, а просто задумчивая. Тайленка сидела на носу катамарана, держа горшок на коленях. Спокойную гладь Решийского моря нарушали только движения весла в руках проводника, что сидел позади нее. В теплом и влажном воздухе на лбу и шее Рисн выступили капли пота.

Наверно, все шло к дождю. Дожди здесь, на море, были хуже не придумаешь – не могучие и внушительные, как Великие бури, и даже не настойчивые, как обычные ливни. Здесь просто все накрывала смутная дымка – уже не туман, еще не морось. В самый раз, чтобы испортить макияж, одежду и все то, над чем аккуратная девушка трудится, желая в лучшем виде предстать перед своим торговым партнером.

Рисн подвинула горшок на коленях. Она назвала траву Тивнк, «Угрюмец». Бабск рассмеялся, услышав это имя. Он понял. Назвав траву таким образом, ученица признала его правоту и свою ошибку; его торговля с шинцами в прошлом году принесла невероятную прибыль.

Рисн решила не сердиться из-за своей оплошности. Пусть вместо нее сердится растение.

Они путешествовали по этим водам вот уже два дня, и это после того, как пришлось несколько недель ждать в порту промежутка между Великими бурями, подходящего для путешествия по внутреннему морю. Сегодня оно было потрясающе спокойным. Почти таким же безмятежным, как Чистозеро.

Сам Встим ехал через две лодки от нее в их нестройной флотилии. Шестнадцать гладких катамаранов с новыми гребцами-паршунами были нагружены товарами, купленными на доходы от их последней экспедиции. Встим все еще отдыхал в задней части своей лодки. Он выглядел точно еще один тюк с тканью, и отличить его от мешков с товаром было почти невозможно.

С ним все будет хорошо. Люди болеют. Всякое бывает, но он выздоровеет.

«А как быть с кровью на его носовом платке?»

Она прогнала эту мысль и демонстративно повернулась в другую сторону, переставив Тивнк на сгиб левой руки. Она содержала горшок в полном порядке. Эта «почва», в которой трава нуждалась, чтобы жить, была еще хуже крема и обладала склонностью портить одежду.

Гу, проводник флотилии, ехал в той же лодке, что и она. Он во многом походил на чистозерца – с длинными руками и ногами, обветренной кожей и темными волосами. Но все чистозерцы, которых она встречала, с трепетом относились к своим богам. Рисн сомневалась, что Гу мог так относиться к чему бы то ни было.

Включая и обещание вовремя доставить их на место.

– Ты сказал, что мы близко, – упрекнула она Гу.

– Да, так и есть, – ответил проводник, поднял весло и опять опустил в воду. – Теперь уже скоро. – Он говорил по-тайленски довольно хорошо, поэтому его и наняли. За пунктуальность его бы точно никто не нанял.

– Определи, что значит «скоро», – потребовала Рисн.

– Определить?..

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «скоро»?

– Скоро. Может, сегодня.

«Может». Прелестно.

Гу продолжил грести, и, хотя он это делал только с одной стороны, ему как-то удавалось удержать их от движения по кругу. На корме лодки Рисн глава их охранников, Килрм, игрался с ее зонтиком, открывая его и закрывая. Он, похоже, считал зонтик чудесным изобретением, хотя в Тайлене об этих штуках знали уже целую вечность.

«Вот и доказательство того, что работники Встима нечасто возвращаются в цивилизованные края». Еще одна бодрящая мысль. Что ж, она сделалась ученицей Встима из желания увидеть экзотические страны – и недостатка в экзотике у нее не было. Конечно, девушка ожидала, что экзотика будет благоустроенной. Будь в ее голове хоть чуточку ума – а в последнее время Рисн в этом сомневалась, – она бы поняла, что по-настоящему успешные торговцы не ездили туда же, куда желали попасть все остальные.

– Трудно, – сказал Гу, продолжая грести с видом сомнамбулы. – Нынче все узоры перепутались. Боги не ходят там, где всегда ходили. Мы все найдем. Да, мы найдем.

Рисн подавила вздох и повернулась вперед. Поскольку Встим вновь оказался недееспособным, руководство флотилией перешло к ней. Как бы ей хотелось знать, куда они направляются – или хотя бы как отыскать их пункт назначения.

В этом-то и была проблема с островами, которые двигались.

Лодки скользнули мимо скопления веток. Порожденные ветром волны нежно касались жестких ветвей, которые тянулись из воды, точно тела утопающих. Это море было глубже Чистозера с его непостижимо мелкими водами. В этих деревьях с каменной корой, должно быть, не один десяток футов высоты. Гу называл их «и-на», и это означало что-то плохое. Они могли разрезать корпус лодки.

Иногда флотилия проплывала мимо веток, которые прятались прямо под поверхностью прозрачной воды и были почти невидимы. Она не знала, каким образом Гу умудряется их обходить. В этом, как и во многом другом, оставалось лишь довериться ему. Что они сделают, если он заведет их в ловушку посреди этих тихих вод? Внезапно она порадовалась, что Встим велел охранникам следить за фабриалем, который предупреждал о появлении поблизости людей. Это...

Земля.

Рисн вскочила, и катамаран опасно закачался. Что-то точно было впереди – какая-то далекая темная линия.

– Ага, – сказал Гу. – Видишь? Скоро.

Рисн осталась стоять и, когда начался морозящий дождь, махнула рукой, чтобы ей дали зонтик от солнца. Тот едва помог, хотя был пропитан воском и мог служить в качестве обычного зонта. От возбуждения она лишь мельком подумала об этом и о том, с какой скоростью ее волосы все сильнее завиваются от сырости.

«Наконец-то!»

Остров оказался гораздо больше, чем Рисн ожидала. Девушка думала, он будет вроде очень большой лодки, а увидела громадную скалу, которая вздымалась над водой точно валун посреди поля. В отличие от других островов, что ей довелось увидеть, здесь не было ни одного пляжа, и, вообще, он оказался не плоским и низким, а гористым. Разве склоны и вершина не должны обсыпаться с течением времени?

– Он такой зеленый, – проговорила Рисн, когда они подплыли ближе.

– Тай-на́ – хорошее место для растений, – сказал Гу. – Хорошее место, чтобы жить. Если только нет войны.

– С другим островом, который подплывает слишком близко, – добавила Рисн.

Она читала об этом, пока готовилась, хотя не так уж много ученых сочли реше достаточно интересной темой для того, чтобы о них писать. В этом море имелись десятки, возможно, сотни движущихся островов. Люди на них вели простую жизнь, толкуя поведение островов в духе божественной воли.

– Не всегда. – Гу рассмеялся. – Иногда близко от Тай-на́ хорошо. Иногда плохо.

– От чего это зависит? – спросила Рисн.

– Ну конечно от самого Тай-на́.

– Остров решает, – ровным голосом сказала Рисн, подыгрывая ему. Дикари. На какую выгоду от торговли рассчитывал ее бабск, заявившись сюда? – Как может остров...

И тут земля впереди них пошевелилась.

Она-то думала, острова просто дрейфуют. Но на самом деле он весь пришел в движение: камни сдвинулись, склоны пошли волнами, громадная скала поднялась – движение казалось сонным, пока не удавалось осознать всю его величественность.

Рисн шлепнулась на свое место, вытаращив глаза. Скала – лапа! – поднялась, и потоки воды текли с нее водопадом. Передвинулась вперед и с немыслимой силой опустилась обратно в море.

Тай-на́, боги Решийских островов, оказались большепанцирниками!

Это чудище было самым громадным из всех, кого она видела или о ком слышала. Достаточно громадным, чтобы мифические твари вроде ущельных демонов из далекого Натанатана показались по сравнению с ним галькой!

– Почему меня никто не предупредил? – требовательно спросила она, глянув на двух других пассажиров лодки. Килрм уж точно должен был что-то сказать.

– Такое лучше видеть, – пояснил Гу, продолжая грести все в той же расслабленной манере.

Она даже не обиделась, заметив его ухмылку.

– И лишить тебя такого открытия? – усмехнулся Килрм. – Помню, как я впервые увидел остров в движении. Такое лучше не портить. Мы и новичкам в отряде никогда об этом заранее не рассказываем.

Рисн сдержала раздражение и перевела взгляд обратно на «остров». Будь прокляты все неточные описания из ее книг! Слишком много слухов, слишком мало жизненного опыта. Она с трудом могла поверить, что никто и ни разу не написал правды. Наверное, ей просто попались не те книги.

Морозящий дождь укутывал огромного зверя покрывалом тумана и тайны. Чем питалось такое большое существо? Замечало ли оно людей, что жили на его спине, думало ли о них? Келек... А как же эти чудища спаривались?

Оно точно было древним. Лодка вошла в его тень, и Рисн видела теперь зеленые заросли на каменной коже. Курганы из сланцекорника образовывали целые поля ослепительных цветов. Почти все было покрыто мхом. Лозы и камнепочки облюбовали стволы невысоких деревьев, которые сумели закрепиться в щелях между броневыми пластинами большепанцирника.

Гу повел караван вокруг лапы – к облегчению Рисн, по очень широкой дуге – и вышел к задней части монстра. Здесь панцирь опускался в воду, образуя что-то вроде платформы. Она услышала людей раньше, чем увидела: они плескались в воде, смеясь. Дождь перестал, так что Рисн опустила свой зонт и стряхнула его над водой. Она наконец-то заметила группу местных – это были юноши и девушки, которые взбирались на гребень панциря и оттуда прыгали в море.

Ничего удивительного. Вода в Решийском море, как и в Чистозере, оказалась потрясающе теплой. Рисн как-то осмелилась войти в воду неподалеку от родных мест. Это событие запомнилось ледящим холодом, с которым ни один человек в здравом уме связываться не станет. Как правило, к погружениям в океан имели некоторое отношение алкоголь и чрезмерная хвастливость.

Здесь купальщики обычное дело, как она и ожидала. А вот чего не ожидала, так это того, что они будут голыми.

Рисн покраснела до ушей, когда по выступу панциря, похожему на причал, пробежали несколько молодых людей, нагих как новорожденные младенцы. Юношам и девушкам явно все равно, кто их видит. Рисн была не какой-нибудь ханжой-алети, но... Келек! Неужели нельзя надеть хоть что-нибудь?!

Вокруг нее посыпались спрены стыда – белые и красные лепестки цветов, которые унес ветер. Позади хихикнул Гу.

Килрм поддержал его:

– Об этой вещи мы тоже новичков не предупреждаем.

«Дикари», – подумала Рисн.

Нельзя же так краснеть. Она ведь взрослая! Ну, почти.

Флотилия продолжила путь к той части панциря, где можно было причалить, – ею оказалась низкая пластина, висевшая большей частью над водой. Там они принялись ждать, хотя чего именно, Рисн не знала.

Через некоторое время пластина дернулась – с нее потекли потоки воды, – когда животное сделало еще один неторопливый шаг. От движения впереди поднялись волны, на которых лодки затанцевали. Когда все успокоилось, Гу подвел катамаран к причалу.

– Прошу, – сказал он.

– Разве мы не привяжем лодки к чему-нибудь? – спросила девушка.

– Нет. Небезопасно, когда он двигается. Мы отойдем.

– А ночью? Куда вы деваете лодки ночью?

– На ночь мы отходим подальше, связываем лодки. Спим там. Утром снова находим остров.

– А-а, – протянула Рисн.

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и проверила, надежно ли устроен ее горшок с травой на дне катамарана. Потом встала. Это добром не кончится для ее весьма дорогих туфель. У нее было предчувствие, что решит на это наплевать. Но нельзя же отправиться к их королю босиком. Во имя Стремлений! Хотя, судя по увиденному, она может встретиться с ним и полуголой.

Тайленка осторожно выбралась на «причал» и, к собственному удивлению, обнаружила, что тот, хоть и погружен примерно на дюйм в воду, совсем не скользкий. Килрм забрался туда вместе с ней. Девушка вручила ему сложенный зонт, шагнула назад и стала ждать, пока Гу отведет лодку прочь. Ее место занял другой катамаран – подлиннее, и лодочнику помогли гребцы-паршуны.

Ее бабск съезжился внутри, завернувшись в одеяло, несмотря на жару и опустив голову на корму. Его бледная кожа приобрела восковой оттенок.

– Бабск... – У Рисн сжалось сердце. – Надо было повернуть назад.

– Чушь, – слабым голосом ответил тот и улыбнулся. – Я бывал и в худших передрыгах. Торг должен состояться. Мы слишком много в это вложили.

– Я отправлюсь к королю и торговцам этого острова, – сказала Рисн. – И попрошу их прийти сюда, чтобы вести переговоры с вами на причале.

Встим закашлялся, прикрывая рот ладонью:

– Нет. Эти люди не такие, как шинцы. Моя слабость все испортит. Смелость. С реши надо быть смелым.

– Смелым? – переспросила Рисн, покосившись на лодочника, который болтал рукой в воде. – Бабск... реши кажутся племенем бездельников. Я не думаю, что они придают большое значение многим вещам.

– Тогда тебя ждет сюрприз, – усмехнулся Встим. Он проследил за ее взглядом, устремленным на расположившихся поблизости пловцов, которые с веселым смехом прыгали в воду. – Жизнь здесь может быть простой, верно. Она привлекает людей, как война привлекает спренов боли.

Привлекает... Мимо пробежала женщина, и потрясенная Рисн осознала, что у нее тайленские брови. Кожа незнакомки загорела на солнце, так что разница в цвете не бросалась в глаза. Разглядывая купальщиков, Рисн увидела среди них еще кое-кого. Двое были, скорее всего, гердазийцами, а еще одни... аleti?! Невероятно.

– Люди стремятся сюда, – пояснил Встим. – Им нравится жизнь реши. Здесь можно просто плыть вместе с островом. Сражаться, когда он сражается с другим островом. А в остальное время отдыхать. Такие люди есть в любой культуре, потому что каждое общество состоит из отдельных личностей. Ты должна это усвоить. Не позволяй своим предположениям о какой-нибудь культуре мешать твоей способности оценивать отдельных людей, иначе потерпишь неудачу.

Девушка кивнула. Он казался таким слабым, но говорил твердо. Она постаралась выкинуть из головы мысли о купальщиках. Тот факт, что среди них была по меньшей мере одна соотечественница, еще сильнее сбивал Рисн с толку.

– Если вы не можете с ними торговать... – начала ученица.

– Это сделаешь ты.

Рисн стало холодно, несмотря на жару. Но ведь она ради этого и присоединилась к Встиму! А сколько раз желала, чтобы он позволил ей руководить торгом? Почему же сейчас ее охватила робость?

Она глянула на свою лодку – та удалялась, увозя горшок с травой, – а потом перевела взгляд на своего бабска.

– Скажите мне, что делать.

– Они многое знают о чужаках. Больше, чем мы знаем о них. Это потому, что наши часто приходят сюда, чтобы жить среди них. Многие из реши беспечны, как ты и говоришь, но есть и совсем другие. Они предпочитают драться. А торг для них все равно что битва.

– Как и для меня, – сказала Рисн.

– Я знаю этих людей, – продолжил Встим. – Если Стремления будут нам благоволить, Талика здесь не окажется. Он лучший среди них и часто отправляется торговать с другими островами. С кем бы ты ни встретила на торге, он или она будут судить о тебе как о противнике в сражении. А для них суть сражения в том, чтобы нагнать страху. Меня как-то угораздило попасть на остров во время войны...

Он закашлялся, но отверг питье, которое поднес Килрм.

– Пока два острова неистовствовали, люди забрались в лодки и устроили обмен оскорблениями и хвастливыми заявлениями. Каждое племя начинало с того, что слабейшие похвалялись своими достоинствами, а потом доходило до чего-то вроде словесной дуэли между гла-

варями. После наступил черед стрел и копий, сражений на лодках и в воде. К счастью, они больше орала, чем резали друг друга.

Рисн сглотнула, кивая.

– Дитя, ты к этому не готова, – заметил Встим.

– Знаю.

– Хорошо. Ты наконец-то это поняла. Теперь иди. Они не станут долго терпеть нас на своем острове, если только мы не согласимся остаться тут навсегда.

– А для этого нужно...

– Ну, для начала отдать все свое имущество королю.

– Мило. – Рисн встала. – Интересно, как бы он выглядел в моих туфлях. – Она тяжело вздохнула. – Вы так и не рассказали мне, ради чего мы участвуем в торге.

– Они в курсе. – Бабск закашлялся. – Ты не на переговоры идешь. Условия были определены много лет назад.

Она повернулась к нему, нахмурившись:

– Что?

– Речь не о том, что ты получишь, – пояснил Встим, – но о том, решат ли они, что ты этого достойна. Убеди их. – Он поколебался. – Да пребудут с тобой Стремления, дитя. Ты справишься.

Это прозвучало как мольба. Если их флотилию отправят прочь... Они потратились не на товар – древесина, ткань и простые припасы были куплены по дешевке, – но на снаряжение каравана. Забрались очень далеко, платили проводникам, тратили время на ожидание паузы между бурями, а потом – на поиски правильного острова. Если ее прогонят, они смогут, конечно, продать свой груз, но, учитывая высокие накладные расходы на путешествие, убытки будут чудовищные.

Двое из охранников, Килрм и Нлент, присоединились к ней, когда девушка покинула Встима и отправилась вдоль похожего на причал выступа на панцире. Теперь, когда они были так близко, трудно помнить о том, что это живое существо, а не остров. Прямо впереди нее патина лишайника делала панцирь почти неотличимым от скалы. Поблизости росли деревья, чьи корни падали в воду, а ветви стремились ввысь, образуя лес.

Она нерешительно ступила на одну из тропинок, что вели вверх от воды. Здесь в «земле» были ступеньки, слишком прямые и правильные, чтобы иметь естественное происхождение.

– Их вырезают в панцире? – спросила Рисн, поднимаясь.

Килрм фыркнул:

– Чуллы не чувствуют своих панцирей. Эти чудища, скорее всего, тоже.

Пока они шли, он держал руку на гтете – разновидности традиционного тайленского меча. Эта штука имела большое треугольное лезвие-клин; ее нужно было держать, сжав кулак, и длинный клинок начинался прямо от костяшек, а запястье защищали специальные выступы эфеса. Пока Килрм не вынимал оружие из ножен и лук был брошен на спину.

Почему он так тревожился? Предполагалось, что реши не опасны. Возможно, наемнику сподручнее считать опасными всех вокруг.

Тропа вилась сквозь густые джунгли, уходя вверх. Деревья здесь были гибкими и крепкими, их ветви почти все время шевелились. А когда чудище шагало, все сотрясалось.

Лозы дрожали и скручивались на пути или падали с ветвей, отстраняясь при ее приближении и быстро занимая прежнее место, едва путники удалялись. Вскоре Рисн перестала видеть океан. Пропал даже запах соли. Джунгли поглотили их. Густо-зеленые и коричневые, они лишь изредка перемежались розовыми и желтыми курганами сланцекорника, которые росли, похоже, столетиями.

Сырость и до того казалась Рисн тягостной, но здесь она была просто невыносима. Девушка чувствовала себя так, словно плыла, и ее тонкая льняная юбка, блуза и жилет стали тяжелыми, как зимняя одежда, которую носили в тайленских горах.

После бесконечного восхождения она услышала голоса. Справа от нее лес расступился, открывая вид на раскинувшийся внизу океан. Рисн затаила дыхание. Голубая вода, облака, роняющие дождевую дымку пятнами, которые казались такими отчетливыми. А вдалеке...

– Еще один? – спросила она, указывая на тень у горизонта.

– Ага, – подтвердил Килрм. – Надеюсь, плывет в другую сторону. Мне бы не хотелось тут сидеть, когда они начнут сражаться. – Он крепче сжал рукоять своего меча.

Голоса раздавались откуда-то сверху, и Рисн безропотно продолжила восхождение, хотя ноги уже болели.

Хотя слева от нее джунгли оставались непроходимыми, справа простиралась открытая местность, где массивный бок большепанцирника покрывали гребни и выступы. Она заметила людей, которые сидели вокруг шатров, расслаблено созерцая воду. Те едва взглянули на нее и двоих охранников. Наверху девушка обнаружила еще больше решы.

Они прыгали.

Мужчины и женщины – в разной степени раздетые – по очереди прыгали с выступов на панцире, оглашая окрестности воплями и криками, камнем падая в воду. Рисн затошнило от одного вида. Как же высоко они поднялись?

– Они это делают, чтобы шокировать тебя. Местные всегда прыгают с выступов повыше, если рядом чужак.

Рисн кивнула, а потом с содроганием поняла, что замечание сделал вовсе не один из ее охранников. Она повернулась и увидела слева от себя окруженный густыми зарослями высокий гребень, похожий на скалу. К верхушке «скалы» за ноги, головой вниз был привязан человек – долговязый, с бледной, синевато-белой кожей, в одной набедренной повязке. Его тело покрывали сотни замысловатых небольших татуировок.

Рисн шагнула к нему, но Килрм схватил ее за плечо и потянул назад.

– Аймианец, – прошипел он. – Держись от него подальше.

Синие ногти и темно-синие глаза должны были это ей подсказать. Рисн отступила, так и не увидев тени этого пустиносца.

– Да-да, держись подальше, – сказал повешенный. – Этот совет не перестает быть мудрым.

Он говорил на тайленском очень хорошо – хотя и с акцентом, какого она ни разу не слышала, – и мило улыбался, словно не придавая ни малейшего значения тому факту, что висел вниз головой.

– С вами... все в порядке? – спросила Рисн.

– Хм? – отозвался мужчина. – О, в перерывах между обмороками – да. Вполне. Кажется, я перестал чувствовать боль в лодыжках, и это просто восхитительно.

Рисн прижала руки к груди, не смея приблизиться. Аймианец. Очень дурной знак. Она была не особо суеверной – даже иной раз сомневалась в Стремлениях, – но... это ведь аймианец!

– Чудище, какие лютые проклятия ты навлек на этот народ? – требовательно спросил Килрм.

– Непристойные каламбуры, – рассеянно отозвался повешенный. – И вонь от того, что я съел, но не смог переварить как надо. Полагаю, ты собираешься побеседовать с королем?

– Я... – начала Рисн, и позади нее еще один решы завopil и сиганул с выступа. – Да.

– Тогда, – продолжило существо, – не спрашивай о душе их бога. Оказывается, они не любят говорить на эту тему. Она должна быть поразительной, раз эти существа вырастают

такими здоровенными. Даже больше спренов, которые обитают в телах обычных большепанцирников. Ммм... – Он казался весьма довольным чем-то.

– Не сочувствуй ему, торгмастер, – негромко посоветовал Килрм, увлекая ее прочь от болтающегося на веревке пленника. – Он может спастись, если захочет.

Нлент, другой охранник, кивнул:

– Они могут отделять конечности. И кожу тоже снимают. У них нет настоящих тел. Они просто что-то злое, принявшее форму человека.

Крепыш-охранник носил на запястье амулет, дарующий храбрость; он снял его и крепко сжал в руке. У амулета не было никаких свойств, разумеется. Он просто служил напоминанием об одном из Стремлений, придающим храбрость. Желай того, в чем нуждаешься, со всем пылом, со всей страстью – и оно станет твоим.

Если Рисн в чем-то и нуждалась, так это в том, чтобы бабск оказался рядом. Она снова направилась вверх, расстроенная встречей с аймианцем. Справа все новые и новые люди разбегались и прыгали в воду. Безумие.

«„Торгмастер“, – вспомнила она. – Килрм назвал меня торгмастером». Она не была таким, еще нет. Девушка – собственность Встима; пока что – просто ученица, которая время от времени трудилась для него, как рабыня.

Она не заслужила этот титул, но услышанное придало ей сил. Рисн первой поднялась по ступеням, которые шли все выше, огибая панцирь чудища. Они миновали место, где земля расступалась, и сквозь щель в панцире можно было увидеть кожу далеко внизу. Разлом зиял точно пропасть; попытавшись его перепрыгнуть, она бы обязательно сорвалась.

Реши, с которыми она встречалась на тропе, отказывались отвечать на вопросы. К счастью, Килрм знал дорогу, и, когда тропа разделилась, он указал правильное направление. Время от времени попадались довольно большие ровные участки, но потом каждый раз снова начинались ступени.

С гудящими от боли ногами, в мокрой от пота одежде, они достигли вершины очередной лестницы и – наконец-то – увидели, что ступени закончились. Здесь джунгли полностью исчезли, превратившись в чистое поле, на котором тут и там теснились небольшими группами камнепочки, а вокруг поля простиралось лишь безоблачное небо.

«Голова, – подумала Рисн. – Мы все это время взбирались к голове чудища».

Тропу с двух сторон окружали солдаты, вооруженные копьями с разноцветными кистями. Их нагрудники и наручи были из панциря, покрытого зловещими резными узорами, и хотя из одежды – только накидки, они стояли смиренно, как любые солдаты-алети, и с соответствующими суровыми лицами. Значит, ее бабск сказал правду. Не все реши бездельники и купальщики.

«Смелее», – приказала она себе, вспоминая слова Встима. Этим людям нельзя демонстрировать робость.

В конце тропы из стражников и камнепочек стоял король – маленькая фигура на краю панциря, глядящая на солнце.

Рисн решительным шагом направилась вперед, сквозь двойной ряд копий. Она ожидала, что король будет одет так же, как остальные, но тот оказался в закрытом пышном одеянии ярко-зеленого и ярко-желтого цветов. Наверное, в такой одежде было ужасно жарко.

Приблизившись, Рисн поняла, насколько высоко забралась. Внизу блестела на солнце вода – так далеко, что если бросить камень, то не услышишь всплеска от его падения. Достаточно далеко, чтобы от одного лишь взгляда ее желудок свело судорогой, а ноги подкосились.

Чтобы подойти ближе к королю, нужно было ступить на железную пластину, на которой он стоял. То есть оказаться на волосок от падения в пропасть в сотни и сотни футов глубиной.

«Успокойся», – приказала себе девушка.

Рисн докажет бабску, что может заниматься делами. Она уже не та невежественная девчонка, которая вынесла ошибочное суждение о шинцах или оскорбила ириали. Она усвоила урок.

Хотя, наверное, стоило одолжить у Нлента его амулет храбрости.

Она ступила на край панциря. Король казался молодым, по крайней мере со спины. Сложен как юноша или...

«Нет», – потрясенно поняла Рисн, когда король повернулся.

Это была женщина – достаточно старая, чтобы ее волосы поседели, но еще не согбенная от прожитых лет.

Еще один человек вышел на край панциря позади Рисн. Он был моложе, и в обычном одеянии из накидки с кистями. Волосы, заплетенные в две косы, падали на загорелые обнаженные плечи. Когда он заговорил, в его голосе не было даже намек на акцент.

– Король желает знать, почему его старый торговый партнер Встим не явился лично, а прислал вместо себя ребенка.

– А ты король? – спросила незнакомца Рисн.

Он рассмеялся:

– Ты стоишь перед ним и задаешь мне такие вопросы?

Рисн посмотрела на человека в пышных одеждах, перехваченных поясом. Вырез спереди был достаточно глубоким, чтобы показать: у «короля» определенно имеются груди.

– Нами правит король, – объяснил мужчина. – Его пол не важен.

Рисн казалось, что пол был частью понятия «король», но спорить об этом не стоило.

– Моему хозяину нездоровится, – объяснила она, обращаясь к мужчине, который был, видимо, торгмастером этого острова. – Я уполномочена говорить от его лица и совершить эту сделку.

Мужчина пренебрежительно фыркнул и сел на край панциря, свесив ноги. Желудок Рисн кувыркнулся.

– Зря он так поступил. Значит, сделки не будет.

– Я полагаю, ты Талик? – спросила Рисн, скрестив руки на груди.

Мужчина больше не смотрел на нее. Похоже, это демонстративное неуважение.

– Да.

– Хозяин предупреждал о тебе.

– Значит, он не полный дурень, – сказал Талик. – Всего лишь почти полный.

У него потрясающее произношение. Она невольно поискала взглядом тайленские брови, но он был явно реши.

Рисн стиснула зубы, потом вынудила себя сесть с ним рядом на краю панциря. Девушка попыталась сделать это с той же небрежностью, что и он, но не сумела. Она просто опустилась на корточки – это было нелегким делом в модной юбке – и устроилась на небольшом расстоянии от него.

«Ох, ради Стремлений! Я упаду отсюда и умру. Не смотреть вниз! Только не смотреть вниз!»

Но она не смогла сдержаться и, бросив всего один взгляд вниз, тотчас же ощутила головокружение. С этого места была видна боковая часть головы, массивная линия челюсти. Неподалеку, справа от Рисн, на выступе над глазом люди сталкивали с края связки фруктов. Обязанные лозами, фрукты опускались, раскачиваясь, прямо в расположенную внизу пасть.

Жвала двигались медленно, затягивая подношение в глотку, дергая веревки. Реша тянули их назад и привязывали новые фрукты, и все это на глазах у короля, который наблюдал за кормлением с самого кончика носа слева от Рисн.

– Угощение, – пояснил Талик, заметив, куда она смотрит. – Подарок. Эти маленькие связки фруктов, конечно, не насытят нашего бога.

– А что насытит?

Он улыбнулся:

– Почему ты еще здесь, девочка? Разве я тебя не отпустил?

– Нет нужды отменять сделку, – ответила Рисн. – Хозяин сказал мне, что условия уже обговорены. Мы привезли все, что вы попросили в качестве оплаты. – «Хотя я и не знаю за что». – Отвергать меня сейчас бессмысленно.

Король, как она заметила, придвинулся чуть ближе, чтобы слушать.

– Это послужит той же цели, что и все в жизни, – проговорил Талик. – Это порадует Релу-на.

Видимо, так звали их бога-большепанцирника.

– И ваш остров одобрит подобное расточительство? Пригласить торговцев так далеко лишь ради того, чтобы отправить их восвояси с пустыми руками?

– Релу-на одобряет отвагу. И что еще важнее – уважение. Если мы не уважаем тех, с кем хотим заключить сделку, то нам и не следует этого делать.

Что за нелепая логика. Торговец, руководствующийся ею, не смог бы торговать. Хотя... за месяцы, проведенные с Встимом, она заметила, что учитель часто выискивал людей, которым нравилось заключать с ним сделки. Людей, которых он сам уважал. Такие люди, безусловно, были в меньшей степени склонны к обману.

Возможно, эта логика не была плохой... всего лишь неполной.

«„Думай за другого торговца“, – вспомнила она. Это было одно из наставлений Встима, такое непохожее на все, что она усвоила дома. – Чего он хочет? Почему он этого хочет? Почему никто не сможет удовлетворить его желание лучше тебя?»

– Наверное, тяжело жить здесь, посреди воды, – заговорила Рисн. – Ваш бог впечатляет, но вы не можете обеспечить себя всем необходимым.

– У наших предков не возникало затруднений с этим.

– У них не было лекарств, которые могли бы спасти жизни. Не было тканей из волокон, которые растут только на материке. Ваши предки выживали без этих вещей, потому что у них не было выбора. А у вас он есть.

Торгмастер подался вперед.

«Не делай этого! Упадешь!»

– Мы не дураки, – бросил Талик.

Рисн нахмурилась. Почему...

– Я так устал это объяснять, – продолжил мужчина. – Мы ведем простую жизнь. Это не делает нас глупцами. Чужаки годами являлись сюда, пытаясь воспользоваться нашим невежеством. Мы от этого устали, женщина. Все, что ты говоришь, правда. Очевидная правда. Но ты говоришь это так, словно мы никогда о ней и не задумывались. «О! Лекарства!» Конечно, нам нужны лекарства! Спасибо, что объяснила. А то я бы просто сидел тут, пока не помер.

Рисн залилась краской:

– Я не хотела...

– Да, ты именно это и хотела сказать, – перебил Талик. – Снисходительность так и лилась из твоего рта, юная госпожа. Мы устали, что нами пользуются в своих интересах. Мы устали от чужаков, которые пытаются всучить мусор в обмен на сокровища. Мы не знаем, какова текущая экономическая ситуация на материке, так что не можем быть уверены в том, дурят нас или нет. Поэтому мы торгуем только с теми людьми, которых знаем и которым доверяем. Только и всего.

«Текущая экономическая ситуация на материке?..»

– Ты учился в Тайлене, – наугад заявила Рисн.

– Ну разумеется. Надо изучить повадки хищника, чтобы поймать его. – Талик откинулся назад, и Рисн немного расслабилась. – Родители отправили меня туда учиться, когда я был еще

ребенком. У меня был один из ваших бабсков. Я сам стал торгмастером, прежде чем вернуться сюда.

– Твои родители, вероятно, король и королева? – снова предположила Рисн.

Он смерил ее взглядом:

– Король и супруг короля.

– Можно ведь просто называть ее королевой.

– Сделка не состоится, – объявил Талик, вставая. – Ступай и скажи своему хозяину, что мы сожалеем о его болезни и надеемся, что он выздоровеет. Если выздоровеет, сможет вернуться в следующем году во время сезона торговли, и мы с ним встретимся.

– Ты намекал, что вы уважаете его, – напомнила Рисн, вскочив и отпрянув от края пропасти. – Так давай вы совершите сделку с ним!

– Он нездоров, – возразил Талик, не глядя в ее сторону. – Это будет несправедливо по отношению к нему. Мы бы воспользовались своим преимуществом.

Воспользовались преимуществом... Ради Стремлений, до чего же эти люди странные! Еще чуднее было слышать такие вещи от человека, который говорил на безупречном тайленском.

– Ты бы торговал со мной, если бы уважал меня, – сказала Рисн. – Если бы считал, что я этого достойна.

– На это понадобятся годы. – Талик присоединился к матери на краю панциря. – Уходи и...

Торгмастер осекся, потому что король негромко заговорил на решийском.

Потом он поджал губы.

– Что? – спросила Рисн, шагнув вперед.

Талик повернулся к ней:

– Похоже, тебе удалось впечатлить короля. Ты яростно споришь. Хотя ты и пренебрегаешь нами, считая нас дикарями, ты не такая плохая, как некоторые. – Он явственно заскрипел зубами. – Король выслушает твои доводы в пользу сделки.

Рисн моргнула, переводя взгляд с торгмастера на короля. Разве она только что не выдвинула доводы в пользу сделки, которые король выслушал?

Женщина внимательно и спокойно смотрела на Рисн темными глазами. «Я выиграла первую битву, – поняла Рисн, – точно воительница на поле боя. Я участвовала в дуэли, и меня сочли достойной для поединка с более влиятельным соперником».

Король заговорил, и Талик перевел его слова:

– Король говорит, что ты талантлива, но сделку – несомненно – нельзя продолжать. Ты должна вернуться вместе с бабском, когда он явится сюда опять. Лет через десять, возможно, мы будем торговать с тобой.

Рисн поискала нужные слова.

– Встим так и добивался уважения, ваше величество? – Она не потерпит неудачу! У нее нет на это права! – На протяжении многих лет, вместе с его бабском?

– Да, – сказал Талик.

– Ты не перевел, – заметила Рисн.

– Я... – Талик вздохнул и перевел ее вопрос.

Король улыбнулась с явной нежностью. Она произнесла несколько слов на языке реши, и Талик потрясенно уставился на свою мать.

– Я... Ого!

– Что? – требовательно спросила Рисн.

– Твой бабск убил коракота вместе с нашими охотниками, – сообщил Талик. – Собственными руками? Чужак? Я о таком еще не слышал.

Встим убил какого-то зверя? На охоте?! Немыслимо.

Хотя он явно не всегда был старым и морщинистым книжным червем, как сейчас, она в глубине души считала, что в прошлом наставник все же именно таковым и был.

Король заговорила опять.

– Сомневаюсь, что ты способна убить хоть какого-то зверя, дитя, – перевел Талик. – Иди. Твой бабск со всем справится. Он мудр.

«Нет, – подумала Рисн. – Он умирает».

Мысль пришла непрощенной, но была до жути правдивой. Она была страшнее высоты, страшнее всего, что знала Рисн. Встим умирал. Это, скорее всего, его последняя сделка.

И Рисн ее вот-вот испортит.

– Мой бабск доверяет мне, – заявила она, шагнув ближе к королю, двигаясь вдоль носа большепанцирника. – А вы сказали, что доверяете ему. Разве вы не можете довериться и его суждению о том, что я достойна совершить эту сделку?

– Личный опыт ничем не заменишь, – перевел Талик.

Чудище шагнуло, земля дрогнула, и Рисн стиснула зубы, вообразив, как все они падают в пропасть. К счастью, на этой высоте движение ощущалось как легкое покачивание. Деревья зашелестели листвой, и желудок девушки скрутился, но это было не опаснее, чем слабые морские волны для корабля.

Рисн подошла ближе, к тому месту на носу чудища, где стояла король.

– Вы король – вы знаете, как важно доверять своим подданным. Вы не можете быть повсюду и все знать. Время от времени вам надо принимать суждения тех, кого вы знаете. Мой бабск – из их числа.

– Это весомый довод, – перевел Талик с явным удивлением. – Но ты не понимаешь, что я уже его учла. Я уважаю твоего бабска и потому согласилась говорить с тобой сама. Я бы не сделала этого ради кого-то другого.

– Но...

– Возвращайся вниз, – велела король посредством Талика, и голос ее сделался строже. Похоже, она считала, что разговор окончен. – Передай бабску, что тебе удалось добиться беседы со мною. Несомненно, это превосходит его ожидания. Ты можешь покинуть остров и вернуться, когда Встим поправится.

– Я...

Рисн не могла говорить и чувствовала себя так, словно ей кулаком разбили гортань. Она не могла его подвести – только не сейчас.

– Передай ему мои наилучшие пожелания выздоровления. – Король отвернулась.

Талик улыбнулся, довольный. Рисн посмотрела на своих охранников – лица у них были мрачные.

Она шагнула назад, чувствуя оцепенение. Ее отвергли, словно ребенка, который кланчил конфетку. Проходя мимо мужчин и женщин, которые готовили новые связки с фруктами, она покраснела до ушей.

А потом остановилась. Посмотрела налево, на бесконечный голубой простор. Вновь повернулась к королю и громко произнесла:

– Я считаю, что должна поговорить с тем, кто наделен большей властью.

Талик повернулся к ней:

– Ты говорила с королем. Нет никого, наделенного большей властью.

– Прошу прощения, но я уверена, что есть.

Одна из веревок дернулась, когда привязанный к ней фруктовый подарок съели.

«Это глупо, это глупо, это...»

Не думай».

Рисн рванулась к веревке, вынудив своих охранников вскрикнуть, схватила ее и бросилась за край, спускаясь к голове большепанцирника. Голове бога.

Ради Стремлений! В юбке это было непросто. Веревка резала кожу на руках и дергалась, когда чудище внизу жевало привязанные к другому концу фрукты.

Наверху появилась голова Талика.

– Что, во имя Келека, ты делаешь, дурища? – завопил он.

Ей показалось забавным, что за время учебы тот усвоил и тайленские проклятия. Она крепко держалась за веревку, чувствуя, как бешено колотится сердце. А ведь и в самом деле, что она творит?

– Релу-на, – заорала она в ответ Талику, – одобряет отвагу!

– Есть разница между отвагой и глупостью!

Рисн продолжила спускаться. Это больше походило на скольжение вниз.

«Ох, Жажда, Стремление обладать...»

– Поднимите ее! – приказал Талик. – Вы, солдаты, помогайте.

Он что-то еще приказал на языке реши.

Когда рабочие схватились за веревку, чтобы затащить Рисн обратно, она подняла голову и посмотрела наверх. Там появилось еще одно лицо, глядевшее вниз. Король. Она подняла руку, останавливая рабочих, и выжидающе посмотрела на Рисн.

Рисн продолжила спуск. Она продвинулась не очень далеко – может, футов на пятьдесят. Даже до глаза чудища не дошла. Остановилась с трудом, ощущая жгучую боль в пальцах, и громко провозгласила:

– О великий Релу-на! Твой народ отказывается заключить со мною сделку, и вот я обращаюсь к тебе с мольбой. Твоим людям нужно то, что я привезла, но еще сильнее мне нужна эта сделка. Я не могу просто так уйти.

Существо, конечно, не ответило. Рисн зависла возле его панциря, покрытого лишайником и маленькими камнепочками.

– Прощу тебя, – взмолилась она. – Прощу...

«Чего я жду?» – растерянно подумала Рисн. Девушка не надеялась, что большепанцирник ей как-то ответит. Но возможно, она смогла бы убедить тех, наверху, в том, что достаточно отважна и достойна. Это точно никому бы не навредило.

Веревка в ее руках задрожала, и она совершила ошибку – посмотрела вниз.

Вообще-то, ее поступок мог навредить ей самой. И очень сильно.

– Король, – донесся сверху голос Талика, – приказывает тебе вернуться.

– Наши переговоры продолжатся? – уточнила Рисн, посмотрев наверх.

Король и в самом деле выглядела обеспокоенной.

– Это не важно, – ответил Талик. – Тебе были даны указания.

Рисн стиснула зубы, вцепившись в веревку, глядя на хитиновые пластины перед собой.

– А ты что думаешь? – спросила она негромко.

Где-то внизу существо проглотило фрукты, и веревка внезапно сильно натянулась, а Рисн ударило о громадную голову. Наверху закричали рабочие. Король заорала на них с неожиданной яростью.

«О нет!...»

Веревка натянулась еще сильнее.

И лопнула.

Крики наверху сделались безумными, но охваченная паникой Рисн этого почти не заметила. В ее падении не было изящества, она рухнула вопящим клубком одежд, рук и ног, ее юбка полоскалась на ветру, а желудок кувыркался. Что она натворила? Она...

Девушка увидела глаз. Глаз бога. Он промелькнул, громадный, как дом, блестящий и черный, и в нем отразилась ее падающая фигура.

Казалось, на краткий миг она зависла перед ним, и крик застыл в ее горле.

Потом все исчезло. Шум ветра, новый крик – и удар о твердую как камень воду.

Тьма.

Очнувшись, Рисн решила, что плывет. Она не открыла глаза, но чувствовала, что плывет. Дрейфует, покачиваясь на волнах...

– Она полная дура.

Знакомый голос. Талик – тот, с кем она торговалась.

– Значит, мы друг другу подходим, – заметил Встим и закашлялся. – Должен сказать, старый друг, ты должен был помочь обучить ее, а не скинуть с утеса.

Плыть... дрейфовать...

Стоп.

Рисн вынудила себя открыть глаза. Она была в постели, в хижине. Было жарко. Перед глазами все плыло, и сама она плыла... плыла, потому что ее разум был затуманен. Что они ей дали? Она попыталась сесть. Ноги не слушались. Ноги не слушались!

Девушка ахнула и часто задышала.

Над ней появилось лицо Встима, а с ним – лицо обеспокоенной решии с лентами в волосах. Не королева... король... Не важно. Женщина что-то быстро произнесла на лающем языке островитян.

– Успокойся, – сказал Встим, опускаясь на колени рядом с Рисн. – Успокойся... Они принесут тебе что-нибудь попить, дитя.

– Я выжила, – прохрипела Рисн.

– С трудом, – с нежностью проговорил Встим. – Спрен смягчил твоё падение. С такой высоты... Дитя, о чем ты думала, вот так перебираясь через край скалы?

– Мне нужно было что-то сделать, – объяснила Рисн. – Чтобы доказать свою храбрость. Я думала... что должна быть отважной...

– Ох, дитя. Это я во всем виноват.

– Вы были его бабском. Бабском Талика, их торгмастера. Вы с ним все это подстроили, чтобы я смогла заключить сделку сама, но под вашим контролем. Сделке ничего не угрожало, а вы не так больны, как кажется. – Слова кипели, опережая друг друга, словно сотня людей разом пыталась пройти в одну и ту же дверь.

– Когда ты это поняла? – спросил Встим и закашлялся.

– Я... – Она не поняла. Просто осознала все и сразу. – Прямо сейчас.

– Что ж, тогда знай, что я чувствую себя законченным идиотом, – сказал Встим. – Я думал, это отличный шанс для тебя. Настоящее дело с высокими ставками. А потом... Потом ты взяла и упала с головы острова!

Появилась решии с чашкой какого-то напитка. Рисн зажмурилась и тихо спросила:

– Я буду снова ходить?

– Выпей-ка это.

– Я буду снова ходить?

Она не взяла чашку, не открыла глаз.

– Не уверен, – признался Встим. – Но торговать ты точно будешь. Клянусь Стремлениями! Отважная до такой степени, что король ей не указ? Спасенная самой душой острова? – Он невесело рассмеялся. – Другие острова будут драться за место в очереди, чтобы торговать с нами.

– Значит, чего-то я все же добилась. – Она чувствовала себя полной и безнадежной душой.

– О, ты и впрямь кое-чего добилась, – согласился Встим.

Девушка ощутила колющее прикосновение к руке и резко открыла глаза. Там что-то ползло – существо размером примерно с ее ладонь, похожее на кремлеца, но с крыльями, которые были сложены вдоль спины.

– Что это? – спросила Рисн.

– За этим мы сюда и прибыли, – объяснил Встим. – Это предмет нашей сделки – сокровище, о котором лишь немногие знают, что оно все еще существует. Видишь ли, принято считать, что они погибли вместе с Аймией. Я сюда пришел и приволок весь наш груз, потому что Талик прислал весточку и сообщил, что у него есть на обмен труп. Короли за них платят целое состояние.

Он подался вперед:

– Живых я раньше никогда не видел. Мне достался труп, как я и хотел. А этого отдали тебе.

– Кто отдал, реши? – уточнила Рисн, все еще не до конца соображая. Она не знала, что и думать об этом.

– Реши не могут распоряжаться ларкинами, – объяснил Встим, поднимаясь. – Его дал тебе сам остров. Теперь выпей лекарство и спи. У тебя раздроблены обе ноги. Мы останемся на острове, пока ты не поправишься и пока я не заслужу прощение за свою безграничную, бескрайнюю глупость.

Рисн приняла чашку. Пока она пила, маленькое существо взлетело к стропилам хижины и устроилось там, глядя на нее глазами из чистого серебра.

И-4 Последний легион

Так что же это за спрен? – спросил Тюд в медленном ритме любопытства.

Он поднял самосвет, разглядывая дымчатое существо, что двигалось внутри.

– Моя сестра говорит – спрен бури. – Эшонай сложила руки на груди и прислонилась к стене.

В пряди бороды Тьюда были вплетены кусочки необработанных самосветов, которые дрожали и переливались, когда тот почесывал подбородок. Он протянул большой шлифованный самосвет Биле, которая взяла его и осторожно постучала по одной из граней кончиком пальца.

Они были боевой парой в личной дивизии Эшонай. Тюд и Била носили простые одежды, скроенные так, чтобы оставлять открытыми хитиновые броневые пластины на руках, ногах и груди. Тюд также обычно облачался в длинный мундир, но не надевал его на битву.

Эшонай, в противоположность им, была в облегающей военной форме из красной ткани, которая обтягивала ее природные доспехи, и в шапке поверх костяного шлема. Она никогда не говорила о том, что эта форма стесняла ее, словно оковы, лишавшие свободы.

– Спрен бури, – протянула Била в ритме скепсиса, поворачивая камень так и этак. – Он поможет мне убивать человек? В противном случае не понимаю, какой мне от него толк.

– Он способен изменить мир, – сказала Эшонай. – Если Венли права, если она сможет соединиться с этим спреном и получить в итоге не тупоформу, а нечто иное... что ж, в худшем случае у нас будет совершенно новая форма, в лучшем – мы обретем власть над бурями и сможем почерпнуть их мощь.

– Она лично опробует это? – спросил Тюд в ритме ветров, который они использовали, чтобы оценить, насколько близка Великая буря.

– Если Пятерка позволит. – Сегодня они должны все обсудить и принять решение.

– Здорово, – согласилась Била. – Но оно поможет мне убивать человек?

Эшонай настроилась на ритм скорби.

– Если буреформа и впрямь одна из древних сил, то да, она поможет тебе убивать человек. В больших количествах.

– Тогда меня все устраивает. Ты-то отчего переживаешь?

– Утверждают – древние силы произошли от наших богов.

– Ну и что? Если боги помогут нам перебить эти армии, тогда я прямо сейчас присягну им на верность.

– Била, не говори так, – возразила Эшонай в ритме упрека. – Никогда не говори ничего подобного!

Женщина замолчала, бросила камень на стол, потом негромко загудела в ритме скепсиса. Это было на самой грани неповиновения. Эшонай посмотрела Биле прямо в глаза и неожиданно для самой себя загудела в ритме решимости.

Тьюд перевел взгляд с Билы на Эшонай и поинтересовался:

– Поесть не хотите?

– Таков твой ответ на любые разногласия? – спросила Эшонай, прервав свою песню.

– Тяжело спорить с набитым ртом.

– Уверена, я видела, как ты именно это и делал, – заметила Била. – Многократно.

– И те споры заканчивались хорошо, – не сдался Тьюд. – Потому что все были сыты. Ну так что... поедим?

– Ладно, – согласилась Била, глянув на Эшонай.

Пара удалилась. Эшонай села за стол, чувствуя себя опустошенной. Когда это она начала беспокоиться о том, что друзья ведут себя непокорно? Все из-за этой жуткой военной формы.

Взяв самосвет, она заглянула в его сердцевину. Это был большой камень, почти с треть ее кулака, хотя самосветам не обязательно быть большими, чтобы служить ловушкой для спренов.

Она ненавидела ловить спренов. Поступая правильно, нужно было отправиться навстречу Великой буре с соответствующим настроением и спеть подходящую песню, которая привлечет нужного спрена. Связав себя с ним посреди яростной стихии, ты рождался заново, в новом теле. Ее соплеменники так поступали с той поры, как пришли первые ветра.

Слушатели узнали о том, что спренов можно помещать в ловушки от людей, а потом сами научились это делать. Спрен-пленник делал преобразование куда более надежным. Раньше все подчинялось случаю. Можно было отправиться навстречу буре, желая стать бойцом, а выйти из нее брачником.

«Это прогресс, – подумала Эшонай, глядя на маленького дымного спрена внутри камня. – Прогресс означает умение управлять окружающим миром. Строить стены, чтобы остановить бури, самому выбирать момент, чтобы стать брачником». Прогресс означал возможность взять природу и поместить ее в ящик.

Эшонай положила камень в карман и проверила время. Ее встреча с остальной Пятеркой была назначена на третье колебание ритма мира, и у нее еще оставалось не меньше половины колебания.

Пришла пора поговорить с матерью.

Эшонай вышла в Нарак и направилась по тропе, кивая в ответ на приветствия встречных. Они были в основном бойцами. Очень многие из ее соплеменников носили теперь боеформу. Их осталось так мало. Когда-то по этим равнинам были рассеяны сотни тысяч слушателей. Выжило меньшинство.

Даже в то время слушатели были единым народом. О, у них случались разногласия, ссоры и войны. Но они были единым племенем, которое отвергло своих богов ради свободы в неизвестности.

Билу уже не волновало их происхождение. Наверняка существовали и другие, такие же как она, – те, кто пренебрегал опасностью, которую представляли собой боги, и сосредоточивался исключительно на битве с людьми.

Эшонай прошла мимо домов – лачуг из панцирей, покрытых слоем затвердевшего крема, – что ютились с подветренной стороны громадных валунов. Большинство теперь пустовали. За время этой войны они потеряли тысячи.

«Мы обязаны что-то предпринять», – подумала она, пробуждая ритм мира на задворках своего разума. Эшоной искала приюта в его спокойных, размеренных тактах, плавно перетекающих друг в друга. Он как будто баюкал ее.

А потом увидела тупиц.

Они очень походили на тех, кого человеки называли «паршунами», хотя были чуть выше и не такими уж тупыми. И все-таки тупоформа была ограничена в возможностях, не обладала способностями и преимуществами новых форм. Откуда здесь взялись тупицы? Может, эти слушатели по ошибке связали себя с неправильными спренами? Такое иногда случалось.

Эшоной подошла к троем соплеменникам: двое были женоподобными, один – мужеподобным. Они тащили камнепочки, собранные на одном из ближайших плато, где растения росли быстрее обычного благодаря заряженным самосветам.

– Как это понимать? – спросила Эшоной. – Вы выбрали эту форму по ошибке? Или вы новые шпионы?

Они посмотрели на нее невыразительными глазами. Эшоной настроилась на ритм тревоги. Она как-то раз пробовала тупоформу – хотела знать, что придется вытерпеть их шпионам. Думать о сложных вещах было не легче, чем проявлять здравомыслие во сне.

– Кто-то попросил вас принять эту форму? – медленно и четко проговорила Эшоной.

– Никто не просил, – ответил мужеподобный без всякого ритма. Его голос казался мертвым. – Мы сами.

– Почему? – изумилась Эшоной. – Зачем вам это понадобилось?

– Человеки не убьют нас, когда придут. – Мужеподобный поднял тяжелую камнепочку и вновь пустился в путь. Другие последовали за ним без единого слова.

Эшоной потрясенно разинула рот; ритм тревоги гремел в ее разуме. Несколько спренов страха, похожих на длинных пурпурных червей, выбрались из скалы поблизости, собрались стайкой и подползли к ее ногам.

Нельзя приказать принять ту или иную форму; каждый сам выбирал ее для себя. Можно было добиваться преобразования с помощью лести или настойчивости, но не силой. Их боги не позволяли такой свободы, поэтому слушатели во что бы то ни стало ее сохраняют. Ее соплеменники имели право выбирать тупоформу, если хотели. Эшоной ничего не могла с этим поделать. Не напрямую.

Она ускорила шаг. Нога все еще ныла, но рана заживала быстро. Одно из преимуществ боеформы. Генерал уже почти не обращала внимания на боль.

В городе, полном пустых строений, мать Эшоной выбрала для себя лачугу на самой окраине, почти беззащитную перед бурями. Мать работала снаружи среди рядов сланцекорника, негромко гудя себе под нос в ритме мира. Она была трудягой; всегда предпочитала трудоформу. Даже после открытия шустроформы мать не переменилась. Считала, что не следует внушать людям, будто одна форма ценнее другой, потому что подобное расслоение может их уничтожить.

Мудрые слова. Таких слов Эшоной не слышала от матери уже много лет.

– Дитя! – воскликнула мать, когда Эшоной приблизилась.

Крепкая, несмотря на годы, мать была круглолицей и заплетала волосы в косу, перевязанную лентой. Эшоной принесла ей эту ленту после встречи с алетой много лет назад.

– Дитя, ты видела свою сестру? Это день ее первого преображения! Мы должны ее подготовить.

– Об этом позаботились, мама, – сказала Эшоной в ритме мира, присев рядом с женщиной. – Как идет подрезка?

– Скоро закончу. Мне нужно уйти, прежде чем вернутся хозяйева этого дома.

– Ты его хозяйка.

– Нет-нет. Дом принадлежит одной паре. Они были здесь прошлой ночью и сказали, что мне следует уйти. Я только закончу с этим сланцекорником – и сразу уйду. – Мать достала пилу, сгладила одну сторону гребня и смазала ее соком, чтобы поощрить рост в нужном направлении.

Эшонай отпрянула, настроившись на скорбь, и мир покинул ее. Возможно, следовало избрать ритм утраты. Она переключилась на него, потом с усилием отвергла. Нет. Нет, ее мать еще не умерла!

Но и не была полностью живой.

– Вот, возьми это, – сказала мать в ритме мира, вручая Эшонай пилу. По крайней мере, сегодня она узнала свою дочь. – Обработай вот тот нарост. Я не хочу, чтобы он так и продолжал расти вниз. Надо направить его вверх, к свету.

– Бури с этой стороны города слишком сильные.

– Бури? Чушь. Нет тут никаких бурь. – Мать помедлила. – Даже не знаю, куда мы поведем твою сестру. Для преобразования ей потребуется буря.

– Не переживай об этом, мама, – ответила Эшонай, вынуждая себя говорить в ритме мира. – Я обо всем позабочусь.

– Венли, ты такая хорошая. Такая предусмотрительная. Сидишь дома, не бегаешь непонятно где, как твоя сестра. Эта девчонка... вечно ее нет там, где она должна быть.

– Она именно там, – прошептала Эшонай. – Хоть это и трудно.

Мать загудела себе под нос, продолжая работать. Когда-то эта женщина обладала едва ли не лучшей памятью в городе. В каком-то смысле так оно было и сейчас.

– Мама, мне нужна помощь. Думаю, должно произойти что-то ужасное. И не могу понять, ужаснее ли оно, чем то, что уже происходит.

Мать подпилила кусок сланцекорника и сдула пыль.

– Наш народ рассыпается на части, – продолжила Эшонай. – Наши силы истощаются. Мы переселились в Нарак и выбрали изматывающую войну. Она вылилась в шесть лет постоянных потерь. Люди начали сдаваться.

– Это нехорошо, – сказала мать.

– Но какова альтернатива? Играть с вещами, которых лучше не трогать, – с тем, что может обратить на нас взор Несотворенных.

– Ты не работаешь, – проговорила мать многозначительно. – Не будь как твоя сестра.

Эшонай положила руки на колени. Не помогло. Видеть мать такой...

– Мама, – обратилась она в ритме просьбы, – почему мы покинули темный дом?

– Ах, Эшонай, это старая песня. Темная песня, не для ребенка вроде тебя. Ты ведь даже не достигла дня первого преобразования.

– Я достаточно взрослая. Прошу, расскажи.

Мать подула на сланцекорник. Неужели она наконец-то потеряла и эту последнюю часть былой себя? У Эшонай упало сердце.

– Миновали давно те дни, когда обиталищем нашим был темный дом, – негромко пропела мать в одном из ритмов воспоминания. – Последний легион – вот как мы звались тогда. Воины, которых послали сражаться на самые дальние равнины – сюда, где некогда было государство, а теперь остались лишь развалины. Свобода для большинства из нас умерла. Формы, неведомые ранее, были навязаны нам. Формы силы – да, но также и формы подчинения. Боги командовали, а мы подчинялись – всегда. Всегда.

– Не считая того дня, – сказала Эшонай в унисон с матерью.

– Дня бури, когда Последний легион сбежал, – продолжила песню мать. – Трудна была избранная тропа. Воины, испытавшие прикосновение богов, сумели лишь погасить разумы свои. Искалечив себя, мы обрели свободу.

Спокойная, звучная песня матери танцевала вместе с ветром. Когда мать пела другие старые песни, она казалась хрупкой, а теперь выглядела собой. Родительницей, которая время от времени ссорилась с Эшонай, но одновременно той, кого Эшонай всегда уважала.

– Это был дерзкий вызов, – пела мать, – когда Последний легион отказался от разума и власти ради свободы. Они рисковали забыть все. И потому сочинили песни – сотню историй, которые можно было рассказывать и помнить. Я рассказываю их тебе, а ты – своим детям, и так до тех пор, пока снова не будут открыты формы.

А потом мать пустилась петь одну из ранних песен – о том, как их народ строил свой дом на руинах брошенного королевства. Как они расселились, изображая дикарей. Таков был их план, позволявший прятаться или, по крайней мере, не быть у всех на виду.

Песни многое упустили. Последний легион не знал, как превращаться во что-то иное, кроме тупиц и брачников, – по крайней мере, без помощи богов. Откуда же они узнали о том, что другие формы возможны? Может, эти сведения изначально были записаны в песнях, а потом потерялись с годами, когда те изменялись слово за словом?

Эшонай слушала, и, хотя голос матери и впрямь помог снова настроиться на мир, она поняла, что все равно обеспокоена в глубине души. Она пришла сюда в поисках ответов. В былые времена срабатывало.

Теперь нет.

Эшонай встала, чтобы уйти.

– Я нашла кое-что из твоих вещей, – сказала мать, прерывая пение, – когда прибиралась в доме сегодня. Ты должна их забрать. Они захламляют дом, а я ведь скоро отсюда уйду.

Эшонай негромко загудела в ритме скорби, но отправилась посмотреть, что же такое мать «нашла». Еще одну кучу камней, в которых ей виделись детские игрушки? Лоскуты, казавшиеся одеждой?

У дверей Эшонай обнаружила небольшой мешок и, открыв его, увидела внутри бумагу.

Не человечью бумагу, а сделанную из местных растений. Грубую, разноцветную, изготовленную старым способом, известным слушателям. Шершавую и плотную, а не безжизненно-гладкую. Чернила уже начали бледнеть, но Эшонай узнала рисунки.

«Мои карты, – подумала она. – Мои старые карты».

Против собственной воли воительница настроилась на ритм воспоминаний. Дни, проведенные в путешествиях по дикому краю, который люди называли Натанатаном; она пересекала леса и чащобы, рисовала свои собственные карты и расширяла мир. Эшонай начала одна, но ее открытия воодушевили весь народ. Вскоре, несмотря на юный возраст, она уже водила целые экспедиции к новым рекам, новым руинам, новым спренам, новым растениям.

И человекам. В каком-то смысле происходящее было на ее совести.

Ее мать снова начала петь.

Просматривая свои старые карты, Эшонай почувствовала сильную тоску. Когда-то мир казался ей чем-то новым и увлекательным. Свежим, как цветущий после бури лес. Она умирала – медленно и столь же неотвратно, как ее народ.

Эшонай собрала карты и покинула дом, направившись к центру города. Материнская песня, по-прежнему красивая, звучала позади, точно эхо. Эшонай настроилась на ритм мира. Благодаря этому и узнала, что вот-вот опоздает на встречу с остальной Пятеркой.

Генерал не ускорила шаг. Она позволила спокойным и размеренным тактам ритма мира нести себя вперед. Если не сосредотачиваться на выборе и настройке ритма, тело естественным образом выбирало тот, что соответствовал настроению. Поэтому решение слушать тот ритм, который не соответствовал чувствам, всегда было осознанным. Она именно так сейчас и поступила с ритмом мира.

Много веков назад слушатели приняли решение, которое отбросило их на уровень дикарей. Убийство Гавилара Холина подтвердило тот давний выбор. Эшонай не была одним из вождей, но они прислушались к ее совету и дали ей право голоса.

Выбор, хоть он и казался ужасным, был проявлением смелости. Они надеялись, что долгая война наскучит алетии.

Эшонай и остальные недооценили жадность своих врагов. Светсердца все изменили.

В центре города, возле бассейна, высилась башня, которая дерзко выстояла под натиском бурь, что приходили век за веком. Когда-то внутри ее были ступени, но проникший сквозь окна крем обратил все свободное пространство в камень. Поэтому трудяги вырезали лестницу, которая огибала башню снаружи.

Эшонай начала подниматься, ради безопасности держась за цепь. Это был долгий, но знакомый путь наверх. Хотя нога болела, боеформа обладала значительной выносливостью – но в то же самое время для поддержания ее в силе требовалось больше еды, чем для прочих формы. Эшонай добралась до вершины без труда.

Она увидела, что другие члены Пятерки уже ждут. Каждый из них пребывал в одной из известных форм: Эшонай была бойцом, Давим – трудягой, Абронай – брачником, Чиви – шустриком, а тихая Зульн – тупицей. Венли тоже была здесь, вместе со своим бывшим брачником, который весь раскраснелся от трудного подъема. Шустроформа, хоть и годная для многих занятий, требовавших деликатности, не отличалась особой выносливостью.

Эшонай вышла на плоскую вершину бывшей башни, и на нее обрушился восточный ветер. Сидений здесь не было, и Пятерка устроилась прямо на голых камнях.

Давим гудел в ритме раздражения. С ритмами, звучащими в каждой голове, случайное опоздание представлялось маловероятным. Они справедливо подозревали, что Эшонай задержалась нарочно.

Она села на камень и достала из кармана самосвет с заточенным внутри спреном, положила на скалу перед собой. Фиолетовый кристалл лучился бурсветом.

– Я беспокоюсь из-за испытания, – сказала Эшонай. – Считаю, нам не следует его позволять.

– Что? – Венли настроилась на тревогу. – Сестра, что за нелепость! Наши люди нуждаются в этом.

Давим подался вперед, упершись руками в колени. Он был широколицым, его трудоформа обладала почти черной кожей, на которой лишь изредка попадались небольшие завитки красного цвета.

– Если это сработает, мы сделаем удивительный шаг вперед. Мы заново откроем первую из древних форм силы.

– Те формы связаны с богами, – напомнила Эшонай. – Что, если, избрав эту форму, мы пригласим их вернуться?

Венли загудела в ритме раздражения.

– В стародавние времена все до единой формы были от богов. Мы открыли, что шустроформа нам не вредит. Отчего с буреформой все должно быть иначе?

– Это другое, – возразила Эшонай. – Спой песню; спой ее без слов, самой себе. «Оно грядет и приносит с собой ночь богов». Древние силы опасны.

– У людей они есть, – сказал Абронай.

Он был брачником, холемым и упитанным, но держал свои страсти под контролем. Эшонай никогда не завидовала его положению; она знала из личных бесед, что Абронай предпочел бы другую форму. К несчастью, остальные носили бракоформу лишь недолгое время или не обладали достаточной важностью, чтобы стать частью Пятерки.

– Эшонай, ты сама принесла нам донесение, – продолжил он. – Ты видела среди алети воина, который использовал древние силы, и многие это подтвердили. Способность заклинать потоки вернулась к людям. Спрены снова предали нас.

– Если умение заклинать потоки вернулось, – проговорил Давим в ритме размышления, – то это может означать, что боги в любом случае возвращаются. Если так, нам лучше подготовиться к встрече с ними. Формы силы в этом помогут.

– Мы не знаем наверняка, что они придут, – возразила Эшонай в ритме решимости. – Мы ничего наверняка не знаем. Может, люди и не обрели опять способность заклинать потоки, а это был лишь один из клинков чести. Мы ведь оставили такой в Алеткаре той ночью.

Чиви загудела в ритме скепсиса. В шустроформе у нее было удлиненное лицо и собранные в длинный хвост волосы.

– Мы угасаем как народ. Я сегодня видела нескольких, ставших тупицами и забывших о прошлом. Они это сделали, потому что боятся – человеки их убьют! Они готовятся стать рабами!

– Я тоже их видел, – сказал Давим в ритме решимости. – Эшонай, мы должны что-то сделать. Твои солдаты такт за тактом проигрывают эту войну.

– Следующая буря, – заговорила Венли. Она настроилась на ритм мольбы. – Я могу все проверить во время следующей бури.

Эшонай закрыла глаза. Мольба. На этот ритм настраивались нечасто. Отказать сестре в просьбе было тяжело.

– Мы должны решить единогласно, – заявил Давим. – Другого я не приемлю. Эшонай, ты настаиваешь на возражении? Нам придется провести здесь часы, чтобы достичь согласия?

Она тяжело вздохнула, приходя к решению, которое прокладывало путь из глубин разума. Это было решение исследовательницы. Взгляд упал на мешок с картами, который лежал на земле рядом с ней.

– Я согласна на эту проверку, – сдалась Эшонай.

Поблизости Венли загудела в ритме признательности.

– Однако, – продолжила Эшонай в ритме решимости, – я должна стать первой из тех, кто опробует новую форму.

Все гудение стихло. Пятерка уставилась на нее, разинув рты.

– Что? – спросила Венли. – Сестра, нет! Это мое право.

– Ты слишком ценна, – сказала Эшонай. – Ты слишком много знаешь о формах, и большая часть изысканий хранится исключительно в твоей голове. Я просто солдат. Мною можно пожертвовать, если что-то пойдет не так.

– Ты осколочник, – возразил Давим. – Последний из наших.

– Тюд умеет обращаться с моим клинком и доспехом. Я оставлю ему и то и другое на всякий случай.

Остальные члены Пятерки загудели в ритме размышления.

– Это хорошее предложение, – согласился Абронай. – Эшонай наделена и силой, и опытом.

– Но это же мое открытие! – воскликнула Венли в ритме раздражения.

– И его оценили по достоинству, – сказал Давим. – Но Эшонай права: ты и твои ученые слишком важны для нашего будущего.

– Более того, Венли, – прибавил Абронай, – ты принимаешь этот эксперимент уж очень близко к сердцу. Твои слова это подтверждают. Если Эшонай войдет в бурю и обнаружит, что что-то с этой формой не так, она сможет все остановить и вернуться к нам.

– Это хороший компромисс. – Чиви кивнула. – Мы пришли к согласию?

– Полагаю, да, – сказал Абронай, поворачиваясь к Зульн.

Представительница тупоформы говорила редко. Она носила робу паршуна и считала своим долгом представлять их – лишенных песен – вместе с теми соплеменниками, что пребывали в тупоформе.

Это была не менее благородная жертва, чем решение Аброная сохранить бракоформу. И даже более. Тупоформу трудно переносить, и лишь немногие пребывали в ней дольше паузы между бурями.

– Я согласна с этим, – сказала Зульн.

Остальные загудели в ритме признательности. Только Венли не присоединилась к песне. Если буреформа окажется настоящей, добавят ли они еще одного слушателя к Пятерке? Изначально все Пятеро были тупицами, потом – трудягами. Лишь после открытия шустроформы решили, что каждый будет представлять одну из форм.

Это могло подождать. Остальные члены Пятерки встали и начали спускаться по длинной лестнице, вьющейся спиралью вокруг башни. Дул восточный ветер, и Эшонай повернулась к нему лицом, устремив взгляд поверх Расколотых равнин – к Изначалью.

Во время грядущей Великой бури она войдет в ветра и станет чем-то новым. Чем-то могущественным. Чем-то, что изменит судьбу слушателей и, возможно, человек навсегда.

– Сестра, я почти обрела повод возненавидеть тебя, – заговорила Венли в ритме упрека, приостановившись возле сидящей Эшонай.

– Я не запретила проверку, – напомнила Эшонай.

– Ты просто собираешься присвоить всю славу.

– Если слава вообще будет, – возразила Эшонай в ритме упрека, – она достанется тебе за открытие формы. Это не подлежит обсуждению. Только наше будущее имеет значение.

Венли загудела в ритме раздражения:

– Тебя называют мудрой, опытной. Можно лишь подивиться тому, что все забыли, какой ты была: безрассудно уходила в дикие земли, не заботясь о своем народе, а я оставалась дома и заучивала песни. С каких это пор все уверились в том, что из нас двоих ты более ответственная?

«Все из-за проклятой военной формы», – подумала Эшонай, вставая.

– Почему ты не сказала нам, что ищешь? Ты позволила мне поверить, что предмет твоих изысканий – форма искусника или посредника. Вместо этого ты искала одну из форм древней силы.

– А это имеет значение?

– Да. Венли, в этом вся суть. Я тебя люблю, но твое тщеславие меня пугает.

– Ты мне не веришь, – обвинила Венли в ритме предательства.

Предательство. Эту песню пели редко. Укол оказался болезненным, и Эшонай поморщилась.

– Посмотрим, на что способна эта форма, – проговорила она, забирая карты и самосвет с заточенным внутри спреном. – Потом продолжим разговор. Я всего лишь проявляю осторожность.

– Ты хочешь все сделать сама! – воскликнула Венли в ритме раздражения. – Ты всегда стремишься быть первой. Ладно, хватит. Решено. Пойдем со мной; я должна обучить тебя образу мышления, нужному для формы. Потом мы выберем Великую бурю для преобразования.

Эшонай кивнула. Она всему научится. И хорошенько поразмыслит. Может, есть другой путь. Если удастся заставить алету выслушать ее, отыскать Далинара Холина, попросить о мире...

Возможно, тогда буреформа и не понадобится.

Часть вторая Грядущие ветра

Шаллан * Каладин * Адолин * Садеас

13
Шедевр дня

*Боеформа дана для войны и господства,
Дар богов, ниспосланный, чтобы убивать.
Не познать, не увидеть ее, но дает превосходство
Эта форма тому, кто способен повелевать.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа 15

Фургон катился по камням, дребезжа и подпрыгивая. Шаллан сидела на высокой и жесткой скамье рядом с Блатом, одним из каменнолицых наемников на службе у Твлаквы. Он правил запряженным в повозку чуллом и почти не разговаривал, хотя в те моменты, когда ему казалось, что Шаллан смотрит в другую сторону, изучал ее глазами, похожими на бусины из темного стекла.

Было прохладно. Она хотела, чтобы погода изменилась, ненадолго пришла весна или даже лето. Но такое было маловероятно в краю, известном постоянными холодами. Соорудив одеяло из внутренней обивки сундука Ясны, Шаллан укутала им ноги от колен до самых ступней – не только из-за холода, но еще и для того, чтобы скрыть, насколько изорвался подол ее платья.

Она пыталась отвлечься, изучая окрестности; флора здесь, в южной части Мерзлых земель, оказалась совершенно незнакомой. Трава попадалась лишь изредка, да и росла островками вдоль подветренной стороны скал. Стебли у нее были короткие и колючие, а не длинные и колышущиеся. Камнепочки не превышали размером кулак и не открывались до конца, даже когда она попробовала полить их водой. Их лозы были ленивыми и медлительными, словно оцепеневшими от холода. В трещинах и на склонах холмов росли еще тощие кустики. Их ломкие ветви царапали бока фургона, а зеленые листочки размером с дождевые капли складывались и прятались в стебли.

Зато пышные кусты распространялись везде, где могли зацепиться. Когда повозка проезжала мимо необычно высоких зарослей, Шаллан протянула руку и отломала веточку. Та была трубчатая, с пустой сердцевинкой и казалась на ощупь шершавой, будто сделанной из песчаника.

– Они слишком хрупкие для Великих бурь, – заметила Шаллан, держа ветку перед собой. – Как же это растение выживает?

Блат что-то проворчал.

– Блат, по общему мнению, следует вовлекать своего попутчика в обоюдный увлекательный диалог.

– Я бы так и поступил, – мрачно ответил он, – если бы знал, в чем смысл половины этих слов, заведи их Преисподняя.

Шаллан вздрогнула. Она совершенно не ждала ответа.

– Выходит, мы в равном положении, – сказала девушка. – Ибо ты используешь множество слов, значение которых неизвестно мне. По правде говоря, я думаю, что большинство из них – проклятия...

Это была всего лишь шутка, но он только еще сильнее помрачнел.

– Вы думаете, я такой же тупой, как эта ветка.

«Прекрати оскорблять мою ветку».

Слова пришли на ум непрошеными и почти сорвались с губ. Она должна держать язык за зубами, как и полагается воспитанной девушке. Но свобода и отсутствие страха, что за каждой закрытой дверью может обнаружиться грозная фигура отца, привели к существенному ослаблению самоконтроля.

На этот раз она придержала колкость, взамен сообщив:

– Корни глупости таятся в окружении человека.

– Хотите сказать, я тупой, потому что меня таким вырастили?

– Нет. Я хочу сказать, что каждый из нас в некоторых ситуациях ведет себя глупо. Когда мой корабль утонул, я оказалась на берегу, но не смогла развести костер, чтобы согреться. Разве ты не находишь это глупым?

Он покосился на нее, но промолчал. Возможно, любой темноглазый заподозрил бы в этом вопросе ловушку.

– А я нахожу, – сказала Шаллан. – Я во многих областях глупа. Может быть, когда дело доходит до длинных слов, ты глуп. Поэтому, стражник Блат, нам требуются и ученые, и караванщики. Наши глупости компенсируются знаниями других, и наоборот.

– Я могу понять, зачем нужны ребята, которые умеют разводить костры, – заговорил Блат. – Но я не понимаю, зачем нужны люди, которые используют мудреные словечки.

– Тссс, не говори так громко. Если светлоглазые услышат, они могут прекратить тратить время на выдумку новых слов и начать вместо этого вмешиваться в дела честных людей.

Он опять покосился на нее. В его глазах под мощным лбом не было даже проблеска юмора. Шаллан вздохнула и снова принялась разглядывать растения. Ну как, как они выживали во время Великих бурь? Она должна достать альбом и...

Нет.

Веденка очистила разум и расслабилась. Вскоре Твлакв объявил полуденный привал. Фургон Шаллан замедлился, и его догнала вторая повозка, которой управлял Тэг. В клетке сидели два паршуна и тихонько плели шляпы из тростника, собранного утром. Люди часто поручали паршунам черную работу, чтобы все их время уходило на зарабатывание денег для хозяев. Когда они прибудут на место, Твлакв продаст шляпы за несколько светосколков.

Они продолжали трудиться и после того, как фургон остановился. Им надо было приказать заняться чем-то другим, и для каждой работы требовалось особое обучение. Зато после они выполняли все без возражений.

Шаллан с трудом удавалось не усматривать в их тихой покорности что-то зловещее. Она покачала головой, потом протянула руку Блату, который помог ей спуститься без дальнейших понуканий. Оказавшись на земле, веденка уперлась рукой в боковину фургона и резко втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Буреотец, что она сотворила со своими ногами?! Из стены рядом

с нею выбрались спрены боли, похожие на оранжевые кусочки сухожилий – на руки, с которых была содрана плоть.

– Светлость? – К ней вразвалочку направился Твлакв. – Боюсь, мы мало что можем вам предложить в том, что касается еды. По меркам торговцев мы бедны, понимаете, и не в состоянии позволить себе деликатесы.

– Хватит и того, что едите вы. – Шаллан старалась, чтобы боль не отражалась на лице, хотя спрены уже выдали ее. – Пожалуйста, прикажите одному из ваших людей спустить мой сундук.

Твлакв так и сделал без возражений, хотя жадно следил за тем, как Блат опускал сундук на землю. Позволять ему увидеть, что внутри, казалось необычайно плохой идеей; чем меньше он знал, тем лучше для нее.

– Эти клетки... – Шаллан окинула взглядом заднюю часть своего фургона. – Судя по зажимам в верхней части, поверх перекладин можно закрепить деревянные боковины.

– Да, светлость. На время Великих бурь, понимаете.

– У тебя рабов хватает только на один фургон из трех, – указала Шаллан. – А во втором едут паршуны. Этот пустой, и из него получится отличная дорожная повозка для меня. Закрепите боковины.

– Светлость? – изумленно спросил он. – Вы желаете оказаться в клетке?!

– Почему нет? – Шаллан посмотрела ему прямо в глаза. – Ведь мне, торговец Твлакв, без сомнений, ничего не угрожает под твоей защитой, не так ли?

– Э-э... да...

– Должно быть, ты и твои люди привыкли к тяготам пути, – спокойно продолжила Шаллан, – но я-то не привыкла. Сидеть целыми днями на солнцепеке, на жесткой скамье – это не по мне. А подходящая повозка будет благоприятным улучшением поездки по этим диким местам.

– Повозка? – переспросил Твлакв. – Это ведь фургон для рабов!

– Торговец Твлакв, он просто так называется. Не пора ли приступать?

Тот вздохнул, но отдал приказ, и охранники вытащили боковины из-под днища фургона, закрепили их снаружи. Они не стали прикреплять заднюю часть, где была дверь клетки. Выглядело все это не слишком-то удобным, зато появлялось некое подобие уединения. Шаллан, к разочарованию Твлакв, приказала Блату затащить сундук внутрь. Потом забралась туда сама и закрыла дверь клетки. Сунула руку между прутьями и протянула в сторону Твлакв.

– Светлость?

– Ключ.

– Ох! – Он вытащил ключ из кармана, задержал на нем взгляд – причем на долгое мгновение, – а потом вручил ей.

– Спасибо. Можешь послать Блата ко мне с едой, когда она будет готова, но прямо сейчас мне понадобится ведро чистой воды. Ты был в высшей степени гостеприимен. Я не забуду твои услуги.

– Э-э... Спасибо.

Интонации у Твлакв были почти вопросительные, и, удаляясь, он выглядел сбитым с толку. Вот и хорошо.

Веденка подождала, пока Блат принесет воду, и проковыляла через фургон. Он вонял грязью и потом, и от мыслей о рабах, которых здесь держали, ее затошнило. Позже надо будет приказать Блату, чтобы паршуны его вычистили.

Она остановилась перед сундуком Ясны, потом присела и осторожно подняла крышку. Наружу пробился свет из лежавших внутри заряженных сфер. Узор сидел там же – девушка приказала ему не попадаться никому на глаза, – и его форма проступила на обложке одной из книг.

Пока что Шаллан удалось выжить. О безопасности речь не шла, но, по крайней мере, ей не угрожала скорая смерть от холода или голода. Это означало, что она наконец-то оказалась лицом к лицу с более серьезными вопросами и проблемами. Девушка положила ладони на книги, на миг забыв о пульсирующей боли в ногах.

– Это должно попасть на Расколотые равнины.

Узор завибрировал и издал растерянный звук – вопросительный писк, который подразумевал любопытство.

– Кому-то придется продолжить труд Ясны, – пояснила Шаллан. – Надо отыскать Ури-тиру и убедить алету, что возвращение пустоносцев неизбежно. – Она вздрогнула, подумав о паршунах с мраморной кожей, которые трудились в следующем фургоне.

– Ты... ммм... продолжишь? – спросил Узор.

– Да. – Она приняла это решение, когда настояла, чтобы Твлакв направился к Расколотым равнинам. – Той ночью, до гибели корабля, когда я увидела Ясну без маски высокомерия... Я поняла, что должна сделать.

Узор загудел, по-прежнему растерянный.

– Это трудно объяснить. Это связано с человеческой природой.

– Отлично, – нетерпеливо сказал Узор.

Она удивленно вскинула бровь, глядя на него. Спрен быстро преодолел длинный путь, начавшийся с многочасового кружения в центре каюты и ползания вверх-вниз по стенам.

Шаллан вытащила несколько сфер для света, потом развернула один из лоскутов, в которые Ясна заворачивала свои книги. Он был безупречно чист. Шаллан макнула лоскут в ведро с водой и начала мыть ноги.

– До того как я увидела выражение лица Ясны той ночью, до того как говорила с ней, такой усталой, и поняла, до чего она обеспокоена, я попала в ловушку. Ловушку ученого. Несмотря на тот ужас, который я испытала, впервые услышав от Ясны правду о паршунах, все это казалось мне упражнением для ума. Ясна вела себя настолько невозмутимо, что мне померещилось, будто она испытывает те же чувства.

Морщась, Шаллан вытащила из раны на стопе кусочек камня. Из пола фургона выбирались все новые и новые спрены боли. В ближайшем будущем она не сможет совершать долгие прогулки, но, по крайней мере, спренов гниения пока не видно. Лучше бы ей отыскать какой-нибудь антисептик.

– Узор, наша опасность не теоретическая. Она реальная и ужасная.

– Да, – согласился спрен серьезным тоном.

Она подняла взгляд от своих ступней. Узор переместился на внутреннюю часть крышки сундука, озаренную пестрым светом разнообразных сфер.

– Ты что-то знаешь про опасность? Про паршунов, Приносящих пустоту? – Возможно, Шаллан придавала слишком большое значение его интонациям. Он не был человеком и часто говорил со странными модуляциями.

– Мое возвращение... – пробормотал Узор. – Из-за этого.

– Что? Почему ты раньше не сказал?!

– Сказать... говорить... думать... Все трудно. Я учусь.

– Ты пришел ко мне из-за Приносящих пустоту? – Шаллан придвинулась ближе к сундуку, забыв о том, что держит в руке окровавленную тряпку.

– Да. Узоры... нам... мы... Беспокойство. Послали одного. Меня.

– Почему ко мне?

– Из-за обманов.

Она покачала головой:

– Не понимаю.

Он раздраженно зажужжал:

– Ты. Твоя семья.

– Ты следил за мною, когда я жила с родными? Так давно?

– Шаллан. Вспомни...

И опять пришли воспоминания. На этот раз – не скамья в саду, а белая, стерильная комната. Колыбельная песня ее отца. Кровь на полу.

Нет!

Она отвернулась и опять начала очищать ступни.

– Я знаю... мало о людях, – между тем гудел Узор. – Они ломаются. Их разум ломается. Ты не сломалась. Только треснула.

Она продолжала мытье.

– Тебя спасли обманы. Обманы, которые привлекли меня.

Девушка погрузила тряпицу в ведро.

– У тебя есть имя? Я назвала тебя Узором, но это, скорее, описание.

– Имя – это цифры. Много цифр. Трудно произнести. Узор... Пусть будет Узор.

– Только не вздумай в ответ называть меня Каракулей, – сказала Шаллан.

– Ммм... ммм...

– Что это значит?

– Я думаю. Осмысливаю обман.

– Шутку?

– Да.

– Пожалуйста, не думай слишком усердно, – попросила Шаллан. – Шутка была не очень-то хорошая. Если хочешь поразмыслить над чем-то по-настоящему смешным, то вот оно: похоже, остановить приход Приносящих пустоту выпало не кому-нибудь, а именно мне!

– Ммм...

Шаллан, как могла, промыла ступни и обмотала их несколькими другими лоскутами из сундука. У нее не было ни тапочек, ни туфель. Возможно, она сумеет купить лишнюю пару ботинок у одного из работяг? От одной мысли у нее свело судорогой желудок, но выбора не было.

Затем она перебрала содержимое сундука. Это был лишь один из сундуков Ясны, но Шаллан узнала в нем тот самый, который наставница хранила в своей каюте – тот, что забрали убийцы. В нем содержались заметки принцессы – бесчисленные блокноты. Первоисточников в сундуке нашлось не много, но это не имело значения, поскольку Ясна дотошным образом переписала важные отрывки.

Отложив последнюю книгу, Шаллан заметила что-то на дне сундука. Выпавший откуда-то лист? Она с любопытством подняла его – и чуть не выронила от изумления.

Это был портрет Ясны, нарисованный самой Шаллан. Девушка подарила его принцессе, когда та приняла ее в качестве своей ученицы. Она предполагала, что Ясна выбросила рисунок: эта женщина не испытывала особой любви к изобразительному искусству, считая его несерьезным.

Но Ясна хранила подарок вместе с самыми ценными вещами. Нет. Шаллан не хотела об этом думать, не желала это осознавать.

– Ммм... – пробормотал Узор. – Ты не можешь хранить все обманы. Только самые важные.

Шаллан прикоснулась к лицу: по щекам текли слезы. Из-за Ясны. Она избегала скорби – спрятала ее в маленькую коробочку и убрала подальше.

Стоило позволить этой скорби выйти на свободу, как к ней присоединилась другая. Эта скорбь казалась несерьезной по сравнению со смертью Ясны, но угрожала доставить Шаллан не меньшее – если не большее – огорчение.

– Мои альбомы... – прошептала она. – Они все пропали.

– Да, – печально проговорил Узор.

– Все рисунки, какие у меня были. Мои братья, мой отец, мать... – Все кануло в бездну вместе с набросками разных существ и размышлениями об их связях, биологии и природе. Все погибло. Все до последнего листочка.

Мир не рухнул из-за каких-то дурацких нарисованных небесных угрей, но Шаллан показалось, что он уже не будет прежним.

– Ты нарисуешь еще, – прошептал Узор.

– Я не хочу. – Девушка сморгнула новые слезы.

– Я не перестану вибрировать. Ветер не перестанет дуть. Ты не перестанешь рисовать.

Шаллан провела пальцами по портрету Ясны. Глаза принцессы сияли, точно она ожила, – это было первое изображение Ясны, нарисованное в тот день, когда они встретились.

– Сломанный духозаклинатель был с моими вещами. Теперь он на дне океана, потерян. Я не смогу починить его и отправить братьям.

Узор зажужжал, как ей показалось, в угрюмой тональности.

– Кто они? – спросила Шаллан. – Те люди, которые это сделали, убили ее и отняли мое искусство. Зачем сотворили такие ужасные вещи?

– Я не знаю.

– Но ты уверен, что Ясна была права? – спросила Шаллан. – Приносящие пустоту вернутся?

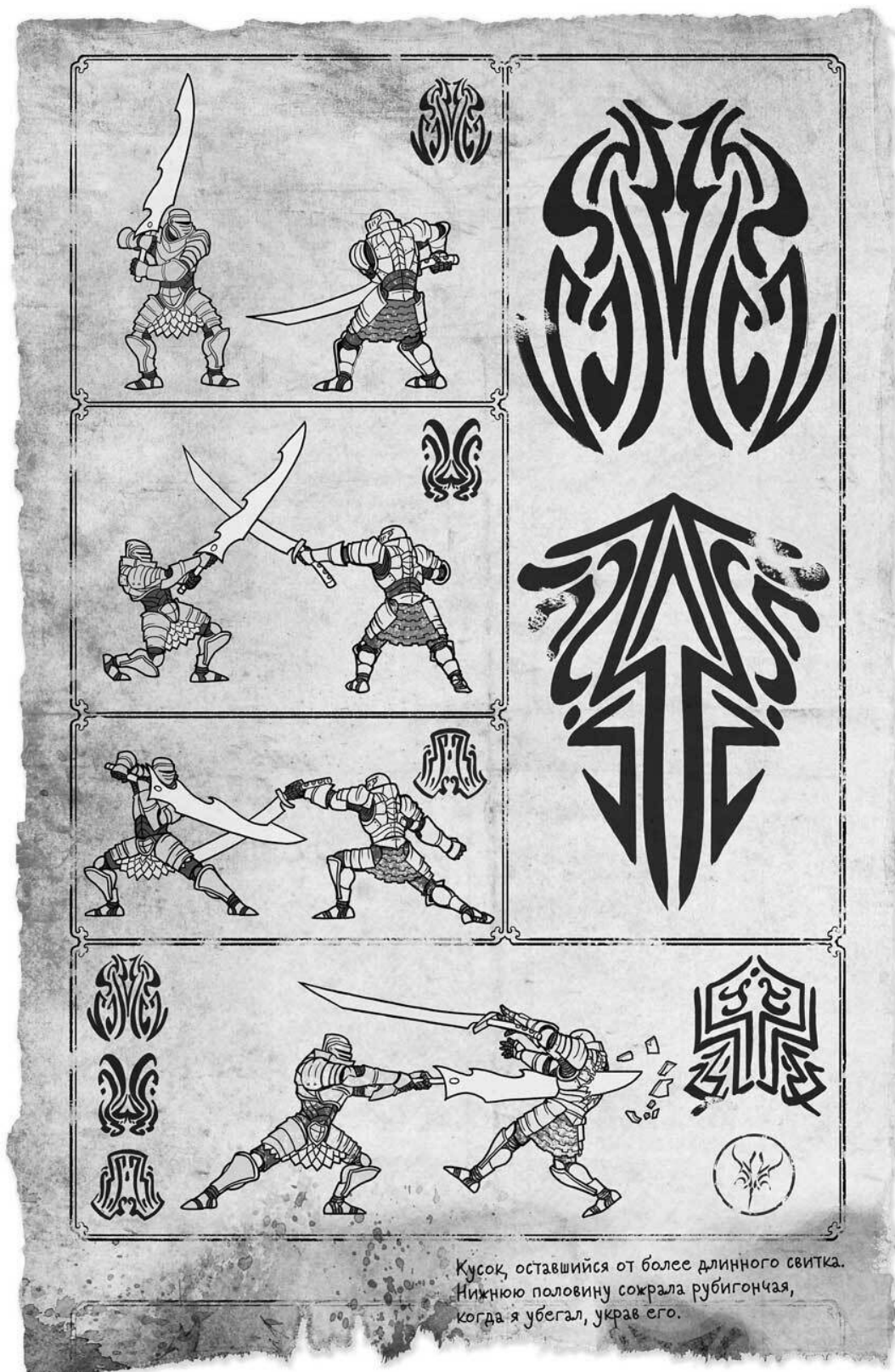
– Да. Спрены... Его спрены. Они идут.

– Люди, что убили Ясну. Они, скорее всего, из той же компании, в которой состоял Кабзал и... и мой отец тоже. Зачем им убивать человека, ближе всех подобравшегося к пониманию того, как и почему возвращаются Приносящие пустоту?

– Я... – начал Узор и замялся.

– Не стоило спрашивать. Я уже знаю ответ, и он очень человеческий. Эти люди хотят управлять знанием, чтобы получить выгоду. Получить выгоду из самого конца света. Мы должны это предотвратить.

Она вложила портрет Ясны в одну из книг, чтобы не помялся.

Кусок, оставшийся от более длинного свитка.
Нижнюю половину сожрала рублигончая,
когда я убежал, украв его.

14

Стиль железа

*Чтоб в бракоформе любовь разделить,
Жизнь даровать и восторг испытать,
Ты должен заботу в себе сохранить,
Чувства чужие должен понять.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа 5

Сколько времени прошло... – Адолин присел перед своим осколочным клинком, вонзенным в камень.

Он был один. Наедине с мечом в одной из новых комнат для переодевания и ожидания, пристроенных к дуэльной арене.

– Помню, как я тебя выиграл, – прошептал Адолин, глядя на свое отражение на поверхности лезвия. – Тогда меня тоже никто не принимал всерьез. Думали, я просто хлыщ в красивом наряде. Тиналару понадобилась дуэль со мной лишь для того, чтобы досадить моему отцу. Вместо этого я получил его клинок. – Если бы Адолин проиграл, ему пришлось бы отдать Тиналару осколочный доспех, который достался ему по материнской линии.

Принц не дал своему клинку имя. Одни так делали, другие – нет. Он не считал это правильным – не потому, что думал, будто клинок не заслуживает имени, а потому, что решил, будто не знает истинного имени. Это оружие когда-то давным-давно принадлежало одному из Сияющих рыцарей. Тот, несомненно, как-то нарек клинок. Выдумывать что-то другое было самонадеянно. Адолин так полагал даже до того, как его мнение о Сияющих улучшилось благодаря отцу.

Адолин умрет, а клинок останется. Это оружие ему не принадлежит. Он просто взял его в долг на некоторое время.

Поверхность меча была строгой, гладкой, а он сам – длинным, извилистым, как угорь, с выступами на обухе, похожими на растущие кристаллы. Клинок выглядел более длинной версией обычного полуторника и чем-то напоминал огромные широкие двуручники, которыми орудовали рогоеды.

– Настоящая дуэль, – прошептал Адолин клинку. – С настоящими ставками. Наконец-то. Никаких больше хождений вокруг да около, никаких ограничений.

Осколочный клинок не ответил, но принц представлял себе, что он слушает. Нельзя было использовать такое оружие – оружие, казавшееся продолжением самой души, – и не чувствовать время от времени, что оно живое.

– Я так уверенно со всеми говорю, потому что знаю: они положились на меня. Но если сегодня я проиграю, все кончено. Больше никаких дуэлей, а взамен – серьезные проблемы для воплощения отцовского плана.

Он слышал людей снаружи. Топот ног, невнятные разговоры. Царапание по камню. Они пришли. Пришли, чтобы посмотреть, как Адолин победит или будет унижен.

– Возможно, это наша последняя битва вместе, – негромко проговорил Адолин. – Я благодарен тебе за все, что ты для меня сделал. Я знаю, ты бы сделал то же самое для любого другого, кто владел бы тобой, но все равно благодарю. И... хочу, чтобы ты знал: я верю в отца. Верю, что он прав, что его видения истинны. Что миру нужен единый Алеткар. Битвы вроде сегодняшней – мой способ воплотить это в жизнь.

Адолин и его отец не были политиками. Они были солдатами – Далинар стал таким по собственной воле, его старший сын – скорее в силу обстоятельств. Они не смогут сотворить единое королевство при помощи слов. Им придется сражаться ради достижения цели.

Юноша встал, похлопал себя по карману, позволил клинку превратиться в туман и пересек маленькую комнату. Он вышел в узкий коридор, каменные стены которого были покрыты рельефами, изображавшими десять боевых стилей – основу фехтовального искусства. Рельефы создали где-то в другом месте, потом поместили сюда, когда строили это помещение, – недавнее добавление заменило шатры, где раньше проходила подготовка к дуэлям.

Стиль ветра, стиль камня, стиль пламени... Для каждой из десяти Сущностей имелся рельеф с соответствующим боевым стилем. Адолин перечислял их про себя, пока шел по коридору. Этот небольшой туннель был высечен в камне самой арены и заканчивался в маленькой комнате в скале. Яркий свет, заливавший дуэльное пространство, лился сквозь щели между стеной и последними дверями, отделявшими его от противника.

С комнатой для медитации и этой раздевалкой, где можно было надеть доспехи или отдохнуть в перерывах между битвами, дуэльная арена военных лагерей уже почти не отличалась от тех, что остались в Алеткаре. Это можно было лишь приветствовать.

Адолин вернулся в раздевалку, где его уже ждали брат и тетушка. Буреотец, у него вспотели руки! Даже отправляясь на битву, когда его жизни угрожала настоящая опасность, он не чувствовал такого волнения.

Тетушка Навани только что закончила рисовать охранный глиф. Отложив ручку-кисть, она отошла от постамента и подняла знак – ярко-красный на белой ткани, – чтобы показать Адолину.

– Победа? – наугад спросил он.

Навани опустила ткань, вскинула бровь.

– Что такое?

Вошли его оружейники, неся части осколочного доспеха.

– Тут написано: «Безопасность и слава», – объяснила Навани. – Тебе бы стоило подучить глифы, Адолин, они не кусаются.

Он пожал плечами:

– Никогда не считал их такими уж важными.

– Ладно. – Навани почтительно сложила молитву и поместила ее на жаровню. – Надеюсь, в конце концов у тебя появится жена, которая будет и читать глифы, и рисовать их.

Адолин склонил голову, как полагалось делать, пока молитва горела. Пайлиах свидетельница, сейчас не время оскорблять Всемогущего. Но когда все закончилось, он посмотрел на Навани.

– Есть новости о корабле?

Они ждали, что Ясна пошлет весточку, когда достигнет Мелководных Крипт, но ничего не пришло. Навани списалась с конторой портового управляющего в том далеком городе и получила ответ: «Услада ветра» в Мелководных Криптах не появлялась. Корабль опаздывал на целую неделю.

Она небрежно взмахнула рукой:

– Ясна на борту.

– Знаю, тетушка, – сказал Адолин и переступил с ноги на ногу, ощущая тревогу. Что же произошло? Может, корабль настигла Великая буря? А как быть с этой девушкой, на которой ему предстоит жениться, если Ясна добьется своего?

– Раз корабль задерживается, значит Ясна что-то задумала, – проговорила Навани. – Вот увидишь. Мы получим от нее сообщение через пару недель с требованием что-то сделать или предоставить какие-нибудь сведения. Мне придется насильно вытягивать из нее причину задержки. Да пошлет Баттах этой девочке немного здравого смысла вместе с умом.

Адолин не стал упорствовать. Навани знала Ясну лучше кого бы то ни было. Но... он, конечно, беспокоился о кузине и, сам того не ожидая, переживал, что не встретится со своей нареченной, Шаллан, в назначенный срок. Разумеется, условная помолвка вряд ли привела бы к серьезным последствиям, но часть его желала именно этого. Позволить кому-то другому выбирать за себя было до странности увлекательно, принимая во внимание то, какими громкими проклятиями сыпала Данлан, когда он порвал с нею.

Девушка оставалась одной из письмоводительниц отца, так что время от времени они виделись. Новые сердитые взгляды. Но, буря свидетельница, на этот раз он не был виноват. Данлан стоило бы следить за тем, что она говорит подругам...

Оружейник поставил перед Адолином латные ботинки, и он ступил в них, ощущая, как пластины брони смыкаются друг с другом. Оружейники быстро закрепили поножи и двинулись выше, заковывая его в необычно легкий металл. Вскоре остались только латные перчатки и шлем. Юноша присел, сунул руки в лежавшие по бокам перчатки, разместив пальцы по местам. Осколочный доспех, как обычно, странным образом сжимался сам по себе, точно небесный угорь, обвивающий крысу, и вскоре его запястья охватила тугая, но удобная броня.

Он повернулся, чтобы взять шлем у последнего оружейника. Им был Ренарин.

– Курицу ел? – спросил Ренарин, когда брат взял у него шлем.

– На завтрак.

– А с мечом поговорил?

– Целую речь толкнул.

– Мамина цепочка в кармане?

– Трижды проверил.

Навани скрестила руки на груди.

– Все еще держитесь за эти глупые суеверия?

Братья одарили ее неласковыми взглядами.

– Это не суеверия, – возразил Адолин, и одновременно с ним Ренарин произнес:

– Тетушка, это просто наудачу.

Она закатила глаза.

– Я уже давно не участвовал в официальной дуэли, – добавил Адолин, надевая шлем с открытым забралом. – Не хочу, чтобы что-то пошло не так.

– Глупости, – упрямо заявила Навани. – Верь во Всемогущего и Вестников, а не в то, правильную ли пищу ты ел перед дуэлью. Вот же буря! В следующий раз я узнаю, что ты поверил в тайленские Стремления.

Адолин и Ренарин переглянулись. Его маленькие ритуалы, скорее всего, не помогли одерживать победу, но... зачем рисковать? У каждого дуэлянта свои капризы. И его собственные пока ни разу не подвели.

– Наши телохранители совсем не рады происходящему, – негромко заметил Ренарин. – Только о том и говорят, как тяжело будет тебя защищать, когда кто-то размахивает осколочным клинком.

Адолин опустил забрало. Оно затуманилось по краям, становясь на место, и сделалось прозрачным, так что вся комната была ему видна. Он ухмыльнулся, полностью уверенный в том, что Ренарин не видит его лица.

– Так жаль, что я лишил их возможности нянчиться со мной.

– Почему ты так любишь над ними издеваться?

– Не люблю телохранителей.

– У тебя и раньше были охранники.

– На поле боя, – уточнил Адолин.

Когда за ним повсюду таскались сопровождающие, это ощущалось совсем иначе.

– Тут есть что-то еще. Не лги мне, брат. Я слишком хорошо тебя знаю.

Адолин изучил Ренарина, чьи глаза за стеклами очков были такими серьезными. Его младший брат почти все время выглядел слишком мрачным.

– Мне не нравится их капитан, – признался Адолин.

– Почему? Он спас отцу жизнь.

– Просто он меня беспокоит. – Адолин пожал плечами. – Что-то с ним не так. Оттого я и становлюсь подозрительным.

– По-моему, тебе не понравилось, как он тобой командовал на поле боя.

– Я об этом почти забыл, – небрежно бросил Адолин, шагнув к двери, ведущей на арену.

– Что ж, ладно. Ступай. А-а, еще кое-что, братец...

– Да?

– Постарайся не проиграть.

Адолин распахнул двери и вышел на песок. Он уже бывал на этой арене раньше: хотя Военные заповеди аleti и запрещали дуэли между офицерами, ему все-таки требовалось поддерживать форму.

Чтобы не ссориться с отцом, Адолин не участвовал в важных поединках, целью которых было чемпионское звание или осколки. Он не осмеливался рисковать клинком и броней. Теперь все изменилось.

Воздух все еще был по-зимнему прохладным, но солнце светило ярко. Его дыхание отдавалось внутри шлема, под ногами скрипел песок. Он кинул взгляд на трибуны, чтобы убедиться, что отец смотрит. Далинар смотрел. Как и король.

Садеас не явился. Ну и ладно. Это бы отвлекло Адолина, заставило вспомнить об одном из тех последних случаев, когда Садеас и Далинар были дружны, сидели рядом на каменных скамьях, следили за поединком Адолина. Неужели Садеас спланировал предательство именно тогда, смеясь и болтая с Далинаром, как полагается старым друзьям?

«Сосредоточься».

Сегодня его противник – не Садеас, но однажды... Однажды он затащит этого человека на арену. Такова его главная цель.

Пока что ему придется довольствоваться Салинором, одним из осколочников Танадаля. У Салинора был только клинок, хотя для поединка с полным осколочником он одолжил один из королевских доспехов.

Салинор стоял по другую сторону арены, одетый в безыскусный сланцево-серый осколочный доспех, и ждал, пока верховный судья – светледи Истиоу – даст сигнал к началу поединка. Эта битва была в каком-то смысле оскорбительной для Адолина. Чтобы вынудить Салинора согласиться на дуэль, ему пришлось поставить на кон и доспех, и клинок против всего-то лишь одного клинка. Словно Адолин должен предложить более весомые трофеи, чтобы Салинор соизволил ответить на вызов.

Как и ожидалось, трибуны переполняли светлоглазые. Хоть молва и твердила, что Адолин уже не тот, поединки за осколки случались очень-очень редко. Этот был первым более чем за год.

– Призывайте клинки! – приказала Истиоу.

Принц вскинул руку в сторону. Клинок упал в подставленную ладонь через десять ударов сердца, на миг опередив оружие соперника. Сердце Адолина билось быстрее, чем сердце Салинора. Возможно, это означало, что противник не испугался и недооценил его.

Юноша принял стойку ветра: руки согнуты в локтях, корпус повернут боком, острие меча указывает вверх и назад. Его противник принял стойку пламени: меч в одной руке, вторая касается лезвия, стопы под прямым углом друг к другу. Боевые стили были, скорее философией, чем четко определенной последовательностью движений. Стилль ветра – непринужденный, стремительный, величественный. Стилль пламени – быстрый и подвижный, более подходящий для осколочных клинков покороче.

Стилль ветра был Адолину хорошо знаком. Он ему служил верой и правдой много лет.

Но сегодня был не его день.

«Мы на войне, – подумал Адолин, когда Салинор двинулся вперед, намереваясь его проверить. – И каждый светлоглазый в армии – зеленый новобранец».

Не время для спектакля.

Время для хорошей трепки.

Когда Салинор подобрался достаточно близко для осторожного удара, чтобы прощупать защиту противника, Адолин развернулся и принял железную стойку, держа меч обеими руками над плечом. Он отбил первый удар Салинора, шагнул вперед и с размаху опустил клинок на шлем противника. Раз, другой, третий. Салинор пытался парировать, но был явно потрясен атакой Адолина, и два удара достигли цели.

По шлему противника побежали трещины. Принц услышал пыхтение и проклятия – Салинор пытался снова принять атакующую стойку. Все должно было выглядеть совсем иначе. Где же проверочные удары, искусство, танец?

Адолин зарычал, ощущая старый добрый азарт битвы, и отбил атаку Салинора, не заботясь о том, что тот все же зацепил его бок, а потом опять взял клинок в обе руки и со страшной силой ударил по нагруднику противника, словно рубил дрова. Салинор снова запыхтел, и Адолин, подняв ногу, пнул его в грудь, заставив отлететь и упасть на спину.

Салинор выронил клинок – такова была уязвимость стилиа пламени, который требовал держать меч одной рукой, – и оружие превратилось в туман. Адолин встал над ним, отпустил собственный клинок и латным ботинком пнул шлем Салинора. Кусок брони разлетелся на оплавленные кусочки, открыв лицо противника, растерянное и охваченное паникой.

Следующий пинок Адолина пришелся по нагруднику. Хотя Салинор пытался схватить его за ногу, принц беспощадно пинал, пока и нагрудник не лопнул.

– Стоп! Стоп!!!

Адолин остановился, опустил ногу рядом с головой Салинора и посмотрел на верховную судью. Женщина стояла в своей ложе – лицо у нее было красное, голос разгневанный.

– Адолин Холин! – закричала она. – Это дуэль, а не рукопашный бой!

– Я нарушил правила? – прокричал он в ответ.

Тишина. До Адолина дошло, что, хоть в ушах у него шумит, зрители хранят молчание. Он слышал, как они дышат.

– Я нарушил правила? – опять требовательно спросил он.

– Дуэль не должна так...

– Значит, я победил, – перебил Адолин.

Женщина негодуя фыркнула.

– Целью дуэли было сломать три части доспеха. Ты сломал только две.

Принц посмотрел сверху вниз на сбитого с толку Салинора. Наклонился, сорвал наплечник и раздробил его в ладонях.

– Сделано.

Потрясенная тишина.

Адолин присел рядом с противником:

– Твой клинок.

Салинор попытался встать, но в отсутствие нагрудника это было сложнее обычного. Его доспех не действовал как положено, и надо было сначала перекатиться на бок, а потом потихоньку подняться на ноги. Выполнимо, но у него явно не было необходимого опыта для такого маневра. Адолин ударом в плечо отправил противника обратно на песок и прорычал:

– Ты проиграл.

– Ты жульничал! – крикнул Салинор, брызгая слюной.

– Как?

– Не знаю я как! Просто... просто так не должно...

Салинор умолк и вытаращил глаза, когда Адолин осторожно взял его рукой в латной перчатке за шею.

– Ты не посмеешь.

Из песка вокруг него начали выбираться спрены страха.

– Моя награда. – Адолин почувствовал внезапное опустошение.

Азарт покинул его. Вот буря, он никогда раньше не ощущал такого во время дуэли.

В руке Салинора появился его клинок.

– Победа, – поколебавшись, объявила судья, – присуждается Адолину Холину. Салинор Эвед лишается своего осколка.

Салинор позволил осколочному клинку выскользнуть из пальцев. Адолин взял меч и, присев рядом с Салинором, протянул оружие головкой эфеса к поверженному противнику.

– Разрушь узы.

Тот помедлил, потом коснулся рубина на эфесе. Самосвет вспыхнул. Узы были разрушены.

Адолин встал, выдрал рубин из оправы и раздробил рукой в латной перчатке. Этого не требовалось, но символический жест вышел отличный. На трибунах наконец-то раздалась звуки – все заговорили одновременно как безумные. Они пришли поглядеть на спектакль, а увидели жестокое побоище. Что ж, на войне такое не редкость. Это зрелище было для них полезным, решил Адолин, хотя, переступив порог раздевалки, он ощутил неуверенность. Он вел себя безрассудно. Отпустить клинок? Поставить себя в положение, позволяющее врагу нанести удар по ногам?

В комнате Ренарин вытаращил глаза на брата.

– Это, – сказал младший принц, – было просто невероятно. Наверное, ты устроил самый короткий поединок из всех, что когда-нибудь случались! Ты был изумителен!

– Я... Спасибо. – Он вручил Ренарину осколочный клинок Салинора. – Подарок.

– Адолин, ты уверен? В том смысле, что я и с осколочным доспехом-то не справляюсь.

– Полный набор лучше. Бери его.

Брат колебался.

– Бери его, – повторил Адолин.

Ренарин подчинился с неохотой. Взяв клинок, он скривился. Адолин покачал головой и сел на одну из усиленных скамеек, рассчитанных на вес осколочника. В комнату вошла Навани, спустившаяся со своего места на трибунах.

– То, что ты устроил, – назидательно проговорила она, – не сработало бы с более умелым противником.

– Знаю, – согласился Адолин.

– Что ж, мудрый поступок. Ты скрыл свои истинные способности. Люди решат, что ты победил путем обмана, устроил бой без правил вместо приличной дуэли. Они и дальше будут тебя недооценивать. Я могу это использовать, чтобы организовать тебе новые дуэли.

Адолин кивнул, притворяясь, будто именно так и планировал.

15
Выбросить «башню»

*Трудоформа усердьем и силой наделяет,
Тихий шепот спрена ушей достигает:
Тайну хочешь узнать? Эту форму добудь.
Получи свободу, о страхе забудь.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа 19

Торговец Твлакв, – сказала Шаллан, – полагаю, на тебе сегодня другая пара обуви, чем в первый день нашего путешествия.

Твлакв остановился по пути к вечернему костру, но спокойно ответил на ее вызов – повернулся с улыбкой, качая головой:

– Боюсь, вы ошибаетесь, светлость! Почти в самом начале этого путешествия я потерял один из сундуков с одеждой во время бури. У меня осталась единственная пара ботинок.

Это была откровенная ложь. Однако после шести дней совместного пути она поняла, что Твлакву плевать, если его ловят на лжи.

Шаллан, устроившись на высоком переднем сиденье фургона и оберегая забинтованные ноги, внимательно посмотрела на Твлакву сверху вниз в сумерках. Она провела большую часть дня, выдавливая сок из стеблей шишкотравника и втирая в ступни, чтобы отогнать спренов гниения. Веденка была очень довольна тем, что заметила эти растения, – ей здорово не хватало практических знаний, но от кое-каких прочитанных книг в диких местах все же был толк.

Стоит ли открыто сказать ему, что это ложь? Чего она добьется? Он следил за ней глазами-бусинами, прячась в тени.

– Что ж, – отступила Шаллан, – это печально. Надеюсь, во время путешествия мы повстречаем другую компанию торговцев, у которых я смогу купить подходящую обувь.

– Светлость, я обязательно постараюсь подыскать такую возможность. – Твлакв удостоил ее поклоном и фальшивой улыбкой, а потом продолжил путь к вечернему костру, который горел неравномерно, – у них закончились дрова, и паршуны отправились во тьму, чтобы поискать еще.

– Обманы, – тихонько проворчал Узор, чьи очертания были почти невидимы на сиденье около нее.

– Он знает, что я куда больше завишу от него, пока не могу ходить.

Твлакв уселся рядом с умирающим костром. Неподалеку бродили громадные распряженные чуллы, давя маленькие камнепочки исполинскими лапами. Животные никогда не уходили далеко.

Твлакв начал тихо шептаться с Тэгом, наемником. Он продолжал улыбаться, но девушка не доверяла его темным глазам, блестящим в свете костра.

– Иди проверь, о чем он говорит, – велела Шаллан Узору.

– Проверить?..

– Послушай слова, потом вернись и повтори их мне. Не приближайся к свету слишком сильно.

Узор сполз по боковой стороне фургона. Шаллан откинулась на спинку жесткого сиденья, потом достала из своего тайного кармана маленькое зеркало, найденное в сундуке Ясны, и одну сапфировую сферу для света. Просто марку, которая сама по себе была не яркой, да еще и быстро тускнела.

«Когда должна быть следующая Великая буря? Завтра?»

Приближалось начало нового года, а с ним и Плач, хотя еще оставалось несколько недель. Это ведь был Светлый год? Что ж, она может выдержать Великую бурю здесь, в пустоши. Девушка уже один раз прошла через это унижительное испытание, запершись в своем фургоне.

Зеркальце демонстрировало, что Шаллан выглядит ужасно. Красные глаза с мешками под ними, волосы всклокочены, платье в прорехах и пятнах. Она была похожа на нищенку, которая обнаружила в куче мусора платье, некогда бывшее красивым.

Это не слишком ее беспокоило. Стоит ли выглядеть красивой рядом с работягами? Едва ли. Однако Ясна, не заботясь о том, что подумают люди, всегда прилагала усилия к тому, чтобы выглядеть безупречно. Она никого не пыталась соблазнить – об этом речь не шла. Вообще-то, она однозначно презирала такое поведение. «Использовать симпатичное личико, чтобы заставить мужчин делать то, что ты желаешь, ничем не отличается от использования грубой силы женщиной, который хочет подчинить женщину своей воле, – считала принцесса. – И то и другое низко и с возрастом перестанет удаваться».

Нет, Ясна не признавала соблазнение подходящим инструментом. Однако люди по-другому реагировали на тех, кому явно удавалось сохранять стиль.

«Но что я могу сделать? – подумала Шаллан. – У меня нет косметики; у меня даже туфель нет».

– ...Может, она важная шишка, – вдруг раздался рядом с ней голос Твлаква. Шаллан вздрогнула и посмотрела в сторону, где поблизости на сиденье вновь расположился Узор. Голос шел оттуда.

– От нее одни проблемы, – сказал голос Тэга. Вибрации Узора воспроизводили звуки в точности. – Я по-прежнему считаю, что нам надо бросить ее и уехать.

– Какое счастье для нас, – снова голос Твлаква, – что решение принимаешь не ты. Позаботься об ужине. Я позабочусь о нашей маленькой светлоглазой попутчице. Кто-то ее потерял, кто-то очень богатый. Тэг, если мы сумеем продать ее этому кому-то, то, возможно, наконец-то выберемся из ямы.

Узор воспроизвел недолгое потрескивание пламени и замолчал.

Разговор был воссоздан с удивительной точностью. «Это, – подумала Шаллан, – может оказаться очень полезным».

К несчастью, с Твлаквом надо было что-то делать. Она не могла позволить ему рассматривать себя в качестве того, что можно продать тому, кто ее «потерял», – это было слишком

похоже на обращение с рабыней. Если она позволит ему и дальше так мыслить, то проведет остаток пути, переживая из-за него и громил.

Что бы сделала Ясна в такой ситуации?

Стиснув зубы, Шаллан сползла с сиденья фургона, осторожно ступая ранеными ногами. Она с трудом могла ходить. Подождав, пока спрены боли исчезнут, и пряча свои мучения, девушка приблизилась к костерку и села.

– Тэг, можешь идти.

Тот посмотрел на Твлакву, который кивнул. Тэг отправился проверить паршунов. Блат ушел на разведку, как часто делал по ночам, выискивая признаки других караванов, направлявшихся этой же дорогой.

– Пришла пора обсудить твоё вознаграждение, – сказала Шаллан.

– Служить кому-то столь прославленному – вознаграждение само по себе.

– Разумеется, – согласилась она, посмотрев ему в глаза. «Не отступай. Ты сможешь». – Но торговцу надо зарабатывать на жизнь. Твлакв, я не слепая. Твои люди не согласны с твоим решением помочь мне. Они думают, это пустая трата времени.

Твлакв растерянно покосился в сторону Тэга. Шаллан надеялась, что сейчас он спрашивает себя, о чем еще она догадалась.

– Прибыв на Расколотые равнины, – продолжила Шаллан, – я получу огромное состояние. Пока что оно мне еще не принадлежит.

– Это... прискорбно.

– Ничуть. Это шанс, торговец Твлакв. Состояние, о котором я говорю, представляет собой результат помолвки. Если я прибуду туда в целостности и сохранности, те, кто меня спас – уберег от пиратов, всем пожертвовал, чтобы доставить меня в новую семью, – вне всяких сомнений, будут хорошо вознаграждены.

– Я всего лишь скромный слуга, – ответил Твлакв с широкой фальшивой улыбкой. – Я и помыслить не смею о вознаграждении.

«Он думает – я лгу».

Шаллан раздраженно стиснула зубы, внутри ее вспыхнул гнев. Точно так же с нею вел себя Кабзал! Обращался как с игрушкой, инструментом в собственной борьбе, а не как с настоящим человеком.

Она подалась ближе к Твлакву, ближе к костру:

– Работорговец, не играй со мной.

– Я бы не посмел...

– Ты понятия не имеешь, в какую бурю забрел, – прошипела Шаллан, не сводя с него глаз. – Ты понятия не имеешь, что стоит на кону в связи с моим прибытием. Засунь свои мелочные планы в расщелину. Сделай как я говорю – и твои долги будут аннулированы. Ты опять станешь свободным человеком.

– Что? Как... откуда вы...

Шаллан встала, не давая ему договорить. Почему-то она чувствовала себя сильнее, чем раньше. Решительнее. От неуверенности у нее внутри все трепетало, но девушка сумела подавить это ощущение.

Твлакв не знал, что она робкая. Не знал, что она выросла в уединенной сельской местности. Для него девушка была придворной дамой, умевшей стоять на своем и привыкшей, чтобы ей все подчинялись.

Стоя перед ним, ощущая себя светящейся в мерцании костра – возвышаясь над ним и его неуклюжими махинациями, – она все видела. Дело не в том, чего ожидают от тебя окружающие.

А в том, чего ты ожидаешь от себя самого.

Твлакв отпрянул от нее, словно от яростно полыхающего костра. Он съежился, распахнул глаза, вскинул руку. Шаллан поняла, что и впрямь слабо светится, излучая свет сфер. На ее платье больше не было ни прорех, ни пятен. Оно выглядело великолепным.

Девушка инстинктивно погасила свечение своей кожи, надеясь, что Твлакв спишет все на игру света. Повернулась и, оставив его трястись у костра, направилась обратно к фургону. Вокруг была густая тьма, первая луна еще не взошла. Пока Шаллан шла, ее ноги болели совсем не так сильно, как должны были. Неужели это сок шишкотравника творит чудеса?

Она достигла фургона и начала забираться на сиденье, но Блат выбрал именно этот момент для шумного возвращения в лагерь.

– Гасите костер! – крикнул он.

Твлакв ошеломленно уставился на наемника.

Блат ринулся вперед, мимо Шаллан, и, достигнув костра, схватил котелок с кипящим супом. Опрокинул на пламя – и от мокрого пепла с шипением пошел пар, а спрены огня бросились врассыпную и исчезли.

Твлакв вскочил, уставившись на слабо освещенные умирающими углями грязные струйки супа, которые побежали мимо его ног. Шаллан, стиснув зубы от боли, спустилась с фургона и подошла. Тэг подбежал с другой стороны.

– ... Их, похоже, несколько десятков, – негромко излагал Блат. – Они хорошо вооружены, но не богаты – нет ни лошадей, ни чуллов.

– О чем речь? – требовательно спросила Шаллан.

– О бандитах, – пояснил Блат. – Или наемниках. Называйте как хотите.

– Светлость, эти места никто не патрулирует. – Твлакв посмотрел на нее и быстро отвел взгляд, явно еще не оправившись от потрясения. – Понимаете, это дикие земли. Присутствие алети на Расколотых равнинах означает, что многие ездят туда-сюда. Торговые караваны вроде нашего, ремесленники в поисках работы, низкорожденные светлоглазые – «наемные мечи», желающие завербоваться на военную службу. Эти два условия – беззаконие в сочетании со множеством путешественников – привлекают особую разновидность бандитов.

– Они опасны, – согласился Тэг. – Берут что хотят. Оставляют только трупы.

– Они видели наш костер? – спросил Твлакв, теребя в руках свою шапку.

– Не знаю, – сказал Блат, бросив взгляд через плечо. Шаллан с трудом могла разглядеть выражение его лица во тьме. – Я не хотел подбираться слишком близко. Подкрался, посчитал и сразу же бросился назад.

– Как ты можешь быть уверен в том, что они бандиты? – спросила Шаллан. – Вдруг, это солдаты, которые направляются к Расколотым равнинам, как и сказал Твлакв?

– У них ни знамен, ни эмблем, – объяснил Блат. – Но хорошее оружие и дозорные по всем правилам. Они дезертиры. Ставлю на это чуллов.

– Ха! – воскликнул Твлакв. – Блат, ты ставишь моих чуллов против того, кто выбросил «башню». Но, светлость, хоть этот дурень совсем не умеет играть, думаю, он прав. Надо запрячь чуллов и немедленно уезжать. Ночная тьма нам на руку, и это следует использовать.

Она кивнула. Собирая лагерь и запрягая чуллов, мужчины двигались быстро, даже грузный Твлакв. Рабы, не получившие вечерней похлебки, ворчали. Шаллан остановилась возле их клетки, ощущая стыд. У ее семьи были рабы – не только паршуны и ревнителы. Обычные рабы. В большинстве случаев они жили не хуже темноглазых, лишенных права путешествовать.

А вот эти бедолаги выглядели больными и полумертвыми от голода.

«Шаллан, ты сама в шаге от того, чтобы оказаться в такой же клетке, – подумала она и вздрогнула, когда прошел Твлакв и прошипел проклятия в адрес пленников. – Нет. Он не осмелится тебя туда засунуть. Просто убьет».

Пришлось снова напомнить Блату, чтобы он помог ей забраться на сиденье. Тэг загнал паршунов в их клетку, проклиная за медлительность, потом вскарабкался на свое место. Его фургон был замыкающим.

Взошла первая луна, и стало светлее, чем Шаллан хотелось бы. Казалось, что каждый шаг чуллов сопровождается хрустом, оглушительным, как раскат грома во время Великой бури. Они задевали растения, которые девушка назвала «хрустешипами», – с веточками в виде трубок из песчаника. Они трещали и тряслись.

Продвижение было небыстрым – чуллы не умели двигаться иначе. Пока они шли, Шаллан заметила огни на склоне холма, до жути близкие. Походные костры; минут десять пешим ходом. Ветер переменялся и принес отзвуки далеких голосов, звон металла о металл, – наверное, там шел тренировочный бой.

Твлакв развернул караван на восток. Шаллан нахмурилась в ночи.

– Почему так? – шепотом спросила она.

– Помните, мы видели овраг? – так же шепотом ответил Блат. – Он окажется между нами и бандитами, на случай если они что-то услышат и захотят проверить.

Шаллан кивнула:

– Что будем делать, если нас поймают?

– Тогда нам несдобровать.

– Может, сумеем откупиться?

– Дезертиры не такие, как обычные разбойники. Эти люди предали все. Клятвы. Свои семьи. Дезертирство ломает человека, делает способным на все, потому что ты уже отказался от того, что раньше боялся потерять.

– Ого! – выдохнула Шаллан, бросив взгляд через плечо.

– Я... да, это решение меняет всю твою жизнь. И хотелось бы верить, что в тебе осталось хоть немного чести, но сам знаешь, что отказался от нее окончательно и бесповоротно.

Он замолчал, а Шаллан слишком волновалась, чтобы подтолкнуть к дальнейшим откровениям. Она продолжала следить за огнями на склоне холма, а фургоны все катились и катились в ночи, и в конце концов темнота скрыла их бегство.

16 Мастер-мечник

*Шустроформы нежны прикосновенья,
Боги многим однажды ее даровали,
И дерзновенных постигло крушенье —
Были очень точны, но меры не знали.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа 27

Знаешь, – сказал Моаш, стоявший рядом с Каладином, – я предполагал, что это место будет...

– Больше? – предположил Дрехи с легким акцентом.

– Лучше, – ответил Моаш и обвел тренировочную площадку многозначительным взглядом. – Здесь все так же, как и там, где тренируются темноглазые солдаты.

Здание предназначалось для светлоглазых Далинара. В центре имелся большой открытый внутренний двор с толстым слоем песка. Приподнятая деревянная пешеходная дорожка огибала площадку, располагаясь между песком и окружавшей его узкой постройкой глубиной всего в одну комнату. Это сооружение закрывало двор со всех сторон, не считая фасада, где возвели стену с арочным входом; крыша здания была широкой, и тень от нее падала на деревянную дорожку. Светлоглазые офицеры болтали в тени или наблюдали, как посреди залитого солнечным светом двора кто-то тренируется; ревнители сновали туда-сюда, разнося оружие или напитки.

На тренировочных площадках всегда так. Каладин посетил несколько комплексов, подобных этому. В основном в те времена, когда еще был новобранцем в армии Амарама.

Он стиснул зубы, упираясь пальцами в арку, ведущую к площадке. Прошло семь дней после прибытия Амарама в военные лагеря. Семь дней Каладин был вынужден мириться с тем фактом, что Амарама и Далинар – друзья.

Юноша решил, что будет шквалью счастлив в связи с прибытием Амарама. Ведь это, в конце концов, означало, что появился шанс наконец-то проткнуть предателя копьём.

«Нет, – подумал Каладин у входа на тренировочную площадку. – Не копьём. Ножом. Я хочу быть с ним рядом, лицом к лицу, чтобы видеть, как он паникует, умирая. Я хочу *почувствовать*, как нож войдет в его тело».

Каладин махнул своим людям и прошел под аркой, вынудив себя сосредоточиться на окружающем, а не на Амараме. Арка была из хорошего камня, добытого в каменоломне поблизости, и форма у нее была обычная – с усиленной восточной стороной. Судя по скромным отложениям крема, эти стены воздвигли недавно. Еще один признак того, что Далинар начал считать военные лагеря чем-то постоянным: он сносил простые, временные строения и заменял их крепкими зданиями.

– Не знаю, чего ты ждал, – сказал Дрехи Моашу, оглядевшись по сторонам. – Каким образом тренировочная площадка для светлоглазых может отличаться от обычной? Ты думал, тут алмазная пыль вместо песка?

– Ой-ой, – усмехнулся Каладин.

– Понятия не имею, как она может отличаться, – ответил Моаш. – Просто они ведь сами над ней так трясутся. Никаких темноглазых на «особенной» тренировочной площадке. Я не понимаю, что в ней такого особенного.

– Все дело в том, что ты не думаешь как светлоглазый, – пояснил Каладин. – Это место особенное по одной простой причине.

– И по какой же?

– По той, что нас тут нет, – сказал Каладин и пошел вперед. – По крайней мере, обычно.

С ним были Дрехи, Моаш и еще пятеро – членов Четвертого моста и выживших солдат из прежней Кобальтовой гвардии. Далинар передал их под командование Каладина, и того ожидал приятный сюрприз: они приняли нового командира без единого возражения. Все произвели на него сильное впечатление. Кобальтовая гвардия заслужила свою репутацию.

Несколько гвардейцев, все темноглазые, ели теперь вместе с Четвертым мостом. Они попросили выдать им такие же нашивки, и Каладин выполнил просьбу, но приказал пришить эмблему Кобальтовой гвардии на другое плечо и продолжать носить ее в знак гордости.

Капитан, держа копьё в руке, подвел свой отряд к группе ревнителю, которые поспешили навстречу. Ревнителю были в воринских религиозных нарядах – просторных туниках и штанах, перевязанных на талии обычными веревками. Одежда нищих. Они были рабами – и в то же самое время не были. Каладин раньше уделял им не особо много внимания. Его мать, наверное, сокрушалась бы по поводу того, как мало для него значили религиозные предписания. Но Каладин решил, что, раз уж Всемогущий о нем не очень-то заботится, почему бы не ответить взаимностью?

– Это тренировочная площадка для светлоглазых! – строго проговорила старшая ревнительница.

Она была стройной и гибкой женщиной, хотя о ревнителях не следовало думать как о мужчинах или женщинах. У нее была обритая наголо голова, как и у спутников, которые носили аккуратные бороды без усов.

– Капитан Каладин, Четвертый мост, – представился юноша, окидывая тренировочный зал взглядом и опуская копьё на плечо. Во время тренировки тут легко мог произойти несчастный случай. Ему придется быть очень внимательным. – Мы здесь, чтобы охранять сыновей Холина, пока они тренируются.

– Капитан? – насмешливо переспросил один из ревнителю. – Ты?..

Другой жрец что-то ему шепнул и вынудил замолчать. Новости о Каладине быстро распространились по лагерю, но ревнителю нередко вели замкнутую жизнь.

– Дрехи, – проговорил Каладин, указывая направление, – видишь камнепочки в верхней части той стены?

– Ага.

– Они там выросли не сами по себе. Значит, туда можно забраться.
– Разумеется, можно, – сказала главная ревнительница. – Лестница в северо-западном углу. У меня есть ключ.
– Хорошо, тогда впустите его, – распорядился Каладин. – Дрехи, будешь наблюдать сверху.
– Слушаюсь! – Дрехи рысью побежал к лестнице.
– И какая опасность, по-твоему, угрожает им здесь? – спросила жрица, скрестив руки на груди.
– Я вижу много оружия, – пояснил Каладин, – много людей, которые входят и выходят, и... Это что, осколочные клинки? Ума не приложу, что может пойти не так. – Он многозначительно уставился на женщину, и она со вздохом передала ключ помощнику, который побежал следом за Дрехи.

Каладин определил посты всем своим спутникам. Они разошлись по местам, и остались только они с Моашем. Худошавый мостовик немедленно повернулся к осколочным клинкам, стоило о них упомянуть, и теперь не сводил с оружия жадного взгляда. Пара светлоглазых с клинками перешла в центр покрытого песком двора. Один клинок был длинный и тонкий с массивным перекрестьем, другой – широким, громадным, со зловещими шипами, слегка похожими на языки пламени, которые торчали с обеих сторон в нижней трети лезвия. Режущая кромка обоих мечей была покрыта защитными накладками, подобными неполным ножнам.

– Хм, не узнаю ни одного из них. Я считал, что знаю всех осколочников в лагере, – сказал Моаш.

– Они не осколочники, – пояснила ревнительница. – Они используют королевские клинки.

– Элокар позволяет другим людям брать свой осколочный клинок? – спросил Каладин.

– Это великая традиция. – Жрица была явно раздражена необходимостью объяснять. – Великие князья в своих собственных княжествах до объединения делали то же самое, а теперь это обязанность и честь для короля. Мужчины могут использовать осколочный клинок и осколочный доспех короля, чтобы упражняться. Светлоглазые в наших армиях должны уметь обращаться с осколками, ради общего блага. Клинок и доспех непросты в обращении, и если осколочник погибнет во время битвы, то очень важно, чтобы кто-то другой смог ими незамедлительно воспользоваться.

В этом есть смысл, решил Каладин, хотя ему трудно было представить, что светлоглазый позволял кому-то притрагиваться к своему клинку.

– У короля два осколочных клинка?

– Один принадлежал его отцу, и теперь его используют для тренировки осколочников. – Ревнительница посмотрела на сражавшихся. – В Алеткаре всегда были лучшие осколочники в мире. Отчасти благодаря этой традиции. Король намекал, что однажды, возможно, передаст клинок своего отца достойному воину.

Каладин понимающе кивнул.

– Неплохо, – сказал он. – Готов поспорить, множество людей желают поупражняться с клинками, и каждый намерен доказать, что он самый умелый и заслуживает получить такой меч. Элокар придумал отличный трюк, чтобы сделать тренировку привлекательной для кучи народа.

Ревнительница фыркнула и ушла. Каладин посмотрел, как осколочные клинки мелькают в воздухе. Воины, сжимавшие их, с трудом понимали, что делают. Настоящие осколочники, которых он видел и с которыми сражался, не дергались так нелепо, размахивая огромными мечами, как шестами. Даже во время недавней дуэли Адолина...

– Каладин, клянусь бурей! – воскликнул Моаш, наблюдая за уходящей священнослужительницей. – И ты смеешь упрекать меня в неуважении?

– Хм?

– Короля следует называть «ваше величество», – указал Моаш. – А еще ты намекнул, что светлоглазые ленивы и их приходится обманом завлекать на тренировку. Кажется, мы должны избегать проблем со светлоглазыми?

Каладин отвел взгляд от осколочников. Он увлекся и распустил язык.

– Ты прав, – согласился капитан. – Спасибо за напоминание.

Моаш кивнул.

– Ты мне нужен у ворот, – сказал Каладин, ткнув пальцем. Вошли несколько паршунов, неся ящики – видимо, с провизией. Этих не стоило опасаться. Или стоило? – Обращай особое внимание на слуг, оруженосцев и прочих с виду безобидных людей, которые приблизятся к сыновьям Далинара Холина. Нож в бок от кого-нибудь безобидного – один из лучших способов устранить врага.

– Ладно. Но скажи-ка мне, Кэл, кто такой этот Амарам?

Каладин резко повернулся к Моашу.

– Я вижу, как ты на него смотришь, – пояснил Моаш. – Вижу, какое у тебя делается лицо, когда другие мостовики упоминают о нем. Что он тебе сделал?

– Я был в его армии. Сражался за него, перед тем как...

Моаш взмахом руки указал на лоб Каладина:

– Так это его работа?

– Ага.

– Выходит, он совсем не тот герой, о котором люди судачат, – продолжил Моаш. Его это открытие как будто порадовало.

– У него самая темная душа из всех, кого я когда-нибудь знал.

Моаш взял Каладина за руку:

– Мы найдем способ им отомстить – Садеасу, Амараму, тем, кто так с нами поступил.

Вокруг него вскипели спрены гнева, точно лужицы крови на песке.

Каладин посмотрел приятелю в глаза и кивнул:

– Меня это устраивает. – Моаш закинул копьё на плечо и рысью побежал к посту, указанному капитаном. Спрены гнева исчезли.

– Ему тоже не помешало бы научиться улыбаться чаще, – прошептала Сил, устраиваясь на его плече. Каладин и не заметил, как она подлетела.

Юноша начал обход периметра тренировочного комплекса, подмечая все входы и выходы. Возможно, он переусердствовал. Каладин просто предпочитал хорошо выполнять свои обязанности, а прошла уже целая вечность с той поры, как ему приходилось заниматься чем-то иным, кроме спасения Четвертого моста.

Время от времени казалось, что его работу невозможно выполнить хорошо. На прошлой неделе во время Великой бури кто-то снова пробрался в комнаты Далинара и нацарапал второе число на стене. Обратный отсчет, указывающий на ту же дату, до которой оставалось чуть больше месяца.

Великий князь не был этим обеспокоен и пожелал, чтобы о происшествии молчали. Вот буря!.. Неужели он сам писал эти глифы во время припадков? Или это делал какой-то спрен? Каладин был совершенно уверен, что на этот раз ни одной живой душе не удалось бы пробраться мимо него незамеченной.

– Ты не хочешь обсудить то, что тебя тревожит? – спросила Сил с его плеча.

– Я беспокоюсь о том, что происходит с Далинаром во время Великих бурь, – объяснил Каладин. – Эти цифры... Что-то не так. Ты все еще видишь тех спренов?

– Красные молнии? Наверное, да. Их трудно заметить. А ты их не видел?

Каладин покачал головой, крепче сжал копьё и вышел на дорожку. С нее заглянул в кладовую. Там все стены были увешаны деревянными тренировочными мечами – некоторые размером с осколочные клинки – и учебными доспехами.

– И это все, что тебя волнует? – допытывалась Сил.

– А что еще может меня волновать?

– Амарам и Далинар.

– Тоже мне проблема! Далинар Холин дружит с одним из худших убийц, с которыми мне доводилось встречаться. Ну и что? Далинар светлоглазый. Он, наверное, дружит со множеством убийц.

– Каладин...

– Знаешь, а ведь Амарам хуже Садеаса, – продолжил он, обходя кладовую в поисках дверей. – Все знают, что Садеас – крыса. Он этого не скрывает. «Ты мостовик, – сказал он мне, – и я собираюсь тебя использовать, пока ты не сдохнешь». А вот Амарам... обещал вести себя иначе, как те светлорды из старых сказок. Обещал, что защитит Тьена. Притворился честным человеком. Садеасу до таких глубин подлости и не добраться.

– Далинар не такой, как Амарам, – попыталась убедить его Сил. – Ты же это знаешь.

– Люди говорят о нем то же самое, что говорили... все еще говорят про Амарам. – Каладин вышел на свет и продолжил обходить тренировочную площадку, минуя светлоглазых дуэлянтов, которые сражались, взметая песок, пыхтя, потев и оглашая округу треском деревянных мечей, ударявшихся друг о друга.

Каждую пару сопровождало с полдюжину темноглазых слуг с полотенцами и флягами, а у многих были и один-два паршуна – они подносили стул, если хотелось отдохнуть. Буреотец! Даже в таком обычном деле, как тренировка, светлоглазые вели себя как неженки.

Сил взмыла перед лицом Каладина и налетела на него ураганом. Самым настоящим! Она зависла прямо перед ним, стоя на грозовой туче, в которой сверкали молнии.

– Ты и в самом деле считаешь, – строго проговорила она, – что Далинар Холин только притворяется честным человеком?!

– Я...

– Каладин, не лги мне! – Сил шагнула вперед, тыкая в него пальцем. Миниатюрная девушка-спрен в этот момент казалась огромной. – Никаких обманов. Никогда.

Он глубоко вздохнул и, помедлив, сказал:

– Нет. Нет, Далинар отдал за нас свой клинок. Он хороший человек. Я это знаю. Амарам обвел его вокруг пальца. Он и меня обвел вокруг пальца, так что, наверное, мне не стоит слишком уж сильно винить Холина.

Сил резко кивнула; туча рассеялась.

– Тебе нужно поговорить с ним про Амарам, – посоветовала она, идя по воздуху возле головы Каладина, который продолжил осмотр здания. Из-за маленьких шагов спрен должна была отстать, но этого не происходило.

– И что я ему скажу? Пойду и обвиню светлогоглазого третьего дана, что он убил собственных солдат? Украл мой осколочный клинок? Я буду выглядеть идиотом или безумцем.

– Но...

– Сил, он не станет меня слушать. Пусть Далинар Холин и хороший человек, но он не позволит мне злословить о могущественном светлоглазом. Так уж устроен мир. И поверь, я не лгу.

Он продолжил осмотр, желая узнать, что находится в комнатах, откуда можно наблюдать за тем, как кто-то сражается на арене. Одни комнаты были кладовыми, другие – предназначались для принятия ванн и отдыха. Светлоглазые любили принимать ванны. Некоторые помещения оказались заперты, поскольку внутри находились светлоглазые, приходившие в себя после дневных тренировок.

В дальней части здания, противоположной от входных ворот, были жилые помещения ревнителей. Каладину еще не доводилось видеть столько суесящихся бритоголовых людей в простых одеяниях. В его родном Поде градоначальник держал лишь нескольких морщинистых старых жрецов, которые обучали его сына. Они время от времени приходили в город, чтобы возжечь молитвы и помочь темноглазым возвыситься в своих Призваниях.

Эти ревнители, похоже, сильно отличались. У них было телосложение воинов, и они нередко присоединялись к тренировкам светлоглазых, если тем требовался партнер. Некоторые обладали темными глазами, но все равно использовали мечи – их не считали ни светлоглазыми, ни темноглазыми. Они были просто ревнителями.

«А что мне делать, если один из них попытается убить одного из князьков?»

Буря свидетельница, кое-что в работе телохранителя вызывало в нем бешенство. Если вокруг ничего не происходило, трудно разобраться, в чем дело: просто ли нет угрозы, или удалось отпугнуть вероятных убийц.

Наконец-то прибыли Адолин и его брат – оба в осколочных доспехах, со шлемами под мышкой. Их сопровождал Шрам и несколько бывших членов Кобальтовой гвардии. Телохранители отдали капитану честь, когда он подошел и взмахом руки отпустил их, официально приняв вахту. Шраму предстояло присоединиться к Тефту и отряду, защищавшему Далинара и Навани.

– Светлорд, здесь настолько безопасно, насколько мне удалось это обеспечить, не прерывая тренировки, – рапортовал Каладин, приближаясь к Адолину. – Я и мои люди будем следить за всем, пока вы тренируетесь, но немедленно кричите, если вам покажется, что что-то не так.

Адолин хмыкнул, изучая площадку и почти не обращая внимания на Каладина. Он был высоким, и в его густых золотисто-русых волосах виднелось лишь несколько черных алетийских прядей. У Далинара совсем другие волосы. Вероятно, мать Адолина была из Риры.

Каладин повернулся, намереваясь пойти в северную часть внутреннего двора на позицию, противоположную той, которую занимал Моаш.

– Мостовик, – крикнул ему вслед Адолин, – ты же вроде решил обращаться к людям согласно их званию? Разве ты не называешь моего отца «сэр»?

– Он мой непосредственный командир. – Каладин повернулся к нему.

Простой ответ казался наилучшим.

– А я нет? – спросил Адолин, нахмурившись.

– Нет.

– А если я отдам тебе приказ?

– Светлорд, я выполню любое разумное указание. Но если вам понадобится, чтобы кто-нибудь принес чай в перерыве между поединками, придется послать кого-то другого. Здесь наверняка многие желают полизать вам пятки.

Адолин шагнул к нему. Хотя темно-синий осколочный доспех прибавлял юноше всего лишь пару дюймов, он выглядел как гора. Возможно, с лизанием пяток Каладин перегнул палку.

И все-таки Адолин Холин олицетворял собой кое-что. Привилегии светлоглазых. Он был не таким, как Амарам или Садеас, которые пробуждали в Каладине ненависть. Люди вроде Адолина его просто раздражали, напоминая, что в этом мире кто-то потягивал вино и носил роскошные наряды, в то время как кого-то другого могли из прихоти превратить в раба.

– Я обязан тебе жизнью, – прорычал Адолин, как будто ему больно было произносить эти слова. – Лишь поэтому я еще не выкинул тебя из окна. – Он протянул руку и бронированным пальцем ткнул Каладина в грудь. – Но я не настолько терпелив, как мой отец, мостовичок. С тобой что-то не так, только вот я пока не понял, что именно. Я за тобой слежу. Не забывай о своем месте.

Прекрасно...

– Светлорд, я охраняю вашу жизнь. – Каладин оттолкнул палец в сторону. – Это и есть мое место.

– Я сам могу о себе позаботиться, – отрезал Адолин, повернулся и пошел по песку, бряцая доспехом. – Ты лучше за моим братом следи.

Каладин, более чем обрадованный его уходом, пробормотал:

– Балованный мальчишка.

Он предполагал, что Адолин на пару лет старше. Лишь недавно Каладин сообразил, что, еще будучи мостовиком, пережил свой двадцатый день рождения и даже не вспомнил о нем. Адолину двадцать с небольшим. Но ребячество почти не зависело от возраста.

Ренарин стоял у входных ворот в доспехе, некогда принадлежавшем Далинару, с призывным осколочным клинком, и чувствовал себя очень неудобно. Вчерашняя быстрая дуэль Адолина была темой для сплетен во всех военных лагерях, и Ренарину предстояло пять дней таскать меч с собой, чтобы узы окрепли и оружие можно было отпустить.

Доспех молодого человека был естественного цвета темной стали, без окраски. Таким предпочитал его видеть Далинар. Отдав доспех, великий князь продемонстрировал, что считает необходимым одержать свои следующие победы в качестве политика. Это был похвальный ход; нельзя, чтобы люди постоянно следовали за тобой из страха перед силой и жестокостью или даже из почтения к тому, что ты лучший воин. Чтобы стать настоящим вождем, требуется куда большее.

Но все-таки Каладину хотелось бы, чтобы Далинар оставил доспех себе. Четвертому мосту шло во благо все, что помогало этому человеку сохранять жизнь.

Каладин прислонился к колонне, скрестил руки на груди, пристроив копьё на сгибе локтя, и стал следить за происходящим во внутреннем дворе и за всеми, кто приближался к князькам. Адолин подошел к брату, схватил его за плечо и потащил через весь песчаный двор. Сражавшиеся там прерывали бой и кланялись – пусть и не по всей форме – или отдавали честь проходившим мимо наследникам Дома Холин. Группа одетых в серое ревнителей собралась в дальней части двора, и женщина, с которой Каладин уже встречался, подошла к братьям, чтобы поговорить. Адолин и Ренарин вежливо поклонились ей.

Прошло три недели, как Ренарин получил доспех. Почему Адолин так медлил, прежде чем привести его на тренировки? Может, ждал дуэли, чтобы добыть для парнишки еще и клинок?

На плечо Каладина опустилась Сил:

– Адолин и Ренарин ей кланяются.

– Ага, – сказал Каладин.

– Но разве ревнителе не рабы? Разве они не принадлежат их отцу?

Капитан кивнул.

– В поступках людей нет смысла.

– Если ты это поняла только сейчас, то наблюдала за людьми недостаточно пристально.

Сил взъерошила волосы, которые шевелились очень правдоподобно. Сам жест был весьма человеческим. Похоже, она все-таки наблюдала за людьми внимательно.

– Мне они не нравятся, – беспечным тоном заявила она. – Ни тот ни другой. Ни Адолин, ни Ренарин.

– Тебе вообще не нравятся осколочники.

– Именно.

– Ты уже говорила, что клинки – мерзость, – добавил Каладин. – Но ведь они принадлежали Сияющим. Выходит, Сияющие что-то делали не так?

– Что ты, нет, – возразила она с таким видом, словно он сказал полнейшую глупость. – В те времена осколки не были мерзостью.

– Что изменилось?

– Рыцари, – бросила Сил и притихла. – Рыцари изменились.

– Значит, в оружии как таковом нет ничего омерзительного. Просто оно попало в руки неправильных людей.

– Правильных людей больше нет, – прошептала Сил. – Может, и не было никогда...

– А откуда они вообще появились? – спросил Каладин. – Осколочные клинки. Осколочные доспехи. Современные фабриали им в подметки не годятся. Так откуда же древние раздобыли такое удивительное оружие?

Сил молчала. У нее была раздражающая привычка умолкать, когда он задавал слишком конкретные вопросы.

– Ну? – подтолкнул Каладин.

– Хотела бы я тебе рассказать.

– Так расскажи.

– Хорошо бы, чтобы все так и случилось. Но не случится.

Каладин вздохнул и опять сосредоточился на Адолине и Ренарине, как ему и полагалось. Старшая ревнительница отвела их в самую дальнюю часть внутреннего двора, где на песке сидели еще несколько человек. Они тоже были жрецами, но выглядели как-то иначе. Может, это учителя?

Пока Адолин с ними разговаривал, Каладин еще раз окинул двор быстрым взглядом и нахмурился.

– Что такое? – спросила Сил.

– Человек в тени вон там. – Каладин махнул копьем к месту под карнизом. Там стоял мужчина, скрестив руки и опершись о деревянные перила высотой по пояс. – Он следит за братьями.

– Хм, тут все следят.

– Этот другой, – возразил Каладин. – Идем.

Юноша двинулся небрежной походкой, без угрозы. Незнакомец, скорее всего, всего лишь слуга. Длинноволосый, с короткой, но неаккуратной черной бородой, в просторном желто-коричневом одеянии, подпоясанном веревкой. Этот человек казался в тренировочном зале не на своем месте, и это само по себе, видимо, служило доказательством, что он не убийца. Лучшие убийцы никогда не выделялись.

И все-таки незнакомец был крепкого телосложения, со шрамом на щеке. Возможно, сражался. Лучше проверить. Он внимательно наблюдал за Ренарином и Адолином, и Каладину не было видно, светлые у него глаза или темные.

Когда Каладин приблизился, под ногами у него закрипел песок. Незнакомец тотчас же повернулся, и Каладин инстинктивно взял копье на изготовку. Теперь он видел глаза этого человека – карие, – но не мог понять, сколько ему лет. Глаза почему-то казались старыми, однако на лице незнакомца морщин было куда меньше, чем полагалось бы. Может, тридцать пять. А может, и семьдесят.

«Слишком молодой», – подумал Каладин, сам не зная почему.

Он опустил копье.

– Прости, я что-то беспокойный. Всего пару недель на этой работе. – Кэл попытался сказать это примирительным тоном.

Не сработало. Незнакомец окинул его взглядом с головы до пят, все еще демонстрируя сдержанную угрозу воина, который решает, нанести удар или нет. Наконец он отвернулся от Каладина и, расслабившись, вновь принялся наблюдать за Адолином и Ренарином.

– Кто ты такой? – спросил Каладин, приближаясь. – Я новичок, как и сказал. Я пытаюсь узнать, как кого зовут.

– Ты мостовик. Тот, который спас великого князя.

– Верно.

– Не надоедай, – отмахнулся незнакомец. – Не трону я твоего принца, заведи его Преисподняя.

Мужчина говорил низким, хриплым голосом. Скрежещущим. И со странным акцентом.

– Он не мой принц, – возразил Каладин. – Но я за него отвечаю.

Опять оглядел незнакомца и кое-что заметил. Светлая одежда, подвязанная веревкой, очень напоминала ту, что носили некоторые ревнителю. Каладина сбивало с толку шевелюра.

– Ты солдат, – догадался он. – Точнее, бывший.

– Ага, звать меня Зайхель.

Каладин кивнул – все встало на свои места. Время от времени солдаты, которым не к кому было возвращаться с войны, присоединялись к орденам. Кэл предполагал, что для этого требуется хотя бы обрить голову.

«Может, Хэв тоже в одном из таких монастырей, – мелькнула рассеянная мысль. – Что бы он подумал, увидев меня сейчас?» Наверное, гордился бы. Хэв всегда считал, что гвардия – самая почетная из разновидностей солдатской службы.

– Что они делают? – спросил Каладин Зайхеля, кивком указывая на Ренарина и Адолина, которые, хоть это и было нелегко в осколочном доспехе, сели на землю перед старшими ревнителями.

Зайхель фыркнул:

– Один из учителей должен взять младшего Холина в ученики.

– Разве не ученик выбирает учителя?

– Ничего подобного. Но ситуация непростая – да. Принц Ренарин почти не изучал искусства владения мечом. – Зайхель помедлил. – Большинство светлоглазых мальчишек избираются учителями к тому моменту, как им исполняется десять.

Каладин нахмурился:

– Почему же он ничему не учился?

– Из-за каких-то проблем со здоровьем.

– И они могут ему отказать? – удивился Каладин. – Сыну самого великого князя?

– Могут, но, скорее всего, не станут. Смелости не хватит. – Мужчина прищурился, увидев, как Адолин встал и махнул ему. – Преисподняя! Я знал, что это подозрительно, – он тянул с этим, пока я не вернусь.

– Мастер-мечник Зайхель! – позвал Адолин. – Вы не сидите вместе с остальными!

Зайхель вздохнул, потом бросил на Каладина покорный взгляд.

– Я, видимо, тоже недостаточно смелый. Постараюсь не причинять ему слишком много боли.

Он обошел перила и побежал к Адолину, который с готовностью пожал учителю руку и указал на Ренарина. Зайхель резко выделялся среди прочих ревнителей с их наголо бритыми головами, аккуратно подстриженными бородами и куда более чистой одеждой.

– Хм, он не показался тебе странным? – спросил Каладин.

– Вы все кажетесь мне странными, – беспечно ответила Сил. – Все, кроме Камня, потому что он очень хорошо воспитан.

– Он считает тебя божеством. Тебе стоило бы его в этом разубедить.

– Что? Так ведь я действительно божество.

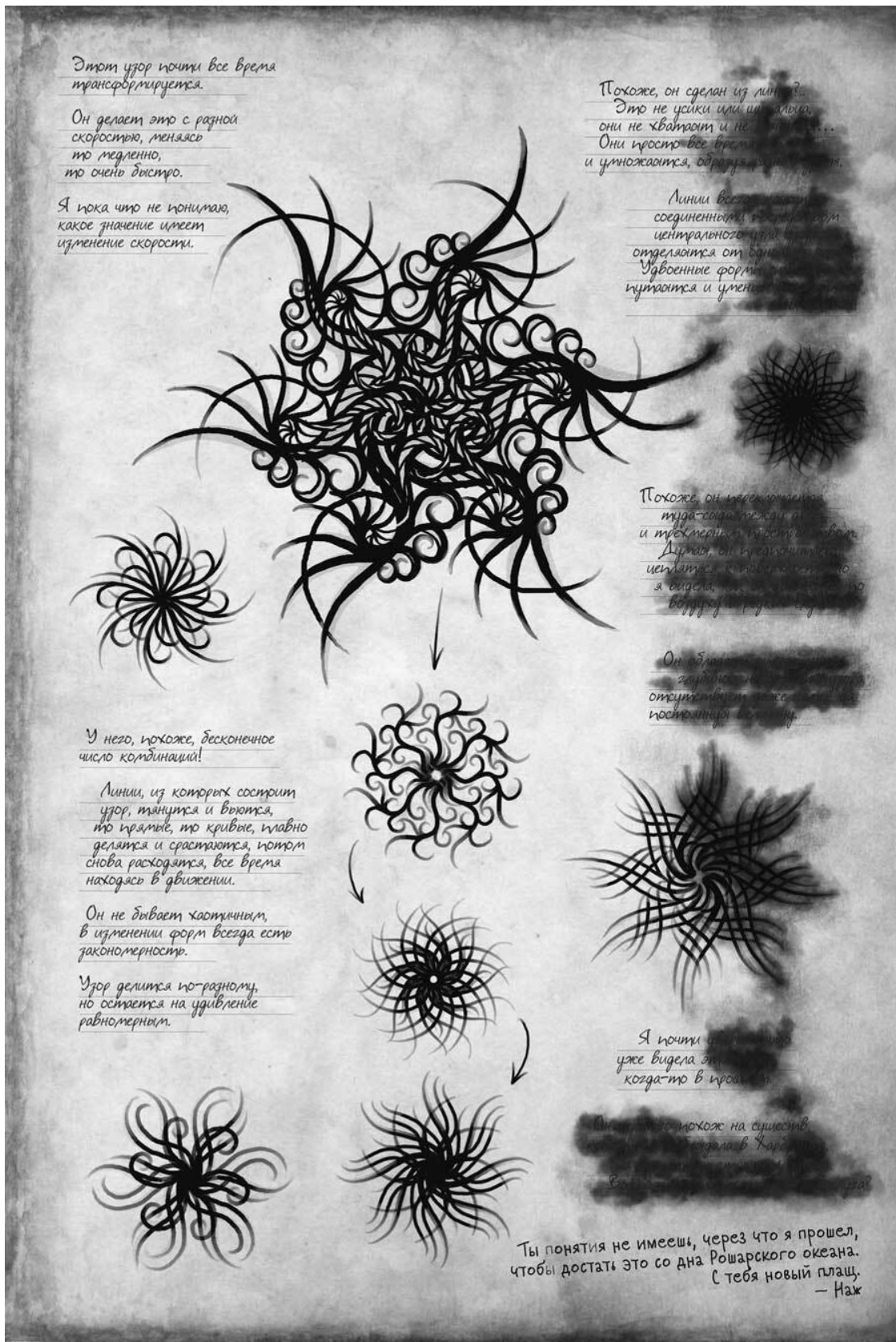
Он повернул голову и уставился на девушку-спрена на своем плече:

– Сил...

– Правда-правда! Я такая! – Она ухмыльнулась и подняла ручку с сомкнутыми пальцами, словно ухватив что-то очень маленькое. – Я малюсенькая частичка божества. Совсем малюсенькая. Кланяйся мне, разрешаю.

– Это будет непросто, поскольку ты сидишь у меня на плече, – пробормотал он и заметил, как в ворота вошли Лопен и Шен – скорее всего, с ежедневным донесением от Тефта. – Пойдем.

Посмотрим, нужен ли я Тефту, а потом сделаем еще один обход и проверим, как там Дрехи и Моаш.

17

Таков Узор

*Тупоформа страшит, ибо все отнимает,
Превращая любого в глупца из глупцов,
И жестокую, страшную плату взимает,
Без остатка твой разум перемолов.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа последняя

Пока фургон ехал вперед, Шаллан боролась с тревогой, используя научный подход. Никто не мог знать, заметили дезертиры след из раздавленных камнепочек, который оставлял позади себя караван, или нет. Может быть, они шли за ними. А может, и нет.

Нет смысла об этом думать, решила она. И нашла способ отвлечься.

– Листья могут выпускать собственные побеги, – сказала веденка, держа один маленький круглый листочек на кончике пальца и поворачивая его к свету.

Блат сидел рядом, мрачный как пасмурное небо. Сегодня он был в необычайно броской шляпе – грязно-белой, с загнутыми по бокам полями. Он время от времени стегал одного из чуллов. Прут погонщика длинный – не меньше самой Шаллан.

На последней странице своего блокнота девушка записывала комбинации ударов. Два удара, пауза, еще один. От этого чулл замедлился. Фургон впереди них – им управлял Твлакв – начал взбираться по склону холма, покрытому небольшими камнепочками.

– Видишь? – Шаллан показала Блату листочек. – Вот почему у растения такие хрупкие ветки. Когда приходит Великая буря, она их ломает, срывает листья. Их уносит ветром прочь, и там они пускают корни, отращивают себе новые раковины. Растут они очень быстро. Быстрее, чем я ожидала, – ведь эти края бесплодны.

Блат фыркнул.

Шаллан вздохнула, опустила палец и поставила миниатюрное растение обратно в чашечку, где было немного воды. Бросила взгляд через плечо.

Никаких признаков погони. В самом деле, пора ей успокоиться.

Она вернулась к новому альбому – одному из блокнотов Ясны, в котором исписаны были лишь несколько страниц, – и начала делать быстрый набросок листочка. У нее был только один угольный карандаш, несколько перьев и немного чернил, но Узор прав. Она не могла остановиться.

Для начала Шаллан сделала новый эскиз сантида, пока воспоминания о погружении в океан еще были свежи. Рисунок получился не таким подробным, как тот, который она создала сразу же после случившегося, но, получив его опять – в какой бы ни было форме, – веденка ощутила, как раны внутри начали затягиваться.

Закончив изображение, девушка перевернула страницу и принялась за набросок Блата. Ей не очень-то хотелось начинать возобновление коллекции людей с него, но выбор был ограничен. К несчастью, шляпа и впрямь выглядела глупо – она была слишком мала для его головы. На рисунке он горбился и походил на краба, да еще и эта шляпа на макушке... Что ж, по крайней мере, композиция вышла интересная.

– Откуда ты взял шляпу? – спросила художница, не переставая рисовать.

– Выторговал, – пробормотал Блат, не глядя на попутчицу.

– Дорого обошлась?

Он пожал плечами. Шаллан потеряла все свои шляпы во время кораблекрушения, но убедила Твлакву дать ей одну из тех, что сплели паршуны. Шляпа была не очень-то симпатичной, но оберегала от солнца.

Хотя фургон и подпрыгивал, Шаллан в конце концов сумела завершить портрет Блата. Она изучила его и осталась недовольна. Это и впрямь был негодный способ начать коллекцию – рисунок больше напоминал карикатуру на охранника. Девушка поджала губы. Как бы выглядел Блат, если бы не сердился на нее все время? Если бы его одежда была опрятнее, если бы он был вооружен чем-то получше старой дубины?

Она перевернула страницу и начала заново. Другая композиция – быть может, идеализированная, но почему-то казавшаяся правильной. Блат мог бы выглядеть лихо, все дело в наряде. Военная форма. Копье в руке. Взгляд к горизонту. К моменту завершения работы Шаллан чувствовала себя так, словно день прошел не зря. Улыбнувшись, она показала рисунок Блату как раз в тот момент, когда Твлакв объявил полуденный привал.

Блат глянул на картинку, но ничего не сказал. Несколько раз хлестнул чулла, чтобы тот остановился возле того, который тянул фургон Твлаквы. Тэг подкатил свой фургон – на этот раз ему выпало везти рабов.

– Шишкотравник! – воскликнула Шаллан, опуская альбом и указывая на пучок тонких тростинков, что росли за скалой неподалеку.

Блат застонал:

– Опять вам нужно это растение?

– Да. Будь добр, принеси его мне.

– А паршуны не могут это сделать? Я должен покормить чуллов...

– Охранник Блат, кого бы ты хотел заставить ждать? Чуллов или светлоглазую даму?

Блат почесал голову под шляпой, потом с угрюмым видом сполз с сиденья и направился к тростнику. Неподалеку Твлакв забрался на крышу фургона и смотрел куда-то в сторону южного горизонта.

Там виднелась тонкая струйка дыма.

Шаллан тотчас же продрал озноб. Она неуклюже спрыгнула на землю и поспешила к Твлакву:

– Клянусь бурей! Это дезертиры? Они в самом деле следуют за нами?

– Да. Похоже, остановились пообедать, – ответил Твлакв со своего поста на крыше фургона. – Их не заботит, что мы увидим дым от костра. – Он невесело рассмеялся. – Это хороший

знак. Они, скорее всего, знают, что у нас только три фургона и мы не стоим погони. Если будем двигаться, не останавливаясь слишком часто, они отстанут. Да. Я уверен.

Он спрыгнул со своего места и начал спешно поить рабов. Твлакв не поручил это паршунам, а занялся сам. Это в большей степени, чем что-нибудь другое, свидетельствовало о его нервозности. Он хотел поскорее снова пуститься в путь.

Паршуны продолжали вязать шляпы в своей клетке в задней части фургона Твлакв. Шаллан, встревоженная, стояла и смотрела. Дезертиры заметили след из разбитых камнепочек, который тянулся за караваном.

Она вспотела. Что же делать? Караван не может двигаться быстрее. Ей оставалось лишь надеяться, что они, как сказал Твлакв, опередят своих преследователей.

Только это маловероятно. Запряженные чуллами фургоны не могут обогнать отряд на марше.

«Отвлекись, – подумала Шаллан, начиная паниковать. – Найди то, что позволит не думать о погоне».

Как насчет паршунов Твлакв? Шаллан глянула на них. Может, нарисовать эту пару в их клетке?

Нет. Она слишком взволнована для рисования, но, возможно, найдется что-то другое. Девушка подошла к паршунам. Ее ноги протестовали, но боль была терпимая. Вообще-то, по сравнению с тем, как она скрывала истинные чувства в первые дни, теперь Шаллан преувеличенно морщилась. Лучше пусть Твлакв считает, что ей хуже, чем на самом деле.

Она остановилась возле прутьев клетки. Дверь была не заперта – паршуны не убежали. Наверное, Твлакв потратил на этих двоих кучу денег. Паршуны недешевы, и многие монархи и влиятельные светлоглазые держали их целые армии.

Один из пары бросил взгляд на Шаллан, потом вернулся к работе. Или вернулась? Было сложно отличить самцов от самок, не раздевая их. У этих кожа была белая, с красными мраморными разводами. Паршуны были крепкие, футов пяти ростом, лысые.

Тяжело представить себе, что эти скромные трудяги опасны.

– Как вас зовут? – спросила Шаллан.

Один поднял голову. Другой продолжал работать.

– Ваши имена, – настойчиво повторила Шаллан.

– Один, – ответил паршун. Потом ткнул пальцем в напарника. – Два.

Опустил голову и вернулся к работе.

– Вы довольны своей жизнью? – допытывалась Шаллан. – Или вы хотели бы освободиться, представься такой шанс?

Паршун уставился на нее, хмурясь. Его лоб пошел складками, он беззвучно проговорил несколько слов, потом покачал головой. Не понял.

– Свобода? – не отставала Шаллан.

Паршун ссутулился над шляпой, которую плел.

«Ему и впрямь неудобно, – подумала Шаллан. – Он расстроен тем, что не понимает». Его поза словно говорила: «Пожалуйста, не задавайте больше вопросов». Шаллан сунула блокнот под мышку и сняла Образ двух паршунов, занятых трудом в клетке.

«Это злобные чудовища, – внушала она себе, – твари из легенд, которые вскоре примутся уничтожать всех и вся вокруг». Стоя рядом с ними, глядя на них, девушка с трудом могла в это поверить, хотя и изучила доказательства.

Вот же буря! Ясна была права. Убедить светлоглазых избавиться от паршунов представлялось почти невозможным. Ей понадобятся веские, очень веские доказательства. Обеспокоенная девушка вернулась к своему фургону и забралась на место, не забывая морщиться. Блат оставил ей вязанку шишкотравника и теперь занимался чуллами. Твлакв выкапывал какие-то корни для быстрого обеда, который им предстояло съесть, скорее всего, уже в пути.

Веденка успокоилась и вынудила себя сделать несколько набросков придорожных растений. Вскоре она принялась рисовать горизонт и ближайшие скалы. Воздух был уже не таким холодным, как в первые дни вместе с работоторговцами, хотя по утрам дыхание все еще превращалось в облачка пара.

Твлакв, проходивший мимо, бросил на нее смущенный взгляд. После вчерашней стычки у костра он относился к ней по-другому.

Шаллан продолжила рисовать. Местность здесь была, безусловно, более равнинная, чем в ее родном краю. И растений намного меньше, хотя выглядели они покрепче. И... и это что, еще один дым от костра прямо впереди? Она встала и приложила ладонь ребром ко лбу, защищая глаза от солнца. Да. Это дым. Девушка посмотрела на юг, в сторону дезертиров-преследователей.

Поблизости остановился Тэг, заметив то же, что и она. Поспешил к Твлакву, и они начали негромко спорить.

– Торговец Твлакв? – Шаллан отказывалась звать его «торгмастером», как полагалось обращаться к полноправному купцу. – Я желаю услышать, о чем вы говорите.

– Конечно, светлость, конечно. – Он вразвалочку приблизился, заламывая руки. – Вы увидели впереди дым. Мы вошли в коридор, который пролегает между Расколотыми равнинами и Мелководными Криптами, а также деревнями, что неподалеку от них. Понимаете, эти места оживленнее, чем другие части Мерзлых земель. Так что нет ничего неожиданного в том, что мы встретились с ними...

– С теми, кто впереди?

– С другим караваном, если нам повезет.

«А если не повезет?..»

Впрочем, и так понятно: в этом случае их ждут другие дезертиры или бандиты.

– Можем избежать встречи, – сказал Твлакв. – Только большая компания осмелилась бы развести костер для полуденного привала – в качестве приглашения или предупреждения. Маленькие караваны вроде нашего так не рискуют.

– Если это большой караван, – проворчал Тэг, потирая лоб толстым пальцем, – у них будет охрана. Хорошая защита. – Он посмотрел на запад.

– Да, – согласился Твлакв. – Но мы также можем оказаться между двумя врагами. Опасность со всех сторон...

– Эти, которые позади, нас обязательно догонят, – заметила Шаллан.

– Я...

– Если охотник не сумел выследить тельма, он довольствуется норкой, – добавила она. – Дезертирам приходится убивать, чтобы выживать здесь. Разве ты не говорил, что сегодня ночью, скорее всего, случится Великая буря?

– Да, – с неохотой признал Твлакв. – Через два часа после заката, если список, который я купил, правильный.

– Не знаю, как бандиты обычно переживают Великие бури, – продолжила Шаллан, – но они явно намерены нас догнать. Готова спорить, они собираются нас убить и использовать наши фургоны как убежище. Они нас не отпустят.

– Возможно. Да, возможно. Однако, светлость, если мы видим впереди второй столб дыма, то дезертиры тоже могли его заметить...

– Ага. – Тэг кивнул, словно до него только что дошло. – Мы резко повернем на восток. Головорезы могут пойти следом за тем караваном.

– Мы позволим им напасть на кого-то другого вместо нас? – возмутилась Шаллан, скрепив руки.

– А чего еще вы от нас хотите, светлость? – сердито спросил Твлакв. – Мы маленькие кремлецы, понимаете. У нас один выбор – держаться подальше от больших тварей и надеяться, что они будут гоняться друг за дружкой.

Шаллан прищурилась, изучая маленький столб дыма впереди. Глаза подвели ее или столб делался толще? Она оглянулась. Вообще-то, столбы выглядели почти одинаковыми.

«Дезертирам нужна слабая жертва, – подумала Шаллан. – Они бросили армию, сбежали. Они же трусы».

Девушка заметила, что рядом стоит Блат и тоже смотрит назад, следит за дымом с непонятным выражением лица. Отвращение? Тоска? Страх? И ни единого спрена, чтобы дать ей подсказку.

«Трусы, – подумала она снова, – или просто люди, утратившие иллюзии? Камни, которые покатались вниз по склону холма и в какой-то момент обрели такую скорость, что теперь не знают, как остановиться?»

Это не имело значения. Эти камни, если дать им шанс, раздавят Шаллан и остальных. Поворот на восток не сработает. Дезертиры выберут легкую добычу – медленно ползущие фургоны, – а не ту, которую, скорее всего, убить будет тяжело, хоть она и прямо перед ними.

– Держим путь на второй столб дыма. – Шаллан села.

Твлакв посмотрел на нее:

– Вы же не собираетесь... – Он умолк, встретившись с ней взглядом, облизал пересохшие губы и продолжил: – Вы не попадете... на Расколотые равнины так быстро, светлость, если мы пристанем к большому каравану, понимаете. Это может плохо кончиться.

– Торговец Твлакв, если возникнет такая проблема, я с нею справлюсь.

– Эти, впереди, не будут сидеть на месте, – предупредил Твлакв. – Возможно, мы прибудем в лагерь и увидим, что они уже его покинули.

– В этом случае они будут двигаться или к Расколотым равнинам, или нам навстречу, по коридору, ведущему к портовым городам. В итоге мы с ними встретимся так или иначе.

Твлакв вздохнул, затем кивнул и приказал Тэгу поторапливаться.

Шаллан села, дрожа от возбуждения. Блат вернулся, занял свое место и подтолкнул в ее сторону несколько сморщенных клубней. Видимо, обед. В скором времени фургоны покатались на север, и на этот раз транспорт Шаллан оказался замыкающим.

Девушка устроилась поудобнее; даже если им удастся догнать второй караван, это случится лишь через несколько часов. Борясь с тревогой, она закончила рисовать пейзаж. Потом начала рассеянно водить карандашом по бумаге, предоставив ему свободу.

Она нарисовала небесных угрей, танцующих в воздухе. Нарисовала причалы Харбранта. Сделала набросок Ялба, хотя лицо показалось неправильным – не получилось передать лукавую искорку в его глазах. Наверное, причиной ошибки была ее печаль при мысли о том, что, скорее всего, случилось с ним.

Перевернула страницу и начала новый случайный эскиз – первое, что пришло в голову. Ее карандаш изобразил элегантную даму в роскошном платье. Оно туго облегло грудь и живот, расширяясь лишь в самом низу. Длинные, свободные рукава: один прячет защищенную руку, другой – с разрезом до локтя – демонстрирует предплечье и ниспадает складками.

Смелая, спокойная женщина. Наделенная властью. Все еще действуя машинально, Шаллан добавила к голове элегантной дамы собственное лицо.

И замерла с карандашом, занесенным над страницей. Это не она. Или она? Может ли она стать такой?

Веденка глядела на рисунок, пока фургон подпрыгивал, проезжая по камням и растениям. Потом перевернула страницу и начала новый рисунок. Бальное платье, придворная дама, окруженная элитой Алеткара. Все исключительно высокие и сильные. Женщина выглядела им под стать.

Шаллан пририсовала к фигуре собственное лицо.

Перевернула страницу, нарисовала еще одну. И еще.

Последний рисунок изображал ее стоящей на краю Расколотых равнин, как она их себе представляла. Она глядела на восток, в сторону тайн, к которым стремилась Ясна.

Шаллан перевернула страницу и принялась за новый рисунок. Изобразила Ясну на корабле, за своим столом, которого не было видно под бумагами и книгами. Обстановка была не важна, в отличие от лица. Этого встревоженного, перепуганного лица. Усталого, дошедшего до пределов изнеможения.

Этот набросок у Шаллан получился правильно. Первый рисунок после катастрофы, который в точности отображал то, что она видела. Бремя Ясны.

– Останови, – бросила веденка, не поднимая глаз.

Блат посмотрел на нее. Она подавила желание повторить приказ. Он, к сожалению, не подчинился сразу же, а спросил:

– Зачем?

Шаллан подняла голову. Дымный столб был еще далеко, но она все же оказалась права – он делался толще. Караван впереди них остановился, и путники соорудили костер для полуденного перекуса. Судя по дыму, их было гораздо больше, чем тех, что следовали позади.

– Мне нужно забраться в фургон, – пояснила Шаллан. – Хочу кое-что поискать. Ты можешь двинуться вперед, как только я окажусь внутри, но, пожалуйста, остановись и позови меня, когда мы окажемся близко к той группе впереди.

Он вздохнул, но остановил чулла, хлестнув несколько раз по панцирю. Шаллан спустилась, взяла шишкотравник и блокнот, перешла в заднюю часть фургона. Как только она забралась внутрь, Блат снова двинулся с места и крикнул Твлакву, который потребовал объяснить, в чем дело.

С прикрепленными стенами ее фургон давал тень и уединение, особенно сейчас, когда был замыкающим и никто не мог заглянуть через заднюю дверь. К несчастью, ехать внутри было не так удобно, как спереди. Маленькие камнепочки вынуждали его на удивление сильно трястись и подпрыгивать.

Сундук Ясны был привязан возле передней стенки. Шаллан подняла крышку – сферы излучали тусклый свет. Девушка устроилась на импровизированной подушке – куче тряпок, в которые Ясна заворачивала свои книги. Ночью ей приходилось использовать вместо одеяла – лишнего у Твлаквы не нашлось – оторванную от внутренней части сундука бархатную подкладку.

Усевшись, она размотала ступни, чтобы снова смазать их соком шишкотравника. Раны зарубцевались и выглядели значительно лучше по сравнению с предыдущим днем.

– Узор?

Он завибрировал где-то рядом. Девушка попросила его сидеть внутри, чтобы не встревожить Твлакву и охранников.

– Мои раны заживают. Это ты сделал?

– Ммм... Я почти ничего не знаю о том, отчего люди портятся. Я еще меньше знаю о том, почему они... исправляются.

– Твои сородичи не знают, что такое раны? – спросила она, ломая стебель шишкотравника и выдавливая капли сока на левую ступню.

– Мы портимся. Просто мы это делаем... не так, как люди. И мы не исправляемся без помощи. Я не знаю, почему ты исправилась. Почему?

– Так устроены наши тела от природы, – объяснила она. – Все живое чинит само себя.

Шаллан поднесла одну из своих сфер поближе, высматривая маленьких красных спренов гниения. Спрены обнаружили вдоль одного из порезов, и веденка быстро прогнала их, нанеся сок.

- Я бы хотел знать, почему все так устроено, – сказал Узор.
- Как и многие из нас. – Она поморщилась, когда фургон наехал на особенно крупный камень. – Вчера вечером, во время разговора с Тvlakвом у костра, я начала светиться.
- Да.
- Ты знаешь почему?
- Обманы.
- Мое платье изменилось, – продолжила Шаллан. – Клянусь, вчера оно сделалось новым и целым. Но теперь все по-прежнему.
- Ммм... Да.
- Я должна научиться управлять этой способностью. Ясна называла ее светоплетением. Она намекала, что заниматься этим намного безопаснее, чем духозаклинанием.
- Книга?

Шаллан, нахмурившись, прислонилась к прутьям клетки. Рядом на полу виднелись длинные царапины, выглядевшие так, словно их сделали ногтями. Как если бы один из рабов попытался в приступе безумия процарапать путь на свободу.

Книга, которую дала ей Ясна, «Слова сияния», канула в океанскую бездну. Эта потеря казалась серьезнее, чем другая книга, подаренная принцессой, – «Книга бесконечных страниц», которая почему-то была пустой. Шаллан так и не поняла, в чем заключался ее смысл.

– У меня даже не было возможности прочитать эту книгу. Надо будет поискать еще один экземпляр, когда мы попадем на Расколотые равнины.

Впрочем, их пункт назначения был военным лагерем, и она сомневалась, что там в изобилии продаются книги.

Шаллан подняла одну из сфер перед собой. Сфера тускнела, ее надо было зарядить. Что случится, если нагрянет Великая буря, а они не успеют догнать второй караван? Сумеют ли десертиры преодолеть стихию, чтобы настичь их – и их фургоны, способные уберечь от бури?

Шквал, что за бардак! Ей требовалось какое-нибудь преимущество.

– Сияющие рыцари и спрены были связаны узами, – пробормотала Шаллан скорее самой себе, чем Узору. – Это была симбиотическая связь, как между малюткой-кремлецом и сланцекорником. Кремлец питается лишайником, потому что ему надо что-то есть, но заодно содержит сланцекорник в чистоте.

Узор загудел, сбитый с толку.

– А я... сланцекорник или кремлец?

– И то и другое. – Шаллан вертела в пальцах бриллиантовую сферу – маленький самосвет, запертый в стекле, неустанно светился. – Потоки – силы, благодаря которым существует мир, – охотнее повинуются спренам. Или... хм... поскольку спрены представляют собой части этих потоков, может быть, все дело в том, что спрены лучше воздействуют друг на друга. Связь с тобой дает мне возможность управлять одним из потоков. В нашем случае – светом, силой под названием Иллюминация.

– Обманы, – прошептал Узор. – И правды.

Шаллан сжала сферу в кулаке, и свет, струясь сквозь кожу, сделался красным. Она пожелала, чтобы бурсвет вошел в нее, но ничего не произошло.

– Ну и что мне сделать, чтобы все заработало?

– Может, съесть? – предложил Узор, передвинувшись по стене ближе к ее голове.

– Съесть? – недоверчиво переспросила Шаллан. – В прошлый раз мне не понадобилось есть сферы, чтобы зарядиться бурсветом.

– Но это может подействовать. Попробуешь?

– Сомневаюсь, что я смогла бы проглотить целую сферу. Даже если бы захотела, а я точно не хочу!

– Ммм... – протянул Узор, и от его вибраций дерево затряслось. – Значит, это... не одна из тех вещей, которые люди едят?

– Клянусь бурей, нет! Как можно быть таким невнимательным?

– Я внимателен, – раздраженно прогудел спрен. – Но все так сложно! Вы поглощаете одни вещи, потом превращаете их в другие... Очень любопытные вещи, которые вы прячете. Они ценные? Но вы их бросаете. Почему?

– Хватит об этом. – Шаллан поморщилась.

Разжав кулак, девушка снова уставилась на сферу. Вообще-то, кое-что из сказанного Узором было правдой. В прошлый раз она не ела сферы, но каким-то образом... поглотила буресвет. Выпила его, как воду.

Или как воздух?

Шаллан задержала взгляд на сфере, а потом резко вдохнула.

Сработало. Буресвет покинул сферу в один миг, ярким потоком устремившись к ее груди. Оттуда он распространился по всему телу, наполнил ее. Ощущение было непривычное – она взбодрилась, насторожилась, подобралась. Шаллан была готова сделать... что-нибудь. Ее мышцы напряглись.

– Сработало! – Стоило открыть рот, как слабо светящийся буресвет вырвался наружу облачком. Он и от ее кожи струился. Надо что-то сделать, чтобы он вышел весь. Светоплетение... Ей необходимо что-то создать. Она решила повторить прежний фокус и улучшить план.

Опять ничего не произошло. Девушка не знала, что следует предпринять, какие мышцы использовать и при чем тут вообще мышцы. Она сидела расстроенная и пыталась придумать способ, который позволил бы буресвету работать, и чувствовала себя неумехой, оттого что он утекал сквозь ее кожу.

Через несколько минут полностью исчез.

– Что ж, это было весьма невпечатляющее зрелище, – проговорила Шаллан и потянулась к шишкотравнику. – Может, мне стоит заняться духозаклинанием?

Узор прожужжал:

– Опасно.

– Так мне Ясна сказала. Но меня больше некому учить – и, насколько я знаю, такое было под силу только ей. Или я пойду путем проб и ошибок, или не научусь использовать эту способность. – Девушка выдавила еще несколько капель сока шишкотравника и, собравшись втереть его в порез на стопе, замерла. Рана была куда меньше, чем всего-то пару минут назад.

– Буресвет меня исцеляет, – пораженно прошептала Шаллан.

– Он тебя исправляет?

– Да. Буреотец! Я все делаю почти случайно.

– Разве что-то может быть «почти случайным»? – спросил Узор с неподдельным любопытством. – Эта фраза – я не понимаю, что она означает.

– Я... ну, это такая фигура речи. – Не позволяя ему задать новый вопрос, веденка продолжила: – То есть слова, которые мы говорим, чтобы передать идею или чувство, но не объективный факт.

Узор зажужжал.

– А это как понять? – спросила Шаллан, все равно втирая сок растения. – Какое чувство передает такое жужжание?

– Ммм... Я взволнован. Да. Прошло так много времени с той поры, как кто-то изучал подобных тебе.

Шаллан выдавила еще немного сока на пальцы ног.

– Ты пришел ради знаний? Погоди-ка... так ты ученый?

– Разумеется. Ммм... Зачем же еще? Я так много узнаю, прежде чем...

Он остановился на полуслове.

– Узор? – спросила она. – Прежде чем – что?

– Фигура речи.

Он произнес это совершенно ровным, лишенным выражения голосом. Его речь становилась все больше похожа на человеческую, и время от времени отличий не было вовсе. Но теперь из его голоса исчезли все краски.

– Врешь, – упрекнула Шаллан, уставившись на рисунок на стене.

Он уменьшился до размеров кулака, почти в два раза против обычной величины.

– Да, – поколебавшись, признался спрен.

– Из тебя никудышный лжец. – Это открытие изумило Шаллан.

– Да.

– Но ведь ты любишь обманы!

– Как же интересно, – пробормотал он. – Вы все чрезвычайно интересны!

– Скажи мне то, о чем ты едва не проболтался, – приказала Шаллан. – Перед тем как остановился. Я пойму, если ты соврешь.

– Ммм... Ты говоришь как она. Ты все больше и больше на нее похожа.

– Скажи.

Он издал раздраженное жужжание, быстрое и пронзительное.

– Я узнаю о тебе все, что смогу, прежде чем ты меня убьешь.

– Так ты... ты думаешь, что я собираюсь тебя убить?!

– Так случилось с остальными, – прогудел Узор тише обычного. – Случится и со мной.

Таков... узор.

– Это должно быть как-то связано с Сияющими рыцарями. – Шаллан принялась заплетать волосы. Так было лучше, чем оставлять шевелюру непокорной, хотя без гребня и щетки даже коса была нелегким делом.

«Буря свидетельница, мне нужна ванна. И мыло. И дюжина других вещей».

– Да, – проговорил Узор. – Рыцари убили своих спренов.

– Как? Почему?

– При помощи клятв. Это все, что я знаю. Мои сородичи – те, кто не был скован, – ушли, и многие сохранили разум. Но все равно нам сложно думать, когда мы отделены от своих, если только у нас нет...

– Чего?

– Человека.

– Так вот зачем вам это нужно, – сказала Шаллан, пальцами распутывая волосы. – Симбиоз. Я получаю связывание потоков, вы – разум.

– Разумность, – уточнил Узор. – Способность мыслить и жить – то, что умеют люди. Мы идеи. Идеи, которые хотят жить.

Шаллан продолжила трудиться над волосами.

– Я тебя не убью, – твердо проговорила она. – Ни за что так не поступлю.

– Не думаю, что остальные совершили это намеренно. Это не важно.

– Очень даже важно! – возразила Шаллан. – Я этого не сделаю. Я не одна из Сияющих рыцарей. Принцесса по этому поводу выразилась однозначно. Не каждый мужчина, способный держать в руках меч, является солдатом. Одна лишь способность делать то, что делаю я, не превращает меня в одну из них.

– Ты произнесла клятву.

Шаллан застыла.

«Жизнь прежде смерти...» Слова выплыли к ней из теней прошлого. Прошлого, о котором она не желала думать.

– Ты живешь обманами, – напомнил Узор. – Они дают тебе силу. Но правда... Не про-
изнеся правды, ты не сможешь вырасти. Почему-то я в этом уверен.

Разобравшись с волосами, она принялась заново бинтовать ноги. Узор перебрался на
другую сторону грохочущего фургона и устроился на стене, слабо заметный в тусклом свете.
У нее осталась горсть заряженных сфер. Маловато буресвета, учитывая, как быстро он уходит.
Стоит ли ей использовать оставшееся, чтобы исцелить ноги? Сможет ли она сделать это наме-
ренно или способность ускользнет от нее, как и светоплетение?

Девушка спрятала сферы в потайной кошель. Пусть останутся на всякий случай. Похоже,
сферы и буресвет – единственное доступное ей сейчас оружие.

Закончив с бинтами, она встала в трясущемся фургоне и обнаружила, что ступни почти
не болят. Шаллан могла нормально ходить, хотя без обуви все равно не ушла бы далеко.
Довольная, она стукнула по стене, поближе к Блату:

– Останови фургон!

В этот раз повторять не пришлось. Она обогнула повозку и, заняв свое место рядом с
Блатом, тотчас же обратила внимание на столб дыма впереди, который сделался темнее, больше
и зловеще клубился.

– Это не походный костер, – заметила Шаллан.

– Ага, – согласился Блат с мрачным видом. – Горит что-то большое. Скорее всего, фур-
гоны. – Он бросил на нее взгляд. – У этих людей, кем бы они ни были, явно не все в порядке.

18

Синяки и шишки

*Мыслеформа – стезя раздумий терпеливых
И учебы усердной, что награду дарует.
Но таится в ней сонм стремлений горделивых,
И утрату невинности он обоснует.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа 69

Ганчо, новички нас догоняют, – сказал Лопен и откусил кусок чего-то, завернутого в бумагу. – Носят форму, разговаривают как настоящие мужчины. Смешно. У них на все пошло несколько дней. А у нас – недели.

– У других, может, и недели, но не у тебя. – Каладин прикрывал глаза от солнца и опирался на копьё. Они по-прежнему были на тренировочной площадке для светлоглазых, охраняли Адолина и Ренарина – последний как раз получал первые наставления от Зайхеля, мастера-мечника. – У тебя настрой был правильным с того самого дня, как мы встретились.

– Ага. Здорово же все обернулось!

– Здорово? Тебя же отправили на мосты, чтобы ты помер где-нибудь на плато.

– Э-э, – протянул Лопен и опять откусил от того, что держал в руке. Оно походило на толстый кусок плоского хлеба, обвернутый вокруг чего-то тягучего. Лопен облизнул губы и вручил снедь Каладину, чтобы освободить единственную руку и покопаться в кармане. – Бывают плохие дни. Бывают хорошие дни. В итоге получается один к одному.

– Лопен, странный ты человек, – сказал Каладин, изучая «еду». – Это, вообще, что такое?

– Чуто.

– Чудо?

– Чу-у-то. Гердазийская еда. Хорошая штука. Гон, кусни, если хочешь.

«Чуто» походило на кусочки неопознаваемого мяса, залитые какой-то темной жидкостью и завернутые в слишком толстую лепешку.

– Отвратительно, – буркнул Каладин и вернул еду Лопену, который вручил ему то, что достал из кармана, – раковину, с обеих сторон которой были нарисованы глифы.

– Тебе же хуже. – Лопен откусил еще.

– Не стоило бы тебе вот так есть у всех на виду, – заметил Каладин. – Это невежливо.

– Ха, зато удобно. Погляди, как хорошо все завернуто. Можно пойти по делам, все их переделать и поесть на ходу...

– Неряшливо. – Каладин изучал раковину.

Она содержала подсчеты Сигзила относительно того, сколько у них солдат, как много им понадобится еды, по мнению Камня, и оценки Тефта – сколько бывших мостовиков готово к обучению.

Последняя цифра была довольно большой. Если мостовики выживали, они становились очень сильными, таская мосты. Как Каладин уже доказал, это позволяло делать из них отличных солдат – требовался только подходящий стимул.

На оборотной стороне раковины Сигзил начертил для Каладина тропу, по которой следовало патрулировать окрестности военного лагеря. Вскоре у него для этого будет достаточно новобранцев, и он займется тем, о чем говорил Далинару. Тефт считал, что Каладину лучше самому отправляться в дозор, чтобы новички смогли проводить с ним побольше времени.

– Сегодня будет Великая буря, – бросил Лопен. – Сиг сказал, она начнется через два часа после заката. Он думал, ты захочешь подготовиться.

Каладин кивнул. Еще один шанс для появления тех загадочных цифр – они уже дважды возникали во время бурь. Он примет дополнительные меры, чтобы Далинар и его семья были под защитой.

– Спасибо за донесение. – Каладин сунул раковину в карман. – Пошли кого-нибудь назад, пусть передадут Сигзилу, что предложенный им маршрут уведет меня слишком далеко от военного лагеря. Пусть нарисует другой. А еще скажи Тефту, что мне нужна пара человек, которая сменит здесь Моаша и Дрехи. Они оба провели на вахте слишком много часов. Сегодня ночью я сам буду охранять Далинара – предложу великому князю, чтобы во время бури вся его семья была рядом, так ведь удобнее.

– Если ветра пожелают, гон, – сказал Лопен, доедая последний кусок чучо. Потом он присвистнул, глядя куда-то в сторону покрытого песком двора. – Здорово смотрится, верно?

Каладин проследил за взглядом гердазийца. Адолин, предоставив брата Зайхелю, принялся за тренировочные упражнения с осколочным клинком. Он изящно вертелся и крутился на песке, и меч в его руках так и летал, выписывая в воздухе замысловатые узоры.

Опытный осколочник никогда не выглядел неуклюжим в доспехах, – напротив, он был внушительным, сверкающим. Латы сидели точно по фигуре. Броня Адолина отражала солнечный свет, точно зеркало, при каждом его взмахе мечом, каждой перемене позиции. Каладин знал, что это просто упражнения для разминки и от них больше пыли в глаза, чем пользы. На поле боя никто так себя не вел, хотя отдельные стойки и рубящие удары можно было применять в деле.

Хоть Каладин об этом и знал, ему с трудом удалось стряхнуть благоговение. Сражаясь, осколочники в доспехах выглядели не людьми, а скорее Вестниками.

Он заметил Сил: она сидела на краю карниза неподалеку от Адолина и наблюдала за юношей. С такого расстояния Каладин не мог разглядеть выражение ее лица.

Адолин закончил разминку, упав на одно колено и вонзив осколочный клинок в землю до середины лезвия. Когда он отпустил рукоять, меч исчез.

– Я уже видел, как он призывает этот клинок, – проговорил Каладин.

– Ага, ганчо, на поле боя, когда мы спасли его жалкую задницу от Садеаса.

– Нет, раньше, – сказал Каладин, вспоминая происшествие со шлюхой в лагере Садеаса. – Он спас кое-кого от издевательств.

– Хм. Тогда он не такой уж плохой, верно?

– Возможно. Ладно, ступай. Позаботься о том, чтобы сюда прислали кого-нибудь на замену.

Лопен отсалютовал ему и забрал Шена, который тыкал пальцем в тренировочные мечи, висевшие вдоль края двора. Вместе они побежали выполнять его поручение.

Каладин обошел посты, проверил Моаша и остальных, а потом приблизился к тому месту, где Ренарин, все еще в доспехе, сидел на земле возле своего нового учителя.

Зайхель, ревнитель с умными глазами, восседал с торжественным видом, который портила его неопрятная борода.

– Тебе надо заново научиться сражаться в этом доспехе. Он меняет то, как человек шагает, держит оружие, движется.

– Я... – Ренарин опустил взгляд. Было так странно видеть человека в очках и в таких внушительных латах. – Мастер, мне не нужно переучиваться сражаться. Я ведь и не учился этому.

Зайхель фыркнул:

– Это хорошо. Значит, мне не придется исправлять чужие ошибки.

– Да, учитель.

– Что ж, тогда начнем потихоньку. Там, в углу, есть лестница. Заберись на крышу тренировочного зала. Потом спрыгни.

Ренарин вскинул голову:

– Спрыгнуть?..

– Сынок, я старый, – сказал Зайхель. – Если буду повторяться, съем не тот цветок.

Каладин нахмурился, а Ренарин, склонив голову набок, вопросительно посмотрел на него. Капитан пожал плечами.

– Съедите... что? – спросил Ренарин.

– Это значит, я рассержусь, – сурово ответил Зайхель. – В вашем языке не найдешь ни одного толкового оборота. Ступай!

Ренарин вскочил, взметнув песок, и умчался прочь.

– Шлем, сынок! – окликнул его Зайхель.

Ренарин остановился, бросился назад и схватил шлем с земли. Он чуть не упал, но, пошатнувшись, развернулся и неуклюже побежал к лестнице. По пути едва не влетел в колонну.

Каладин тихонько фыркнул.

– О-о, стражник, – протянул Зайхель, – думаешь, надев осколочный доспех впервые, справился бы лучше?

– Сомневаюсь, что забыл бы шлем. – Каладин положил копье на плечо и напрягся. – Если Далинар Холин собирается загнать остальных великих князей в строй, думаю, ему понадобятся осколочники получше. Он должен был отдать этот доспех кому-то другому.

– Например, тебе?

– Клянусь бурей, нет, – отрезал Каладин, похоже с излишним возмущением. – Я солдат. Мне осколки без надобности. Мальчишка мне нравится, но я бы не доверил ему людей – не говоря уже о доспехе, который мог бы помочь куда лучшему воину выжить на поле боя. Только и всего.

– Он тебя еще удивит, – пробормотал Зайхель. – Я выдал ему речь в духе: «Я твой учитель, и ты будешь мне повиноваться» – и он на самом деле меня услышал.

– Каждый солдат слышит такое в первый день, – возразил Каладин. – Иногда они слушают. То, что этот мальчишка тебя услышал, еще ни о чем не говорит.

– Узнав, сколько здесь побывало балованных десятилетних раздолбаев, ты понял бы свою ошибку. Я думал, девятнадцатилетний вроде него будет невыносим. И не зови его мальчишкой.

Он, скорее всего, почти твоего возраста, да к тому же сын самого влиятельного человека в этом...

Зайхель умолк, когда шум на крыше возвестил о том, что Ренарин Холин разбежался и прыгнул, оцарапав латными ботинками каменный карниз. Он взмыл футов на десять-двенадцать над внутренним двором – опытные осколочники и не такое умели, – а потом забарахтался, как умирающий небесный угорь, и рухнул на песок.

Зайхель глянул на Каладина, вскинув бровь.

– Что? – спросил капитан.

– Увлечен, послушен, не боится показаться глупым, – перечислил Зайхель. – Я могу научить его сражаться, но эти качества врожденные. Парнишка отлично справится.

– Если никого не задавит при падении, – проворчал Каладин.

Ренарин поднялся на ноги и окинул себя взглядом, словно удивляясь, что ничего не сломал.

– Ступай наверх и повтори! – скомандовал Зайхель. – На этот раз падай головой вниз!

Ренарин кивнул, повернулся и поспешил к лестнице.

– Ты хочешь, чтобы он обрел уверенность в том, что доспех его защищает, – догадался Каладин.

– Используя доспех, надо знать пределы его возможностей, – проговорил Зайхель, снова поворачиваясь к нему. – Кроме того, я просто хочу, чтобы он побольше двигался в доспехе. Так или иначе, парень меня слушается, и это хорошо. Обучать его будет истинным удовольствием. А вот ты – совсем другая история.

Каладин вскинул руку:

– Нет, спасибо.

– Откажешься от предложения учиться у полноправного мастера боевых искусств? – спросил Зайхель. – Хватит пальцев одной руки, чтобы сосчитать темноглазых, которым на моей памяти выпадал такой шанс.

– Похоже, я устал быть новичком, на которого орут сержанты, который вечно устает до полусмерти и марширует час за часом, без конца. Вот честное слово, хватит с меня.

– Это совсем другое. – Зайхель махнул ревнителю, который шел мимо. Тот нес осколочный клинок с металлической накладкой на лезвии – один из мечей короля, предоставленных для тренировки.

Зайхель взял осколочный клинок у служителя и поднял.

Каладин кивком указал на меч:

– Что это за штука на лезвии?

– Никто не знает. – Зайхель взмахнул клинком. – Если приложить ее к краям осколочного клинка, она приспособится к форме лезвия и сделает его тупым и безопасным. Если снять ее с оружия, накладка ломается на удивление легко. Сама по себе в битве бесполезна. Но для учебного боя – лучше не придумаешь.

Каладин хмыкнул. Что-то созданное давным-давно используют ради тренировочных боев? Зайхель глянул на осколочный клинок, а потом вдруг направил его на Каладина.

Хотя меч был тупой – а Каладин точно знал, что этот человек не нападет на него по-настоящему, – он ощутил мгновенный приступ паники. Осколочный клинок. Этот был изящным, ровным, с большой гардой. Плоские части лезвия украшала гравировка в виде десяти основных глифов. Он был шириной в ладонь и добрых шести футов в длину, однако Зайхель держал его одной рукой и сохранял равновесие.

– Нитер, – сказал он.

– Что? – Каладин нахмурился.

– Он возглавлял Кобальтовую гвардию до тебя, – пояснил Зайхель. – Был хорошим человеком, моим другом. Нитер отдал свою жизнь за мужчин из Дома Холин. Теперь ты получил

его проклятую Преисподней работу, и тебе придется из кожи вон лезть, чтобы делать ее хоть вполовину так хорошо, как он.

– Не понимаю, как это связано с тем, что ты тычешь в меня осколочным клинком.

– Любой, кто подойдет убийц к Далинару или его сыновьям, будет обладать могуществом. У них будут осколочники. Вот с чем тебе придется столкнуться лицом к лицу, сын. Тебе понадобится научиться вещам, которых не узнает копейщик на поле боя. Ты когда-нибудь сражался с человеком, вооруженным таким мечом?

– Один или два раза, – ответил Каладин, прислонившись к ближайшей колонне.

– Не ври мне.

– Я не вру. – Он посмотрел Зайхелю прямо в глаза. – Спроси Адолина, из какой передрыги я вытащил его отца пару недель назад.

Зайхель опустил меч. Позади него Ренарин пролетел с крыши лицом вниз и рухнул на землю. Он глухо застонал и перекатился на спину. Из трещины на шлеме вытекал бурсвет, но в остальном парень был невредим.

– Отлично, принц Ренарин, – крикнул Зайхель, не оборачиваясь. – Теперь прыгни еще несколько раз и попробуй приземлиться на ноги.

Тот встал и, бряцая доспехами, удалился.

– Ну хорошо. – Зайхель взмахнул осколочным клинком. – Малый, давай проверим, на что ты способен. Убеди меня оставить тебя в покое.

Вместо ответа Каладин вскинул копьё и принял защитную стойку: одна нога позади, другая впереди. Он держал копьё наоборот, тупым концом вперед. Неподалеку Адолин сражался с другим мастером. Тот был во втором королевском доспехе и с клинком.

Как же это сработает? Если Зайхель заденет копьё Каладина, они притворятся, что лезвие прошло насквозь?

Ревнитель ринулся на него, вскинув меч, который держал двумя руками. Каладина окутало знакомое спокойствие и сосредоточенность битвы. Он не втягивал бурсвет. Нужно было научиться не полагаться на него слишком сильно.

«Следи за его осколочным клинком», – подумал Каладин, шагнув вперед, пытаясь приблизиться на расстояние удара. В сражении с осколочником все было так или иначе связано с клинком. Клинком, который не знал преград, клинком, который не просто убивал, но рассекал саму душу. Клинком...

...который Зайхель бросил.

Меч ударился о землю в тот же миг, когда ревнитель оказался рядом с Каладином. Тот был слишком сосредоточен на оружии, и, хотя попытался вскинуть копьё для удара, Зайхель увернулся и саданул ему кулаком в живот. От следующего удара – в лицо – Каладин полетел на песок тренировочной площадки.

Он тотчас же перекатился и вскочил, не обращая внимания на спренов боли, что закопошились в песке. Перед глазами все плыло. Юноша ухмыльнулся.

– А ты шустрый...

Зайхель подобрал клинок и вновь устремился к Каладину. Юноша поспешно попятился по песку, держа копьё перед собой и уходя от клинка. Зайхель был мастером своего дела. Он сражался не так, как Адолин; меньше боковых ударов, больше рубящих верхних. Наставник был быстр и яростен. Каладин отступал под его натиском вдоль стены, огораживавшей тренировочную площадку.

«Он не сможет долго поддерживать такой темп, – твердил внутренний голос Каладина. – Не останавливайся».

После почти полного круга по залу Зайхель замедлил наступление и принялся кружить, высматривая брешь в обороне Каладина.

– Будь я в доспехе, тебе бы не поздоровилось, – сказал он. – Я был бы быстрее, не уставал.

- Ты не в доспехе.
- А если кто-то в нем заявится, чтобы убить короля?
- Я прибегну к иной тактике.

Зайхель фыркнул, и тут неподалеку упал Ренарин. Принцу удалось приземлиться на ноги, но он поскользнулся на песке и повалился на бок. Зайхель сказал:

- Что ж, будь это и впрямь попытка убийства, я бы тоже прибег к иной тактике.

Он бросился к Ренарину.

Каладин, выругавшись, рванулся следом.

Зайхель немедленно развернулся, скользнув по песку, и замахнулся на Каладина, держа меч обеими руками. От мощного удара клинка о копьё раздался громкий треск, эхом раскатившийся по всей тренировочной площадке. Не будь на лезвии защиты, оно бы рассекло древко пополам и, возможно, достало грудь капитана.

Наблюдавший ревнитель бросил Каладину половину копья. Они ждали, что его оружие будет «рассечено», и желали воспроизвести настоящую битву как можно точнее. Неподалеку показался встревоженный Моаш, но несколько ревнителей преградили ему путь и все объяснили.

Каладин снова перевел взгляд на Зайхеля.

- В настоящей битве, – бросил ревнитель, – я бы уже добрался до принца.

– В настоящей битве, – ответил Каладин, – я бы проткнул тебя половиной копья, пока ты думал, что разоружил меня.

- Я бы не совершил такой ошибки.

– Тогда придется согласиться, что я бы не совершил другой ошибки и не позволил бы тебе добраться до Ренарина.

Зайхель ухмыльнулся. Его лицо излучало опасность. Он шагнул вперед, и Каладин понял: на этот раз не будет никаких отступлений и ложных выпадов. Если бы сейчас пришлось защищать члена семьи Далинара, никто не сделал бы ему таких поблажек. И потому теперь придется из всех сил попытаться «убить» этого человека.

Ему придется напасть.

Продолжительный ближний бой был на руку Зайхелю, потому что Каладин не мог парировать удары осколочного клинка. Лучшее, на что мог рассчитывать юноша, – это быстрые удары, один из которых должен был как можно скорее попасть в цель. Он яростно рванул вперед, потом упал на колени и проехал по песку, уходя из-под удара Зайхеля. Это позволило ему подобраться ближе, и...

Зайхель пнул Каладина в лицо.

Перед глазами все потемнело, но юноша вонзил свое фальшивое копьё в ногу Зайхеля. Миг спустя осколочный клинок ударил, остановившись там, где плечо Каладина соединялось с шеей.

- Ты труп, сынок, – сообщил наставник.

– У тебя копьё в ноге, – пропыхтел Каладин. – С такой раной ты Ренарина не догонишь. Я победил.

- Но ты мертв, – ворчливо возразил Зайхель.

– Моя работа – не дать тебе убить Ренарина. Благодаря тому, что я только что сделал, он спасся. Не имеет значения, что телохранитель мертв.

- А если убийца был не один? – спросил кто-то позади.

Каладин повернулся и увидел Адолина, который стоял вонзив осколочный клинок в землю перед собой. Юноша по-прежнему был в доспехе, но снял шлем и держал его в одной руке, другой опираясь о крестовину клинка.

– Если их будет двое, мостовичок, – спросил Адолин с самодовольной ухмылкой, – ты сможешь сразиться с двумя осколочниками сразу? Если бы я хотел убить отца или короля, ни за что не послал бы одного.

Каладин встал, повел плечом. Их с Адолином взгляды встретились. Принц был такой снисходительный. Такой самоуверенный. Высокомерный засранец.

– Ну ладно, – сказал Зайхель. – Адолин, я уверен, он все понял. Не надо...

Каладин кинулся на князька. Ему показалось, что тот тихонько рассмеялся, надевая шлем.

Внутри у Каладина все вскипело.

Безымянный осколочник, который убил столько его друзей.

Садеас, по-королевски восседающий в своих алых латах.

Амарам с мечом, запятнанным кровью.

Когда незащищенное лезвие осколочного клинка понеслось к Каладину – Адолин применил один из тех аккуратных и плавных приемов, которые отработывал во время разминки, – мостовик заорал. Резко остановился, вскинул половину копья и позволил клинку пройти прямо перед собой, а после саданул обломком древка по оборотной стороне меча, выбив его из равновесия и испортив Адолину удар с оттягом.

Потом бросился на принца плечом вперед. Это было все равно что удариться о стену. Плечо Каладина запылало от боли, но инерция – вместе с изумлением от удара «дубинкой» – застигла Адолина врасплох. Они оба упали, и осколочник рухнул с грохотом, охнув от неожиданности.

Их падению вторил грохот падения Ренарина. Каладин вскинул полкопья, целясь в забрало Адолина, словно кинжалом. К несчастью, князек отпустил свой клинок, пока они падали, и просунул руку в латной перчатке под Каладина.

Юноша ударил, собрав все силы.

Адолин выпрямил руку.

Удар Каладина не достиг цели, но зато сам он взлетел – взмыл в воздух, брошенный мощной рукой осколочника. Кувыркаясь, пролетел футов восемь и рухнул боком на жесткий песок. Плечо, которым он ударил Адолина, снова полыхнуло от боли. Каладин охнул.

– Придурок! – заорал Зайхель.

Каладин застонал и перекатился. Перед глазами у него все плыло. Где-то далеко ревнитель орал на Адолина:

– Ты мог убить мальчишку!

– Он на меня набросился! – Голос принца звучал глухо из-под шлема.

– Ты его спровоцировал, глупый ребенок! – Голос Зайхеля приблизился.

– Значит, он сам напросился, – огрызнулся Адолин.

Боль. Каладину показалось, что рядом кто-то присел. Зайхель?

– Адолин, ты в осколочном доспехе. – Да, точно, это Зайхель: зрение капитана по-прежнему отказывалось фокусироваться. – Нельзя бросать напарника по тренировке, как связку палок, если на нем нет брони. Отец тебя такому не учил!

Кэл резко вдохнул и вынудил себя открыть глаза. Буресвет из кошелька на поясе наполнил его.

«Не слишком много. Они не должны заметить. Они не должны отнять это у тебя!»

Боль исчезла. В плече что-то соединилось – он не знал, был ли это перелом или простой вывих. Зайхель вскрикнул от изумления, когда Каладин вскочил и снова кинулся на Адолина.

Принц отпрянул, поднял руку, явно призывая клинок. Каладин пинком подбросил упавшие полкопья, взметнув песок, и поймал на лету, приближаясь к противнику.

В тот же миг сила покинула его. Буря внутри угасла без предупреждения, и юноша, охнув от вернувшейся боли в плече, споткнулся.

Адолин поймал его за руку и сжал бронированный кулак. Осколочный клинок возник в другой руке принца, но одновременно с ним второй клинок замер у шеи Каладина.

– Ты труп, – сказал стоявший позади Зайхель, не отводя клинка от кожи Каладина. – Опять.

Каладин рухнул на колени посреди тренировочной площадки и выронил полкопья. Силы покинули его. Что произошло?

– Ступай и помоги брату прыгать, – приказал Зайхель Адолину.

С какой стати он вообще распоряжался принцами?

Молодой Холин ушел, и Зайхель присел на корточки рядом с Каладином.

– Ты не дергаешься, когда на тебя замахиваются осколочным клинком. Ты действительно уже сражался с осколочниками?

– Ага.

– Значит, ты везунчик, – сказал Зайхель и пощупал плечо Каладина. – В тебе есть упорство. В неприличных количествах. Ты в хорошей форме и быстро соображаешь в бою. Но с трудом понимаешь, как следует сражаться с осколочниками.

– Я...

Что тут скажешь? Зайхель прав. Было бы высокомерием это отрицать. Две битвы – три, если считать сегодняшнюю, – не делали его знатоком. Он поморщился, когда учитель нащупал болезненное сухожилие. Вокруг появились новые спрены боли. Он сегодня заставил их как следует потрудиться.

– Тут ты ничего не сломал. – Зайхель удивленно хмыкнул. – А ребра как?

– В порядке, – ответил Каладин, лежа на спине и глядя в небо.

– Что ж, не буду принуждать тебя к учебе, – произнес Зайхель, вставая. – Думаю, принудить тебя мне и не по силам.

Каладин зажмурился. Он чувствовал себя униженным, но с чего вдруг? Ему случалось и раньше проигрывать тренировочные бои. Такое бывало часто.

– Ты очень на него похож, – проворчал Зайхель. – Адолин тоже не хотел, чтобы я его учил. По крайней мере, поначалу.

Каладин открыл глаза:

– Я совсем не такой, как он.

Зайхель хрипло расхохотался в ответ на это и ушел, продолжая посмеиваться, словно услышал лучшую шутку в целом мире. Каладин остался лежать на песке, уставившись в темно-синее небо и прислушиваясь к звукам тренировочных поединков. В конце концов подлетела Сил и опустилась ему на грудь.

– Что случилось? – спросил Каладин. – Буресвет покинул меня. Я почувствовал, как он ушел.

– Кого ты защищал? – спросила Сил.

– Я... я упражнялся. Как и в тот раз, когда мы боролись со Шрамом и Камнем на дне ущелья.

– Ты действительно именно это делал? – многозначительно спросила Сил.

Он не знал. Юноша лежал, глядя в небо, пока не отдышался, затем, пусть со стоном, заставил себя подняться. Отряхнулся, отправился проверить Моаша и остальных стражников. На ходу втянул немного буресвета, и тот подействовал, медленно исцеляя его плечо и смягчая боль от синяков и шишек.

По крайней мере, телесных.

19

Безопасные вещи

Пять с половиной лет назад

Шелк нового платья Шаллан был мягче всего, что она носила раньше. Он касался ее кожи, словно ласкающий бриз. Левый длинный манжет застегивался; она была уже достаточно взрослой, чтобы прикрывать защищенную руку. Когда-то девочка мечтала о том, как будет носить дамское платье. Они с матерью...

С матерью...

В голове у Шаллан сделалось пусто. Девушка перестала думать, как перестает гореть свеча, которую задули. Она откинулась на спинку кресла, подобрала под себя ноги, держа руки на коленях. В унылой столовой с каменными стенами кипела бурная деятельность: особняк Давар готовили к приему гостей. Шаллан не знала, каких именно. Ей было известно лишь то, что отец желал видеть столовую безупречной.

В этом от нее не было никакого толка.

Мимо поспешно скользнули две горничные.

– Она видела, – прошептала одна, обращаясь к другой – новенькой. – Бедняжка была в комнате, когда это случилось. За пять месяцев не произнесла ни единого слова. Хозяин убил свою жену и ее любовника, но не вздумай...

Они продолжали разговаривать, но Шаллан не слушала.

Девочка держала руки на коленях. Ярко-синий цвет ее платья был единственным настоящим цветом в комнате. Она сидела на возвышении рядом со столом для почетных гостей. С полдюжины горничных в коричневом, с перчатками на защищенных руках драили пол и полировали мебель. Паршуны затащили еще несколько столов. Горничная распахнула окна, впустив свежий воздух, влажный после недавней Великой бури.

Шаллан опять услышала, как прозвучало ее имя. Слуги, похоже, считали, что раз она не говорит, то и не слышит. Время от времени девушка спрашивала себя, не стала ли она невидимой. Может быть, она ненастоящая? Вот было бы здорово...

Дверь в зал распахнулась, и вошел Нан Хеларан. Высокий, мускулистый, с волевой челюстью. Ее старший брат был мужчиной. Остальные... остальные были детьми. Даже Тет Балат, который достиг возраста совершеннолетия. Хеларан окинул комнату взглядом – возможно, искал отца, – а потом подошел к Шаллан. Под мышкой у него был маленький сверток. Горничные с готовностью расступались перед ним.

– Шаллан, привет! – Хеларан устроился перед ее креслом. – Надзираешь за работой?

Она была там, где была. Ее отцу не нравилось, когда дочь оказывалась там, где никто не мог за ней следить. Он тревожился.

– Я тебе кое-что принес, – сообщил Хеларан, разворачивая сверток. – Заказал для тебя в Северной Хватке, и торговец буквально только что доставил. – Он вытащил кожаную сумку.

Шаллан, поколебавшись, взяла ее. На лице Хеларана сияла улыбка до ушей. Трудно хмуриться в той же комнате, где он улыбался. Когда брат был рядом, она почти могла притвориться... притвориться, что...

Ее разум опустел.

– Шаллан? – позвал Хеларан, подбадривая.

Она расстегнула сумку. Внутри была пачка бумаги для рисования – толстой, дорогой – и набор угольных карандашей. Шаллан прижала укрытую тканью защищенную руку к губам.

– Я скучал по твоим рисункам, – проговорил Хеларан. – По-моему, у тебя очень хорошо получалось. Ты должна больше практиковаться.

Она провела пальцами правой руки по бумаге, потом выбрала карандаш. Начала рисовать. Столько времени прошло...

– Шаллан, мне нужно, чтобы ты вернулась, – мягко произнес Хеларан.

Она сгорбилась над рисунком, карандаш шуршал по бумаге.

– Шаллан?

Никаких слов. Только рисунок.

– Следующие пару лет я буду часто и надолго уезжать, – продолжал Хеларан. – Я хочу, чтобы ты присматривала за остальными вместо меня. Переживаю за Балата. Я подарил ему нового щенка рубигончей, а он... не был добрым с малышом. Ты должна быть сильной. Ради них.

Горничные с появлением Хеларана притихли. За ближайшим окном лениво шевелились извилистые лозы. Карандаш Шаллан продолжал двигаться. Казалось, не она рисует, а изображение само проявляется на странице – и бумага сочится углем, точно кровью.

Хеларан со вздохом поднялся. А потом увидел, что она рисует. Тела, лежащие лицом вниз на полу с...

Он схватил лист и скомкал. Шаллан, вздрогнув, отпрянула и стиснула карандаш в пальцах дрожащей руки.

– Шаллан, рисуй растения и животных, безопасные вещи. Не пытайся вернуться в прошлое.

По ее щекам потекли слезы.

– Мы пока еще не можем отомстить, – негромко проговорил Хеларан. – Балат не может возглавить дом, а я должен уйти. Скоро все изменится.

Дверь распахнулась. Отец был крупным человеком и наперекор моде носил бороду. Его веденский наряд также не соответствовал современным фасонам: светлорд Давар носил похожую на юбку шелковую улату и тугую рубашку, поверх которой надевал мантию. Без меха норки, какой могли бы носить его деды, но в целом – очень, очень традиционно.

Он возвышался над Хелараном – отец был выше всех в поместье. За ним вошли паршуны, неся свертки с едой для кухонь. У всех троих была кожа с мраморными разводами: у двоих красное на черном, у одного красное на белом. Отец любил паршунов. Они не огрызались.

– Хеларан, мне сообщили, что ты велел конюхам приготовить одну из моих карет! – взревел отец. – Я не допущу, чтобы ты опять где-то шлялся!

– В мире есть и более важные вещи, – ответил Хеларан. – Даже более важные, чем ты и твои преступления.

– Не смей так со мной говорить, – прорычал светлорд Давар, шагая вперед и тыкая в Хеларана пальцем. – Я твой отец.

Слуги поспешно бросились в угол, стараясь не попадаться у него на пути. Шаллан прижала сумку к груди и вжалась в кресло.

– Ты убийца, – спокойно сказал Хеларан.

Отец замер на месте, и под бородой его щеки побагровели. Потом он снова двинулся вперед.

– Да как ты смеешь! Думаешь, я не могу отправить тебя в тюрьму? Решил, что раз ты мой наследник, то я...

Что-то возникло в руке Хеларана – полоса тумана, которая сгустилась в серебристую сталь. Клинок футов шести длиной, изогнутый и широкий, с обухом в виде языков пламени или, быть может, волн на воде. Эфес украшал самосвет. Когда свет отражался от металла, выступы на гарде как будто двигались.

Хеларан был осколочником. Буреотец! Как? С каких пор?

Отец умолк и резко остановился. Хеларан спрыгнул с невысокого помоста и направил осколочный клинок на отца. Острие коснулось груди светлорда Давара.

Тот поднял руки, обратив ладони к сыну.

– Ты мерзкая напасть, что обрушилась на этот дом! – почти прорычал Хеларан. – Мне следовало бы проткнуть тебя. Такой поступок был бы благодеянием.

– Хеларан... – Отец утратил весь свой пыл, а его лицо сделалось совершенно белым. – Тебе только кажется, что ты все знаешь. Твоя мать...

– Я не стану слушать твое вранье! – выкрикнул Хеларан и повернул запястье так, что меч в его руке крутанулся, но лезвие по-прежнему упиралось в грудь отца. – Так легко.

– Нет, – прошептала Шаллан.

Хеларан склонил голову набок, потом повернулся. Меч не дрогнул.

– Нет, – сказала Шаллан. – Пожалуйста.

– И вот теперь ты заговорила? – изумился Хеларан. – Чтобы защитить его?! – Смех брата был похож на неистовый лай. Он резким движением убрал меч от груди отца.

Тот, по-прежнему бледный, опустился на один из стульев.

– Как? Это же осколочный клинок... Откуда? – Светлорд Давар вдруг поднял глаза. – Но нет. Это другое. Твои новые друзья? Они доверили тебе такое богатство?

– Нам предстоит важное дело, – отрезал Хеларан. Он повернулся и сосредоточился на Шаллан, положил руку ей на плечо ласковым жестом и продолжил чуть тише: – Сестра, когда-нибудь я тебе все расскажу. Хорошо, что я услышал твой голос, прежде чем уехать.

– Не уезжай, – попросила она.

Слова казались ватой, набившейся в рот. Прошло много месяцев с тех пор, как она в последний раз говорила.

– Я должен. Пожалуйста, нарисуй для меня что-нибудь. Невероятные вещи. Счастливые дни. Ты сможешь?

Она кивнула.

– Прощай, отец, – бросил Хеларан и, повернувшись, решительным шагом направился прочь из комнаты. – Постарайся не испортить слишком многое, пока я буду отсутствовать. Я ведь время от времени стану возвращаться, чтобы проверить, как идут дела.

Он ушел, а его слова все еще звучали эхом в коридоре.

Светлорд Давар вскочил и взревел. Несколько горничных, что еще оставались в столовой, выбежали через боковую дверь в сад. Шаллан сильнее съежилась в кресле, придя в ужас при виде того, как ее отец схватил стул и ударил им о стену. Он пинком опрокинул маленький обеденный стол, потом принялся ломать стулья один за другим об пол, повторяющимися, жестокими ударами.

И повернулся к ней, тяжело дыша.

Шаллан всхлипнула от его гнева, от того, что в его глазах не было ничего человеческого. Когда они сосредоточились на ней, жизнь в них вернулась. Отец уронил сломанный стул и, повернувшись к ней спиной, словно от стыда, сбежал из комнаты.

20

Холодная ясность

*Форма искусства нужна для красот многоцветных
И песен, которых мы страстно желаем.
Искусник призывает рой спренов приметных,
Судьбу творят они, но как – не знаем.*

Из «Песни перебора» слушателей, строфа 90

Когда Шаллан и ее маленький караван приблизились к источнику дыма, солнце превратилось в тлеющий уголек на горизонте, готовый кануть в небытие. Хотя дым таял, веденка смогла разглядеть, что источником его были три разные кучи, а поднимаясь в воздух, он свивался в один столб.

Она встала в покачивающемся фургоне, который забрался на последний холм и остановился, не доехав до вершины, в нескольких футах от того места, откуда можно было бы разглядеть, что происходит. Ну конечно – если внизу поджидали бандиты, преодолевать эту горку попросту глупо.

Блат спустился и побежал вперед. Он не отличался особым проворством, но лучшего разведчика у них не было. Блат снял свою изысканную шляпу и на полусогнутых ногах добрался до вершины холма, чтобы заглянуть на другую сторону. Миг спустя выпрямился, не пытаясь больше прятаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.